

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№9 2023 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

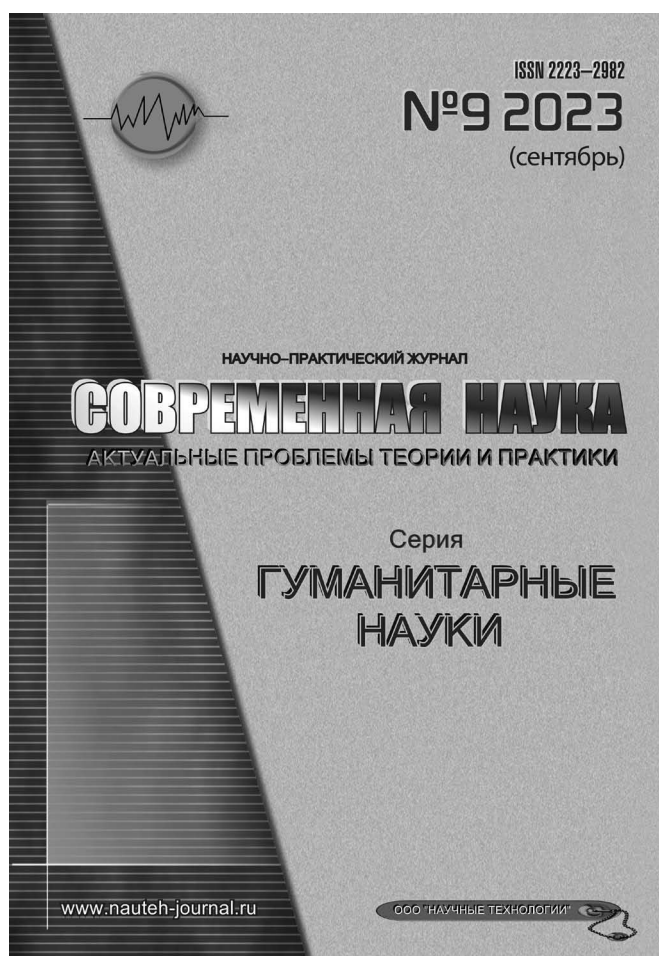
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: *Гуманитарные науки №9 (сентябрь) 2023 г.*

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 14.09.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Анисимов Д.С. – Органы Советской контрразведки в начале Великой Отечественной войны. Особенности прифронтовой деятельности
Anisimov D. – The organs of soviet counterintelligence at the beginning of the great patriotic war. features of frontline activity 7

Анисимов Д.С. – Мероприятия СМЕРШ по делу карательного отряда «Украинская компания» летом 1943 г.
Anisimov D. – SMERSH events in the case of the punitive detachment "Ukrainian company" in the summer of 1943 10

Беляева Д.А. – Социально-политическая атмосфера в Римской Республике I в. до н.э. по материалу речи Цицерона в защиту Публия Квинкция
Belyaeva D. – Socio-political atmosphere in the Roman Republic I century b.c. on the material of Cicero's speech Pro Quinctio. 13

Каримов Т.Т. – Земельный вопрос в Булярской поземельной волости (по документам 1842-1854 гг.)
Karimov T. – The land question in the Bulyar land volost (according to the documents of 1842-1854) 19

Каримов Т.Т. – К истории деревни Уразметево Булярской поземельной волости
Karimov T. – To the history of the village of Urazmetevo of the Bulyar land volost 24

Ли Хунцзюань – Социальная и культурная жизнь русской военной эмиграции на северо-востоке Китая в первой половине XX века
Li Hongjuan – Social and cultural life of Russian military emigration in northeast China in the first half of the twentieth century 29

Савосина Ю.В., Писчихова Н.П. – Торгово-экономическое сотрудничество Великобритании и Советской республики в рамках деятельности «Аркаос»
Savosina Yu., Pischikova N. – Trade and economic cooperation between Great Britain and the Soviet republic within the framework of Arkos activities 33

Ярцев С.В. – Некоторые обстоятельства появления варваров Фарзоя и Инисмея в Северном Причерноморье в контексте этнической ситуации в Восточном Крыму в первой половине I в. н.э.
Yartsev S. – Some circumstances for the appearance of the Barbaras Pharzoius and Inismey in the Northern Black Sea region in the context of the ethnic situation in Eastern Crimea in the first half of the 1st century ad 37

Педагогика

Беленкова Ю.С. – Роль самостоятельной работы студентов при обучении иностранным языкам с применением информационных технологий
Belenkova Yu. – The role of students' independent work in teaching foreign languages using information technology 50

Васина К.И., Киселева И.В., Попов А.С., Рябчук А.П. – Применение элементов игры волейбол для занятий со студентами, отнесенными к специальной медицинской группе
Vasina K., Kiseleva I., Popov A., Riabchuk A. – Application of elements of the game volleyball for classes with students assigned to a special medical group 54

Егоров А.Б., Аржаных В.И., Попов А.С., Харламов В.И. – Особенности проведения учебно-тренировочных занятий по футболу со студентами-иностранцами
Egorov A., Arzhanykh V., Popov A., Kharlamov V. – Features of conducting football training sessions with foreign students 58

Колбасин В.Н. – Применение аксиологического подхода в анализе категории карьерно-ценностные ориентации специалиста социальной сферы <i>Kolbasin V.</i> – Application of the axiological approach in the analysis of the category of career-value orientations of a social sphere specialist 61	Шамсутдинова Р.Р. – Педагогический потенциал интерактивного обучения в формировании рефлексивной компетентности будущих педагогов <i>Shamsutdinova R.</i> – Pedagogical potential of interactive learning in the formation of pedagogical reflection 88
Лысиченкова С.А. – Некоторые аспекты формирования метапредметных образовательных результатов школьников в конкурсной деятельности <i>Lyssichenkova S.</i> – Some aspects of formation of students' meta-subject educational results in the competitive activity 66	Юзбекова М.К., Суворова А.А. – Особенности наставничества в инклюзивной среде: его содержание и виды <i>Yuzbekova M., Suvorova A.</i> – Features of mentoring in an inclusive environment: its content and types 93
Могилевская Т.Е., Сапаров Б.М., Гареев Д.Р., Мишин А.С. – Анализ применения средств физической и профессионально-прикладной подготовки в образовательных организациях высшего образования МЧС России <i>Mogilevskaya T., Saparov B., Gareev D., Mishin A.</i> – Analysis of the use of means of physical and professional training in universities of EMERCOM of Russia 71	Филология
Павлова О.И. – Теоретические основы профессиональной ориентации учащихся общеобразовательной школы Франции <i>Pavlova O.</i> – Theoretical foundations of vocational guidance of students of a general education school in France 74	Ананьева Ю.С., Скрябина Е.Ю. – Динамика репрезентации концепта «здоровье» в детской художественной литературе <i>Ananyeva Yu., Skryabina E.</i> – Dynamics of representation of the concept "health" in children's art literature 97
Харченко Н.Л., Есипов Р.А., Багдасарова И.Ю., Морозов Е.А., Комовская Е.В. – Основные аспекты инклюзивного образовательного процесса в условиях цифровой трансформации <i>Kharchenko N., Esipov R., Bagdasarova I., Morozov E., Komovskaya E.</i> – Main aspects of the inclusive educational process in the conditions of digital transformation 79	Банькова Н.В. – Дихотомия «искусство» и «ремесло» / "art" и "craft" в русской и английской фразеологических картинах мира <i>Bankova N.</i> – Dichotomy «iskusstvo» and «remeslo» / "art" and "craft" in the Russian and the English phraseological worldviews 101
Цзянь Миньюй – Формирование межкультурной компетенции у студентов, изучающих русский язык как иностранный <i>Jiang Mingyu</i> – Formation of intercultural competence among students studying Russian as a foreign language 85	Бузинова Л.М., Крутых Н.Г., Киреева И.А. – Функциональные особенности перевода лингводидактического текста: на материале английского и русского языков <i>Buzinova L., Krutykh N., Kireeva I.</i> – Functional features of the translation of a linguodidactic text: based on the material of English and Russian languages ... 105
	Веселова М.В. – Восприятие носителями русского языка фонетически мотивированных единиц английского литературного дискурса: экспериментальные данные <i>Veselova M.</i> – Perception of Russian speakers of phonetically motivated units of English literary discourse: experimental data 109

- Гайсина Ф.Ф.** – Некоторые сведения о фольклоре башкир Салаватского района Республики Башкортостан
Gaisina Ph. – Some information about the Bashkir folklore, Salavatsky district, the Republic of Bashkortostan 116
- Ганиева Н.Р.** – Языковая репрезентация ценностей «прогресс/пешрафт» в русском и таджикском языках
Ganieva N. – Linguistic representation of the value of «progress/peshraft» in Russian and Tajik 121
- Данчинова М.Д.** – Отношение к смерти в устном рассказе бурят (на примере шаманских сновидений)
Danchinova M. – Attitude to death in the oral story of the Buryats (on the example of shamanic dreams) 125
- Денисова О.И.** – Семантическое содержание категории модальности
Denisova O. – Semantic content of the modality category 129
- Зибукеева З.С.** – Общее и типическое в структуре и семантике приставочных глаголов в разноструктурных языках (на примере русских глаголов с префиксом по- и их «аналогов» в чеченском языке)
Zibukayeva Z. – Common and typical in the structure and the semantics of the prefixal verbs in structurally different languages (for example Russian verbs with the prefix po- and their "counterparts" in the Chechen language) 132
- Лежнина А.С., Филатова А.Г.** – Стратегия позиционирования в политическом дискурсе (на материале современных немецких политических плакатов)
Lezhnina A., Filatova A. – Positioning strategy in political discourse (based on modern German political posters) 137
- Ли Юнь** – К вопросу об особенностях литературных направлений в современной русской прозе
Li Yun – To the question of the peculiarities of literary trends in modern Russian prose 141
- Литвяк О.В., Джапарова Э.К.** – Маска и двойник как концептуальные репрезентанты двойничества в немецкоязычном художественном дискурсе
Litvyak O., Dzharparova E. – Mask and doppelganger as conceptual representatives of duality in German-language artistic discourse 145
- Муллинова О.А., Муллинова Т.А., Оковитая Ю.Ф.** – Использование прецедентных единиц в заголовках современных публицистических текстов (на материале «Российской газеты»)
Mullinova O., Mullinova T., Okovitaya Yu. – The use of precedent units in the headlines of modern publicistic texts (based on the material of "Rossiyskaya Gazeta") 150
- Рой-Игнатенко А.В.** – Лингвистические заимствования в архитектурной терминологии испанского языка
Roy-Ignatenko A. – Linguistic borrowings in the architectural terminology of the Spanish language 155
- Седашова А.А., Майорова А.С.** – Семантические трансформации фразеологизмов в речевом дискурсе современного английского языка
Sedashova A., Mayorova A. – Semantic transformations of phraseological units in the speech discourse of the modern English language 159
- Стародубова О.Ю., Чубарова О.Э.** – Инкрустация концептов и категория гетеротопии как механизмы трансляции этнокультурного кода (на материале современной прозы)
Starodubova O., Chubarova O. – Concept inlaying and the category of heterotopia as mechanisms of translation of the ethnocultural code (by the material of modern prose) 163
- Су Ливэй** – Исследование воспоминаний о войне в лириках Евтушенко
Su Liwei – A study of memories of war in Yevtushenko's lyrics 170
- УЦзяци** – Особенности перевода китайской литературы на русский язык
Wu Jiaqi – Features of the translation of Chinese literature into Russian 176

Цховребова Б.Ф., Экономова А.Д. – Деловое общение: прагмалингвистический аспект
Tskhovrebova B., Ekonomova A. – Business communication: pragmalinguistic aspect180

Чжан Цзычжэнь – Концепт столица в репрезентации национальных корпусов русского языка (корпусы фразеологизмов, паремий и крылатых слов)
Zhang Zizhen – The concept capital in the representation of national corpora of the Russian language (corpuses of phraseological units, proverbs and winged words)184

Шеховская Ю.А. – Военный перевод и его особенности в английском языке
Shekhovskaya Yu. – Military translation and its features in English188

Информация

Наши авторы. Our Authors191

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале193

ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОСОБЕННОСТИ ПРИФРОНТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анисимов Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Российская Академия Народного Хозяйства и
Государственной Службы при Президенте РФ;
Преподаватель, ГБПОУ МО «Колледж «Подмосковье».
anisimoff.dmit.s@gmail.com

THE ORGANS OF SOVIET COUNTERINTELLIGENCE AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. FEATURES OF FRONTLINE ACTIVITY

D. Anisimov

Summary: The study of the history of Soviet counterintelligence was banned for a long time. Interest in the Great Patriotic War remains in scientific circles to this day. Therefore, it is important to reveal the aspect of the "secret war" – the struggle of the special secret services of the USSR and the Third Reich in order to fully study the history of the war. To begin with, it is necessary to find out the state of the Soviet special services at the initial stage of hostilities. To do this, the office materials were analyzed, starting from June 1941, ending in April 1943. The main direction of counterintelligence work has been revealed: frontline activity, that is, not only countering enemy agents in units of the active army, but also maintaining a high level of morale of units. A comparative analysis of these documents with the regulatory framework of SMERSH has been carried out. The aspect of frontline work was studied not only through the prism of clerical sources, but also sources of personal origin. Comparative studies and historical-comparative analysis are the basis of the methodology of the entire study. The peculiarity of the work is the allocation of the key, in the author's opinion, the direction of the work of military counterintelligence. The description of the main activities of special forces in the frontline zone is given.

Keywords: SMERSH, counterintelligence, operational search activities, counterintelligence activities, aspects of counterintelligence work.

Аннотация: Изучение истории Советской контрразведки долгое время находилось под запретом. Интерес к Великой Отечественной войне на сей день остается в научных кругах. Поэтому важно раскрыть аспект "тайной войны" – борьбы специальных секретных служб СССР и Третьего Рейха, чтобы полностью изучить историю войны. Для начала, необходимо выяснить состояние советских спецслужб на начальном этапе боевых действий. Для этого были проанализированы делопроизводственные материалы, начиная с июня 1941 года, заканчивая апрелем 1943 года. Выявлено главное направление работы контрразведки: прифронтовая деятельность, то есть не только противодействие агентуре противника в частях действующей армии, но и поддержание высокого уровня морального состояния подразделений. Осуществлен сравнительный анализ данных документов с нормативной базой работы СМЕРШ. Аспект прифронтовой работы изучался не только через призму делопроизводственных источников, но и источников личного происхождения. Компаративистика и историко-сравнительный анализ являются основой методологии всего исследования. Особенностью работы является выделение ключевого, по мнению автора, направления работы военной контрразведки. Дано описание основных мероприятий спецподразделений в прифронтовой зоне.

Ключевые слова: СМЕРШ, контрразведка, оперативно-розыскные мероприятия, контрразведывательная деятельность, аспекты работы контрразведки.

В последнее время возрос интерес исследователей к истории отечественных спецслужб. В годы Великой Отечественной войны происходили фундаментальные изменения в работе советской контрразведки, происходила качественная эволюция и смена парадигм и основ работы на данном направлении. Необходимо проанализировать деятельность военной контрразведки СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны. Так как преемственность, как в кадрах, так и в материально-техническом плане, и в плане методов, используемых контрразведчиками для эффективного противодействия агентуре противника, прослеживается четко. При этом, именно данный ретроспективный анализ позволяет выявить отличия в функционировании всей военной контрразведки на протяжении Великой Отечественной войны, а также выявить особенности,

приобретенные СМЕРШ. Те отличия, или можно, выразиться, эволюционное развитие советских органов контрразведки в период с 1943 по 1945 годы.

На момент начала боевых действий на Восточном фронте функции военной контрразведки в Советском Союзе осуществляли Третьи управления Народного Комиссариата Обороны (НКО), Народного Комиссариата Военно-Морского Флота (НКВМФ) и Третий отдел НКВД. Функции военной контрразведки были переданы данным организациям от ГУ ГБ НКВД СССР согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. [1]

Данные структуры опирались на предшествующий опыт органов государственной безопасности СССР и проявили себя на начальном этапе Второй Мировой

войны. Действительно, существование Третьих Управлений, Отдела и отделений было признано жизнеспособным и удовлетворяющим потребности руководства страны в защите своих интересов и тайн, имеющих особую важность.

В условиях боевых действий, развернувшихся на Европейском театре военных действий, руководство СССР, в том числе лично И.В. Сталин продолжало свою борьбу против антисоветских элементов, действующих внутри страны, правда, не так интенсивно, как в 1930-е годы. Стоит сказать, что обеспечение защиты военных тайн Советского Союза являлось основной задачей органов военной контрразведки. При этом, одной из основных проблем деятельности данных организаций в предвоенный период и в первый месяц Великой Отечественной войны состояла в том, что подразделения были подчинены трем народным комиссариатам, что в свою очередь, вызывало вопрос об эффективности взаимодействия, координации и накоплении и передачи опыта борьбы с агентурой иностранных государств. Однако, стоит сказать что руководство СССР понимало, что данная проблема действительно актуальна, и даже предприняла попытки ее решения, что отразилось в тексте Постановления «О третьих отделах» [1]. Предполагалось создание Центрального Совета по борьбе с антисоветскими элементами, который и должен был решить проблему координации и взаимодействия различных структурных подразделений органов, осуществляющих контрразведывательную деятельность. Однако, данный совет не был создан ни в центре, ни на местах. Проблема сохранялась и вскоре, с началом Великой Отечественной войны стала актуальной.

Также стоит сказать, что созданные, согласно Постановлению, Третьи управления НКО и НКВМФ комплектовались кадрами расформированных Особых Отделов Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР [1]. При этом, было дано разрешение сотрудникам привлекать материально-техническое оснащение и возможности, принадлежавшее органам НКВД для решения задач. В этот список попадало наружное наблюдение, установленное ранее сотрудниками НКВД, а также оперативная техника. Это означало, что хотя и функции военной контрразведки были распределены между тремя наркоматами, по существу, что в управлениях НКО и НКВМФ свою работу продолжили офицеры также недавно созданного Народного Комиссариата Государственной Безопасности (НКГБ). Де-факто Наркомат Госбезопасности сохранил контроль над контрразведывательной деятельностью в стране, но при этом, учитывая то, что несмотря на разношерстный кадровый состав Третьих управлений НКО и НКВМФ, управлялись они через данные наркоматы, которые отвечали также и за решение кадрового вопроса, а значит, проблема взаимодействия затрудняла работу и осложняла ее.

Однако, существование Третьих Управлений НКО и НКВМФ и Третьего отдела НКВД было недолгим. Ограниченные возможности советской военной контрразведки в том числе, в рамках взаимодействия и координации, доказали несостоятельность текущего, на тот момент. При этом, признавалось существование проблемы недостаточного взаимного информирования и кооперации, что нашло отражение в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 апреля 1941[2]. Предполагалось решить проблему путем внедрения должности заместителей существующих структурных подразделений Третьих управлений НКО и НКВМФ, подчиняющихся непосредственно руководству НКГБ. По мнению руководства страны, внедрение данной должности должно было решить проблему, но лишь ухудшило существующее положение, при этом создав все предпосылки к полной передаче функций военной контрразведки обратно Наркомату Внутренних дел.

На момент первого месяца боевых действий Великой Отечественной войны, в условиях поражений советских войск в боях лета 1941 года руководством СССР было принято решение возложить функции военной контрразведки на подразделение одного народного комиссариата. Выбор пал на НКВД, так как опыт управления органом контрразведки и непосредственно осуществления контрразведывательной деятельности у данного наркомата был. Учитывая то, что тенденции к передаче вышеуказанных функций уже сложились, в условиях войны, передача прошла довольно быстро и довольно успешно.

На вновь образованные Особые Отделы возлагалась задача вести «решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной Армии» [3], что говорит об активизации сотрудников данных подразделений в качестве военных контрразведчиков. Помимо этого, в том же Постановлении №187сс указывается еще одна обязанность по выслеживанию дезертиров и их обезвреживанию и в прифронтовой полосе.

Стоит сказать о методах работы оперативников ОсО (Особые Отделы) на местах. Сотрудники-особисты использовали для своевременного реагирования на случаи дезертирства активизацию работы оперативных групп, дислоцированных в тылу [4]. При этом, работа данных групп сводилась не только к противодействию дезертирству, но и пресечению высадки немецких парашютистов, перед которыми стояли задачи по дезорганизации частей Красной Армии, а также саботажу в тылу и агентурной работе.

Заброска агентуры в тыл частей Красной Армии была одним из самых популярных методов обеспечения Абвером проникновения своих агентов за линию фронта, а следовательно, сотрудники ОсО и местные органы

НКВД вынуждены были решать задачу по противодействию проникновению агентов противника на подконтрольную территорию. Борьбу со шпионажем в пользу Абвера необходимо выделить в одну из основных задач военной контрразведки и ее сотрудников, действующих в непосредственной близости к линии фронта. При этом, как правило, не всегда удавалось вовремя ликвидировать или арестовывать непосредственно парашютистов и других агентов, проникших в тыл Красной Армии иным путем, а значит, для выявления агентов противника сотрудникам НКВД было необходимо работать с населением и военнослужащими на пересыльных пунктах.

Для этого широко использовались осведомители из числа работников данных пунктов, а также и из числа местных жителей [4]. Созданная таким образом сеть осведомителей позволяла вовремя реагировать не только на проникновение агентов, но и на их деятельность, в случае упущения момента проникновения. Как правило, местные жители выявляли «чужих людей», которые вели себя подозрительно или же подозрительно выглядели. Сотрудники, как и ОсО, так и местных органов НКВД получали уведомления об этом и могли проводить агентурно-оперативные мероприятия по задержанию предполагаемых агентов.

Важно отметить, что основной задачей органов контрразведки являлось именно не реагирования на уже свершившиеся факты деятельности шпионов, диверсантов, дезертиров и иных предателей, а именно предупреждение совершения фактов шпионажа и дезертирства [4]. Однако, в рамках мероприятий по предупреждению вредительской деятельности агентуры противника необходимо было проводить тщательные проверки и в воинских частях. Для этого сотрудники Особых Отделов наделялись специальными полномочиями для «наведения образцового порядка» [4] в частях, штабах и в тылу. Как правило, установленная форма проверки работы фронтовых и тыловых частей и штабов позволяла своевременно выявлять не только проникших туда агентов противника, но и наличие упаднического настроения среди солдат и командиров Красной Армии.

Таким образом, деятельность советских контрразведывательных служб на начальном этапе Великой Отечественной войны была направлена на поддержание боеспособности частей действующей армии в непосредственной близости к линии боевого соприкосновения. Работа на данном направлении повышала устойчивость частей перед активной деятельностью немецких разведывательных служб, направленной на разложение и дезорганизацию Красной Армии в тяжелое лето 1941 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. // ЦА ФСБ России.
2. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о Третьих управлениях НКО и НКВМФ. 19 апреля 1941 г. // ЦА ФСБ России.
3. ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-187сс от 17 июля 1941. // ЦА ФСБ России.
4. Директива Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта № 0367 о задачах особых органов в условиях военного времени. 22 июля 1941 г. // ЦА ФСБ России.
5. Директива НКВД СССР № 597 об усилении мероприятий по предотвращению измены Родине в частях Красной Армии. 30 августа 1941 г. // ЦА ФСБ России.
6. Иванов Л.Г. Правда о «Смерш». — М.: ЭКСМО, 2009
7. Из директивы НКВД СССР № 292/к о борьбе с агентурой германской разведки. 19 ноября 1941 г. // ЦА ФСБ России
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1 Кн.1 — Т.6. // ЦА ФСБ России.
9. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. — М.: Кучково поле, 2013.
10. Stephan Robert W. Stalin's Secret War: Soviet Counterintelligence Against the Nazis, 1941-1945. University Press of Kansas, 2003.

© Анисимов Дмитрий Сепреевич (anisimoff.dmit.s@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕРОПРИЯТИЯ СМЕРШ ПО ДЕЛУ КАРАТЕЛЬНОГО ОТРЯДА «УКРАИНСКАЯ КОМПАНИЯ» ЛЕТОМ 1943 Г.

Анисимов Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Российская Академия Народного Хозяйства и
Государственной Службы при Президенте РФ;
Преподаватель, ГБПОУ МО «Колледж «Подмосковье»
anisimoff.dmit.s@gmail.com

SMERSH EVENTS IN THE CASE OF THE PUNITIVE DETACHMENT "UKRAINIAN COMPANY" IN THE SUMMER OF 1943

D. Anisimov

Summary: In the study of the history of Soviet special services during the Great Patriotic War, one of the directions is to study the role of SMERSH (Death to Spies) in operational search and investigative activities carried out in the territories liberated by the Red Army. They were primarily aimed at identifying traitors, deserters who defected to the enemy and committed war crimes against the civilian population. To identify the role of SMERSH operatives in the investigation of such crimes, office materials related to the actions of one of the collaborationist detachments operating on the territory of the Orel region in 1942 – 1943 under the name "Ukrainian Company" were analyzed. The paper presents an analysis of the interrogation protocols of the arrested members of the punitive squad, as well as the testimony of witnesses and the prompt response to the data received from SMERSH employees. The chain of operational investigative measures that led to a fairly rapid completion of the investigation and sentencing of criminals is analyzed.

Keywords: SMERSH, counterintelligence, operational search activities, counterintelligence activities, aspects of counterintelligence work.

Аннотация: В исследовании истории советских специальных служб в годы Великой Отечественной войны одним из направлений является изучение роли СМЕРШ (Смерть Шпионам) в оперативно-розыскных и следственных мероприятиях, проводимых на освобожденных Красной Армией территориях. Направлены они были, в первую очередь, на выявление предателей, дезертиров, перешедших на сторону противника и совершавших военные преступления по отношению к гражданскому населению. Для выявления роли оперативников СМЕРШ в расследовании подобных преступлений были проанализированы делопроизводственные материалы, связанные с акциями одного из коллаборационистских отрядов, действовавших на территории Орловской области в 1942 – 1943 гг. под названием «Украинская компания». В работе представлен анализ протоколов допросов арестованных членов карательного отряда, а также показаний свидетелей и оперативную реакцию на полученные данные со стороны сотрудников СМЕРШ. Проанализирована цепочка оперативно-розыскных мероприятий, приведших к достаточно быстрому завершению следствия и вынесения приговора преступникам.

Ключевые слова: СМЕРШ, контрразведка, оперативно-розыскные мероприятия, контрразведывательная деятельность, аспекты работы контрразведки.

Решением Международного Военного Трибунала, проходившего в Нюрнберге в 1945-1946 гг. стало объявление преступным ряда организаций, действовавших как на территории самого Третьего Рейха, так и на оккупированных областях Европы. Однако, в связи с переносом боевых действий Второй Мировой войны на территорию СССР, немецкое командование столкнулось с проблемой ведения тотальной войны и поддержания порядка на оккупированных территориях, население которых, не то, что не было лояльным оккупационным властям, а совсем даже наоборот, активно вело партизанскую войну или же сочувствовала организациям сопротивления оккупантам и всячески им помогала. Таким образом, характер боевых действий на Восточном фронте действительно перерос в масштабы Великой Отечественной войны уже с появлением первых партизанских отрядов на подконтрольной немецким войскам и их союзникам территориях уже летом 1941 года.

Партизанское движение, которое активно развивалось как в количественном, так и в качественном отношении, уже к 16 июня 1942 года получило централизо-

ванное управление [1]. Предполагалось перенаправить партизанские акции так, чтобы их эффект напрямую влиял на успешный характер боевых действий.

Ответом немецкого командования стал изданный 27 апреля 1943 года приказ о противопартизанской войне [2], в котором руководство Германии в лице Гитлера прямо предписывало «в ходе борьбы с бандитизмом беспощадно карать его пособников», что подразумевало под собой проведение на оккупированных территориях, где фиксировалось нахождение партизанских отрядов, крупных карательных акций, направленных как на зачистку региона от партизан, так и на борьбу с сочувствующими партизанам местными жителями. Приказ Гитлера стоит приурочить к подготовке немецким верховным командованием крупномасштабного наступления своих войск на центральном участке советско-германского фронта летом 1943 года, известным как операция «Цитадель».

Таким образом, желание немецкой администрации очистить оккупированные районы от партизанского

движения сохранялось на протяжении всей войны на территориях СССР.

Одной из задач в работе органов советской контрразведки стала поимка участников карательных акций, направленных против партизан. Здесь стоит отметить, что в контексте всей контрразведывательной деятельности, работа по выявлению и расследованию деятельности антисоветских организаций была одним из важных направлений в работе сотрудников Управлений Контрразведки «СМЕРШ», обозначенная как борьба с предательством и изменой Родине [3]. В этом отношении, к измене Родине относится и деятельность коллаборационистских формирований, действовавших на оккупированных территориях. Одной из подобных структур стал сформированный в мае 1942 года карательный отряд «Украинская компания» [4].

Работа оперативников СМЕРШ интересна в контексте эволюции отечественных органов государственной безопасности, а конкретные агентурно-оперативные и оперативно-розыскные мероприятия, проводимые оперативниками контрразведки позволяют определить в той или иной степени эффективность работы по выявлению антисоветских элементов как в прифронтовой полосе, так и на освобожденных территориях.

Дело, так называемой, «Украинской компании» или «Укркомпании» является примером четко отработанной цепочки оперативных мероприятий по установлению участников преступной организации и определению преступлений данной структуры.

Началось все с того, что в отдел контрразведки СМЕРШ 16-й армии Западного фронта 19 июля 1943 года доставили арестованного Александра Семеновича Родина – участника карательного отряда «Украинская компания» [5]. В ходе двухдневного допроса, который продолжался с 19 по 21 июля сотрудниками следственного отдела было установлено, что до июля 1942 года данный гражданин проживал на территории Орловской области, где работал в качестве разнорабочего. В карательный отряд он попал по «приглашению» одного из немецких офицеров-переводчиков, якобы для отбора в полицию, однако в процессе отбора был завербован командиром карательного отряда «Укркомпании» Николаем Гетманом [6], украинцем по национальности. В ходе допроса Родин выдал так же имена своих сослуживцев, что направило следствие на поиск и других лиц, связанных с деятельностью карателей на территории Орловской области. Некоторые из списка, предоставленного Родиным, числились как бывшие военнослужащие Красной Армии, что напрямую попадает в сферу деятельности органов контрразведки СМЕРШ, предусмотренной постановлением о создании органа. Помимо это, результативность допроса отмечается еще и тем, что аресто-

ванный рассказал о штатной структуре отряда и описал примеры карательных акций в конкретных населенных пунктах области (деревне Бобровке (там находился штаб Гестапо – тайной полиции нацистов), деревне Сенки, селе Пешково, где каратели арестовали 12 человек, имущество которых было конфисковано и отправлено в Бобровку, а сами жители деревни Пешково были расстреляны и других местах). Инцидент в Пешково стал первым эпизодом в серии военных преступлений карательной коллаборационистской организации с участием арестованного Родина А.С.

При этом, на самого Родина органы контрразведки вышли после ареста 17 июля 1943 года сотрудниками СМЕРШ карателей Миронычев Михаил Ильич и Мисяков Иван Степанович. Следствием было установлено, что данные лица являлись бывшими военнослужащими Красной Армии, добровольно сдавшимися в плен в 1941 году [4], что подразумевает собой инкриминирование им статьи «Измена Родине». В ходе следственных мероприятий, в том числе, многочасового допроса, арестованные так же, как и Родин раскрыли структуру организации, назвали ее командиров, задачи, привели примеры карательных акций в деревнях и селах Орловской области и указали список участников, которых они лично знали. Примечательно, что в протоколе допроса Родина А.С., что в сообщении отдела контрразведки СМЕРШ глава карательного отряда указан только под именем Николай и фамилией Гетман 30 лет, бывший командир Красной Армии по национальности украинец. Более никаких установочных данных на данного фигуранта дела «Укркомпании» предоставлено не было.

Отдельного внимания заслуживает то, что для установления всей полноты картины в деле были использованы показания свидетелей преступлений карателей. Этими свидетелями являлись выжившие жители сел и деревень Орловской области, непосредственно наблюдавшие за тем, как служащие отряда арестовывают по их мнению подозреваемых в сотрудничестве с партизанами, конфискуют их имущество и отправляют на расстрел женщин, детей и стариков. Свидетель Фролов Трофим Семенович в ходе следствия показал [7], что каратели расстреливали просто так, для устрашения населения. Это делалось так же для того, чтобы склонить местное население к сотрудничеству.

Учитывая данные, полученные в ходе допроса арестованных членов карательного отряда «Украинская компания», а также показания очевидцев преступлений, совершенных служащими данной организации, арестованные были приговорены к высшей мере наказания через повешение [4].

Все следственные мероприятия были завершены в кратчайшие сроки: с ареста первых подозреваемых до

вынесения им смертного приговора прошло 4 дня. Мисяков и Миронычев были казнены 21 июля 1943 года. Судьба Родина аналогична, все документы, касающиеся его участия в преступлениях карателей на территории Орловской области, были переданы в распоряжение управления контрразведки СМЕРШ 23 июля.

Показательно, что район проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками отдела контрразведки 16-й армии довольно обширен. При этом, свидетелей могло быть гораздо больше, но в данном деле показания всех очевидцев сходятся настолько, что оперативники СМЕРШ получили достаточно весомые доказательства вины арестованных. Примечательно, что руководители организации были арестованы так же, но гораздо позже – в 1963 году и приговорены к высшей

мере наказания [8].

На примере дела «Украинской компании» можно проследить весьма четко выстроенную систему проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению предателей и изменников Родины, а также весьма быстрому сбору доказательств их вины. Сотрудники ответственных органов контрразведки выработали рабочую схему и отладили ее до совершенства, ведь несмотря на то, что после реорганизации в апреле 1943 года функции контрразведки были переданы Народному Комиссариату Обороны, в ряды СМЕРШ были включены опытные оперативники ранее существовавших Особых Отделов НКВД, что говорит в том числе о преемственности поколений в истории отечественных органов государственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Наркомата обороны СССР о формировании Центрального и региональных штабов партизанского движения. 16 июня 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 416–417.
2. Из приказа ставки Гитлера о противопартизанской войне. 27 апреля 1943 г. // Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 446–447
3. Из постановления СНК СССР № 415–138сс о реорганизации Управления особых отделов НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО «Смерш». 19 апреля 1943 г. // ЦА ФСБ России.
4. Спецсообщение отдела контрразведки «СМЕРШ» 16-й армии начальнику Управления контрразведки «СМЕРШ» Западного фронта генерал-лейтенанту П.В. Зеленину «Об агентурно-оперативной работе в период боев по состоянию на 21 июля 1943 г.» и о преступной деятельности карательного отряда «Укркомпания» в Орловской области. 21 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России, Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 48
5. Сопроводительное письмо к протоколу допроса А.С. Родина начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» 16-й армии Н.В. Митрофанова члену Военного совета Западного фронта Н.А. Булганину от 23 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 54.
6. Протокол допроса участника карательного отряда «Укркомпания» в Орловской области А.С. Родина при сопроводительном письме начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» 16-й армии Н.В. Митрофанова члену Военного совета Западного фронта Н.А. Булганину от 23 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.
7. Спецзаписка отдела контрразведки «СМЕРШ» 11-й гвардейской армии начальнику Управления контрразведки «СМЕРШ» Западного фронта генерал-лейтенанту П.В. Зеленину о зверствах карательного отряда «Укркомпания» в Орловской области 3 августа 1943 г. // ЦА ФСБ России Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 72
8. Киреев Ю.К. СПРАВЕДЛИВАЯ ЗЛОСТЬ. Сайт: Орел-регион. URL: https://regionrel.ru/novosti/society/spravedlivaya_zlost/ (дата обращения: 17.08.2023)
9. Из постановления СНК СССР № 415–138сс о реорганизации Управления особых отделов НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО «Смерш». 19 апреля 1943 г. // ЦА ФСБ России.
10. Протокол допроса военной прокуратурой 16-й армии свидетельницы Е.П. Головановой о расстрелах мирного населения карательным отрядом «Укркомпания» в Орловской области 27 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 76–77.
11. Протокол допроса военной прокуратурой 16-й армии свидетельницы М.П. Лариной о расстрелах мирного населения карательным отрядом «Укркомпания» в д. Пешково Знаменского района Орловской области 27 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 78–82.
12. Протокол допроса участника карательного отряда «Укркомпания» в Орловской области А.С. Родина 19 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 55–67
13. Сообщение отдела контрразведки «СМЕРШ» 16-й армии начальнику Управления контрразведки «СМЕРШ» Западного фронта генерал-лейтенанту П.В. Зеленину о завершении следствия по делу об обвинении в предательстве жителей д. Ленино Хвастовичского района Орловской области, служивших в карательном отряде «Укркомпания» 21 июля 1943 г. // ЦА ФСБ России Ф. К-72. Оп. 1. Д. 36. Л. 44–46.

© Анисимов Дмитрий Сергеевич (anisimoff.dmit.s@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ I В. ДО Н.Э. ПО МАТЕРИАЛУ РЕЧИ ЦИЦЕРОНА В ЗАЩИТУ ПУБЛИЯ КВИНКЦИЯ

Беляева Дарья Андреевна

Аспирант, Российский Государственный Гуманитарный
Университет, г. Москва
sharky36@narod.ru

SOCIO-POLITICAL ATMOSPHERE IN THE ROMAN REPUBLIC I CENTURY B.C. ON THE MATERIAL OF CICERO'S SPEECH PRO QUINCTIO

D. Belyaeva

Summary: This article analyzes Cicero's speech "Pro Quinctio". The article explores the historical and political features of the Sullan dictatorship, mentioned in Cicero's speech. The purpose of this work is to identify social and political problems that faced society in the Sullan era, for compiling the overall picture, the historical-genetic method is used. As a result research highlighted a number of problems facing Sullan society, such as: the memory of the Marius's terror, coexistence in the society the former companions of Marius and the current associates of Sulla and features of the judicial production in the era of the Sullan dictatorship.

Keywords: Cicero, Sulla, Marius, political terror in the Roman Republic, judicial proceedings in the Roman Republic, crisis of the Republic, proscription.

Аннотация: Данная статья исследует речь Цицерона "В защиту Квинкция". Статья исследует историко-политические особенности сулланской диктатуры, затронутые в речи Цицерона. Цель этой работы выявить социальные и политические проблемы, которые стояли перед обществом в сулланскую эпоху, для составления общей картины используется историко-генетический метод. В результате исследования был выделен ряд проблем, стоящих перед сулланским обществом, таких как: память о марианском терроре, сосуществование в обществе бывших сподвижников Мариа и нынешних сподвижников Суллы и особенности судебного производства в эпоху Сулланской диктатуры.

Ключевые слова: Цицерон, Сулла, Марий, политический террор в Римской Республике, судебное производство в Римской Республике, кризис Республики, проскрипции.

Речь в защиту Квинкция, произнесенная Цицероном в 81 году до н.э. является одной из первых в его карьере. Из сохранившихся речей она является первой, хотя Цицерон упоминает, что участвовал в судах и до этого. В этом деле Цицерон сошелся со знаменитым оратором Гортензием. Позже эти ораторы еще схлестнутся в деле Верреса, и Цицерон одержит безоговорочную победу над своим соперником.

О решении по делу Квинкция достоверно неизвестно. Однако, эта речь стала важной вехой в карьере молодого Цицерона. Суть дела заключается в том, что брат Публия Квинкция вступил в товарищество с Секстом Невием. Публий Квинкций унаследовал долги брата и дал опрометчивое обещание их заплатить. Его поручитель погиб, а Невий, в отсутствие Квинкция в городе, зафиксировал его неявку в суд. Причем по другим своим делам, согласно Цицерону, Квинкций просил отсрочки. [5, с. 310]

Данное дело касалось уплаты долгов и носило бы слабо финансовый характер, если бы не определенные обстоятельства. Пьер Грималь пишет:

«Было и еще одно обстоятельство, неблагоприятное

для ответчика. В качестве своего «прокуратора» (то есть лица, уполномоченного защищать интересы Квинкция в пору его отсутствия) он избрал некоего Секста Альфена — римского всадника, который на следующий же год оказался в проскрипционных списках Суллы. Дело поэтому могли представить так, будто расхождение Квинкция и Невия касалось не только материальных интересов, но имело и политическую подоплеку, будто Квинкций в глубине души оставался марианцем, тогда как Невий даже и в трудные дни сохранял неколебимую верность Сулле.» [1, с. 107]

Таким образом в данном деле появляется и иная, уже не финансово-юридическая, а политическая проблема.

Итак, в речи примечательно не только ее значение, как хронологически первой из сохранившихся, и как образца стиля раннего Цицерона, но и социальный контекст, окружавший оратора в то время, когда разворачивалось дело Невия против Квинкция. Дело Квинкция разбирается в эпоху власти Суллы и имеет под собой глубокий подтекст, специфический для диктатуры Суллы. Пьер Грималь в уже упомянутой работе «Цицерон» пишет:

«В Риме, однако, любой судебный процесс оказывался в зависимости от политического положения в городе. Ощущается эта зависимость и в речи «В защиту Квинкция». [1, с. 109]

При этом, безусловно, анализировать речь в защиту Квинкция с этой точки зрения значительно сложнее, чем речь в защиту Секста Росция Америкейского. В деле Секста Росция Америкейского Цицерон напрямую касается темы политических преследований, тогда как в деле Квинкция социальный контекст осознается более сложно, оказывается скрыт за, строго говоря, рутинными обстоятельствами дела. Однако, как уже было упомянуто, дело Квинкция разворачивалось на определенном социально-историческом фоне, что имело непосредственное влияние на его ход.

К примеру, Грималь пишет:

«Публий Квинкий, как мы помним, дабы приостановить действие преторского эдикта, лишавшего его имущества, прибег к интерцессии народного трибуна. Трибуном этим был Марк Юний Брут, отправлявший свою магистратуру в 83 году, то есть до принятия сулланских законов. Между тем один из законов Суллы, так называемый Корнелиев, как раз касался границ трибунской власти и лишал трибуна абсолютного права приостанавливать действие эдикта, вынесенного магистратом (в деле Квинкция — претором); правом этим трибун мог отныне пользоваться для защиты гражданина только при учете всех сопутствующих обстоятельств данного дела. Как признал позже сам же Цицерон в одной из веррин, Корнелиев закон отнимал у трибунов право «приносить вред, но оставлял возможность оказывать помощь». [1, с. 113]

Таким образом дело разворачивалось на фоне ограничения трибуната и изменения его значения. Интерцессия народного трибуна, к которой вынужден был прибегнуть Квинкий, таким образом, всегда могла быть объявлена недействительной, такие рычаги воздействия у противников были.

Цицерон, впрочем, крайне остроумно находит среди людей, повлиявших на дело, как сторонников Мария, так и сторонников Суллы. После чего придавать делу политическое измерение становится невыгодным для обеих сторон.

Грималь отмечает важную черту речи в защиту Квинкция.

«Не менее важно было и то, что Цицерон продемонстрировал на процессе свою способность видеть политический контекст судебного дела.» [1, с. 121]

Именно политический контекст в речи в защиту Квинкция представляется самым важным.

Грималь пишет о том, что существовали и другие речи Цицерона, над которыми он работал и которые представил в сулланскую эпоху. Он приводит в пример речь в защиту так называемой «женщины из Ареция». Женщина была обращена в рабство, и Цицерон отстаивал ее свободу. Грималь пишет:

«Цицерон выдвинул тезис, согласно которому право гражданства вообще неотчуждаемо; то был явный вызов Сулле, поскольку незаконной объявлялась мера, им принятая. Как ни странно, суд счел тезис Цицерона правильным, и женщина была признана свободнорожденной.» [1, с. 125]

Здесь мы видим, как Цицерон вступает в противоборство пусть не с самим Суллой, но с порожденным им порядком. Усилится такое противостояние в известной нам речи в защиту Секста Росция Америкейского. Однако и в речи в защиту Секста Росция Америкейского, Цицерон, опасаясь за свою безопасность, делает множество осторожных высказываний о том, что лично Сулла в бедах государства никоим образом не повинен. При этом к противникам Суллы Цицерон также относился со скепсисом и отзывается о марианцах весьма жестко. Такой пример из речи в защиту Квинкция приводит Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек.

Она утверждает, что Цицерон не испытывал никакой симпатии ни к одной из сторон, а представлял такую оппозицию Сулле, которая сложилась внутри нобилитета, вернее той его части, которая состояла из сторонников традиционного республиканского управления. Эти утверждения выглядят обоснованными, причем не только, как пишет об этом сама М.Е. Грабарь-Пассек, связями Цицерона с родом Цецилиев Метелл но и в целом позицией Цицерона относительно республиканского строя в Риме, которой он, так или иначе, придерживался всю жизнь. [2, с. 18]

Схожую позицию, которую можно соотнести с позицией Марии Евгеньевны Грабарь-Пассек, выражает и А.В. Короленков. В своей работе «Первая гражданская война в Риме» он пишет:

«Однако у Цицерона есть определение интересующего нас понятия, имеющее, так сказать, универсальный характер: «Кто стал бы терпеть оптиматов, которые присвоили себе это наименование не с согласия народа, а в собственных собраниях (*nam optimatis quidem quis ferai, qui non populi concessu, sed suis comitiis hoc sibi nomen adrogaverunt?*)?» (*De rep. I. 50*). Иными словами, речь идет о самоназвании римской олигархии, т.е. наиболее активной в политическом отношении части нобилитета,

прежде всего тех, кто контролировал сенат и, соответственно, стоял за его господство в политической жизни. Очевидно, что и Марий, и Сулла в условиях гражданской войны господство этой олигархии своими действиями подрывали, а потому вряд ли в данном смысле могут считаться оптиматами. К Сулле это понятие можно применить лишь по результатам его деятельности как диктатора, да и то *mutatis mutandis*.» [3, с. 206.]

Определение Цицерона, подмеченное Антоном Викторовичем Короленковым как нельзя лучше подходит для описания данного М.Е. Граббарь-Пассек, покровителям Цицерона, то есть роду Метеллов.

Так или иначе, линия, которая весьма явно прослеживается в речи в защиту Секста Росция Америкского, и которая там выражена не в пример сильнее благодаря специфическим обстоятельствам дела, начинает проявляться уже в речи в защиту Квинкция.

Мы в точности не знаем, чем завершилось дело Квинкция, однако С. Л. Утченко рассуждает об этом так:

«Нам точно не известен исход процесса, но, судя по тому, что уже в следующем году Цицерон был приглашен защищать члена самого рода Росциев, можно предположить, что защита Квинкция принесла успех молодому адвокату.» [4, с. 174.]

С Сергеем Львовичем Утченко сложно не согласиться, ведь Цицерон выступал в защиту Квинкция по просьбе одного из Росциев. Поэтому, в случае успеха Цицерона, очевидным было бы привлечь его к защите фамилии в деле Секста Росция Америкского, точно также, как в случае неуспеха — логичным было бы Цицерона к такому ответственному делу не привлекать. Схожих позиций придерживается Грималь. [1, с. 133]

Утченко пишет:

«Дело Росция вызвало гораздо более широкий резонанс в римском обществе. Это объяснялось прежде всего тем, что оно имело определенный политический оттенок. Подобное значение процесса, его связь с общим «положением дел в государстве» подчеркивались самим Цицероном в первых же вступительных фразах его речи.» [4, с. 190.]

Безусловно, дело Росция имело большее политическое значение, чем дело Квинкция, однако несправедливо было бы недооценивать то, как именно Цицерон провел дело Квинкция. В его речи уже видно и мастерство оратора, и проявляется сложная, двусмысленная политическая обстановка, в которой приходится действовать защитнику для того, чтобы его подзащитный не был обвинен в связях с нежелательными политическими груп-

пировками. Именно эта специфика: не политическое дело с политическим подтекстом, делает речь в защиту Квинкция крайне интересной для рассмотрения.

Даже в самом начале своей речи Цицерон отпускает осторожный намек на жесткость и коррумпированность сулланской элиты.

Он пишет:

«*Quae res in civitate duae plurimum possunt, eae contra nos ambae faciunt in hoc tempore, summa gratia et eloquentia; quarum alterum, C. Aquili, vereor, alteram metuo. Eloquentia Q. Hortensi ne me in dicendo impediatur, non nihil commoveor, gratia Sex. Naevi ne P. Quinctio noceat, id vero non mediocriter pertimesco*.» [5, с. 291]

«Две наиболее могущественные вещи в нынешнее время против нас — благосклонность и красноречие. Из этого одно меня пугает, другое же — ужасает. Красноречие К. Гортензия мне в моей речи будет препятствовать, но быстрее благосклонность к Сексту Невию П. Квинцию навредит, этого я в действительности опасуюсь. [здесь и далее собственный перевод автора статьи, необходимость перевода автор видит в том, что статья освещает определенные аспекты речи Цицерона, которые собственный перевод позволяет проявить и выделить.]

М.Е. Граббарь-Пассек рассуждает о начале этой речи, а также о чуть позже упоминаемом в этом же отрывке «насилии» так:

«Самые первые слова этой речи заключают в себе по существу критику той формы правосудия, с которой ему приходится иметь дело: «Две сильнейшие пружины государственной жизни — протекция и красноречие — действуют сегодня обе против нас» («За Публия Квинция» 1, § 1). Цицерону предстоит бороться «*contra vim et gratiam*», т.е. против насилия и потворства; слово «*gratia*» употреблено, несомненно, в дурном смысле.» [2, с. 19]

Действительно, слово *gratia*, кажется, имеет иронический оттенок, однако вместо предложенного М.Е. Граббарь-Пассек «протекция», в данной статье используется более ироническое и вместе с тем положительно окрашенное «благосклонность». Можно сравнить употребление этого слова с последующими, особенно ярко явленными нам в речи в защиту Секста Росция Америкского подчеркнута ироническими высказываниями о невиновности Суллы в происходящем в государстве.

Цицерону, как молодому адвокату, представляется чрезвычайно важным открыто и спокойно говорить о своей неопытности. Он весьма умело и остроумно хвалит своего соперника Гортензия, который позже уступит ему пальму первенства. Секста Невия же Цицерон метко

называет «*adversario gratiosissimo*», то есть «противником, пользующимся величайшей благосклонностью». [5, с. 292]

Сразу же Цицерон критикует, по сути, саму судебную систему, которая выступает на стороне сильного, пользующегося наибольшей благосклонностью тех, кто находится при власти. При этом Цицерону удается не просто сохранить баланс между критикой и иронией, но и свести это ироническое замечание по поводу власти к обаятельному представлению самого себя, как человека неопытного и не слишком уверенного в победе. Ирония над властью и самоирония сливаются в единстве его остроумного вступления.

М.Е. Грабарь-Пассек пишет:

«Открытых судебных процессов во время диктатуры Суллы почти не было, и Цицерон решается высказать только надежду на то, что суд покажет себя достаточно беспристрастным и вступится за права обижаемого подданным.» [2, с. 20]

Цицерон, столкнувшись со сложным делом, в котором важны не только юридические тонкости, но и, причем в первую очередь, политический вес истца и ответчика, взывает к справедливости. Цицерон говорит, что если истина в этом деле не победит, то «*nihil est iam sanctum atque sincerum in civitate*» - «ничего уже не осталось священного и чистого в государстве». [2, с. 20]

Итак, Цицерон кратко вводит слушателей в курс дела, повествуя историю Публия Квинкция и его брата, имевшего неосторожность вступить в товарищество с Секстом Невием.

Цицерон живописует аферу Секста Невия, выставляя его хитрым мошенником и призывая судей посочувствовать наивности Публия Квинкция. Дело, касающееся финансов товарищества и уплаты долгов, в речи Цицерона обретает невероятный размах. Долгая и мучительная тяжба между Невием и Квинкцием превращается в авантюрный роман о плуте Невии и доверчивом, честном Квинкцие. Цицерон обрушивается с критикой на моральные качества Секста Невия, так что в конечном итоге перед нами предстает неприятный, жадный пройдоха. Тогда как образ Публия Квинкция наоборот предстает перед нами в драматической серьезности маленького человека, который отличается честностью, скромностью и простотой.

Даже в противопоставлении этих образов проглядывает некий социальный посыл. Секст Невий, который обладает *gratia* вышестоящих, является, во всяком случае таким выставляет его Цицерон, жуликом и пройдохой, тогда как Публий Квинкций как раз представляет собой угнетенного человека, который не обладает правиль-

ными связями, и которому сложно себя защитить. Итак, в вырисовывающихся образах уже проглядывает социальный пейзаж сулланской эпохи.

А затем прослеживается политическое вмешательство, когда Цицерон упоминает еще недавно иной социальный пейзаж, в котором Алфен, поручитель Квинкция, имел иной вес.

«*An vero id quod Hortensium, quia nuper iniecit et quia Naevius semper id clamitat, dicturum arbitror, non fuisse Naevio parem certationem cum Alfeno illo tempore, illis dominantibus*»? [5, с. 294]

«В самом деле это то, что недавно утверждал Гортензий, и что постоянно выкрикивает Невий, я полагаю, он скажет: не мог Невий быть готовым к противостоянию с Алфеном в те времена, когда те были у власти.»

Совершенно очевидно, что здесь Цицерон намекает на принадлежность Алфена к марианской партии. И следом говорит вещь, которая кажется крайне интересной в контексте сулланской эпохи:

«*Mihi autem ad vincendum satis est fuisse procuratorem quicum experiretur; qualis is fuerit, si modo absentem defendebat per ius et per magistratum, nihil ad rem arbitror pertinere*». [5, с. 295]

«Мне, тем не менее, чтобы нанести им поражение достаточно того, что у него (Квинкция) был поручитель, с которым можно работать, если только он защищал отсутствовавшего по закону и перед магистратами, ничто другое к делу суда не имеет отношения.»

Таким образом, Цицерон предпринимает попытку отделить юридическое от политического, заставить закон работать вне зависимости от изменений социального пейзажа. А здесь снова требуется вспомнить цитату Гримала, вынесенную в начале данного текста: суд в Риме всегда зависим от политического положения в городе. Крайне смелое начинание со стороны Цицерона — попытаться разорвать эту зависимость. И, безусловно, опасаясь встретить сопротивление противной стороны, он тут же приводит их аргумент и обрушивается на него. Единственный способ Цицерона играть на этом поле — уравнивать шансы обеих сторон, обвинив противника в связях с марианцами. Цицерон обрушивается на Секста Невия, обвиняя его в связях с марианцами. Эти связи уравнивают Алфена, поручителя Квинкция, и истца Невия. Вот каким образом Цицерон говорит о прежних убеждениях и социальных связях Невия:

«*"Erat," inquit, "illarum partium." Quid ni? qui apud te esset eductus; quem tu a puero sic instituisses ut nobili ne gladiatorum quidem faveret. Si, quod tu semper summe cupisti, idem volebat Alfenus, ea re tibi cum eo par*

contentio non erat? "Bruti," inquit, "erat familiaris; itaque is intercedebat." Tu contra Burrieni qui iniuriam decernebat, omnium denique illorum qui tum et poterant per vim et scelus plurimum et, quod poterant, id audebant. An omnis tu istos vincere volebas qui nunc tu ut vincas tanto opere laborant? Aude id dicere non palam, sed ipsis quos advocasti. Tametsi nolo eam rem commemorando renovare cuius omnino rei memoriam omnem tolli funditus ac deleri arbitror oportere». [5, с. 297]

«Так, - отвечает, - партия *тех*. Почему нет? Ведь он среди вас вырос. Кому ты, будучи еще мальчиком, так объяснял, что нобилю, даже гладиатору, нельзя выказывать поддержки. Что, если твои желания всегда были подобными тому, что хотел Алфен. И после этого дело твое и его, и аргументы были неравны? С Брутом, - отвечает. - Был близок, поэтому он вступался. Ты, с другой стороны, с Бурриеном, который беззаконие установил, и вообще все в то время, что могли силой и многими преступлениями сделать, то дерзали делать. Или ты победы тем желал, которые сегодня так стараются, чтобы ты в своем деле победил? Дерзни это сказать, хотя бы негромко, тем, кто тебя защищает. Тем не менее не хочу вспоминать это дело, которое следует целиком и полностью забыть, и стереть из памяти, что мне представляется необходимым.»

Итак, мы видим, что Цицерон и в биографии Секста Невия находит те самые порочащие связи с предыдущей партией. Собственно, Цицерон даже не называет этих людей вслух, не уточняет, обходясь всем современникам понятным обозначением «те времена», «та партия» (*illo tempore, illarum partium*).

Цицерон обвиняет Невия в лицемерии. Алфен, по видимому, погиб, оказавшись в проскрипционных списках. Это косвенно подтверждает дальнейшая продажа его имущества с молотка, организованная Суллой, как это делалось, когда имущество проскрибированных уходило к государству.

Итак, по мнению Цицерона, Алфен «*cum eis et propter eos periit quos diligebat*», с теми и из-за тех, кого любил. [5, с. 300]

То есть, Алфен, попавший в проскрипционные списки, остался верным своим соратникам и товарищам до конца. Тогда как Невий, напротив, «*postquam qui tibi erant amici non poterant vincere, ut amici tibi essent qui vincebant effecisti*», «после того, как ты понял, что бывшие твоими друзьями не смогут победить, друзьями твоими стали те, кто побеждали». [5, с. 300]

Таким образом, Цицерон не только обозначает моральный уровень оппонента, но и ставит его в ще-

котливую ситуацию, когда влиятельные силы, поддерживающие его, могут счесть поведение Невия весьма оскорбительным.

Как мы видим, тени прошлого преследуют римское общество, поляризованное в своем отношении к «тем» и «этим» людям. Подчеркнем, что Цицерон не называет конкретных имен. Он пользуется абстракцией для того, чтобы очертить реальную картину противостояния в обществе, и с художественной точки зрения такая картина кажется еще более жуткой, рисующей некоторое «общество умолчания», в котором прошлое может актуализироваться в любой момент.

Далее следуют подробности дела и заметный пропуск в рукописи, несохранившийся фрагмент, по-видимому, повествует о дальнейших финансовых махинациях Невия против Квинкция.

В финале Цицерон еще раз говорит о моральном посыле дела. Он выступает с тем, что здесь сталкиваются не просто два гражданина со своими проблемами и делами, но также два образа жизни — роскошный городской и скромный сельский.

В этом абзаце можно усмотреть и политический смысл. Невий, имеющий политическое влияние, нападает на человека маленького, практически перед ним беззащитного. Цицерон говорит о положении Невия, его влиянии и его связях. Все это становится политическим фактором в финансовом деле. Моральное осуждение проглядывает и в словах:

«*Ista superiora esse ac plurimum posse his moribus sentit.*» [5, с. 301]

«Квинкций чувствует, что Невий выше и больше может».

Завершает свою речь Цицерон, мастерски выписывая страдания Квинкция, тогда как Невий обретает в его словах фактически злодейский вид.

Об итоговом решении суда мы достоверно не знаем. Итак, речь в защиту Квинкция показывает нам не только перипетии судеб конкретных акторов этого дела, но и социально-политическую атмосферу эпохи наивысшего влияния сулланской партии, а также социальные сложности перехода власти от марианцев к сулланцам, накаленную атмосферу общества.

Речь в защиту Квинкция еще не вскрывает нарывы общества, как делает это речь в защиту Секста Росция Америкейского. Но она мягко обозначает болезненные места эпохи сулланской диктатуры и непреодолимую поляризацию общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грималь П. Цицерон. / Пер. с франц. Р.Б. Сашиной, Г.Б. Кнабе. М.: Молодая Гвардия, 1991. - 544 с.
2. Грабарь-Пассек М.Е. Начало политической карьеры Цицерона (82-70 г. до н.э.) / Цицерон. Сборник статей. Под ред. Ф.А. Петровского. М.: Академия Наук СССР, 1958. - 152 с.
3. Короленков А.В. Первая гражданская война в Риме. М.: Евразия, 2020. - 464 с.
4. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1986. - 352 с.
5. Цицерон Марк Туллий. Речи. / Пер. с лат. Алексеев В.А., Зелинский Ф.Ф. Москва: Наука, 1993 - 884 с.

© Беляева Дарья Андреевна (sharky36@narod.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Государственный Гуманитарный Университет

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В БУЛЯРСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ (ПО ДОКУМЕНТАМ 1842-1854 ГГ.)

Каримов Тагир Тимергазимович

К. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

THE LAND QUESTION IN THE BULYAR LAND VOLOST (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF 1842-1854)

T. Karimov

Summary: The article discusses some aspects of the land issue of votchinniks and non-votchinniks of the Bulyar land volost. A specially created government commission was engaged in providing residents with land plots in landed volosts. Her papers for 1842-1854. made it possible to reveal additional information about the population of different classes of the Bulyar volost, to show the conditions for their settlement, to identify the features of solving their land issue.

Keywords: bashkir estate, votchinniki, landed volost, Tuguz tyuba, decree of April 10, 1832.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты земельного вопроса вотчинников и невоотчинников Булярской поземельной волости. Предоставлением жителям земельных наделов в поземельных волостях занималась специально созданная правительственная Комиссия. Ее документы за 1842-1854 гг. позволили выявить дополнительные сведения о населении разных сословий Булярской волости, показать условия их расселения, выявить особенности решения их земельного вопроса.

Ключевые слова: башкирское сословие, вотчинники, поземельная волость, Тугузская тюба, указ от 10 апреля 1832 г.

С ростом населения поземельных волостей, все острее становился земельный вопрос. 10 апреля 1832 г. был издан царский указ «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Оренбургском крае», в котором предусматривалось распределение земельных угодий волостей между вотчинниками и невоотчинниками (припущенниками; считалось, что последние поселились по припуску вотчинников). Вотчинникам полагалось 40-60 дес. на душу муж. пола по 7-й ревизии, припущенникам военного сословия – по 30 дес., государственным и удельным крестьянам – по 15 дес. соответственно. Для претворения указа в жизнь была создана Комиссия по наделению землей башкирских припущенников. Её многочисленные документы позволяют представить ход решения земельного вопроса, а также пролить свет на время и обстоятельства заселения невоотчинников.

При рассмотрении земельного вопроса нередко составлялись списки (ведомости) населения. В этой связи представляет интерес документ от 7 июля 1852 г., составленный вотчинниками «Булярской волости Чуракаевой с деревнями». Вотчинники ходатайствовали о предоставлении им земли по 40 десятин на душу [7, л. 10-11], только оставшаяся ее часть полагалась припущенникам («а остатки разделены нашим припущенникам»).

Этот документ дает представление о числе вотчинников и наличии припущенников в следующих 27 деревнях: 1) Чуракаево (вотчинников 90 душ муж. пола по 8-й ревизии); 2) Саперово (195; «в ней есть припущенники-

башкирцы»); 3) Ахуново (11; «в ней есть припущенники-башкирцы и тептяри»); 4) Аккузево (81; «в ней есть припущенники-башкирцы»); 5) Минлярово (8; «в ней есть припущенники-тептяри»); 6) Байсарово (35; «в ней есть припущенники-башкирцы и тептяри»); 7) Зиланово (86); 8) Акбесово (77); 9) Альметово (61); 10) Суюкеево (28; «в ней есть припущенники-башкирцы, тептяри и государственные крестьяне»); 11) Бакабизово (39; «в ней есть припущенники-тептяри»); 12) Тлянчеево (11; «в ней есть припущенники-башкирцы и тептяри»); 13) Кубяково (63; «в ней есть припущенники-тептяри»); 14) Карамалы (45; «в ней есть припущенники-тептяри и государственные крестьяне»); 15) Табанлыкуль (60; «в ней есть припущенники-мещеряки»); 16) Буляково (69; «в ней есть припущенники-тептяри»); 17) Сеитово (79; «в ней есть припущенники-башкирцы, тептяри и государственные крестьяне»); 18) Буляр (3; «в ней есть припущенники-башкирцы, тептяри и государственные крестьяне»); 19) Сикия (81; «в ней есть припущенники-башкирцы»); 20-21) Верхнее Яхшеево и Нижнее Яхшеево (66; «в них есть припущенники-тептяри»); 22) Улуименово (27; «в ней есть припущенники-башкирцы»); 23) Уразметево (86; «в ней есть припущенники-тептяри»); 24) Чалманарат (35; «в ней есть припущенники-башкирцы и тептяри»); 25) Бишкучачево (1; «в ней есть припущенники-башкирцы и тептяри»); 26) Масыгутово (25); 27) Мастеево (43; «в ней есть припущенники-башкирцы» [7, л. 10-11].

По поводу последней деревни сделана следующая запись: «Сии души есть наследников поручика Султана, который по плану и межевой книге Генерального

межевания поименован общим владельцем с вотчинниками». Это означает, что покупка земли у вотчинников в 1802 г. дала байлярцу Абзелу Султанову статус вотчинника Булярской волости.

В этот же день (7 июля 1852 г.) свое ходатайство подали и «припущенники-башкирцы», утверждавшие, что «если достанется нам менее 10 десятин одной земли удобной на каждую душу...будем просить Правительство о прибавке земли из дач казенных». В этот список вошли следующие деревни: 1) Саперово (42 души муж. пола по 8-й ревизии), 2) Ахуново (5), 3) Аккузеево (69), 4) Байсарово (254), 5) Суякеево (27), 6) Тлянчеево (11), 7) Сеитово (58), 8) Сикия (45), 9) Мастеево (17; «сверх сего в этой деревне открыто припущенных» 2 души), 10) Улуйменево (140), 11) Чалманарат (95), 12) Бекчентей-Баш (116), 13) Бишкучачево (7), 14) Апачево (90), 15) Амекеево (109), 16) Кыркаинтюба (17), 17) Курмашево (75). Кроме этих, в д. Табанлыкул зафиксированы 3 души муж. пола «мещеряков» [7, л. 14 об.-15, 16].

Из этого документа видно, что отдельные группы (всего 23 души по 8-й ревизии) «припущенников-башкирцев» д. Чалманарат «назад тому от 15 до 7 лет переселились в Енейскую волость на свою вотчинную землю» [7, л. 15]. Эти сведения особенно важны потому, что переселение чалманаратовцев в Енейскую волость не отражено в других известных нам документах того времени (об этом мы могли бы знать по ревизским сказкам 1850 г., но они не сохранились).

Другая информация относится к д. Амикеево. О ней сообщается, что «эта деревня состоит на земле, отошедшей во владение тептярей, с которой башкирцы должны переселиться на землю вотчинников-башкирцев, припустивших их к себе на поселение» [7, л. 15]. Эти сведения показывают, что положительного решения вопроса добились татары тептяро-бобыльской сословной группы д. Амикеево, десятилетиями боровшиеся за признание властями их прав собственности на землю.

Здесь уместно было бы сообщить об истории данного вопроса. Согласно решению Оренбургской межевой канцелярии «тептярям» дд. Амикеево, Каин Тюба и Курмашево были отведены «на души 5-й ревизии удобной и неудобной в одном месте 1582 десятины 1384 сажени и в другом 2082 десятины 1141 сажени, всего 3665 десятин 125 сажени» [3, л. 66-66 об.]. Однако впоследствии «тептяри» д. Амикеево выразили недовольство и пожаловались Правительствующему Сенату «на не надделение их по числу душ 7-й ревизии положенною Указом 10-го апреля 1832 года пропорцию, между прочим присовокупили, что живущие вместе с ними припущенники-башкирцы Булярской волости, делают им различные в поземельном пользовании угожьями стеснения, вытравляют принадлежащие просителям луга, истребляют лес на дрова и

допускают сверх того разных людей к постройке амбаров, о чем хотя и было подано прошение кантонному начальнику Султанову, но он, не только ничего по оному сделал, но еще сам построил неподалеку от деревни просителей мукомольную мельницу» [3, л. 73-73 об.].

Для решения земельного вопроса этих «тептярей» было предложено «амекеевским башкирцам, чтобы из них 13 душ перешли в деревню Чурашеву (Чуракаево. – Т. К.), из которой они переселились в Амекееву, а припущенники 109 душ переместились бы в таковую же Суякуву 11-го кантона, где проживают однородцы их, – башкирцы на это не были согласны, а напротив ходатайствовали об оставлении на прежнем жительстве, с предоставлением в их пользование, оставшейся там, за нарезкою тептярям, пахотной земли, каковой по соображению их достаточно на два поля для всех 122 душ, а на третий, как равно и сенные покосы, отвести в других местах» [3, л. 74 об.].

Вернемся к ходатайству «башкирцев-припущенников». Оно подтверждается их подписями и родовыми тамгами по деревням, а также некоторыми пояснениями. Так, представители д. Саперово Абдулвали Абдулзялилов, Абдулгали Салихов, Якшикул Абдулгалиев, Хисамутдин Сайфуллин «при рукоприкладстве, объяснили, что хотя мы показаны в числе припущенников, но по имеемым у нас правам считаем себя вотчинниками». Ссылались на оберегательную память 7161 [1653] г. и решение Гражданской палаты от 3 декабря 1815 г. По аналогичному делу д. Байсарово говорится, что «припущенники в числе ...64 душ изъявляют желание переселиться на вотчинную свою землю отхожей дачи Енейской волости Тугузской тюбы». Припущенники д. Сикия считали себя вотчинниками той же тюбы и волости. К Енейской тюбе и волости причисляли себя «башкирцы» дд. Улуйменево и Чалманарат. Курмашевцы считали себя вотчинниками Салаушской тюбы Булярской волости [7, л. 16].

В дополнение к сведениям по д. Бишкучачево сообщим, что припущенниками считалась большая семья (7 душ муж. и 6 душ жен. пола) Мяндея Сатыева, уроженца Енейской волости. Всего в этой деревне было 8 душ муж. и 7 душ жен. пола (в том числе семья вотчинника Ракая Курбанаева) «башкирцев» [5, л. 260-261]. Эти и другие сведения указывают на преобладание енейцев среди припущенников башкирского сословия.

Продолжим рассмотрение сведений от 7 июля 1852 г. Одновременно с вотчинниками и «припущенниками-башкирцами» был составлен аналогичный документ по «тептярям», но в виде опроса их представителей в деревнях «Комиссией Высочайше учрежденной для надделения припущенников землею». Обследование проводилось в следующих деревнях: 1) Тлянчеево (135 душ муж. пола по 8-й ревизии), 2) Уразметево (75), 3) Буляково

(113), 4) Суюкеево (7), 5) Булярово (84), 6) Кубяково (49), 7) Улимянтамак-Якшиево (25), 8) Казгаляк-Якшиево (8), 9) Верхнее Якшиево (16), 10) Бишкүмьячево (93), 11) Сеитово (46), 12) Минлярово (149), 13) Ахуново (52), 14) Бекабизово (87), 15) Шабизбашево (91), 16) Байсарово (95), 17) Биксентеево (90), 18) Карачево (137), 19) Чалманарат (7), 20) Карамалы (11), 21) Масыгутово (1), 22) [Старое] Булярово (49; марийцы), 23) Токмаково (91), 24) Каинтуба (4), 25) Баюково (82) [7, л. 21-27].

«Тептяри» д. Тлянчеево заявили, что «в предстоящий надел желаем воспользоваться узаконенною пропорциею земли в тех урочищах, в которых с издавна владеем, если же за отделом вотчинникам по 40-ка десятин на душу таковой пропорции в волости сей доставать не будет, то желаем воспользоваться и тем количеством, какое по соразмерности числа душ наличною землею причитаться будет, хотя бы таковой причиталось не более 12-ти десятин на души 7-й ревизии». «Тептяри» других деревень «отозвались тем же, как и жители вышеприведенной деревни» [7, л. 21-21 об.]. Эта цитата показывает более чем 3-х кратное преимущество вотчинника по обеспеченности землей, осознание реального положения дел заставило «тептярей» с этим согласиться.

По непонятным причинам сведения по д. Старое Булярово (ныне с. Мари-Буляр Муслимовского района РТ) не отражают общего числа «тептярей», по 8-й ревизии их было 139 душ муж. и 127 душ жен. пола [6, л. 421-431]. Хотя в 1852 г. они заявляли, что «поселившихся к ним, или от них вышедших после [8-й ревизии] не было» [7, л. 26].

Следует отметить, что в д. Буляково татары тептярского сословия (113 душ муж. и 100 душ жен. пола; 22 двора) появились до 8-й ревизии как причисленные из д. Уразметево. О них сказано, что «переселились ...до генерального еще межевания земель, где размежеваны в одну дачу» [6, л. 354-362]. В результате в д. Уразметево осталось 75 душ муж. и 68 душ жен. пола (24 двора) «тептярей и бобылей» 8-й тептярской команды [6, л. 343-353]. Этот факт говорит о том, что большинство «тептярей» д. Уразметево десятилетиями проживало в д. Буляково, но продолжало числиться в старой деревне. Сведения А.З. Асфандиярова о том, что «113 душ тептярей из д. Уразметево были причислены после 8-й ревизии» [1, с. 508], ошибочны.

Интересен факт появления «тептяря» в д. Масыгутово. Как известно, у татарских помещиков были дворовые люди. У поручика Абзелия Султанова тоже был дворовой человек в д. Мастеево. Наследники А. Султанова решили «уволить [его] от услуг» и он «по изъявленному желанию» в 1827 г. переселился жить в д. Масыгутово «с причислением в 2-ю тептярскую команду в число тептярей». По сведениям 1834 г., новоиспеченный «тептяр»

Бикмамет Мратов (31 год) жил с женой (23) и сыном (3) [5, л. 380-381].

На этом завершаем рассмотрение сведений о населении тептярского сословия, переходим к государственным крестьянам. Такой же опрос был проведен среди них «Высочайше учрежденной Комиссией» в дд. Суюкеево (9 душ муж. пола по 8-й ревизии), Карамалы (17), Булярово (25), Токмаково (28) 9 июля 1852 г. Они констатировали, «что если достанется нам менее 6 десятин одной земли удобной на каждую душу и мы встретим затруднение в продовольствии себя от оной, то в таком случае будем просить Правительство о прибавке земли из дач казенных» [7, л. 28-28 об.].

Таким образом, при решении земельного вопроса вотчинников и припущенников учитывалось мнение представителей всех сословий, а при необходимости выявлялись обстоятельства их поселения. Другие материалы Комиссии позволяют установить некоторые подробности земельных отношений вотчинников и припущенников.

В д. Бексентеево (ныне Старое Бикчентаево Актанышского района РТ) одна группа припущенников (Махмут и Нигматулла Масыгутовы) была известна как вотчинники «при деревне Калмаш» Байлярской волости. Они (52 души муж. пола по 7-й ревизии) сообщили, что их предки переселились в д. Бексентеево «по договорному письму 1734 г.» с булярцами [3, л. 7-8]. Другая группа припущенников считала себя вотчинниками (в источнике «принадлежащие к званию вотчинников») д. Варзи Байлярской волости Елабужского уезда Вятской губернии (109 душ муж. пола в 1850 г.). В 1854 г. они сообщали, что «в доказательство сего никаких документов у себя не имеем и угодыями там никогда не пользовались» [7, л. 150].

В 1854 г. припущенники-«башкирцы» д. Сеитово могли лишь сообщить, что «по происхождению своему к званию вотчинников других волостей не принадлежим» [7, л. 151]. В то же время припущенники д. Суюкеево также сообщали о незнании прежнего места жительства своих предков («откуда перешли на настоящее жительство прадеды наши ... не знаем») [7, л. 152]. Скорее всего, они знали об этом, но предпочли не заявлять.

Наоборот, припущенники-«башкирцы» д. Тлянчино прямо заявили в 1854 г., что «по происхождению своему принадлежим к званию вотчинников Енейской волости Камбарской тюбы, на право владения в оной угодыями имеем с ним одни грамоты, которые находятся в руках их, но землю в оной по скудности не пользуемся, а довольствуемся на настоящем жительстве» [7, л. 153]. К той же Енейской волости, но Енейской тюбы, принадлежали припущенники-«башкирцы» д. Улуймен, которые сообщали, что «в доказательство сего имеем

данную предкам нашим грамоту, которая находится в руках однодворцев наших ... деревни Челномарат» [7, л. 156]. С Челномаратом связано и происхождение припущенников-«башкирцев» д. Саперово. Там жили их бывшие односельчане, которые обосновали вотчинное право «на одних с ними грамотах» [7, л. 155].

Енейцы вообще широко представлены и в других деревнях Булярской волости. Так, в 1854 г. припущенники-«башкирцы» дд. Мастеево, Байсарово, Апачево, Ахуново и Сикия «скаскою показали, что мы все есть общия вотчинники Енейской волости Тугузской тюбы деревни Азибей, где на основании данной предкам нашим грамоты, находящейся теперь в руках азибинцев, пользуемся всеми поземельными угодьями и значимся в сочиненной на ту дачу плане, кроме сикиенцев, которые по неизвестной причине остались во оном непоказанными» [7, л. 157].

Знание своего происхождения продемонстрировали в 1854 г. и припущенники-«башкирцы» д. Амиеево, заявившие, что «по переходу на настоящее жительство прадедов наших Байлярской волости Тураевской тюбы деревни Калмии, мы считаем происхождение свое из числа вотчинников этой волости, но в доказательство сего никаких актов не имеем» [7, л. 154].

Выше речь шла о документах 1852-1854 гг. Более ранние документы Комиссии позволяют установить, что часть припущенников-«башкирцев» осела на землях Булярской волости без договоров с вотчинниками. Так, представитель д. Каинтюба Мухамметдин Хамитов сообщал стряпчому Скарятину в апреле 1842 г. о том, «что на даче булярцев они поселились без всяких актов». То же самое 7 апреля 1842 г. говорили представители д. Улыменово Исмагиль Габдрашитов, Мунасып Яхин, Гимадитдин Усманов и Сейфутдин Хисаметдинов, являвшиеся выходцами из Енейской волости. Кроме того, жившие там же припущенники-«башкирцы» из Байлярской волости не имели «актов» (в документе названы «доверенные от них Фазулла Идрисов и Габдулнафик Габдулхаликов») [7, л. 54 об., 70].

Со ссылкой на это же дело (лист не указан) А.З. Асфандияров называет Кыр-Каинтюба (Каентюба) «этнически смешанным» селением «башкир» Канбарской тюбы Енейской волости и говорит о припуске ими булярцев [1, с. 346]. Не только «припущенники-башкирцы», но и «тептяри» д. Каинтюба через своего представителя Ирназара Кансюрова сообщили тому же Скарятину, что живут на даче Булярской волости (последние вымежеваны вместе с «тептярями» дд. Курмашево и Амиеево «от башкирцев особо») [7, л. 54-54 об.]. Следовательно, именно булярцы (а не енейцы), были истинными собственниками земли, на которой располагалась д. Каинтюба (не «этнически смешанная», как тенденциозно заявляет А.З.

Асфандияров, а двухсословная).

Как известно, часть владений Булярской поземельной волости находилась за пределами Мензелинского уезда. В реестре «**разного сословия людей**» (выделено нами. – Т. К.) по Бирскому уезду показано население дд. Зейлево (21 душа «башкирцев» в 1834 г.), Исемметово 1-я (147 душ «башк.», 81 душа «тептярей» и 30 душ «мещеряков»), Исемметово 2-я (55 душ «башк.»), Турачево (10 душ «башк.» и 150 «тепт.»), Аккузово (134 души «башк.» и 87 душ «тепт.»), Кипчаково (38 душ «башк.» и 33 души «мещер.») [8, л. 30]. Этот документ прямо свидетельствует о том, что «башкирцы», «мещеряки» и «тептяри» рассматривались чиновниками как сословия, а не национальность. Следует отметить, что реестр составлен в связи с рассмотрением земельного вопроса населения Булярской волости и данные деревни относятся только к ней.

По другому источнику известно о Кадыровой тюбе Булярской волости, которой принадлежало 36953 дес. 1428 саж. земли. Более половины этой земли полагалось припущенникам дд. Кадырово, Сынгрязное, Исемметово, Турачево, Кипчаково и Аккузово «по числу 625 душ 7 ревизии» из расчета 30 дес. на каждую душу, всего 18750 дес. удобной («а с неудобной 19114 д. 805 саж.»). Вотчинникам дд. Кадырово, Сынгрязное, Зейлево и Исемметово (всех 223 души муж. пола) были выделены 8920 дес. земли из расчета 40 дес. на душу [4, л. 75-75 об.]. На оставшийся излишек 9564 дес. власти планировали переселить жителей деревень, бедствовавших из-за нехватки земли.

Поскольку вопрос о принадлежности этих и других деревень к Булярской волости требует дальнейшего уточнения, приведем выдержку из документа 1845 г. «Булярская волость находится в Бирском, Мензелинском и Белебеевском уездах, по 10, 11 и 12-му башкирским кантонам. В ней вотчинная дача владения деревень: Белебеевского уезда, Кадыровой, Сынрянной, Бирского Мемметево (Исемметовой. – Т. К.), Зейлево, Турачево и Мензелинского Чуракаевой. Генеральное межевание в этой волости произведено в 1803 году. Земли считалось тогда и ныне состоит налицо удобной 36,503 дес. 450 саж. и неудобной 2210 дес. 250 сажень. А всего 38,713 дес. 700 сажень. Вотчинников башкирцев по последней 8 ревизии состоит 392 души. Земля обмежевана во владение вотчинников-башкирцев с их припущенниками поручиком Абзеллем Султановым и прочими, на которую имеют план и межевую книгу» [8, л. 31-31 об.].

Выше речь идет только об одной даче Булярской волости, где находилась и купленная земля А. Султанова. В документе она названа Кайпановой тюбой Булярской волости [8, л. 39 об.]. Надо полагать, что название тюбы здесь и далее [8, 79 об.] дано ошибочно (была такая тюба в Кыр-Таныпской волости).

«В 6-ю юрту 10-го кантона входили дд. Турачи, Кипчаково, Зяйлево. Все они из Тогузларской тюбы Енейской волости» [2, с. 289], пишет А.З. Асфандияров, однако ни слова не говорит о том, что они основаны на землях Булярской волости. Возможно, автор хотел сказать, что население состояло из выходцев Енейской волости. Кроме того, не учитывается, что в состав юрты могло входить только население в зависимости от сословия, а не деревни.

Большинство припущенников, проживающих на этой даче, не имели земельных документов. Так, припущенники башкирского (1 душа в 1834 г.) и тептярского (105 душ) сословий д. Кадырово (ныне село Илишевского района РТ) Белебеевского уезда «показали, что на право владения землею никаких документов они не имеют». Не имели документов и «тептяри» (73 души в 1834 г.) д. Сынграново (ныне Илишевского района РБ), так как «договор на право владения землею ... назад тому лет 35 отобран от них Белебеевского земского суда сельским заседателем без выдачи росписи» [8, л. 32].

На общем фоне малообеспеченности припущенников в ряде деревень, любая продажа земли вотчинниками выглядит нецелесообразной. Однако в 1849 г. майорша Хамида Султанова договорилась с вотчинниками Булярской волости «об уступке ей в вечное и потомственное владение участка земли по следующим урочищам: начиная выше деревни Байсаровой от устья речки Аккузи, впадающей в речку Сунь, оную рекою Сунью

вниз по течению до Уфимской почтовой дороги, отсюда поворотив вправо на дорогу и по оной дороге следуя к городу Бирску три с половиной версты до поворота на этой дороге, отсюда вправо на вершину означенной речки Аккузи и оною по течению ее вниз идя левым берегом до самого устья оной, откуда начата межа, предполагая количество до 500 дес. и более с платою по 4 руб. сереб[ром] за десятину» [8, л. 56]. Это будет последняя земельная сделка между Султановыми и булярцами в XIX в. В документе сказано, что она будет утверждена после окончательного выделения земли припущенникам, проживающим на Булярской даче.

В этом документе Султановы (43 души муж. пола в 1834 г.) сообщают, что «деревня Мастеева заведена дедам нашим в 1802 году, где имеют еще жительство припущенники от вотчинников». К 1852 г. Султановы имели «мукомольные мельницы на речке Калмие при деревнях Амикеевой, Кубяковой и Альметевой», а также мельницу у д. Чуракаево [8, л. 56 об.-58].

Итак, материалы «Комиссии Высочайше учрежденной для наделения припущенников землею» позволили выявить дополнительные сведения о населении разных сословий Булярской волости, показать условия их расселения, выявить особенности решения их земельного вопроса. Власти отдавали предпочтение вотчинникам, не все припущенники имели возможность получить тот размер наделной земли, который был установлен законом 1832 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009. 600 с.
2. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3392.
4. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1546а.
5. НА РБ. И-138. Оп. 2. Д. 470.
6. НА РБ. И-138. Оп. 2. Д. 471.
7. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20.
8. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 21.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ УРАЗМЕТЕВО БУЛЯРСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ВОЛОСТИ

Каримов Тагир Тимергазимович

К. и. н., старший научный сотрудник, Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
tkarimov@bk.ru

TO THE HISTORY OF THE VILLAGE OF URAZMETEVO OF THE BULYAR LAND VOLOST

T. Karimov

Summary: This article discusses the history of the emergence and development of the village of Urazmetevo (now the village of Urazmetyevo, Muslyumovsky district of the Republic of Tatarstan) of the Bulyar land volost. The anthroponymic origin of the village name is noted. At its initial stage of development, votchinniki and "bobylys" are observed, the latter, being yasak tatars by origin, later included in the teptyar-bobyl class group. As a result of the reform of 1855, the class structure of the village changed, the entire population began to be called "bashkirs".

Keywords: bashkir class, bobyl, "novo-bashkirs", "old bashkirs", teptyar-bobyl class group, Urazmetyevo village.

Аннотация: В данной статье рассматривается история возникновения и развития д. Уразметево (ныне с. Уразметьево Муслюмовского района РТ) Булярской поземельной волости. Отмечается антропонимическое происхождение названия деревни. На начальном этапе ее развития наблюдаются вотчинники и «бобыли», последние, будучи ясачными татарами по происхождению, позднее вошли в тептяро-бобыльскую сословную группу. В результате реформы 1855 г. изменилась сословная структура деревни, всё население стало именоваться «башкирцами».

Ключевые слова: башкирское сословие, бобыль, «новобашкирцы», «старобашкирцы», тептяро-бобыльская сословная группа, д. Уразметьево.

История д. Уразметево рассматривалась в статье автора этих строк [3], а также в книгах башкирских авторов [1, с. 556-557; 2, с. 263-264]. Однако они не затронули вопрос о времени возникновения деревни. Актуальность его заключается в том, что он помогает частично воссоздать древнюю историю Булярской земельной волости.

Уразметево – одна из многочисленных деревень Булярской поземельной волости, берущая начало со второй половины XVII в. Однако в скудных источниках этого века она не упоминается. Поэтому можно делать предположения о времени его возникновения на основе наблюдений и собственного опыта изучения истории деревень.

На помощь приходят ясачные книги Булярской поземельной волости, в которых содержатся первые сведения о вотчинниках (их имена могли стать названием деревень). В 7138 [1630] г. в ясачных окладных книгах зафиксирована уплата ясака Кудайбахты Сабанчиним из д. Буляр. «Плата же на всё волость показано» 53 куницы. Такой же ясак платили булярцы в 7145 [1637] г., на этот раз назван Баубек Кудайбахтин. В 7147 [1639] г. плательщиками ясака указаны «Баубек Кудайбахтин, Бузав Бикчаров, Кудайбакта да Уразмет Ямашевы». Из документа от 31 декабря 1728 г., в котором содержатся данные сведения, следует, что названные вотчинники были родственниками Умера Токтарова (Кудайбахты Сабанчин и Базяв Бикчаров «тебе Умер деды», сообщает источник)

и Масыгута Татимова (Баубек Кудайбахтин, «Уразмет да Кудайбакта Ямашевы тебе Масыгуту деды») [8, с. 55-55 об.]. В документе 1739 г. подчеркивается, что земля была пожалована прадедам старшины Масыгута Татимова, сотника Альмета Аднагулова, а также Чуракай Касимова, Косяма Кучукова, Биккула Усенова с товарищами. Имена их прадедов названы так: Кудайбах[т]ы Сабанчеев, Шабан Кунакусин сын Илиманов, К. Ямашев, Чурапан Нуразлин [8, л. 57].

Вышеназванные Масыгут, Альмет и Чуракай – вотчинники, имена которых в XVIII в. стали названиями дд. Масыгутово, Альметьево (ныне Старое Альметьево; оба Муслюмовского района РТ) и Чуракаево (ныне село Актанышского района РТ). Возникает закономерный вопрос: могло ли имя Уразмета Ямашева стать и названием деревни. Ведь он является первым известным и влиятельным вотчинником с таким именем, другой будет встречаться намного позже в том же XVII в.

Второй вотчинник с таким же именем назван в документе 1687 г. В нем говорится, что «велено Уфимского уезду Казанской дороги деревни Имякеевой (Амекеевой. – Т.К.) татарам Урайку Якееву, Темаки Камаеву платить окладной ясак с родственники их на речке Калмие с Уразметком Батраковым с товарищи старого, что Урайка Якеев платил куницу, да за деньги две куницы да вновь куницу, всего по четыре куницы на год и ясачным сборщикам и иным пасы[ль]щикам, бобыльского ясаку и податей бобыльских на них Урайке и на Темее не спрашивать

и ни в чем к ним не примешиваться и не убыточить» [13, л. 37; 4, л. 65 об.].

Здесь мы обращаем внимание на Уразмета Батракова, который также может быть причастен к названию одноименной деревни. Интересно, что татары тептяр-бобыльской сословной группы д. Амиеево, Уразметево, Кубяково и Бекабызово [13, л. 45 об.; 14, л. 73] время их поселения связывали именно с этим документом 1687 г., хотя в нем упоминается только д. Амиеево. Тем не менее, необходимо учитывать возможную причастность к нему «тептярей» из д. Уразметево.

Итак, по материалам XVII в. наблюдаются два вотчинника с одинаковыми именами, каждый из которых может быть связан с названием д. Уразметево. Представляется, что Уразмета Ямашева, упомянутого в 1639 г., можно считать наиболее вероятным основателем одноименной деревни. Потому что его внук Масыгут основал одноименную деревню на той же территории, где рядом возникла д. Уразметево. Одно можно вполне резонно и уверенно сказать: деревня появилась именно в том веке, в котором они родились и жили.

Впервые название деревни упоминается в документе от 30 октября 1727 г. Речь идет о черемисине д. Уразметево Тюке Ибаеве, который вернул долг 6 рублей «башкирцам» д. Масыгутово Масыгугу Татимову и д. Уразметево Аллагулу Кучюкову натурой [13, л. 75]. Вполне возможно, что эти «башкирцы» могли быть родственниками, причем последний мог иметь прямое отношение к вероятному основателю деревни Уразмету Ямашеву.

Этот документ хранился у наследников Тюки Ибаева более ста лет, пока «тептярями» д. Уразметево через доверенных лиц Надырши Тимирова, Балту Абдрашитова и Мусагита Маметева не был представлен мензелинскому стряпчему Скарятину в 1842 г. как документальное свидетельство их проживания на даче Булярской волости с 1727 года [13, л. 74]. Тот факт, что черемисин Тюка Ибаев имел на территории Булярской волости большое хозяйство, включавшее два имения (Керкевер и Шебиз), свидетельствует о том, что он был вотчинником, возможно, бобыльского сословия. Ведь различие между населением бобыльского и башкирского сословий определяла сумма ясака, которую они платили в казну. «Бобыль» мог перейти на окладной ясак и стать «башкирцем».

Вернемся к д. Уразметево. По договору от 2 апреля 1735 г. «башкирцы» мулла Муслим Абдуллин (из д. Сикия), Ирка Якшиев и Халил Солтангулов (д. Казгалик), Абдулла Урускулов (д. Уразметево), Ишболда Темиров (д. Сынгирия; в источнике «Сынгирия»), Халил Кадыров, Ибраш Ишимов, Смаил Толбаев (д. Калмия-Тамак), Елдаш Кутлуметов (д. Сеитово) и их товарищи припустили на 20 лет ясачных татар Биметя Бикметева, Беккини Тирметева,

Калмамета и Кадермета Алмаметевых из той же волости д. Атрякле («Атырикли») с условием ежегодной выплаты оброка («За которое припущение взяли мы, Муслим с товарищи, у него, Биметя с товарищи, денег 8 руб. А впредь ему, Биметю с товарищи, с вышеписанного числа платить к нам, башкирцам, оброку на год по рублю») [5, с. 337]. В 1753 г. на тех же условиях действие договора продлили еще на 20 лет [6, с. 70].

Как видим, Абдулла Урускулов, вотчинник д. Уразметево, упоминается среди других булярцев, осуществивших припуск ясачных татар д. Атрякле. Находясь в полной зависимости от вотчинников, последние впоследствии были записаны в тептярское сословие.

В связи с необычной фамилией данного вотчинника, обращают внимание Урускул Тапасев, Айдаш Урускулов, Юмагул Тапасев, Алдаш Кутлуметев, Юлдаш Кутлуметев, Сарыбай Аширов (из д. Сеитово), названные в документе от 4 мая 1747 г. [13, л. 102 об.-105]. Возможно, между Урускуловами дд. Уразметево и Сеитово имеется определенная связь, даже родство.

Выше были рассмотрены вопросы, связанные с возникновением деревни, происхождением ее названия, по этой причине основное внимание уделялось вотчинникам. Кроме последних, в деревне проживали татары тептяр-бобыльской сословной группы, о которых впервые сообщается в переписных документах 1762 г.

Переходим к рассмотрению сведений из ревизских сказок 1762 г. В команде старшины Минея Бекбова Булярской волости зафиксированы «тептяри и бобыли» дд. Якшиевы (22 души муж. пола), Бишкучаево (43), Булярково (31), Уразметево (46), Тлянчино (40), Кубяково (27), Баюково (37) Амиеево («Амякеево»; 37), Сынгириново («Синириново»; 39), Кадырово (47), Аккузино (7), Ахуново (9), Исембетово (17), Турачево (57), Кулуново (12), Исансупово («Исянсюфино»; 80), Каскиново (17), Иркенашево (19), Шураново (12), Чуплюк («Чубюлюк»; 36), Поисево («Поичево»; 115), Шайчурино (30), Семьяково (26), Урметево (73), Мушуга (21), Атрекли (32), Аняково (36), Яркеево (11), Аташево (10), Усы («Осы»; 53), Илтемирово (32), Гаврилово (5) и др. Всего насчитывалось 1274 души муж. пола [16, л. 717-810 об.].

Почти такие же значения показывают сведения 1764 г., содержащиеся в ведомости участников Пугачевского восстания. Отличие заключается в том, что они именуются ясачными татарами команды старшины Умяткула Теукелева (он сменил на этом посту Минея Бекбова) [4, с. 281-282]. И это явно подчеркивает татарство «тептярей и бобылей».

Как показано выше, в д. Уразметево в 1762 г. было 46 душ муж. пола татар тептяр-бобыльской сословной

группы. Перечислим их имена: 1) Ишмет Утяганов (умер; дети Аднагул, Суты); 2) Бикбов Утяганов (36; дети Минлигул, Болта); 3) Ишбулат Иштеряков (умер; сын Куват (35; сыновья Мирас, Махмут, [Г]узеир), Касы[м]); 4) Мяхди Иштеряков (56; дети Сюяргул (31; сыновья Супханкул, Болта), Сююш (27), Абдрахман (17), Абдулкарим (14), Абдулзялил (11), Абдрашит (9)); 5) Бикей (умер; дети Бикметет, Бикташ) и Биккул (31) Сулеймановы; 6) Акбай Минлибаев (умер; дети Абдул (36; сын Абдюкей) и Ишметет); 7) Юр[т] багыш Уразаев (37; дети Альмухаммет, Абдулгази); 8) Аиткул Туйметев (40; дети Сеиткул, Имангул); 9) Мяметей Дусыев (41); 10) Суяргул Максют[ов] (36; сын Суюндюк); 11) Адиль Кулыев (41; сын Абдрашит); 12) Юлдаш Утяганов (умер; сын Заит (умер; его дети Абдуссалам, [Г]абдулла); 13) Аднагул (умер; дети Абузай (36; сын Абдулкарим), Сююш (31; сыновья Абдулзялил, Рафик) и Айдар (20)) и Юлдаш (61) Дюскины; 14) Нурмет Рысов (51; сын Тимеркей). Выборной Юртбагыш Уразаев и староста Сюяргул Мягдиев приложили свои тамги к документу [16, л. 724-727].

К концу XVIII в. численность этого населения д. Уразметево почти удвоилось. В 1795 г. учтено 91 душа муж. и 86 душа жен. пола татар тептяро-бобыльской сословной группы (в источнике «государственные есашные тептери и бобыли»; в 1782 г. их было соответственно 71 и 70) команды пятисотника Салиха Арасланова. Жители вступали в браки с татарами тептярского (дд. Азмеево «Белебеевской округи», Амекеево (3 брака), Аняково (2), Байково «Белебеевской округи», Байсарово (2), Бакабизово (3), Бугады, Буляр, Исангулово, Исансупово, Ишметево «Белебеевской округи», Ишметево «Бирской округи», Кадырово «Белебеевской округи» (3), Катай «Белебеевской округи», Клянчи, Кубяково, Меллятамак, Мушуга, Наратас, Поисево, Семяково, Такмак, Турачи, Чалпы, Чуплюк, Шайчурино (2)) и башкирского (дд. Агбязово, Айманово (2 брака), Байсарово, Зубирово, Кадырово, Кубяково, Кулметево, Надырово, Наратас, Семиостровная (2), Сикия) сословий разных деревень и территорий [9, л. 238-248 об.].

По этим сведениям можно судить, что препятствий для заключения брака между татарами двух основных сословий и разных территорий не было. Они жили в едином татарском этнокультурном пространстве, где сословные различия никак не могли повлиять на семейно-бытовые и иные отношения.

Свидетельством единства татар разных сословий является их совместное проживание в одной д. Уразметево. Чтобы полнее осветить этот вопрос и историю деревни, обратимся теперь к рассмотрению переписи 1811 г.

В 1811 г. в команде юртового старшины Абдулвахита Ибрагимова Булярской волости Мензелинского уезда Оренбургской губернии состояли вотчинники и припу-

щеники башкирского сословия следующих селений: Чуракаево (60 душ муж. пола), Зиланово (70), Акбезово (54), Альметево (45), Амекеево (89), Суякеево (40), Карамалы (26), Тлянчино (15), Кубяково (30), Бекабызово (28), Буляково (28), Уразметево (57), Масегутово (16), Буляр (17), Сеитово (88), Сикия (91), Табанликуль (42), Байсарово (186), Аккузево (80), Ахуново (9), Минляр (10). Всего было зарегистрировано 1 097 душ муж. пола в 21 селении. В этой команде было 33 священнослужителя (часть из них – припущенники) и 16 чиновников [10, л. 278-304 об.]. Остальные татары башкирского сословия учитывались в других командах.

Эта перепись показала следующие дворы вотчинников в д. Уразметево: 1) Ильмет Аллагулов (58); 2) Минлигул Аллагулов (53); 3) Хисаметдин (40), Сиразетдин (30), Сайфетдин (27) Курбанаевы; 4) Абдулвагап (56), Абдулвахит (36), Абдрафик (31) Абзелиловы; 5) Габбяс Минлибаев (1765-1808); 6) Алексей Алдаров (1748-1804); 7) Байсака Нуркеев (1738-1810); 8) Сагындык Ибрагимов (56); 9) Сайфулла (46), Губайдулла (45), Хабибулла (32) Ибрагимовы; 10) Гадельша Утяганов (45); 11) Абдулвагап Алакаев (53; азанчей); 12) Ягфар Канзафаров (61; указанный мулла), всего 57 душ муж. пола (в 1795 г. их соответственно было 30) [10, л. 290-291].

Следует отметить, что названные первыми братья Аллагуловы являются сыновьями Аллагула Кучукова, последний ранее встречался в бытовом договоре от 30 октября 1727 года. Напомним, что речь шла о черемисине села Уразметьево Тюке Ибаеве, вернувшем долг в 6 рублей «башкирцам» д. Масягутово Масягуту Татимову и д. Уразметево Аллагулу Кучукову натурой.

В ревизском списке 1811 г. записаны сыновья Ильмета Аллагулова Хисаметдин (25 лет; хорунжий), Биктимер (12) и Биктимер (9). В формулярном списке старшие сыновья Ильмета Аллагулова указаны под родовой фамилией «Черепанов». Вотчинник Черепан Нуралин ранее упоминался в 1715 [1650] г. Оказывается, Кучук был младшим сыном (об этом говорит и само имя, в переводе — «младший») Чурапана (Черепана).

Обратим внимание на другую информацию в формулярном списке чиновников, урядников и писарей 11-го кантона. 13 февраля 1812 г. Хисамутдин Ильметев сын Черепанов получил чин походного старшины, «в сражениях не бывал, а находился на линейной службе» в разных местах («Илецкая защита», Нежинская крепость, Бессарабия). Его брат Биктимер Ильметев сын Черепанов поступил на службу рядовым (1816) и менее чем через год был переведен в чин зауряд-хорунжего. В последующие годы он также «в походах не бывал, а находился на линейной службе» в разных местах («Илецкая защита», Красногорская крепость, Оренбург) [15, л. 22 об.-23, 24 об.-25].

Ранее мы приводили ревизский список деревень вотчинников и припущенников башкирского сословия в 1811 г. В большинстве из них «башкирцы» жили вместе с татарами тептярского сословия. Приведем сведения об условиях поселения последних на землях вотчинников в этих и других деревнях. В дд. Тлянчино (ныне с. Октябрь Муслюмовского района РТ) и Уразметево они заселились «по добровольному допуску башкирцев без договоров». «По допуску» вотчинников жили и «тептяри» дд. Кубяково («без всяких договоров»), Бекьябызово, Суякеево, Буляр («по добровольному допуску»), Сеитово, Байсарово («без договоров»), Якшиево («без договоров») и мещеряки д. Табанликулево. В д. Ахуново «тептяри» имели «старинное заселение», в д. Минляр жили «без договоров», в д. Бишкучачево – «по допуску с издавших лет без договоров», в дд. Улыммен и Казгаляк – «по допуску», в д. Саперово – «по старинному заселению», в д. «Асылтуш на речке Шабыз, называемой Челномарат» – «по старинному заселению, без договоров». Татары тептярского сословия д. Аккузево поселились «по договорам данным от башкирцев 1750 мая 19, 1801 годов октября 15 числа из оброку». В д. Токмак также поселились по договорам, но они не сохранились («за згорением»), поэтому дату их припуска жители назвать не смогли [7, л. 16-17].

Эти сведения позволяют сделать вывод, что подавляющее большинство татар тептярского сословия осели на землях Булярской волости без договоров и изначально были «бобылями». Только татары села Аккузево поселились с условием уплаты оброка. Следовательно, последние являются татарами тептярского, а остальные – бобыльского сословия. После реформы 1747 г. они стали татарами тептяро-бобыльской сословной группы, а в переписях до 1850 г. включительно обозначались как «тептяри и бобыли».

В состав татар башкирского сословия входят вотчинники и припущенники (т. е. живущие по припуску). В Булярской тюбе и волости Мензелинского уезда вотчинники жили в следующих 27 деревнях: 1) Чуракаево (90 душ муж. пола по 8-й ревизии); 2) Саперово (195); 3) Ахуново (11); 4) Аккузево (81); 5) Минляроро (8); 6) Байсарово (35); 7) Зиланово (86); 8) Акбесово (77); 9) Альметово (61); 10) Сююкеево (28); 11) Бакабизово (39); 12) Тлянчеево (11); 13) Кубяково (63); 14) Карамалы (45); 15) Табанлыкуль (60); 16) Буляково (69); 17) Сеитово (79); 18) Булярская (3); 19) Сикия (81); 20-21) Верхнее Яхшеево и Нижнее Яхшеево (66); 22) Улуйменево (27); 23) Уразметево (86); 24) Чалманарат (35); 25) Бишкучачево (1); 26) Масыгутово (25); 27) Мастеево (43) [13, л. 10-11].

По этим данным видно, что в д. Уразметево было 86 вотчинников муж. пола. Точно такое же число наблюдается по переписи 1834 г. Следовательно, «башкирцы» состояли только из вотчинников. Этот вывод подтверждает и другой источник, где все 86 душ пола именуются

вотчинниками [13, л. 170].

Перейдем к другим документам. Изучая историю д. Буляково, мы обнаружили, что перепись 1834 г. впервые показала жителей тептярского сословия (113 душ мужского пола и 100 душ женского в 22 дворах), причисленных из д. Уразметево. О них сказано, что «переселились ... до генерального еще межевания земель, где размежеваны в одну дачу» [11, л. 354-362]. В результате в д. Уразметево осталось 75 душ муж. и 68 душ жен. пола (24 двора) [11, л. 343-353]. Данный факт говорит о том, что большинство татар тептярского сословия д. Уразметево десятилетиями проживало в д. Буляково, но продолжало числиться в старой деревне.

Рассматривая историю д. Буляково, один автор, ссылаясь на документ, сообщает, что «113 душ тептярей из д. Уразметево были причислены после 8-й ревизии» [1, с. 508], хотя в этом источнике пишется о причислении «по 7 ревизии» [13, л. 162]. Как видим, уразметевцы впервые были включены в список д. Буляково в 1834 г. (8-я ревизия).

Заметим, что по закону 1855 г. о Башкирском войске, эти и другие «тептяри» впервые стали называться «башкирцами», что наиболее ярко отразилось в переписи 1859 г. По этому поводу авторы одной книги пишут, что «тептяри определили себя «ново-башкирами». Это может свидетельствовать о башкирском происхождении тептярей» [2, с. 263]. Очевидно, такое тенденциозное суждение полностью игнорирует сословное содержание термина, выдавая его за этничность.

Перепись 1859 г. зафиксировала в д. Уразметево 303 души муж. и 275 душ жен. пола (99 дворов) татар башкирского (58) и тептярского (41) сословий. Обязанность муллы исполняли Абдулхамит Ильясов (55 лет) и Ахматзян Музафаров (44; причислен из д. Сасыбруново в 1858 г.), указного азанчея – Исхак Ильясов (51), урядника – Абдулнасыр Ильясов (47). Абдулнасыр Абдулвагапов (69) показан как «отставной лекарский ученик», которого мы не видели по Мензелинскому уезду. Назовем некоторых татар тептярского сословия: Токфатулла (66) и Фаткулла (59) Габидуллины, Бурангул Ямангулов (51), Зиганьша (49) и Мухамметсадык (45) Абдулвахитовы, Мухамметгали Абдулов (70), Батырша (50), Гарейша (44) и Гимадтин (34) Тимировы. Сын Исхака Абдулвахитова (1805-1855) Гарейша (28) «принял св. крещение в 1860 году, а в 1861 году исключен из башкирского звания с причислением в оренбургские мещане» [12, л. 161-176]. На титульном листе ревизской сказки все население д. Уразметево названо «башкирцами», что указывает на переход в это сословие «тептярей» (в прошлом ясачных татар) (поэтому «тептяри» также исключались из башкирского звания при переходе в православие).

Переход татар тептярского сословия в «башкирцы» отразился в метрических книгах. Более того, чтобы отличать этих новых «башкирцев» от старых, в оборот были введены сословные термины «новобашкирцы» и «старобашкирцы». Так, в 1861 г. в д. Уразметево родилось 27 детей (15 душ муж. и 12 душ жен. пола), отцы которых были названы «башкирами» (15 чел.) и «новобашкирами» (10) [2, с. 264]. Оренбургское магометанское духовное управление не могло не учитывать масштабные изменения, вызванные реформой 1855 г. Возможно, оно же и рекомендовало термины «новобашкирцы» и «старобашкирцы» для метрических записей, не случайно начало их применения наблюдается только после 1855 г.

По данным 1870 г., в д. Уразметево у речки Сикия были отмечены 351 душа муж. и 317 душ жен. пола «тептярей». Были мечеть, мектеп («училище»), водяная мель-

ница [17, с. 108].

Как видите, статсборник искажил сословие жителей, причислив всех к «тептярям». Такие примеры наблюдаются и по другим деревням Булярской поземельной волости вплоть до 1917 г. Во избежание подобных ошибок, следует опираться на материалы ревизских сказок, которые остаются единственно верным источником при определении сословия.

Итак, мы рассмотрели основные моменты истории типичной татарской деревни Булярской поземельной волости. На начальном этапе ее развития наблюдаются вотчинники и «бобыли», последние, будучи ясачными татарами, позднее вошли в тептяро-бобыльскую сословную группу. В результате реформы 1855 г. изменилась сословная структура деревни, всё население стало именоваться «башкирцами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009. 600 с.
2. История башкирских родов. Т. 36. Буляр. Уфа, 2020. 920 с.
3. Кәримов Таһир. Уразмәт авылы (Авыллар тарихы) //Мирас. – 1994. – № 4. – 123-125 бб. (на татарском языке).
4. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975. 496 с.
5. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.-Л., 1949. 692 с.
6. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 1. М., 1956.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 450
8. НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1546а
9. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 51.
10. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 104а.
11. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2, Д. 471.
12. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 753.
13. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 20.
14. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 21.
15. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4022.
16. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3801.
17. Список населенных мест по сведениям 1870 года. Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1877.

© Каримов Тагир Тимергазимович (tkarimov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ли Хунцзюань

Доцент, Хэйхэский университет, КНР
bnulihongjuan@mail.ru

SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF RUSSIAN MILITARY EMIGRATION IN NORTHEAST CHINA IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Li Hongjuan

Summary: The article examines the socio-cultural aspects of the life of the Russian military emigration in China up to the middle of the XX century. It is noteworthy that the greatest flow of Russian military emigration occurred during the revolution and the Russian Civil War of 1917-1920. Representatives from among the former military were the most active layer in the political and social life of Russian emigration in China. Military emigrants have also played an important role in the development of education and the Chinese economy. Russian military emigration, despite the negative socio-political situation, had a tangible impact on Russian youth, preserving Russian spiritual, cultural and patriotic traditions in an alien culture.

Keywords: Russians, military emigration, Northeast, China, social, cultural life, traditions, historical context.

Аннотация: В статье рассматриваются социально-культурные аспекты жизни военной русской эмиграции в Китае вплоть до середины XX века. Примечательно, что наибольший поток русской военной эмиграции приходится на время революции и Гражданской войны в России 1917–1920 годы. Представители из числа бывших военных Российской Империи являли собой наиболее активный пласт в политической и социальной жизни русской эмиграции в Китае. Военные эмигранты также сыграли немаловажную роль в процессе развития образования и становления экономики Китая. Вопреки негативной социально-политической ситуации, военная эмиграция оказала ощутимое влияние на русскую молодежь, сохранив русские духовные, культурные и патриотические традиции в условиях чуждой культуры.

Ключевые слова: русские, военная эмиграция, северо-восток, Китай, социальная, культурная жизнь, традиции, исторический контекст.

Начало XX века было ознаменовано самой большой в истории России волной эмиграции. Октябрьская революция 1917 года стала импульсом для массового бегства из России. Миллионы людей были вынуждены уехать из России в результате революции и Гражданской войны.

Многие русские эмигранты выбрали местом проживания Китай по причине доступности пересечения границы, поскольку Китай был единственным сопредельным с Россией государством, куда был разрешен беспрепятственный въезд, так как граница была практически открыта [1]. Актуальность рассматриваемой темы обоснована тем, что русская военная эмиграция представляла существенную часть эмигрантского сообщества и сыграла ведущую роль в политической, социальной, экономической и культурной жизни русских эмигрантов на территории Китая. Таким образом, исследование аспектов жизни военной эмиграции как значимой составляющей русской диаспоры в Китае, внесенной в многообразие исторических работ, открывает возможность изучения всего эмигрантского сообщества и способствует дополнительному освещению страниц

истории российско-китайских отношений.

Территориальные рамки исследования обусловлены областью исторически сложившихся северо-восточных районов Китая, где были сформированы самые многочисленные русские концессии.

Значительную часть русского эмигрантского сообщества составляли военные царской армии, которые в жесточайших сражениях с Красной армией отступали на восток страны, и присоединялись к армии Колчака. Часть соединений, добравшись до Сибири, свободно пересекали российско-китайскую границу и оказывались на территории Северо-Восточного Китая. [2]. По Китайско-Восточной железной дороге из Сибири в Маньчжурию следовали эшелоны с ранеными, а также тысячами беженцев, среди которых было немало офицеров. Другая часть воинских соединений попадали в Китай через территорию Приморья и Приамурья.

Но окончание Гражданской войны не для всех бежало-гвардейцев стало завершением военной службы. Многие русские военные эмигранты приняли участие в междоусобных войнах Китая в качестве наёмников, тем

самым меняя ход китайской истории.

Русские военные эмигранты в Китае представляли собой общность, объединенную одним прошлым и настоящим, значимым элементом которой, была потеря родины и неприятие советской власти, наделенную комплексом идентификационных признаков, обладающую своей исторической, политической, экономической, и культурной идентичностью.

Большинство русских эмигрантов нашли пристанище на исторически связанных с Россией территориях, таких как Харбин, Шанхай, Пекин, Далянь, Тяньцзинь и Циндао. В Пекине было сформировано Общество русской эмиграции [3].

Оказавшись в азиатской стране, с совершенно чуждыми традициями и укладом жизни, русские эмигранты столкнулись с потребностью сохранения своих культурных ценностей. Что, в свою очередь, в значительной степени способствовало открытию русских учебных заведений, торговых представительств и православных церквей, также на территории Китая функционировало немало военных организаций, молодежных союзов и молодежных объединений.

Харбин стал уникальным первым известным городом в Китае, культурным и административным центром, где русское население значительно превышало коренное и насчитывало более 120 тысяч человек.

Город был пропитан русским духом и отражал уклад жизни в дореволюционной России, став официальной русской колонией, где процветала промышленная деятельность и торговля. В первые годы появились самостоятельные градостроительные образования, такие как Новый город, Старый Харбин, Пристань, Мостовой посёлок и др. В Харбине было открыто российское консульство, администрация Китайско-Восточной железной дороги, а также торговые представительства, функционировали исследовательские и образовательные учреждения, почта [4].

Русские эмигранты жили в Харбине наполненной жизнью. Исторические материалы разных лет свидетельствуют о том, что русские переселенцы в Харбине пребывали преимущественно в «русском мире». Практически малая часть русских была заинтересована в изучении языка и культурных традиций Китая. Большая часть русских эмигрантов, в контакте с местным населением, использовала упрощённую коммуникативную форму на основе русского языка - русский пиджин [5].

В окрестностях Харбина была сосредоточена вся культурная жизнь Маньчжурии. Русский язык стал сред-

ством самостоятельного бытования. Русскую речь можно было слышать повсеместно: на улицах, в театрах, в учреждениях образования, культуры и торговли. Рекламные щиты пестрели вывесками на русском языке.

Активно развивалась образовательная сфера: открывались русские школы, гимназии, училища, а также учреждения высшего образования. 1920 год стал годом основания Харбинского Политехнического института [6].

В градостроительстве Харбина явно прослеживался характерный колорит петербургской архитектуры. Фасады зданий были выполнены в стиле ампира с элементами модерна, церкви с типичными луковичными куполами. В центре Харбина была выстроена большая круглая площадь с расходящимися от нее широкими проспектами и бульварами.

Основой миропонимания и системы жизненных ценностей русских харбинцев, безусловно, являлось православие. Поэтому важной составляющей духовной жизни русских эмигрантов было возведение православных храмов, их в Харбине насчитывалось более двадцати. Самым первым православным храмом, построенным в Харбине, был Никольский собор. Далее были возведены Софийский собор, Иверская церковь, Свято-Алексеевская церковь, Благовещенский храм, Покровский собор и другие. На реке Сунгари в 1921 году появилась первая иордань. Русское сообщество придерживалось национальных традиций и глубоко чтит все православные праздники [7].

Большое влияние русские традиции оказали и на формирование местной кухни. В результате чего в Китае появилось множество русских национальных продуктов, таких как квас, мороженое, колбаса, русский хлеб и прочие традиционные продукты питания.

Таким образом, Харбин постепенно стал развитым промышленным и культурным центром Маньчжурии.

Далее события, произошедшие в политической жизни России и Китая, привели к весьма плачевным последствиям, негативно отразившись на судьбах русских эмигрантов.

1924 год был ознаменован официальным признанием Китаем правительства Советской России.

Между СССР и Пекином было подписано Соглашение, согласно которому Китайско-Восточная железная дорога стала коммерческим предприятием с правом управления на паритетных началах, т.е. под совместным управлением Китая и Советского Союза. Соглашением был утвержден численный состав Правления железной дороги в составе 10 человек, по 5 представителей от

каждого государства. Возглавлял Правление председатель со стороны Китая, а со стороны Советской России и назначался его помощник.

Таким образом, произошедшие перемены внесли свои коррективы в дальнейшую судьбу русских эмигрантов, которые были задействованы на обслуживании железной дороги. Большинству из них пришлось сделать выбор в пользу советской власти во избежание потери работы, так как в соответствии с принятым Соглашением, на Китайско-Восточной железной дороге могли работать только подданные Китая и Советского Союза [9].

После оккупации Японией территории Маньчжурии все права Советского Союза в отношении Китайско-Восточной железной дороги были переданы Правительству образованного марионеточного государства Маньчжоу-Го на основе Соглашения об уступке прав от 23 марта 1935 года, которое было заключено с целью обеспечения мира на Дальнем Востоке. В результате чего многие представители русской диаспоры приняли решение о возвращении в Россию, что привело к сокращению населения Харбина на четверть.

В 1937 году были предприняты карательные меры по отношению к русским в Харбине, которым были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу Японии. В связи с чем, находясь под натиском японских оккупантов, многие русские эмигранты попали в разряд апатридов [10]. Часть русских, обосновавшихся в Харбине, под давлением обстоятельств переселялись в другие города Китая — Шанхай и Тяньцзинь.

Шанхай стал вторым после Харбина русским культурным центром.

В Шанхае русские эмигранты также были вынуждены решать проблему сохранения своей культурной идентичности. Очень популярным направлением в тот период стала издательская и книготорговая деятельность. В Шанхае была открыта и успешно работала типография

«Слово», а также книжные магазины «Русская книга» и «Книжное дело» [11].

Наряду с Харбином и Шанхаем русская эмиграция стекалась также и в другие города Китая, например, такие как Тяньцзинь и Ханькоу. В Тяньцзинь находилось наибольшее количество иностранных концессий, их насчитывалось восемь.

С обоснованием русских эмигрантов в Тяньцзине отмечался стремительный рост экономики, открывались торговые предприятия, заводы, типографии, издательства, рестораны.

Так, русская концессия в Тяньцзине просуществовала 24 года, явив собой островок России на китайской земле. В конечном итоге, правительство Советского Союза отказалось от всех территориальных прав, и концессия была предоставлена китайскому правительству [12].

Таким образом, можно заключить, что представителям русской диаспоры удалось полностью сохранить свою культурную самобытность, фактически, не подвергнувшись воздействию со стороны чуждой культурной среды. Процессы ассимиляции с местным населением были крайне слабыми. Напротив, русские эмигранты на протяжении многих десятилетий не только сохраняли свои православные традиции, но и внесли свой существенный вклад в культурное, социальное и экономическое развитие и процветание Харбина, Шанхая и многих других городов Китая, тем самым навсегда вписав свои имена в историю этого государства.

Именно первая половина XX века стала фазой очень тесного взаимодействия русской культуры, посредством эмиграции, с одной стороны, и китайской культурной среды с другой. Определенно, подобный коммуникативный опыт соприкосновения этнически отличных культур может быть в значительной мере полезным в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.) / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. - М.: Б.и., 1997. - 245 с.
2. Говердовская Л.Ф. Культурная жизнь российской эмиграции в Китае в 20-40-е года XX века. - М. - 167 с.
3. Ху Боя, Лу Гань. Смесь Харбинской русской диаспоры и китайско-русской культуры // Вестник Хэйлунцзянского социалистического института. Серия: Общественные и гуманитарные науки. - 2019. - № 6. - С. 45-46.
4. Хисамутдинов А.А. К истории русской общины в Пекине // Проблемы Дальнего Востока. - 2014. - № 2. - С. 30-36.
5. Ма Вэйюнь. КВЖД и Хэйлунцзянская культура. Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2010. - 210 с.
6. Ду Лигун. Белая эмиграция Тяньцзиня [Текст] // Альманах литературно-исторических материалов Тяньцзиня. - Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 1981. - 293 с.
7. Ши Фан История русской эмиграции в Харбине. - Хэйлунцзянское народное издательство, 2023. - 145 с.
8. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. - 296 с.

9. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: ДВО РАН, 2003. – 220 с.
10. Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае [Текст] / Ван Чжичен. – Шанхай, 1993. – 327 с.
11. Чжун Нань. Дрожь от чтения Харбинского архива [Текст] / Чжун Нань // Хэйлунцзянские исторические заметки. – 2021. – № 1. – С. 26–29.
12. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л.Ф. Говердовская. – М.: Ин-т Дальнего Востока (М), 2000. – 189 с.

© Ли Хунцзюань (bnulihongjuan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Хэйхэ

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «АРКОС»

TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN GREAT BRITAIN AND THE SOVIET REPUBLIC WITHIN THE FRAMEWORK OF ARKOS ACTIVITIES

*Yu. Savosina
N. Pischikova*

Summary: In this article, the authors consider the trade and economic relations that developed between Great Britain and the young Soviet Republic in the 20s of the twentieth century, and also reveal the problems of the creation and operation of the joint-stock company «Arkos». The beginning of the 1920s can be characterized by constant fluctuations in trade and economic terms between Great Britain and the Soviet Republic, which was the result of a dual policy on the part of the governments of both states.

Keywords: trade and economic relations, Great Britain, Soviet Republic, joint stock company «Arkos», economic crisis, new economic policy (NEP), Anglo-Soviet trade, cooperation.

Савосина Юлия Вячеславовна

*К.и.н., доцент, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
yulya-savosina@yandex.ru*

Писчихова Наталья Петровна

*К.и.н., доцент, Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
npischikova@mail.ru*

Аннотация: В данной статье авторы рассматривают торгово-экономические отношения, которые складывались между Великобританией и молодой Советской республикой в 20-х гг. XX века, а также раскрывают проблемы создания и деятельности акционерного общества «Аркос». Начало 1920-х гг. можно охарактеризовать постоянными колебаниями в торгово-экономическом плане между Великобританией и Советской республикой, что служило следствием двойственной политики со стороны правительств обоих государств.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, Великобритания, Советская республика, акционерное общество «Аркос», экономические кризис, новая экономическая политика (НЭП), англо-советская торговля, сотрудничество.

К началу 20-х гг. Советская Россия столкнулась не только с социально-политическим, но и с тяжелейшим экономическим кризисом. Ее промышленность, транспорт, финансовая система в результате мировой и гражданской войн были подорваны. Вследствие экономической блокады, организованной капиталистическими государствами, внешнеторговые операции были незначительны, а торговый баланс пассивным. Новая экономическая политика, начатая на X съезде РКП(б), представляла собой целую систему мер по возрождению экономики России. В период восстановления народного хозяйства (1921—1926 гг.), когда требовалось развивать легкую промышленность, в импорте преобладало сырье (хлопок, шерсть, кожа). Структура экспорта мало изменилась по сравнению с дореволюционным периодом (в 1924 г. зерно — 37,8%, лес и лесоматериалы — 13%, нефть и нефтепродукты — 11%, пушнина — 5%).

Правительство Великобритании потерпев неудачу в военной интервенции против Советской России в 1918-1919 гг., пыталось осуществить экономическую интервенцию на основе отмены монополии внешней торговли и навязывания неравноправных экономических соглашений, что, в конечном счете, привело бы к восстановлению капиталистических порядков в Советской стране.

Однако, внутренняя экономика Великобритании с конца войны и до середины 1920 г. переживала своеобразный торгово-промышленный бум, приведший к значительному росту промышленной продукции и к расширению внешней торговли, что сопровождалось бурной инфляцией. Затем в 1920 г. начался глубокий экономический кризис, в результате которого промышленное производство резко упало. Кризис не сменился периодом подъема. Экономика Великобритании в 1922—1923 гг. находилась в состоянии застоя и депрессии.

Для обоих государств решением сложной ситуации было взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, что являлось возможностью вывести внутреннюю экономику на новый уровень. Советская Россия переходила от политики пролетарского интернационализма к политике мирного сосуществования с капиталистическим миром, опираясь на традиции внешнеполитического курса России и ее геополитических интересов. Этот процесс активно реализовывался с помощью новой экономической политики (НЭПа), которая на Западе рассматривалась в качестве ослабления политической власти коммунистического руководства. Капиталистический мир в лице Великобритании, заинтересованный в сырьевом рынке России, отказался от прямого и откры-

того вмешательства во внутренние дела РСФСР [5, с. 253].

Торговый баланс между Великобританией и СССР в начале 1920-х гг. напрямую зависел от налаживания и развития англо-советских политических отношений. Если в период иностранной военной интервенции капиталистических государств и экономической блокады Советской России, англо-советская торговля находилась в упадке, и экспорт из Советской страны в Англию равнялся нулю, то уже в 1921 г., после заключения Англо-советского торгового соглашения, торговля между ними возросла.

Вновь снижение англо-советской торговли приходится на 1923 г. в период предъявления СССР «ультиматума Керзона» и очередной попытки капиталистических стран, во главе с Великобританией, начать военно-экономическую интервенцию против Советской России. В это время экспорт из Великобритании в СССР упал почти в два раза.

Однако, установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией в 1924 г. способствовали быстрому росту англо-советской торговли. Политические, правовые и экономические основы между Советской Россией и Англией позволили торговым отношениям увеличить оборот в два раза и дали возможность постоянному росту этих отношений.

Экономическое сотрудничество было выгодно как СССР, так и Великобритании, и положительно влияло на торговый баланс между государствами в целом: «Советский Союз потратил около 4 млн. ф. ст. на перевозку товаров на английских судах, уплатил английским поставщикам около 1300 тыс. ф. ст. за упаковку и сортировку товаров, затратил на страхование товаров в Великобритании около 3500 тыс. ф. ст. уплатил около 900 тыс. ф. ст. процентов по кредитам, полученным от английских фирм» [1, оп. 14, д. 52].

Торговля Великобритании с СССР имела ряд преимуществ по сравнению с другими государствами, например с США. В первую очередь, это взаимовыгодность торговли – Великобритания нуждалась в сырье и продовольствии, а СССР – в промышленном оборудовании. Себестоимость продукции в Советской России была на порядок ниже, чем в капиталистических странах, т.к. в стоимость производства не входила земельная рента. Например, стоимость производства зерна в Советском Союзе была на 25-30 % дешевле, чем в капиталистических странах. Также в экспортной торговле СССР отсутствовала наценка на хлебные цены, которую делали частные торговцы. Транспортные расходы Советского Союза на поставку продовольствия и сырья в Великобританию были значительно ниже, чем расходы других стран. Необходимо учитывать близость Советского Сою-

за к английскому потребителю, которая давала возможность продавать советские товары на английском рынке дешевле других стран.

Экспорт из СССР в Великобританию в основном состоял из различных видов сырья, зерна (особое место занимала пшеница), масло, мяса, яиц, леса и лесоматериалов, мехов, нефти, льна, пеньки, пакли и других товаров.

Импорт в СССР из Великобритании определялся потребностями советской промышленности и сельского хозяйства. Советский Союз ввозил паровозы, автомобили, сельскохозяйственные машины, оборудование для электростанций, шахт, различных промышленных предприятий (турбины, двигатели внутреннего сгорания, паровые машины и т.д.). Также ввозились химические товары, рельсы, трубы, ферросплавы, никель, олово и многое другое. Помимо этого, СССР через Великобританию, закупал чай в Индии, хлопок из Египта, шкуры из Южной Африки, каучук из Малайи, шерсть и пряжу из Новой Зеландии и Австралии, при этом ничего не вывозив в эти страны.

Уже в начале 1920 г. начались первые попытки налаживания торговых и коммерческих отношений Советской России с деловыми кругами Великобритании. Этому способствовала активная предпринимательская деятельность политического и торгового представителя Советской России в Великобритании (с 1920 – по 1923 гг.) Л.Б. Красина [7, с. 67]. Им была выдвинута идея об учреждении в западных странах при неурегулированности политико-экономических и государственных отношений акционерные общества с назначением в управлении этими предприятиями доверенных людей Советской России, которые вели бы все дела. На заседании советской делегации в Лондоне 9 июня 1920 г. было принято решение о создании такого акционерного общества в Англии, под названием «Аркос» [2, оп. 1, д. 695].

11 июня 1920 г. было создано и зарегистрировано как частная компания с ограниченной ответственностью в соответствии с законодательством Великобритании в Лондоне «Акционерное Всероссийское Кооперативное общество» (All Russian Cooperative Society Limited) делегацией руководителей Всероссийского Центросоюза кооперативов и НКВТ с целью развития торговли с Великобританией. Меморандум и Устав Акционерного общества «Аркос» были приняты 10 июня 1920 г. и впоследствии не изменялись. С 13 июня 1922 г. общество было переименовано в «Акционерное общество Аркос с ограниченной ответственностью» («Arcos Ltd.»).

Первоначальный капитал Акционерного общества составлял 500 тыс. английских фунтов стерлингов и был разделен на 500 тыс. акций по одному фунту стерлингов каждая. В дальнейшем сумма уставного капитала была

объявлена в размере 1 млн. фунтов стерлингов, однако размещено и оплачено акций только на сумму 900 тыс. фунтов стерлингов, т.е. 900 тыс. паев (акций) достоинством 1 фунт стерлингов каждый [6, с. 102].

Первое время несколько сделок было подписано главой советской делегации Красиным, т.к. «Аркос» не имел необходимого авторитета в деловом мире, а Леонид Борисович обладал обширными контактами с деловыми кругами различных слоев британского торгово-промышленной среды [8, с. 91].

Но уже к осени 1920 г. ситуация резко изменилась. Советская делегация и «Аркос» достигли определенных успехов в практической организации торговли и воздействию на общественное мнение Великобритании. «В Сити, – писал Г.В. Чичерину 18 сентября 1920 г. Л.Б. Красин, – произвело сенсацию опубликование наших сделок на 1 700 000 фунтов сукна. Посыпались запросы, видимо, воздержавшихся от предложений. Боятся пропустить момент» [9, с. 107]. В дальнейшем многие годы почти вся коммерческая работа в Великобритании велась уже исключительно сотрудниками «Аркоса», который быстро приобрел вес и доверие в торгово-промышленном мире страны.

Велись переговоры, частично завершившиеся условными и контрактами, о поставке в советскую Россию 500 автомобилей (с фирмой «Слау»), о ремонте паровозов, об экспорте большой партии леса и шпал в Англию [9, с. 108]. Представители торгово-промышленных кругов Великобритании, ввиду успешной коммерческой деятельности «Аркоса», активно выступали за установление торговых связей с РСФСР.

К концу 1920 г. сотрудники «Аркоса» преодолевали множество препятствий, вытекавших из неопределенного состояния англо-советских отношений, осуществили покупки на сумму 2 млн. 800 тысяч фунтов стерлингов, что позволило Великобритании занять уже в этот период второе место во внешнеторговом обороте РСФСР.

Молодая компания уже в январе 1921 г. обладала капиталом в 100 тысяч фунтов стерлингов. Руководство «Аркосом» в 1921 г. (с июня 1921 г. по 1922 г.) осуществлял Георгий Иванович Соломон-Исецкий. В 1922 году капитал компании составлял 150 тысяч, а в 1924 году – 900 тысяч фунтов стерлингов [3, оп. 17, д. 186]. Сеть контор компании быстро разрасталась и стала настолько велика, что пришлось создать Правление в Лондоне.

Объем торговли между Великобританией и СССР, начиная с 1921 г. постоянно возрастал. В своем интервью 19 мая 1923 г. заместитель официального представителя РСФСР в Великобритании Я.А. Берзин посвященном англо-советским торговым отношениям говорил: «мне бы

хотелось обратить ваше внимание на данные о торговле, которая велась через наше торговое агентство «Аркос лимитед». К концу прошлого месяца торговля достигла суммы в 21 752 000 ф. ст.» [4, р. 506-507].

«Аркос» имел свой собственный банк с уставным капиталом в 700 тысяч фунтов стерлингов – Arcos Banking Corporation Ltd.

На мировом рынке «Аркос» являлся независимым британским акционерным обществом, однако в организационном отношении играл роль торгового отдела Российской Торговой Делегации, подчиненного ее контролю и работающего под ее непосредственным руководством. «Аркос» являлась английской компанией, работающей по английским законам, однако все акционерами были советские граждане. С момента образования компания стала осуществлять все торговые функции Российской Торговой Делегации по закупкам, продаже товаров и связанным с ними операциям. [6, с. 113].

В 1920-х гг. «Аркос» по своей сути являлся холдинговой компанией с разветвленной сетью дочерних предприятий, действующих на территории Великобритании, США, Франции, Турции, Риги, Москвы, Тбилиси. Среди всех организаций, осуществлявших внешнюю торговлю СССР в Великобритании, «Аркосу» принадлежало первое место. Общий торговый оборот в рамках деятельности данной организации в период с 1920 по 1926 гг. составил 200 164 188 фунтов стерлингов.

В 1920 г. «Аркос» был единственной торгово-оперативной организацией, завязавшей почти впервые непосредственные торговые отношения с фирмами и предприятиями Великобритании: «через него проходила вся покупка товаров на английском рынке. За период активной деятельности общества с 1920 по 1926 гг. общий оборот экспортно-импортных операций превысил 95 млн. фунтов стерлингов. Прибыль общества складывалась за счет комиссионных вознаграждений, получаемых от внешнеторговых операций» [3, оп. 17, д. 198].

Вскоре после создания «Аркос» в качестве коммерческого аппарата сделался настолько универсальным и гибким, что стал выполнять самые разнообразные задания экспортирующих и импортирующих организаций СССР по закупке и продаже разнородных товаров. Из СССР в Великобританию вывозили продовольственные товары, например: пшеницу и другое зерно, масло, яйца и др.; строительные материалы: пенька, пакля, лес и т.д.; химические товары: нефть, марганцевые руды, различные химикаты и многое другое.

Роль «Аркоса» в налаживании мирных торгово-экономических отношений между СССР и Великобританией была велика. Компания приобрела серьезное влияние

среди представителей британского делового мира, заключила многие крупные сделки с его представителями. Деятельность «Аркос» способствовала в отсутствие дипломатического договора между двумя государствами прекращению так называемой «золотой блокады» – продажи товаров на валюту из золотого запаса России, со значительным снижением процента стоимости золотого депозита в банках Великобритании, по сравнению с мировыми ценами. С помощью деятельности «Аркоса» стало возможным преодоление «лесной блокады» – арестом леса и лесоматериалов в Англии, привезенных из России по искам бывших соотечественников [9, с. 218-221].

Коммерческая деятельность компании «Аркос» способствовала улучшению атмосферы в торгово-промышленных кругах Великобритании и сыграла свою роль в прекращении «мертвого периода» и возобновлении переговоров о торгово-политическом соглашении [9, с. 228]. Компания «Аркос» вела успешную коммерческую деятельность и поддерживала англо-советский торговый баланс на протяжении всех 1920-х гг. Установление взаимовыгодного экономического сотрудничества между Великобританией и СССР позволило расширить англо-советский торгово-экономический баланс, что являлось возможностью вывести внутреннюю экономику обоих государств на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 69, оп. 14.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 413, оп. 1.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 413, оп. 17.
4. Russian Information and Review. London. Vol. 2, May 19, 1923.
5. Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. 1917-1924. М.: Госполитиздат, 1954. – 400 с.
6. Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч.1. 1917-1925. М.: Госфиниздат, 1947. – 476 с.
7. Карпова Р.Ф. Л.Б. Красин – советский дипломат. М.: ИСЭЛ, 1962. – 206 с.
8. Кремнев Б. Красин. М.: Молодая гвардия, 1968. – 256 с.
9. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917-1930) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 472 с.

© Савосина Юлия Вячеславовна (yulya-savosina@yandex.ru), Писчихова Наталья Петровна (npisichikova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЯВЛЕНИЯ ВАРВАРОВ ФАРЗОЯ И ИНИСМЕЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I В. Н.Э.¹

Ярцев Сергей Владимирович

Д.и.н., доцент, профессор, Тульский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого

s-yartsev@yandex.ru

SOME CIRCUMSTANCES FOR THE APPEARANCE OF THE BARBARS PHARZOIUS AND INISMEY IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE CONTEXT OF THE ETHNIC SITUATION IN EASTERN CRIMEA IN THE FIRST HALF OF THE 1ST CENTURY AD

S. Yartsev

Summary: The article is devoted to some circumstances of the appearance of the barbarians Farzoy and Inismey in the Northern Black Sea region in the 1st century BC. AD and the problem of determining the degree of participation in these events of individual associations of mercenaries who were in the service of the Bosporan kings. Based on a thorough analysis of the sources, the author comes to the conclusion that one of these barbarian groups played a special role as the most important intermediaries between the representatives of the Bosporan dynasty Asander - Aspurg - Mithridates VIII (III) and their distant relatives from the East. Apparently, in the first half of the 1st c. AD at the stage of their appearance in the Northern Black Sea region, these barbarians were in distant family relations with people from the royal dynasty. However, in the events of the Bosporan-Roman war of 45-49. they did not take part, possibly due to a conflict with Mithridates VIII (III) because of the plan proposed by the barbarians to attract additional forces from the East to fight the Romans. The tamga of this clan was formed as a result of a purposeful transformation of an ancient sign well known in the nomadic world, possibly related to the image of the World (Family) Tree and, accordingly, to some legendary progenitors. This may explain why some of the representatives of the related clans of these barbarians subsequently began to actively demonstrate their belonging to the Farzoy-Inismey dynasty. According to the author, this indicates the presence of common legendary progenitors of the Bosporan royal dynasty and the barbarian clans, whose tamgas were formed on the basis of the sign. Consequently, the barbarians hired at one time by Aspurg and Mithridates VIII (III), whose tamga was fundamentally formed from an ancient sign, at the peak of the consequences of the defeat of the dynasty in the Bosporan-Roman war, could not only contribute to the appearance of the army of Farzoy and Inismey in the Northern Black Sea region, but also possibly

Аннотация: Статья посвящена некоторым обстоятельствам появления варваров Фарзоя и Инисмея в Северном Причерноморье в I в. н.э. и проблеме определения степени участия в этих событиях отдельных объединений наемников, находившихся на службе боспорских царей. На основании тщательного анализа источников, автор приходит к выводу, что одна из таких варварских групп, сыграла особую роль наиболее важных посредников между представителями боспорской династии Асандром – Аспургом – Митридатом VIII (III) и их дальними родственниками с Востока. По-видимому, еще в первой половине I в. н.э. на этапе появления в Северном Причерноморье, указанные варвары состояли с людьми из царской династии в дальних родственных отношениях. Тем не менее, в событиях боспоро-римской войны 45–49 гг. они не приняли участие, возможно по причине конфликта с Митридатом VIII (III) из-за предложенного варварами плана по привлечению к борьбе с римлянами дополнительных сил с Востока. Тамга этого клана была образована в результате целенаправленной трансформации хорошо известного в кочевом мире древнего знака Σ , возможно имеющего отношение к образу Мирового (Родового) Дерева и соответственно к неким легендарным прародителям. Это может объяснять почему, некоторые из представителей родственных кланов указанных варваров, впоследствии стали активно демонстрировать свою принадлежность к династии Фарзоя – Инисмея. По мнению автора, это указывает на наличие общих легендарных прародителей у боспорской царской династии и варварских кланов, тамги которых были образованы на основе знака Σ . Следовательно, нанятые в свое время Аспургом и Митридатом VIII (III) варвары, тамга которых принципиально была образована из древнего знака, на пике последствий поражения династии в боспоро-римской войне могли не только способствовать появлению воинства Фарзоя и Инисмея в Северном Причерноморье, но и возможно стать главными союзниками и основной силой воинства указанных царей.

Ключевые слова: царь Асандр, царь Аспург, царь Митридат VIII (III). Царь Фарзой, царь Инисмей, Боспорское царство, военные поселенцы, наемники, тамги.

¹ Работа выполнена за счёт гранта РФФИ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.».

become the main allies and the main force of the army of these kings.

Keywords: king Asander, king Aspurg, king Mithridates VIII (III). King Farzoi, King Inismey, Bosporan Kingdom, military settlers, mercenaries, tamgas.

Одним из ключевых событий Северного Причерноморья I в. н.э., оказавшим влияние, в том числе и на этническую историю региона, безусловно, является боспоро-римская война 45 – 49 гг. При этом данный кризис межгосударственных отношений послужил катализатором серьезных этнических изменений, не только, собственно, на землях Боспорского царства и сопредельных территориях, но и в целом на широких просторах всего северного побережья Черного моря. Тогда в вооруженном конфликте на Боспоре столкнулись две крупные группировки. Одна из них представляла про-римские силы, которые были представлены Котисом I и сражающимися на его стороне римлянами из отрядов Авла Дидия Галла из Мёзии и Гая Юлия Аквиллы, прибывшего из Малой Азии с территории провинции Вифинии-Понт. За данную группировку также выступил царь аорсов Эвنون, безусловно сыгравший решающую роль в достижении полного разгрома враждебных империи сил. Всем этим людям противостоял антиримски настроенный брат Котиса I – Митридат VIII (III), которого поддерживали сираки, во главе с царем Зорсиным (Cass. Dio, LX, 28, 7; Тасс. Ann., XII, 15–21). Разгром указанных варваров, довольно серьезно пострадавших в данном противостоянии, по всей видимости, и вызвал финальную цепь событий, итог которых знаменовал окончательное поражение Митридата VIII (III) и появление в Северном Причерноморье новых неведомых врагов.

К сожалению, несмотря на достаточно большое количество исследований посвященных указанной проблеме, некоторые спорные моменты истории этого периода, не получили достойное отражение в историографии [12, с. 326–328; 12, с. 228; 36, с. 16; 2, с. 228; 20, с. 163–164; 39, с. 179–180; 35, с. 50–74; 37, с. 205–206; 16, с. 32–33; 22, с. 59–86; 13, с. 161–170; 8, с. 64–73; 7, с. 56–72; 9, с. 13–35]. Наиболее сложным вопросом, на который до сих пор нет однозначного ответа, остается проблема установления связи указанных событий с довольно значительными этническими изменениями в Северном Причерноморье, которые произошли сразу же после поражения Митридата VIII (III) и пленения римлянами мятежного боспорского царя [4, с. 164–165; 16, с. 32–33; 23, с. 104; 50, р. 4; 41, с. 104–128]. Речь идет о появлении в это время в степных районах Северного Причерноморья новой враждебной для античной цивилизации силы во главе с царем Фарзоем, который быстро установил свою гегемонию в

регионе и заставил римлян пойти на соглашение с ним [32, с. 168; 16, с. 45–48; 29, с. 148–162; 30, с. 129–138; 11, с. 421–422; 41, с. 104–128]. Кроме того, некоторые обстоятельства позволяют нам предполагать, что Фарзой и его преемник Инисмей, варвары которые оставили в Северном Причерноморье яркие погребальные комплексы с вещами бирюзово-золотого стиля, имели какое-то отношение к правящей боспорской династии Асандра – Аспурга – Митридата VIII (III) [40, с. 187–198]. По этой причине они действительно могли быть вызваны с востока на помощь своим терпящим поражение родственникам [41, с. 124; 40, с. 191].

Однако данное предположение так и останется гипотетичным до тех пор, пока не удастся выявить варварских союзников Митридата VIII (III), через посредничество которых у боспорского царя действительно появлялась реальная возможность обеспечить появление в северопричерноморском регионе своих дальних родственников из глубинных районов Азии. Конечно первыми на эту роль, не без оснований, претендуют тесно связанные с указанной династией, так называемые аспургиане, проживающие в пограничных районах Азиатского Боспора. Тем более что именно в Прикубанье фиксируются тамги, которые, или достаточно близки знаку Фарзоя по своей схеме, или же вообще представляют из себя комбинацию последних [46, с. 48]. Однако представителями каких точно этносов являлись люди, оставившие указанные знаки (аспургиане, сираки?), точно сказать мы не можем. В любом случае, судя по источникам, к тем же сиракам, Митридат VIII (III) обратился только на заключительном этапе борьбы с Римом (Cass. Dio, LX, 28, 7; Тасс. Ann., XII, 15–21). Это может означать, что, во всяком случае, он лично, никаких азиатских варваров, во всяком случае, заблаговременно, не приглашал. Аспургиане же, если с ними отождествлять зубовско-воздвиженскую группу памятников, под все усиливающим давлением, вскоре вообще начали отступать в район долины р.Цемес [40, с. 189]. В этой связи не исключено, что на роль людей, осуществивших предполагаемую эффективную посредническую миссию между мятежной боспорской династией и варварами Центральной Азии, могли претендовать не только аспургиане, но и совершенно незнакомые нам представители Барбарикума, которые до последнего времени еще не являлись объектом исследований ученых. По нашему мнению, к таким варва-

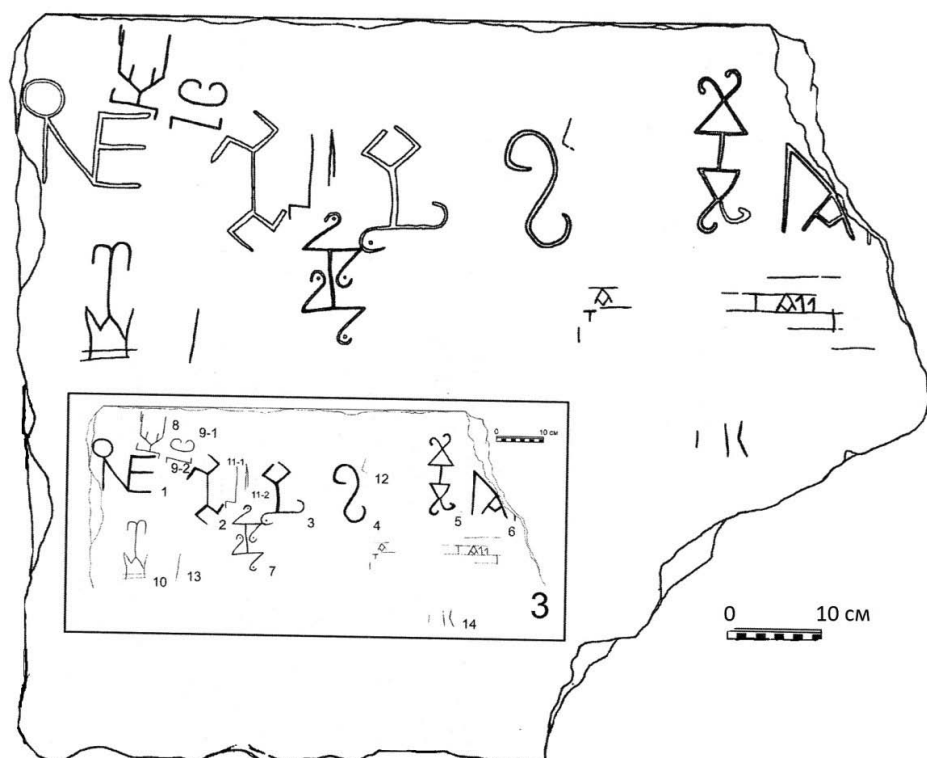

Рис. 1. Плита (писаница) из раскопок городища Артезиан (Винокуров, 2016)

рам вполне можно было отнести, кого-то из союзников, расселенных к указанному времени на землях царской хоры Европейского Боспора. Уже одно то, что они проживали в относительной близости от столицы, может свидетельствовать о высоком статусе этих выходцев с территории варварского мира, возможно являющихся серьезной опорой царской власти на местах. Дело в том, что после разгрома римским ставленником Полемоном поселений и укреплений в 13–12 гг. до н.э. с антиримски настроенными варварами [21, с. 212, 230], оборона рубежей государства стала строиться с расчетом на союзников, которые на правах наемников, наравне с регулярными боспорскими воинскими подразделениями, продолжили нести пограничную службу, заменив, тем самым, традиционный институт военных поселений. Не исключено, что в отличие от поселенцев, они уже лично не занимались земледелием, которое стало прерогативой исключительно людей, попавших, по той или иной причине в зависимость от верховной власти в государстве. В качестве примера таких наемников, осевших на территории Восточного Крыма в первой половине I в. н.э., можно отметить некоторых из известных эллинизированных боспорских семей (имеющих сыновей с именами возможно фракийского происхождения Сосибий, Салас, Долес), и проживающих в указанное время на городище Артезиан [28, с. 139–150]. Учитывая, что последние два имени, дошедшие до нас в виде граффити, датируются временем правления царя Аспурга [8, с. 65–66], они могут свидетельствовать о появлении фракийских воинских контингентов в Крыму, в связи с браком Аспур-

га на представительнице фракийского правящего дома – Гипепирии [27, с. 152; 3, с. 238]. Тем не менее, заметим, что приход к власти в государстве проримской боспоро-фракийской группировки, произошел только после победы в боспоро-римской войне 45–49 гг. одного из сыновей Аспурга от этого брака – Котиса I [20, с. 169]. Поэтому фракийские наемники вряд ли могли иметь отношение к антиримской деятельности его брата Митридата VIII (III).

В этой связи особый интерес вызывает то обстоятельство, что кроме указанных фракийских выходцев с отдаленных районов Западного Причерноморья, в данное время на территории Восточного Крыма, фиксируется пребывание и некоторых других мигрантов, к сожалению, пока не поддающихся точной этнической идентификации. Наибольший интерес вызывают варвары азиатского происхождения, известные нам по довольно интересной тамге, найденной Н.И. Винокуровым в ходе раскопок городища Артезиан (Рис. 1). Данный знак (№7) вместе с другими подобными тамгами (всего 12 тамг и 2 монограммы) фигурирует на части плиты (писаницы) изначально бывшей почетным декретом или строительной надписью. При этом указанная тамга, фактически занимает центральную почетную часть данной плиты, что может свидетельствовать о высоком главенствующем статусе людей, оставивших этот знак. Мы не знаем, по какой причине данная античная надпись была использована в качестве своеобразной писаницы – местной «энциклопедии сарматских знаков». Однако, похоже, что указанные тамги на данной «энциклопедии» оставили знатные

роды варваров, уже какое-то время находившиеся на территории Боспора по договору с царем и несущие службу по охране границ государства.

При этом интересующая нас тамга относится ко второй группе знаков данного памятника [9, с. 22], которая, по-видимому, отражает возобновление варварской службы на Боспоре в I в. н.э. в новых, изменившихся условиях. При этом, некоторые из варваров, например оставившие тамгу ζ , и фигурировавшие еще в первой группе знаков периода военных поселенцев Неоптолема и Махара наместника (полководца и сына Митридата VI Евпатора) [1, с. 734], продолжали нести свою службу и при мятежном царе Митридате VIII (III). На это, вполне определенно указывает размещение указанной тамги на статере Митридата VIII (III) [9, с. 22, рис. 3; 1, с. 732, рис. 2]. Тем примечательнее выглядит попытка врагов после поражения данного царя, не просто уничтожить указанную писаницу с перечнем боспорских антиримских союзников, используя ее как строительный камень [6, с. 184–186, 220, рис. 14; 9, с. 17–19], но и персонально ликвидировать центральный знак (№7), старательно перечеркнув его, возможно, крестообразными линиями другой тамги. Правда если такое устранение памяти о клане занимавшим самое почетное место среди других варварских наемников и союзников в I в. н.э., действительно имело место [9, с. 25], то это должно было произойти еще при Митридате VIII (III), когда все остальные знаки многочисленных кланов еще не потеряли своего значения. Конечно, никаких сведений, проливающих свет на сложные взаимоотношения между царем и его варварскими союзниками, не сохранилось, но учитывая весь контекст дальнейших событий, не исключено, что именно предложение опереться в борьбе с римлянами на помощь с Востока, могло стать причиной конфликтной ситуации высокопоставленных наемников с верховной властью. Если это предложение не нашло, особенно в начале обострения ситуации с Римом, поддержки у Митридата VIII (III), оно действительно могло привести к разрыву отношений с указанными союзниками. Возможно, именно поэтому они и не пострадали в ходе боспоро-римской войны 45 – 49 гг., так как, к этому времени покинули полуостров.

В связи со всем вышесказанным, обратим внимание, что базовой основой сложносоставной тамги №7, которая вызвала наш интерес, является хорошо известный знак в виде дугообразной линии, с одного края закругляющейся в виде плавного полукруга, а с другого, обрывающейся выделенным острым углом ζ . В литературе уже давно утвердилась точка зрения, что здесь мы имеем дело со знаком, напоминающим букву сигму древнегреческого алфавита с сильно загнутыми концами [34, с. 154, № 137; 46, с. 104]. Однако заметим, что данный знак, явно обладающий своеобразной спецификой, более напоминает современную цифру «2», чем греческую букву, на которую совсем не похож. Во всех многочисленных

вариантах, указанный знак, несмотря на часто меняющиеся пропорции своих отдельных элементов, никогда даже близко не приближался к форме греческой сигмы. Поэтому вызывают сомнения, что своим основным источником, данная тамга имела указанную букву. Тем более что главные особенности пропорции тамги, не позволяющие отождествить ее с буквой, всегда принципиально выдерживались, из-за чего данный знак, как правило, легко узнаваем. Речь идет о достаточно четко выраженных зонах указанной тамги: нижней, в виде отходящей под углом горизонтальной черты, средней, в виде ровной линии, и верхней, в виде закругляющегося полукруга. Разумеется, мы никогда точно не узнаем, какой же на самом деле сакральный смысл, вкладывали древние народы в символизм указанного знака. Однако три зоны последнего сразу позволяют думать о схематическом изображении Древа Жизни, наиболее часто встречающегося мотива в искусстве кочевых, и, в частности, тюркских, народов. Такое Мировое Дерево, как и полагается, должно было изображаться вместе с корнями, олицетворяющими нижний мир с душами предков, с собственно стволом, на уровне которого находятся живущие сейчас люди и животные и кроной, где в виде листьев деревьев рождаются души людей и располагается круглый небосвод, олицетворяющий верхний мир. Косвенным подтверждением того, что в данном случае мы действительно имеем дело с особым знаком, сравнимым со своим значением с Мировым Деревом, является то обстоятельство, что данная тамга, почему-то часто используется в паре со своим зеркальным отражением, как в горизонтальной, так и в вертикальной проекции, а также в особом сложносоставном виде в сочетании указанных вариантов. Согласимся, что такое повышенное внимание к зеркальному отражению, сразу позволяет нам думать о присутствии здесь активной демонстрации мира живых и мира мертвых, с целью подчеркивания социально-родственной преемственности умерших предков и их потомков [20, с. 131]. Согласимся, что это очень хорошо соответствует представлением о Древе Жизни, в первую очередь, как о Родовом дереве.

Действительно, в случае на плите из Артезиана, довольно сложная форма тамги была получена в результате соединения в вертикальной проекции двух сложносоставных знаков, каждый из которых был образован из зеркального и перевернутого отображения интересующей нас тамги. При этом в центральной части полукругов всех четырех отростков полученной схемы, дополнительно были отмечены еще и точки (символ зарождения мира?), что явно было сделано не случайно.

В такой сложной форме (если не учитывать указанные точки), тамга фигурирует среди сарматских тамг в святилище Байте-III в районе Северо-Западного Устюрта [46, с. 156, рис. 6, 86, с. 166, рис. 16, 7; 26, с. 15–16, рис. 5]. Однако указанная тамга получила широкую известность в мире кочевников не только в данном варианте. Напри-

мер, отчетливо наблюдается ее популярность в Бактрии, Хорезме и в Ольвии в виде парного зеркального изображения в горизонтальной проекции, очевидно с целью превращения ее в двурогий знак типа двузубца, направленный как вверх, так и вниз [46, с. 178, рис. 28, №№58, 59, с. 181, рис. 31, №№2, 3, 17, 18; 48, с. 108, 109, рис. 3, 3] (Рис. 2).

Рис. 2. Тамга с территории Бактрии (Яценко, 2001)

В Ольвии же, в том числе на одном из знаменитых львов, данная тамга была изображена, не только в парной форме в горизонтальной проекции, но и в перевернутом по отношению друг к другу виде, что позволило создать довольно сложный по своей конструкции знак [34, с. 121, №60; 15, табл. XLIV, 40–41] (Рис. 3).

Рис. 3. Тамги с территории Ольвии (Соломоник, 1959)

В каньоне Каракабак на Мангыстау (Хорезм) указанная тамга также фигурирует в похожем парном перевернутом виде, но в вертикальной проекции [26, с. 16, рис. 7] (Рис. 4).

Рис. 4. Тамга с территории Хорезма (Самашев З., Базылхан, Самашев С., 2010)

Сюда можно будет добавить особую форму сложносоставного знака из района Нижнего Дона, образованную из интересующей нас тамги, в виде ее парного изображения в качестве зеркального отражения в вер-

тикальной проекции [34, с. 154, № 137] (Рис. 5).

Рис. 5. Тамга на бронзовом котле с территории Нижнего Дона (Соломоник, 1959)

Однако вышеперечисленными вариантами сложносоставных тамг, образованными в основном с помощью зеркального отражения знака \mathcal{L} дело не ограничивается. Отдельный интерес вызывает данная тамга, специально представленная в виде креста и триквеста, то есть образованная посредством синтеза собственно знака и символики орнаментальных мотивов. Так, в виде креста данная тамга отмечена на плохо сохранившемся знаке на плите из Керчи [34, с. 106, 108, №51; 15, табл. VIII, № 556], на плитах из Танаиса [46, с. 172, рис. 22, №173, рис. 23; 18, с. 178, рис. 2], на краснолаковой тарелке из погребения первой четверти II в. н.э. позднескифского могильника Битак [24, с. 377, 378, рис. 2, 1], плите с головой лошади из Кривого Рога [34, с. 97–98, № 43; 46, с. 162, рис. 12]. Во II–III вв. н.э. этот знак неоднократно встречается на памятниках Кангюйской державы [46, с. 207; 47, с. 171, рис. 6–2, 1, 1, с. 172, рис. 6–3, 1, с. 174, рис. 6–9, 6–8, с. 175, рис. 6–10, 5] (Рис. 6).

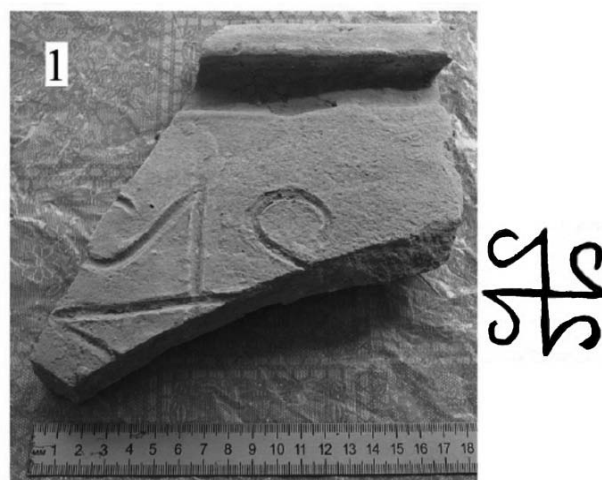

Рис. 6. Тамга на хуме из помещения 13 Культобе (Кангюй) (Яценко, Авизова, Торгоев и др., 2020)

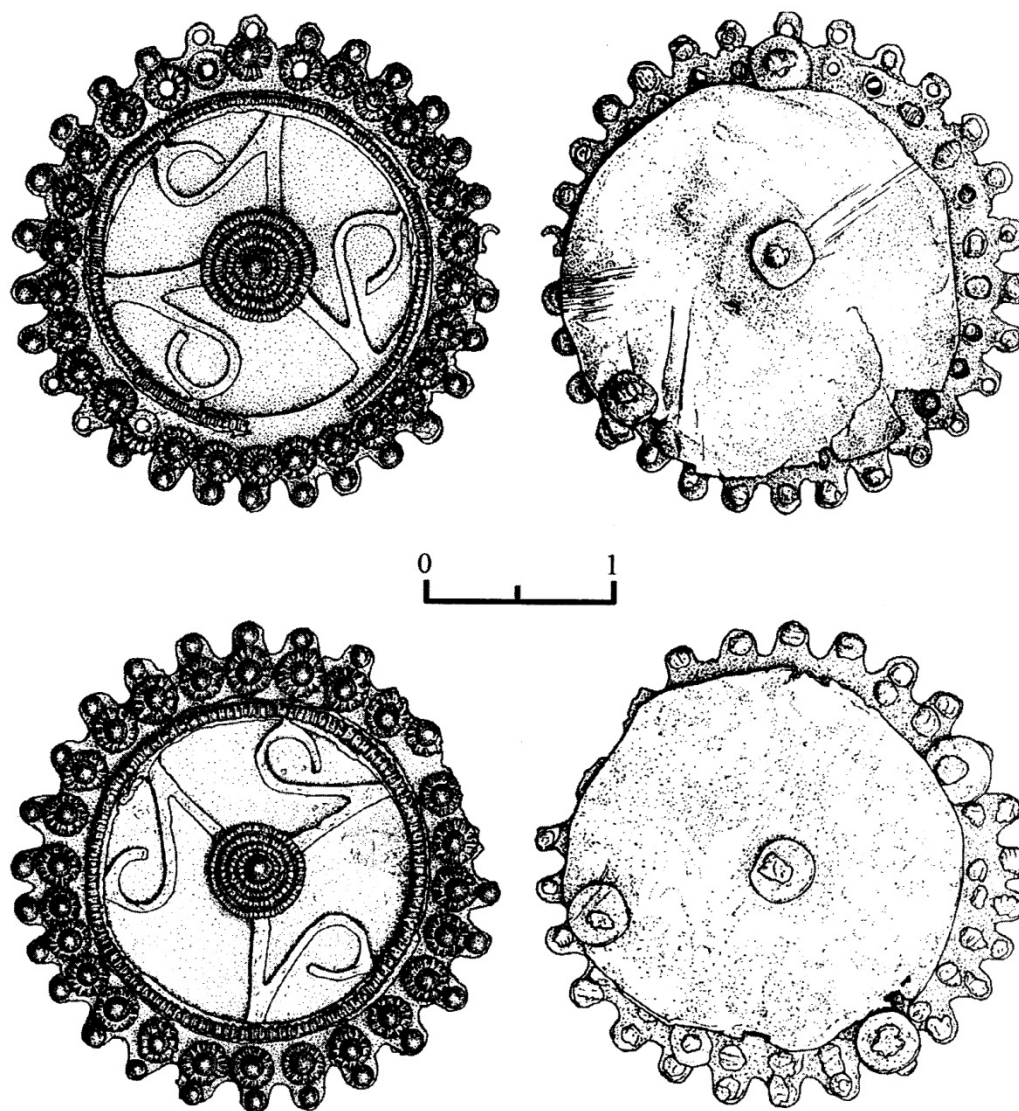

Рис. 7. Тамга из Южной Моравии в погребении второй половины II в. н.э. (Воронятов, 2012)

Изображенная в виде триквеста в различных зеркальных вариантах, указанная тамга во II–III вв. встречается в Южном Приуралье [46, с. 156, рис.6, №92] на памятниках Хорезма [46, с. 178, рис. 28, №№ 47,48, с. 179, рис. 29, №№ 94, 95], на серебряных деталях упряжи на Нижнем Дону [48, с. с. 248, рис. 9, III, №1], на знаменитом льве из Ольвии [34, с.169, № 173; 15, табл. VIII, № 555, табл. XLVI, № 74; 46, с. 160, рис. 10] и даже в Южной Моравии в погребении второй половины II в. н.э. [11, с. 417–431] (Рис. 7).

К сожалению, нам доподлинно неизвестно, являлись ли перечисленные выше разнообразие формы тамг, образованные с использованием ζ , отдельными метками самостоятельных и независимых друг от друга групп варваров, или же все указанные варианты изображений

ζ в различных пропорциях и зеркальных отображениях, необходимо относить к одной группе родственных знаков. В последнем случае, роль объединяющего фактора отдаленных друг от друга варваров, вполне могли сыграть некие общие легендарные предки, культ которых очевидно и лежит в основе разнообразия форм сложносоставных знаков, образованных из особо почитаемой тамги ζ . Не исключено, что последняя как раз и отражала образ Мирового (Родового) Дерева, неразрывно связанного с мифологическими сюжетами или персонажами популярных преданий. С одной стороны С.А. Яценко справедливо рассматривает тамги, образованные на основе интересующего нас знака, в качестве совершенно разных меток. Кажется бы, это подтверждает факт соединения в одной сложносоставной тамге

двух подобных знаков, изначально отличающихся пропорциями и зеркальным отражением по отношению друг к другу. Тем более, если интерпретировать такое соединение в качестве символа объединения разных кланов в ходе заключенного договора или военного союза [47, с. 166–167]. Однако, с другой стороны, здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, что различные варианты изображения сложносоставных знаков с использованием указанной тамги, включая неизбежные ее собственные трансформации, только со временем могли закрепиться за теми или иными родственными кланами, постепенно формируясь уже в качестве самостоятельных тамг. Однако, на начальном этапе, данный оригинальный знак, несмотря на различные изменения своих отдельных пропорций, еще долгое время, с точки зрения своей сакрально-символической нагрузки, мог восприниматься в качестве единого образа с мощной идеологической составляющей.

Не исключено, что широкая вариативность изображения того или иного знака, была связана с необходимостью достижения конкретных целей, возникающих в ходе его размещения. Конечно, сейчас сложно сказать, насколько такая цель, которой необходимо было добиться при демонстрации конкретного знака, влияла на выбор конкретной формы его изображения. Тем более что на примере интересующей нас тамги, мы отчетливо видим, что на ее широкое использование в разнообразных вариантах, включая даже с элементами орнамента, воздействовал целый ряд важных обстоятельств. Во-первых, как мы уже говорили выше, возможно здесь прослеживается сакрально-символическая связь тамги через образ Мирового (Родового) Дерева, с какими-то, возможно мифологическими родоначальниками, что и объясняет ее особую популярность у различных кланов и народов на довольно большом пространстве Великой степи. Во-вторых, в нашем случае явно наблюдается стремление представителей различных социальных и этнических групп, к созданию посредством зеркальных отображений и изменений пропорций данного изначального знака, имеющего важное религиозное значение, принципиально других знаковых символов, например, тех же двузубцев или солярных крестов, сложных видов свастик, триквестров и т.д. Возникает ощущение, что создание таких знаков из изначальной важной в сакральном смысле тамги, а также ее стилизация под другие хорошо известные символы и знаки, определялось, в первую очередь, особенностями верований представителей конкретного клана связанных с культом предков, в рамках которого и требовалось выделить своих знаменитых родоначальников. Так, возможно, что сочетание указанной тамги с орнаментальным мотивом, происходило с целью дополнительной демонстрации трехчленной модели мира, характерной для многих культурно-исторических и этнических регионов Евразии, и в первую очередь, было связано именно с персонажами

мифологии (например, у греков Небо – Зевс, Море – Посейдон, Земля или под землей – Аид или Плутон), к которым представители знатных династий, нередко и возводили своих мифических предков. Ничего удивительно нет и в том, что в космологии многих архаических народов, вертикальное членение мира, легко переходит в горизонтальное, нередко в общем понимании сторон света – север, юг, восток и запад [14, с. 100–101].

Если это так, то многочисленные варианты знаков с использованием тамги Σ вторичны, и для понимания сакральной сущности указанного символа, в первую очередь, необходимо сосредоточиться на изучении изначальной формы данного изображения, которое, собственно, и является первоосновой других, связанных с ним типов сложносоставных знаков. Различные же варианты тамг с использованием Σ , скорее всего, были обусловлены, как вариативностью целей, которых требовалось достичь, в ходе нанесения меток на предметы или каменные стелы, так и культом предков, по-видимому, связанным с указанным знаком.

Действительно, в отдельном единичном виде, интересующая нас тамга фигурирует на территории Монголии (с дополнительной чертой параллельной угловому краю тамги [26, с. 85, рис. 85]), в Средней Азии [46, с. 183, рис. 33, d, 1], в том числе в составе сложносоставных тамг, без своего зеркального отображения [46, с. 181, рис. 31, 1, 12; 48, с. 109, 111–112, рис. 3, 5, 6, 7] (Рис. 8).

Рис. 8. Тамги с территории Бактрии (Яценко, 2001)

Все это, безусловно, подтверждает значимость и наличие смысловой нагрузки в изначальном отдельном виде данной метки. При этом обращает на себя внимание, что, например, указанная тамга, выявленная на кирпиче в Гяур-кале (Мерве), на территории Южной Туркмении, скорее всего, относилась еще к древнему населению Маргианы III в. до н.э., которое во время господства Селевкидов, было согнано на стройку новой крепости [46, с. 104]. Следовательно, не исключено, что время возникновения интересующей нас тамги, похоже, необходимо отнести к предыдущему периоду развития региона. При этом несмотря на то, что на определенных этапах она могла представлять в том числе и зависимое население, скорее всего, данная тамга отражала какую-то особую область древней религии, вызывающей уважение у местных жителей. Видимо не случайно, представленная в виде триквеста, данная тамга фигурировала еще вместе с петроглифами «постсакского стиля»

в Калмакэмэле, на берегах озера Балхаш в Казахстане, а позднее нередко изображалась на монетах царей Хорезма [48, с. 248, 249, рис. 10, I].

В зеркальном отображении по отношению друг к другу в горизонтальной проекции, образуя двузубец оригинальной формы, тамга фигурирует в конце VII начале VIII вв. на монетах «господина, правителя» Пангула [48, с. 108, 109, рис. 3, 4]. При этом любопытно, что именно из окружающей тамгу бактрийской монетной легенды, следует, что это «тудун, тархан Балха, командующий» [48, с. 108]. В составе же сложносоставных знаков двузубец этой формы фигурирует на кушано-сасанидских монетах местных правителей, в том числе, возможно и первого сасанидского кушаншаха Ардашира царя Мерва, правившего еще в III веке [48, с. 113–114]. В дальнейшем этот знак продолжает часто фигурировать в качестве важной составной части царских знаков-нишан сасанидского Ирана [46, с. 194, рис. 11]. Таким образом, появляются дополнительные веские основания считать, что данной тамге сопутствовала какая-то легендарная канва, имеющая отношение к правителям, царям и прославленным династиям. Конечно, прямых сведений на этот счет, к сожалению, не сохранилось. Однако может именно из-за религиозно-политической значимости данной тамги (отражение верований связанных с Мировым Деревом?), даже в посткангюйский период, вплоть до нашествия арабов, она продолжала активно использоваться в регионе [47, с. 168; 48, с. 166, рис. 2, II].

В Северном Причерноморье данная тамга в своем единичном виде или же с добавленными линиями со стороны края образующего острый угол, фигурирует, в первую очередь, в Пантикапее, где она присутствует на ряде каменных плит [34, с. 99, 101, 105, №№ 44, 45, 49; 46, с. 167, рис. 17, 11, 12, 13] (Рис. 9).

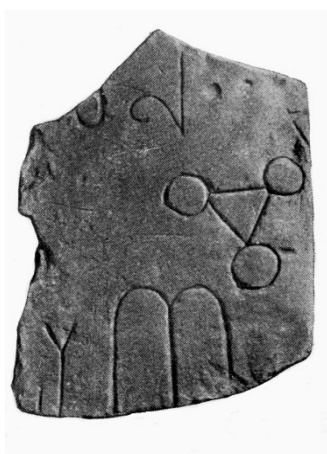

Рис. 9. Тамги на каменной плите из Пантикапея (Соломоник, 1959)

Далее на территории Крыма, именно эта тамга была изображена вместе с S-образными знаками на стене в пещере Ак-Кая №2 [34, с. 117–120, № 58] (Рис. 10).

Рис. 10. Тамги на стене в пещере Ак-Кая №2 (Соломоник, 1959)

За пределами полуострова тамга с дополнительными линиями фигурирует в Ольвии на знаменитой деревянной арфе из погребения у с. Козырки второй половины I в. н.э., причем вместе с тамгами царя Фарзоя и царя Аспурга [46, с. 155, рис. 5, 77, с. 175, рис. 25, 14; 31, с. 260, рис. 7, 19, 28, 29; 48, с. 109, 112, рис. 3, 6]. Упрощенный вариант данной тамги (с одной небольшой дополнительной чертой) фигурирует еще и в Бессарабии на каменном надгробии [15, с. 113, табл. III, №105; 46, с. 167, рис. 17, 12].

В этой связи обратим внимание на довольно любопытный факт присутствия указанной тамги на диске на мече из Рошава-Драгове (Рис. 11), где на ножнах напомним, фигурировал и личный знак Инисмея [46, с. 176, рис. 26, С; 49, р. 48, fig. 5] (Рис. 12).

Рис. 11. Тамги на навершии меча из Рошава-Драгове (Болгария) (Negin, Kamisheva, 2018)

Рис. 12. Тамга Инисмея на ножнах меча из Рошава-Драгове (Болгария) (Negin, Kamisheva, 2018)

Интересующая нас тамга на диске была изображена один раз как часть сложносоставного знака в виде сво-

его зеркального отражения (для создания двузубца), а второй раз уже в виде двух указанных двузубцев, зеркально отображенных друг к другу. Учитывая большое разнообразие форм демонстрации подобных знаков, не говоря уже об многочисленных вариантах интересующей нас тамги, выбор именно такой ее формы, явно напоминающей схему размещенной здесь же на ножнах меча царской тамги Инисмея, не мог быть случаен. Это должно находить свои объяснения (Рис. 13).

Рис. 13. Тамги на навершии меча из Рошава-Драгове (Болгария) (прорисовка) (Яценко, 2001)

Похоже, что указанная тамга специально была трансформирована до формы, позволяющей вызвать ассоциации с размещенной здесь же царской тамгой реально существовавшего в то время царя Инисмея. Следовательно, несмотря на то, что мы имеем дело, безусловно, с совершенно разными тамгами, возникает ощущение, что в целом знак, который был размещен на диске меча из Рошава-Драгове, своим видом обязан именно царской тамге, под которую и был стилизован. Конечно, основные особенности и пропорции изначального древнего знака ζ , в ходе такой стилизации, менять было нельзя, что и отразилось на форме новой тамги, отличающейся от царского оригинала. Однако схема этой тамги, остается, если так можно выразиться, стандартной и вполне отождествимой с царской, так как она представляет собой все тот же легко узнаваемый зеркально отображенный двузубец с кругом посередине. Поэтому, несмотря на серьезные отличия в пропорциях всех трех пар тамг размещенных на навершии меча с царским знаком с его ножен, общая схожесть и стилизация одной из таких тамг под царский знак, достаточно сильно бросается в глаза, что проигнорировать данное обстоятельство, просто невозможно. Учитывая, что позднее подобным образом была видоизменена, еще одна царская тамга (боспорского царя Аспурга), в которой все традиционные выступающие линии-отростки, были снова заменены на формы тамги напоминающей ζ (правда представленной зеркально в разных пропорциях) [46, с. 155, рис. 5, 108, 116] (Рис. 14), можно допустить о возможно религиозно-политическом контексте всех таких преобразований.

Рис. 14. Тамга сер. II – III вв. н.э. с Бёюк-Дегне (Кавказская Албания) (Яценко, 2001)

Именно то обстоятельство, что интересующая нас изначальная тамга имела очень большой престиж в кочевом мире, где, скорее всего, была связана с культом прославленных предков, и послужило поводом для ее активного использования, в том числе и под стилизацию под другие знаки. В нашем случае, представителям царской линии центральноазиатского происхождения Асандру – Аспургу – Митридату VIII (III), имеющим отношение также и к варварским царям Фарзою и Инисмею, посредством таких манипуляций с тамгами, скорее всего, с успехом удавалось продемонстрировать обществу наличие связи своей династии с легендарными родоначальниками. Другие менее известные кланы, выводящие свой род от тех же самых легендарных предков, по-видимому, просто использовали эту тамгу с небольшими изменениями с целью образования уже своего отдельного знака собственности, но несущего аналогичную сакрально-политическую нагрузку.

Однако, если главной целью сложносоставных знаков, образованных, в том числе на основе зеркального отображения интересующей нас тамги, являлась демонстрация связи с какими-то известными в кочевом мире легендарными родоначальниками, то появление подобного знака на германском оружии II–III вв. н.э., по сути, должно быть обусловлено теми же самыми причинами. Конечно, ученые по-разному интерпретируют данные тамги, среди которых есть и легко узнаваемые, наподобие знаков царя Фарзоя и совершенно неизвестные корпусу сарматских знаков. В предложенных версиях, по-разному объясняется появление указанных знаков на оружии чуждого сарматам народа, начиная от стремления германцев использовать магическую силу древних символов и заканчивая интерпретацией указанных знаков в качестве трофейной добычи, приносящей силу и удачу. Однако, единой точки зрения, по этой проблеме, нет до сих пор [38, с. 72–73, рис. 16; 51, р.133–153; 11, с. 419–431; 10, с. 57–77; 41, с. 128–129]. Тем не менее, обратим внимание, что многие из указанных знаков, несмотря на свои довольно разнообразные формы, почему-то, были вновь образованы именно из интересующего нас знака ζ . Есть здесь даже особый сложносоставной знак, который при помощи зеркальных отражений знака ζ ,

специально был стилизован под тамгу в виде двойного двузубца без круга посередине (тамгу Фарзоя?) [34, с. 44, рис. VIII] (Рис. 15).

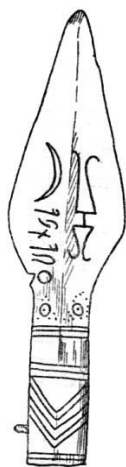

Рис. 15. Тамга в виде двойного двузубца на германском оружии (Соломоник, 1959)

Это сразу же вызывает ассоциации с подобным знаком на диске с меча из Рошава-Драгове, стилизованным под тамгу Инисмея и проанализированным нами выше. Учитывая, что зеркальное отражение, как мы уже говорили выше, является важным условием для демонстрации двух миров, живого и мертвого (культу предков) [20, с. 131], а также исходя из предложенной интерпретации интересующей нас тамги, последняя явно должна была указывать на неких легендарных родоначальников, общих, как для германцев, так и для кочевников. Возможно, именно в этой особенности и должна заключаться сакральная сущность феномена нанесения сарматских знаков на германское оружие.

Обратим внимание, что в германских преданиях действительно сохранились отголоски древнего свидетельства о существовании единых легендарных родоначальников у готов и гуннов. Так, Иордан сообщает, что еще в период миграции готов вождь последних Филимер обнаружил среди своего племени и затем прогнал каких-то женщин-колдуний (lord. Get., 121). В свое время мы связали это с готской магической практикой обращения к умершим предкам, по причине которой в Северном Причерноморье, резко сократилась традиция выкладывания каменных кругов [42, с. 308–309]. Однако дальше готский историк пишет, что указанные женщины готского племени соединились с нечистыми духами и «в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепое племя [гуннов], которое жило сначала среди болот ...» (lord. Get., 122).

Не исключено, что не только легендарные источники готов, сохранили какие-то сведения об родственных связях северных варваров с подошедшими из глубин

Азии кочевниками. Обращает на себя внимание, что китайская транскрипция известного иранского народа юэчжи – врагов хунну, сводится к пониманию не только собственно Луны – рода быка, рода двурогой нарождающейся Луны, месяца, но и Луны, как женской силы Инь, жены, царицы, то есть, закладывая в смысловое содержание объединения юэчжи, образ государства Женщины-Царицы [17, с. 20]. При этом было замечено, что черты юэчжийской богини-царицы Матери Запада Си-ван-му, живущей в горах Цзиньшань, схожи с другими известными женскими религиозными персонажами древности, в частности с малоазийской богиней Кибелой [17, с. 62]. Более того, с богиней Си-ван-му были связаны многие другие символы, например, такие как «светлый», «белый», в качестве земного олицетворения Луны и Млечного пути, а также священная гора, знатная госпожа и т.д. Несмотря на то, что иероглифическое обозначение всех этих символов различается, их старое звучание единообразно и нередко соотносится с «повозкой» или «телегой». С одной стороны, на Востоке так называлась Большая Медведица, с другой, именно на телеге возили в праздники богиню плодородия ту же Кибелу или Матерь Царицу Запада Си-ван-му. Анализ древнекитайских мифов, действительно позволяет предположить появление «колесницы облаков» или «облачной повозки» Си-ван-му благодаря древним предкам юэчжи. Надо отметить, что все это отчетливо пересекается с образами других древних женских божеств, таких как, например, сырдарьинской богини вод и дождя Ардвисуры Анахиты, олицетворяющей Небесную реку / Млечный путь и путешествующей в повозке запряженной четырьмя белыми конями (ср. обозначение юэчжей «бо ма» – «белые кони»): Дождем, Ветром, Тучей и Градом [17, с. 39–40].

Любопытно, но подобные представления, связанные с женским божеством плодородия (путешествие в повозке и омовение в озере), существовали и у германцев. В первую очередь, они имели непосредственное отношение к почитанию богини Матери-Земли Нерты (Tacit. Germ., 2, 40). Конечно, проводить сейчас какие-то параллели, основываясь только на сходстве обрядовой специфики культов плодородия архаичных культур, совершенно не имеет никакого смысла. Однако заметим, что именно через главенство женского начала в культе плодородия, обычно воспринимается известная легенда об Огуз-Кагане, являющаяся одним из наиболее древних образцов исторических сочинений повествующих о происхождении тюркских племен, и, в частности, огузов [25, с. 32]. Во-первых, образ Огуз-Кагана был связан с представлениями о двурогой нарождающейся Луне и Космическом дереве – Млечном пути, в дупле которого и нарождается новая Луна [17, с. 44–45]. Во-вторых, именно женщины рожали Огуз-Кагану сыновей, которых по смысловому содержанию своего сакрального образа, можно было сгруппировать по три пары, охватив, тем самым всю мировую стихию: солнце-зеленая (земля), лу-

на-море, звезда-гора [33, с. 81]. Недавно мы уже высказывали точку зрения, что, скорее всего, именно эти три пары легендарных сыновей Огуз-Кагана имели отношение к трем парам тамг размещенных на навершии меча из Рошава-Драгове [43, с. 453–455]. Следовательно, мы не можем полностью исключить вероятность того, что схожесть верований и обрядовой специфики у различных народов (например, у тюрков и иранцев) в процессе их соприкосновения, воспринималась последними, как доказательство далекого родства между ними. Особенно это касается представителей знати, часто выводящих своих легендарных прародителей из древних мифологических сказаний, нередко пересекающихся в различных фольклорных традициях. Хотя, конечно, даже это обстоятельство не исключает заключения реальных союзов и династических браков между представителями элиты различных народов.

Таким образом, существует вероятность того, что некие выходцы с территории Азии, появившиеся в первой половине I в. н.э. или еще раньше в Северном Причерноморье, приходясь представителям боспорской династии Асандру – Аспургу – Митридату VIII (III) дальними родственниками, действительно были наняты в указанное время на царскую службу в Восточном Крыму. По материалам некрополя городища Артезиан, который исследуется Н.И. Винокуровым, именно в указанный период в погребениях начинают фигурировать мужские и женские деформированные черепа, сарматские зеркала-подвески, появляются подбойные могилы с греко-варварским обрядом и т.д. [5, с. 75, 79, 83, 84, 91, 104–105, 112, 129]. Возможно, именно эти люди и являлись наемниками на службе Аспурга и Митридата VIII (III). Тем не менее, в событиях боспоро-римской войны 45–49 гг., некоторые из них не принимали участие, возможно по причине конфликта с Митридатом VIII (III), из-за отказа последнего поддержать план по привлечению к борьбе с римлянами дополнительных сил с Востока. Тамга одних из главных таких варваров была образована в результате целенаправленной трансформации хорошо известного в кочевом мире древнего знака ζ , возможно имеющего отношение к образу Мирowego (Родового) Дерева и соответственно к неким легендарным прародителям. Это может объяснять почему, некоторые из представителей родственных кланов указанных варваров, впоследствии стали активно демонстрировать свою принадлежность

к династии Фарзоя – Инисмея. Видимо именно так надо интерпретировать тот факт, что на диске меча из Рошава-Драгове с помощью зеркального отражения данная тамга, специально была видоизменена в двойной двузубец с кругом посередине, что неизбежно должно было вызвать ассоциацию с размещенной здесь же на ножнах царской тамгой, реально существовавшего в то время царя Инисмея. Похоже, это указывает на наличие общих легендарных прародителей у Фарзоя и Инисмея и связанной с ними боспорской царской династии и варварских кланов, тамги которых были образованы на основе знака ζ . Собственно же, тамга в форме двузубца с кругом посередине с диска меча из Рошава-Драгове, являлась одной из шести размещенных по кругу, и скорее всего, была связана с наиболее древним образом мифологической традиции из легендарных сочинений, повествующих о происхождении тюркских племен. Таким образом, с одной стороны, она восходила к древнему знаку ζ , по видимому, объединяющего все кланы, имеющие отношение к конкретному общему прародителю, так или иначе связанному с образом Мирowego (Родового) Дерева. С другой стороны, указанная тамга своей общей схемой фактически напоминала царские тамги Фарзоя и Инисмея, которые хотя и отличались от нее пропорциями и другими формами отдельных элементов, безусловно являясь самостоятельными знаками, но, тем не менее, вряд ли могли относиться к совсем уже чуждым тамгам. Узнаваемость всех этих зеркально отраженных двузубцев с кругом посередине, в том числе образованных из интересующего нас знака, даже при различных формах и пропорциях, безусловно, способствовала эффективной демонстрации связи прославленных предков со своими знаменитыми потомками. Следовательно, нанятые в свое время Аспургом и Митридатом VIII (III) варвары, тамга которых принципиально была образована из древнего знака, на пике последствий поражения династии в боспоро-римской войне могли не только содействовать появлению воинства Фарзоя и Инисмея в Северном Причерноморье, но и возможно стать главными союзниками и основной силой воинства указанных царей. Дальнейшая их судьба в северопричерноморском регионе, была, по всей вероятности, связана с династией Фарзоя и Инисмея и их боспорских царских родственников, вынашивающих планы реванша после поражения своей династии в 45–49 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. №3. С. 712–743.
2. Блаватский В.Д. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. // Античная археология и история / Под ред. М.М.Кобылиной. М.: Наука, 1985. С. 228–233.
3. Блаватский В.Д. Вопрос о фракоязычном населении в Прикубанье и в Боспорском государстве // Античная археологии и история / Под ред. М.М. Кобы-

- линой. М.: Наука, 1985. С. 237–241.
4. Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
 5. Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь; Керчь: Оранта, 2014. 679 с.
 6. Винокуров Н.И. Городище Артезиан – царская крепость на Европейском Боспоре // Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника / Под ред. Т.В.Умрихиной. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. Вып. V. С. 180–236.
 7. Винокуров Н.И. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45 – 49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2018. №23. С. 56–72.
 8. Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Рим, Боспор и Фракия в I в. н.э. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2016. №2(22). С. 64–73.
 9. Винокуров Н.И., Чореф М.М. Писаница из Цитадели городища Артезиан: двадцать лет исследования // Русин. 2022. № 70. С. 13–35.
 10. Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania-Sarmatia II: Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининград: Янтарный сказ, 2010. С. 57–77.
 11. Воронятов С.В. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев: Издательский Дом «Скиф», 2012. С. 417–431.
 12. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
 13. Горнчаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. №3. С. 161–170.
 14. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines mundi: античность и средневековье. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 424 с.
 15. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
 16. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев: ИА НАН Украины, 1998. 200 с.
 17. Зувев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
 18. Ильюков Л.С. Тамги на двух плитах из Танаиса // Боспорские чтения: Этнические процессы / Под ред. В.Н.Зинько. Керчь: Центр археологических исследований «Деметра», 2004. Вып. V. С. 174–178.
 19. Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.: Гос. учебно-пед. изд-во министерства Просвещения РСФСР, 1952. 187 с.
 20. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: Наука, 1990. 230 с.
 21. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: Тула: Гриф и К, 2003. 280 с.
 22. Новиченкова Н. Г. Святылище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. № 2. С. 59–86.
 23. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. — III в.н.э.) // ВДИ. 2001. №3. С.86–118.
 24. Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // Боспорский феномен. Население, языки, контакты / Под ред. М.Ю. Вахтиной. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 373–381.
 25. Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М.: Восточная литература, 2008. 383 с.
 26. Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: АБДИ «Компани», 2010. 168 с.
 27. Сапрыкин С.Ю. Пифодорида – царица Фракии // ВДИ. 1984. № 2. С. 141–152.
 28. Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В. Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культуры) // ВДИ. 2014. № 3. С. 134–162.
 29. Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148–162.
 30. Симоненко А.В. Об этнической принадлежности Фарзоя и Инисмея // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев: Издательский Дом «Скиф», 2012. С. 129–138.
 31. Симоненко А.В. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев: Издательский Дом «Скиф», 2012. С. 241–262.
 32. Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169.
 33. Соегов М. О женах Огуз-хана, их сыновьях и отдельно о Гёк-хане // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. №2. Т.1. С. 79–83.
 34. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: изд-во Академии наук Украинской ССР, 1959. 180 с.
 35. Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 50–74.
 36. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. 136 с.
 37. Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: «Фари», 1994. 324 с.
 38. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб: Филол. ф-т, 2005. 576 с.
 39. Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / Под ред. В.П.Яйленко. М.: АН ССР, 1990. С. 128–215.
 40. Ярцев С.В. К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 51. С. 187–198.
 41. Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014. 356 с.
 42. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. 544 с.
 43. Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. Сообщение Аммиана Марцилина и современные археологические реалии в ходе реконструкции военно-политической ситуации в Северном Причерноморье во время правления императора Юлиана // Боспорские чтения. Археологические и письменные источники

- в исторических реконструкциях / Под ред. В.Н.Зинько, А.В.Зинько. Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И.Вернадского, 2023. Вып. XXIV. С. 448–460.
44. Яценко С.А. Две сарматских каменных плиты с тамгами из коллекции Одесского археологического музея // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 1. С. 204–216.
45. Яценко С.А. Знаки-нишан аристократии Сасанидского Ирана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. №5. С. 179–202.
46. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
47. Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торезанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. Археология и история кангюйского государства. Шымкент: «Өлем», 2020. 216 с.
48. Яценко С.А., Смагулов Е.А., Рогожинский А.Е., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с.
49. Negin A., Kamisheva M. Armour of the Cataphractarius from the «Roshava Dragana» Burial Mound // *Archaeologia Bulgarica*. 2018. XXII.1. P.45–70.
50. Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / *Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.
51. Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian-Speaking Peoples of Iran, Earsten Europe, Transoxiana and South Siberia // *Traditional Marking Systems*. London, Dover: Dunkling Books, 2010. P. 133–153.

© Ярцев Сергей Владимирович (s-yartsev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тулский государственный педагогический университет им Л.Н. Толстого

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Беленкова Юлия Сергеевна

Преподаватель, Самарский государственный
технический университет
yubelenkova@mail.ru

THE ROLE OF STUDENTS' INDEPENDENT WORK IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES USING INFORMATION TECHNOLOGY

Yu. Belenkova

Summary: The paper is devoted to the study of the role of students' independent work in the process of teaching foreign languages. The article offers the ways of increasing the efficiency and intensifying the student's independent learning activity. The opportunity of revealing students' independence and self-directed learning in the process of education is discussed. The author substantiates the importance to use new forms of organizing such work, including using information technologies, which can be considered as a factor in improving the quality and obtaining the expected effect of the independent work of students. Characteristics are given, features are specified, various forms of organization of work in the process of teaching foreign languages are emphasized. The article discusses the main forms and methods of organizing students' work, investigates the main forms and functions of independent work and identifies the most effective personality-oriented methods. Characteristics of the main forms and methods to increase the students' motivation in independent work are provided as well. The paper deals with the forms of students' independent work and gives practical advice to methods of teaching.

Keywords: information technology, foreign language learning, electronic dictionary, independent work, training, education.

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли самостоятельной работы студентов в процессе обучения иностранным языкам. Одной из главных задач современного образовательного процесса является организация самостоятельной познавательной деятельности студентов. Сегодня важно формировать у студентов умения самостоятельно приобретать новые знания, самостоятельно учиться. Автором обосновывается необходимость использования новых форм организации самостоятельной работы, в том числе, с применением информационных технологий, что можно рассматривать как фактор повышения качества и получения необходимого результата от самостоятельной работы обучающихся. Дается характеристика, уточняются особенности, акцентируются достоинства различных форм самостоятельной работы в процессе обучения иностранным языкам. В статье рассматриваются основные условия организации и функции самостоятельной работы, выявляются наиболее эффективные лично-ориентированные методики. Кроме того, в статье описываются основные способы повышения мотивации студентов в процессе самостоятельной работы. В статье подробно рассмотрены формы организации самостоятельной работы с применением информационных технологий при изучении иностранного языка, даются практические рекомендации по методике преподавания.

Ключевые слова: информационные технологии, изучение иностранного языка, электронный словарь, самостоятельная работа, обучение, образование.

Одной из главных задач современного образовательного процесса является организация самостоятельной познавательной деятельности студентов. Сегодня важно не только передавать студентам определенную сумму знаний, но и формировать умения самостоятельно приобретать новые знания, самостоятельно учиться. Правильно организованная самостоятельная работа студентов связана с формированием познавательной самостоятельности, способности к самообразованию и обучением умению учиться. Ключевым моментом является то, что студент выступает как активный и самостоятельный субъект учебной деятельности, а преподаватель - в роли помощника и консультанта, мотивирующего студента и дающего рекомендации относительно повышения эффективности усвоения иностранного языка, относительно самообучения и саморазвития студента. Профессиональная подготовка

будущих специалистов предполагает большой объем аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы. Самостоятельная работа способствует развитию творческих способностей, навыков самообразования и саморазвития. В процессе выполнения самостоятельной работы студенты сознательно ставят цели и задачи, планируют свою деятельность, выбирают способ ее выполнения и осуществляют анализ. Однако, как показывает опыт, большинство студентов недостаточно хорошо владеет такими умениями. Поэтому организация и повышение эффективности самостоятельной работы является одним из важных педагогических направлений современной теории и практики. Успех и эффективность самостоятельной работы во многом зависит от организации этой деятельности. Поэтому очень важно подготовить студентов к самостоятельной деятельности и организовать их самостоятельную работу так, чтобы у них был и

интерес к работе, и удовлетворение от результата. Владение навыками самостоятельной работы позволит будущим специалистам успешно справляться с трудностями в нестандартных и проблемных ситуациях, обеспечит самоуправление и самоорганизацию интеллектуальной и творческой деятельности [1].

Исследование организации самостоятельной работы студентов в процессе обучения иностранным языкам продемонстрировало, что при очной форме обучения самостоятельная работа студентов, как правило, состоит из работы с литературой. При этом, самостоятельная работа с научной и учебной литературой в бумажном формате представляет значимость для самостоятельной работы студентов в целом. Но в случае применения информационных технологий возможности организации самостоятельной работы студентов увеличиваются. Актуальность приобретает самостоятельная работа с обучающими программами, тестирующими системами, с информационными базами данных. В основном, практически все виды электронных изданий могут выступать основой для организации самостоятельной работы студентов, однако, более эффективными из них выступают мультимедийные издания. На сегодняшний день одним из основных составляющих учебного процесса, особенно в эпоху цифрового образования, является «научить студентов учиться», тем самым развить у них навыки самостоятельной работы, способствующей развитию следующих возможностей:

- расширению, закреплению и углублению знаний, получаемых на занятиях;
- активному приобретению новых знаний;
- развитию творческого подхода к решению поставленных задач;
- проявлению индивидуальности студента;
- формированию практических навыков в решении ситуационных задач [2].

На современном этапе развития образования пространство получили следующие формы самостоятельной работы с применением информационных и компьютерных технологий:

- освоение информационных и телекоммуникационных технологий, поиск необходимой информации в Интернете;
- подготовка к практическим, лабораторным, семинарским занятиям;
- подготовка к устному опросу, коллоквиуму, зачету;
- подготовка к тестированию, аудиторной контрольной работе, самотестирование на компьютере;
- выполнение домашних контрольных работ и заданий;
- написание рефератов, докладов, статей;
- подготовка презентаций и выступлений;
- подготовка к деловой игре и оформление ее результатов.

Современные студенты очень заинтересованы в применении нынешних информационных технологий в процессе обучения иностранным языкам, особенно при организации самостоятельной работы. При таком формате обучения наилучшим образом на практике воплощаются основные принципы обучения - активность и доступность. Дополнительно, получают развитие следующие мыслительные процессы и универсальные навыки: анализ, синтез, аналогия и моделирование, которые не повторяют формы классического обучения. Что, в свою очередь, выступает базисом для образования поисковой активности студентов при отборе информации.

Наиболее популярным инструментом применения современных компьютерных технологий в обучении иностранным языкам выступают Интернет-технологии. На современном этапе они дают

огромные перспективы и их возможно часто использовать в учебном процессе. При этом, применяя интернет-технологии в обучении иностранному языку следует учитывать, что основной составляющей структуры обучения являются не основы наук, а разнообразные виды речевой деятельности -аудирование, разговор, чтение, письмо.

Применение интернет-ресурсов увеличивает инициативность студентов и трансформирует значение преподавателя, которые выступает консультантом и координатором, что и рассматривается как важный фактор успешной организации самостоятельной работы. Использование интернет-ресурсов в учебном процессе повышает степень мотивации студентов, увеличивается желание самостоятельно найти и исследовать требуемую информацию. Тем самым, процесс обучения выходит за временные рамки аудиторного занятия. Сегодня интернет-ресурсы возможно использовать многосторонне: и для включения в контекст урока, и для самостоятельной работы студентов, и при дистанционном обучении, и в целях прохождения общего тестирования уровня знаний и уровня усвоения определенного занятия.

Одним из распространенных интернет-ресурсов в самостоятельной работе при обучении иностранному языку являются электронные учебники, их достоинствами являются: мобильность, доступность связи с развитием компьютерных сетей, адекватность уровню развития современных научных знаний.

Кроме того, создание электронных учебников помогает разрешению проблемы частого обновления информационного материала. Они также могут включать в себя большое количество упражнений и примеров, детально демонстрировать наглядно в динамике разнообразные виды информации. Также электронные учебники способствуют контролировать и оценивать полученные

знания посредством компьютерного тестирования.

Кроме того, в качестве распространенного интернет-ресурса хотелось бы отметить электронные словари. Они включают в себя функцию поиска необходимой информации, показа языковых закономерностей и способствуют усвоению учебного материала посредством специальной системы упражнений. В современных электронных словарях используются звуковые инструменты мультимедийных компьютеров с целью воспроизведения произношения.

Следует заметить, что самостоятельная работа формирует самостоятельность не только как совокупность умений и навыков, но и как черту характера, играющую существенную роль в структуре личности, а это весьма актуально для современного специалиста высшей квалификации. Использование информационно-коммуникативных технологий позволяет интенсифицировать этот вид работы со студентами.

Самостоятельная работа обучающихся - одна из приоритетных составляющих в том числе иноязычного образовательного процесса. Успешная ее организация означает успех педагогической деятельности. Более того, умелое использование интернет-технологий также позволяет развивать познавательную деятельность обучающихся, формировать и развивать умения самоконтроля - способности к критической оценке своих знаний и действий [3].

Для того, чтобы мотивация к изучению языка у студентов была максимальной, материал должен включать в себя разнообразные данные, а не только ту информацию, которая является для обучающихся абсолютно новой. Основной объем информации должен быть связан с теми знаниями и умениями, которые у студентов уже есть. Именно в этом случае мотивация значительно увеличится, что является гарантией повышения эффективности самостоятельной работы.

В процессе организации самостоятельной работы студентов большое значение имеет формирование у них правильной мотивации. Для этого педагог должен:

- предлагать обучающимся темы и речевые ситуации, которые вызывают у них интерес и живой отклик;
- использовать разнообразные методы оценивания самостоятельной работы студентов, активно вовлекать их в рефлексивную деятельность по итогам выполнения заданий;
- применять дифференцированный подход при назначении студентам заданий для самостоятельной работы, в зависимости от уровня сформированности языковых компетенций у конкретного студента;

- стимулировать познавательную активность студентов, предлагая им актуальные проблемы для решения.

Самостоятельная работа носит статус высшей формы учебной деятельности, так как по смыслу и содержанию она близка к самообразованию. Организация самостоятельной работы студентов по изучению иностранного языка имеет приоритетное значение именно в тех вузах, где данная дисциплина не является профильной. В неязыковых вузах, по сравнению с языковыми, количество аудиторных часов, отводимых на изучение иностранного языка, гораздо меньше по сравнению с профильными дисциплинами. Именно поэтому самостоятельную работу студентов в рамках иноязычной подготовки в неязыковых вузах целесообразно организовывать по двум направлениям:

1. повышать качество обучения иностранному языку путем использования современных технологий и методов работы;
2. развивать профессионально значимые качества личности студентов, их творческие способности, активность и самостоятельность.

Можно выделить несколько условий эффективной организации самостоятельной работы при обучении иностранному языку:

1. Педагог должен уделять большое внимание повышению мотивации студентов, развивая у них интерес к иностранному языку и ориентируя студентов на результат их учебной деятельности.
2. Педагог должен раскрыть студентам сущность самостоятельной работы так, чтобы они правильно поняли ее смысл. Задача педагога - донести до студентов мысль обо всех составляющих самостоятельной работы: цели и задачи, четко определенная форма выражения и проверки результата, а также обязательность выполнения самостоятельной работы.
3. Успешность самостоятельной работы при изучении иностранного языка зависит от правильности выбора форм ее организации.

Выделяют несколько обязательных для использования форм организации самостоятельной работы студентов:

- самостоятельная работа в аудитории;
- самостоятельная работа вне аудитории;
- творческая самостоятельная работа.

Сегодня часто и эффективно применяются личностно-ориентированные методики, рекомендованные для использования при обучении иностранному языку:

- игровые методики: моделирование различных бытовых и профессиональных ситуаций, деловые игры;
- методика конструирования проблемных ситуаций: создание речевых ситуаций (бытовых, жиз-

ненных, профессиональных), которые содержат в себе определенную проблему и требуют решения этой проблемы при помощи иностранного языка. Например, обучение основам делового общения, а именно: умение вести переговоры, заключать контракты, грамотно оформлять документы, публично выступать;

- проектная методика: организация самостоятельной работы студентов посредством решения практических задач, нацеленных на приобретение новых знаний и языковых компетенций. Для управленцев используются следующие виды заданий для внеаудиторной самостоятельной работы: чтение аутентичного материала на тему бизнеса, работа со словарями и справочниками, учебно-исследовательская работа, использование аудио- и видеозаписей, компьютерной техники и Интернета.

В процессе самостоятельной работы с использованием проектной методики от студентов требуется сначала искать необходимую информацию, а потом осуществлять ее обработку. Любой проект предполагает наличие конкретного результата деятельности. Это может быть доклад, презентация, сочинение или эссе, имеющие реальное практическое значение для студента в ходе межличностного общения с подчиненными, в контексте узкопрофессиональной или социальной среды. В связи с этим, необходимо предлагать для проектов темы, связанные с управлением бизнес-процессами и вызывающие интерес у студентов. Главное значение проектной методики заключается в том, что данная методика позволяет использовать иностранный язык в условиях, которые максимально приближены к реальным [4].

Также при организации самостоятельной работы по изучению иностранного языка целесообразно применять методику ситуативного анализа, или кейсовый метод. Данный метод основан на том, что студенту пред-

лагается конкретная ситуация профессиональной направленности, в которой содержится определенная проблематика. Перед студентом ставятся следующие задачи:

- проанализировать ситуацию;
- выделить и изучить ее проблематичные стороны;
- найти и предложить возможные варианты решения проблемы;
- выбрать наиболее приемлемый вариант решения.

Значение кейсовой методики при организации самостоятельной работы по изучению иностранного языка заключается в том, что она развивает у обучающихся коммуникативные навыки, способствует профессиональному и общему развитию обучающихся, а будущих специалистов готовит к безболезненной адаптации к условиям перехода к профессиональной деятельности после окончания вуза [5].

Современные педагогические условия диктуют новые реалии, и самостоятельная работа становится не просто формой образовательного процесса, а его основой, способом формирования профессиональной самостоятельности, готовности к самообразованию и непрерывному обучению в условиях, когда очень быстро обновляются знания. Поэтому от организации самостоятельной работы студентов зависит многое в образовательном процессе [6]. В эпоху цифрового образования новые информационные технологии выступают неотъемлемой частью учебного процесса обучения иностранному языку. Активное использование и увеличение доли самостоятельной работы при изучении иностранных языков обусловлено необходимостью развития у студентов способности к непрерывному обучению и самообразованию. Актуальность применения цифровых и компьютерных технологий обусловлена желанием сделать обучение более эффективным, потребностью развития навыков самостоятельной учебной деятельности у студентов и их творческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленкова Ю.С. Развитие метакогнитивных способностей студентов энергетических специальностей средствами информационных технологий в процессе обучения иностранному языку // Вестник СамГТУ. Серия «Психолого-педагогические науки». - 2013. № 2(20). - С. 15-22.
2. Халяпина Л.П. Интернет-коммуникация и обучение иностранным языкам. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2015.
3. Горбунова Т.А., Аветисян Н.Б. Роль самостоятельной работы студентов в процессе обучения иностранным языкам // Управление образованием: теория и практика. 2022. Том 12. № 1. С. 77-84.
4. Косачева В.О. Организация самостоятельной работы будущих управленцев при изучении иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 70-1. С. 201-204
5. Звягинцева Е.П. Развитие у студентов навыков самообучения в ходе иноязычной подготовки. // Мир образования - образование в мире. 2014. №1. - С. 257-262.
6. Вартанова В.В. Содержание и организация самостоятельной учебной деятельности студентов в курсе обучения иностранному языку // Самостоятельная работа студентов: модели, опыт, технологии: Сб. науч. ст. / Под ред. М.Г. Савельевой, 2009. С. 71-73.

© Беленкова Юлия Сергеевна (yubelenkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИГРЫ ВОЛЕЙБОЛ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ СО СТУДЕНТАМИ, ОТНЕСЕННЫМИ К СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЕ

APPLICATION OF ELEMENTS OF THE GAME VOLLEYBALL FOR CLASSES WITH STUDENTS ASSIGNED TO A SPECIAL MEDICAL GROUP

**K. Vasina
I. Kiseleva
A. Popov
A. Riabchuk**

Summary: The basis of this scientific article was the study of the effectiveness of the use of elements of the game volleyball for classes with students assigned to a special medical group and the main features of these training sessions. The conducted pedagogical experiment consisted in the introduction of elements of the game volleyball during the school year in the process of physical education with students of the first, second and third courses assigned to a special medical group. It is concluded that it is possible to recommend the use of elements of the game volleyball for the development and improvement of physical and psychophysical qualities of students of a special medical group.

Keywords: volleyball, health, health-saving technologies, sports, sports games, students, special medical group, physical culture, physical education, training sessions.

Васина Ксения Игоревна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»
vasina-ki@rguk.ru

Киселева Ирина Вадимовна

Доцент, ФГБОУ ВО «Государственный университет
просвещения»
aleks250377@yandex.ru

Попов Алексей Сергеевич

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский
биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)»
porovas@mgpp.ru

Рябчук Александр Павлович

Старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский ядерный университет «МИФИ»
proger23@yandex.ru

Аннотация: Основой данного исследования послужило изучение эффективности применения элементов игры волейбол для занятий со студентами, отнесенными к специальной медицинской группе и основных особенностей проведения таких учебно-тренировочных занятий. Проведённый педагогический эксперимент заключался во внедрении элементов игры волейбол в течение учебного года в процессе занятий физической культурой со студентами первых, вторых и третьих курсов, отнесенными к специальной медицинской группе. Сделан вывод, что можно рекомендовать применение элементов игры волейбол для развития и совершенствования физических и психофизических качеств студентов специальной медицинской группы.

Ключевые слова: волейбол, здоровье, здоровьесберегающие технологии, спорт, спортивные игры, студенты, специальная медицинская группа, физическая культура, физическое воспитание, учебно-тренировочные занятия.

Формирование ценности здоровья в ценностно-смысловом ядре организационной культуры образовательной организации, создание здоровьесберегающей образовательной среды и забота о здоровье участников образовательного процесса являются центральными стратегическими задачами как внутришкольного управления, так и в системе высшего образования [7, 5]. Здоровьесбережение можно рассмотреть как ценность и норму культуры и образования студентов, гарантирующие успешное решение всех задач, непосредственно связанных с развитием личности и общества [5]. Несмотря на применение Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ № 254 от 06.06.2019 года, в настоящее время наблюдается устойчивая динамика понижения уровня физической

подготовленности и здоровья студенческой молодежи. Существуют исследования, которые позволяют сделать выводы, что количество студентов по состоянию здоровья отнесенных к специальной медицинской группе с каждым годом увеличивается. Исследователи полагают, что существует взаимосвязь снижения физического здоровья молодежи и «отсутствие системного многоступенчатого подхода в преподавании физической культуры с точки зрения здоровье сберегающих технологий в связке «школа-вуз (колледж)» [4].

Кафедры физического воспитания разрабатывают собственные учебные программы для специальных медицинских групп по дисциплине «Физическая культура» в соответствии с требованиями новейших Федеральных государственных образовательных стандартов. Одним

из актуальных направлений учебно-тренировочной работы по физической культуре, а также элективных дисциплин в рамках основной образовательной программы является спортивная игра «Волейбол». Анкетные опросы последних лет, проведённые среди студентов, поступивших на первый курс, показали, что наиболее популярным физкультурно-спортивным видом является направление «Волейбол». Причём эта популярность связана как с тем, что многие студенты ранее занимались данным видом спорта в различных секциях, в школе, в спортшколах, так и с желанием начать заниматься волейболом в университете.

Полученные данные других исследователей подтверждают, что волейбол имеет устойчивую популярность среди видов спорта, предпочитаемых студентами. Наиболее популярными физкультурно-спортивными видами среди студентов университетов на протяжении двух лет остаются атлетическая гимнастика, оздоровительные системы физических упражнений (фитнес, аэробика) и волейбол [10]. Другие исследователи отмечают, что «несмотря на существенное разнообразие доступных возможностей, четко выделяются наиболее популярные направления. В тройку лидеров входит футбол, волейбол и баскетбол. Выбор в их пользу сделали почти 50% студентов» [3], причём у девушек волейбол стоял на первом месте.

Стратегия выявления интересов студентов при выборе программы упражнений и видов учебно-тренировочных занятий, поможет добиться «эффективности занятий физической культурой, так как это возможно на основе учёта мотивов и интересов обучающихся как движущей силы физической активности человека» [6]. Важно отметить, что не все студенты, из числа тех, кто желает заниматься волейболом в университете имеют достаточно хорошее здоровье и могут быть отнесены к основной и подготовительной группам. Многие студенты вынуждены заниматься физической культурой в специальной медицинской группе и, в связи с этим становится актуальным применение элементов игры волейбол для занятий физической культурой и адаптация учебно-тренировочного процесса для различных категорий здоровья студентов.

В образовательные задачи учебно-тренировочного занятия по волейболу входят все основные виды развития физических и психофизических качеств, необходимых студенту: развитие ловкости, выносливости, внимания, координации движения, ловкости, а также развитие специальных навыков – элементов игры в волейбол: нижней и верхней передачи, приёмы мяча снизу и сверху, подача мяча и прочее.

На ранних этапах обучения волейболу студентов с ослабленным здоровьем игра может показаться непривле-

кательной из-за трудностей в организации командных действий. Данную проблему можно решить, используя в учебном процессе элементы мини-волейбола: прием-передача мяча в парах или стоя у стены, сидя, игра в «кружке», перебрасывание мяча на месте и в движении и т.д. [1, 8]. Подобные упражнения хорошо подходят лицам, отнесённым по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, так как для их выполнения не нужны значительные физические нагрузки или специальные умения и навыки.

Педагогический эксперимент заключался во внедрении элементов игры волейбол в течение учебного года в процессе занятий физической культурой со студентами первых, вторых и третьих курсов, отнесенными к специальной медицинской группе. Упражнения применялись в основной части занятия, на них отводилось 20-25 минут. Приведём пример одного учебно-тренировочного занятия, целью которого являлось обучение нижней подаче, верхнему и нижнему приему мяча:

1. Нижняя подача (4-5 минут): студенты выполняют упражнение в парах, соблюдая очередность (в начале подачи с одной стороны, затем мячи передавали и подача проводилась другой стороной), при подаче мяча студентам была поставлена задача рассчитывать силу удара по мячу и попадать в центр поля противоположной стороны;
2. Верхний и нижний приемы мяча (5-7 минут): упражнение выполнялось в парах, чередуя верхний и нижний приемы мяча, студентам была разъяснена техника выполнения и ставилась задача следить за ошибками как своими, так и партнёра;
3. Учебно-тренировочная игра «Волейбол» (8-12 минут): студентам была поставлена задача – соблюдение правил игры.

Для адаптации игры в волейбол для студентов специальной медицинской группы, например, для обучающихся с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, предлагаются следующие методические указания:

- уменьшение продолжительности выполнения элементов игры и игры по упрощённым правилам;
- отдых при наличии внешних признаков утомления;
- уменьшение расстояния до партнера при выполнении передач, до сетки – при выполнении подач;
- уменьшение размеров игровой площадки;
- изменение высоты сетки;
- увеличение количества игроков;
- исключение прыжков;
- исключение ускорений;
- игра без достижения конечного результата, варьирование количества таймов [2].

В результате применения элементов игры волейбол для занятий со студентами, отнесенными к специальной

медицинской группе в течение учебного года, можно отметить положительную динамику проведения подобных занятий. Студенты овладели теоретическими основами изучения раздела «Волейбол», в частности, были освоены:

- технический минимум для начинающих, включая стойки, перемещения, передачи, подачи, нападающие удары и блокирование;
- простейшую тактику действий в защите и нападении;
- основные положения официальных правил по волейболу.

Также студенты приобрели практические навыки игры «Волейбол»: более 60% от общего числа занимающихся овладели приемами нижней и верхней подачи мяча; 50% научились применять нижний прием и передачу мяча.

Применение упражнений-тестов для оценки физического развития, функционального состояния организма, физической подготовленности могут оказать значимую помощь преподавателю в регулировании учебно-тренировочной нагрузки и в правильной оценке происходящих изменений в состоянии здоровья студента и его физическом развитии [9]. Для оценки физической подготовленности у студентов специального медицинского отделения применялись следующие тесты: для оценки развития силовых качеств - поднимание туловища в сед из положения лежа на спине (девушки), ноги согнуты в коленях, сгибание и разгибание рук в упоре лёжа стоя на коленях (юноши), для оценки развития выносливости – тест Купера – 12 минутный бег или быстрая ходьба, гибкость оценивалась с помощью измерения наклона

вперед из положения сидя, ловкость (координационные способности) оценивались тестированием навыков игры «Волейбол» (подача в центр площадки, верхний и нижний приём и передача мяча в парах на количество раз), развитие быстроты проверялось при помощи измерений скорости челночного бега 3x10 метров. Контрольные тесты показали прирост уровня развития физических качеств в среднем на 15-20% у студентов экспериментальных групп, в которых применялись элементы игры «Волейбол», что является существенным показателем для специальной медицинской группы.

Необходимо особо выделить положительный эмоциональный фон на занятиях с применением элементов игры волейбол, замотивированность студентов в достижении целей занятий, исполнительную активность – выполнение заданий преподавателя, высокую работоспособность, дисциплинированность, устойчивость внимания.

Проблема оптимального выбора средств и методов физического воспитания для развития физических качеств студентов представляет собой дискуссионный вопрос, требующий разностороннего подхода и анализа. Следует отметить, что спортивная игра «Волейбол» является универсальным и эффективным средством физической культуры студента. Учитывая особенности учебно-тренировочного процесса со студентами, имеющими ограничения по состоянию здоровья, можно рекомендовать применение элементов игры волейбол для развития и совершенствования физических и психофизических качеств студентов специальной медицинской группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, А.В. Использование элементов игры в волейбол на занятиях физической культурой со студентами с ослабленным здоровьем / А.В. Белов, А.Ю. Осипов, Д.А. Шубин // Валеопедагогические проблемы здоровьесформирования подростков, молодежи, населения: сборник материалов 9-й Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, 27 ноября 2013 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2013. - С. 27-28. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/37828/1/vpzp_2013_013.pdf?ysclid=llkpfwte2u384811912 (дата обращения: 21.08.2023).
2. Главный, В.Б. Особенности обучения волейболу студентов специальной медицинской группы / В.Б. Главный // Вопросы педагогики. – 2019. – № 12-2. – С. 69-72. – EDN CMUNYO.
3. Гордюшкина, В.Ю. Популярные виды спорта среди студентов / В.Ю. Гордюшкина, З.П. Череп, Т.А. Андреевко // Наука-2020. – 2019. – № 10(35). – С. 53-57. – EDN ULYISM.
4. Заболотская, М.Г. Динамика количества студентов вуза, занимающихся в специальной медицинской группе / М.Г. Заболотская, А.А. Харин // Современные подходы к совершенствованию физического воспитания и спортивной деятельности учащейся молодежи : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию высшего физкультурно-спортивного образования во Владимирской области, Владимир, 15 ноября 2021 года. – Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2022. – С. 152-157. – EDN PWPYRX.
5. Карелина, Н.Н. Здоровьесберегающие технологии: аксиологический подход / Н.Н. Карелина // Шамовские чтения: сборник статей XV Международной научно-практической конференции: В 2 ч., Москва, 21–25 января 2023 года. Том Ч. 1. – Москва: 5 за знания, 2023. – С. 444-447. – EDN PJHSDM.
6. Михайлов, С.Л. Повышение эффективности занятий физической культурой в вузе на основе изучения мотивов и интересов физкультурной деятель-

- ности студентов / С.Л. Михайлов, Т.В. Беличева, А.В. Боков // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2018. – № V12. – С. 59–63. – EDN YQHWWT.
7. Цибульникова, В.Е. Модель ценностно-ориентированного здоровьесозидающего управления методическим объединением учителей / В.Е. Цибульникова // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 1(144). – С. 58-64.
 8. Чернов, Л.Я. Волейбол как средство физического воспитания студентов специального учебного отделения вуза: специальность 13.00.04 "Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Чернов Лев Яковлевич. – Красноярск, 2000. – 168 с. – EDN NLQSYR.
 9. Шелегин, И.В. Антропометрия как ключевой метод оценивания физической подготовленности студентов / И.В. Шелегин, С.А. Круглов, М.А. Путинцева // Заметки ученого. – 2022. – № 12. – С. 116-121. – EDN FOQGCW.
 10. Шивринская, С.Е. Интересы студентов вуза в сфере физкультурно-спортивной деятельности / С.Е. Шивринская, Т.С. Берцева // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 8-1. – С. 33-36. – EDN SHHRMD.

© Васина Ксения Игоревна (vasina-ki@rguk.ru), Киселева Ирина Вадимовна (aleks250377@yandex.ru), Попов Алексей Сергеевич (porovas@mgupp.ru), Рябчук Александр Павлович (proger23@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ФУТБОЛУ СО СТУДЕНТАМИ-ИНОСТРАНЦАМИ

FEATURES OF CONDUCTING FOOTBALL TRAINING SESSIONS WITH FOREIGN STUDENTS

**A. Egorov
V. Arzhanykh
A. Popov
V. Kharlamov**

Summary: This study is based on the study of the main features of conducting football training sessions with foreign students. Recommendations are given for the construction and organization of the educational process in the discipline "Physical Culture" taking into account these features. With the help of a questionnaire survey of students, the actual difficulties faced by foreign students in the learning process, engaged in the sports department «Football», are revealed. The analysis of the data obtained allowed us to draw conclusions that will improve the training process for football with foreign students.

Keywords: upbringing, education, educational process, students, foreign students, physical culture, physical education, training sessions, football.

Егоров Алексей Борисович

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»;
доцент, ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения»
egorovmgtutu1961@mail.ru

Аржаных Виктор Иванович

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
scpoligranroo@mail.ru

Попов Алексей Сергеевич

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)»
popovas@mgurp.ru

Харламов Владимир Игоревич

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
kharlamov-vi@rguk.ru

Аннотация: В основу данного исследования легло изучение основных особенностей проведения учебно-тренировочных занятий по футболу со студентами-иностранцами. Даны рекомендации для построения и организации образовательного процесса по дисциплине «Физическая культура» с учётом этих особенностей. С помощью анкетного опроса студентов, выявлены актуальные трудности, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы в процессе обучения, занимающиеся в спортивном отделении «Футбол». Анализ полученных данных позволил сделать выводы, на основе которых можно совершенствовать организацию учебно-тренировочного процесса по футболу со студентами-иностранцами.

Ключевые слова: воспитание, образование, образовательный процесс, студенты, студенты-иностранцы, физическая культура, физическое воспитание, учебно-тренировочные занятия, футбол.

Одним из актуальных направлений развития образовательных услуг является рост числа иностранных обучающихся из разных стран в университетах Российской Федерации. Согласно официальным данным Минобрнауки России на 1 октября 2022 года в российских вузах (по всем уровням образования) обучались более 362 тысяч иностранцев [8]. Всё больше студентов из разных стран выбирают получение образования в Российской Федерации. Этому есть множество причин, в частности, безопасность среды проживания и обучения, стоимость образовательных услуг и цены на продукты питания, межличностные и межкультурные отношения, фактор перспективы использования русского языка в дальнейшей работе/жизни, удовлетворение познавательных потребностей в изучении культуры Рос-

сии [5] и другие. В современном мире человеку важно не только быть здоровым, но и иметь как можно больше навыков и умений для того, чтобы открыть для себя возможности безграничной коммуникации не только на территории своей страны, но и за рубежом [2]. Цель воспитательной работы преподавателей с иностранными учащимися в самом общем плане можно сформулировать как формирование у них положительного отношения к русским людям, к России, к русской истории, литературе и культуре [1], а также к физической культуре и спорту. Физическая культура, являясь «частью общей культуры, совокупностью материальных и духовных ценностей, созданных и используемых обществом для физического совершенствования людей и укрепления их здоровья» [7], имеет огромный потенциал в освое-

нии студентами-иностранцами особенностей русской культуры и спортивных традиций. Занятия по физической культуре помогают привить интерес и любовь к изучению русского языка, расширить кругозор и быстрее интегрироваться, и адаптироваться в образовательном пространстве студентам-иностранцам.

Цель данной работы – выявить основные особенности проведения учебно-тренировочных занятий по футболу со студентами-иностранцами.

Исследователи выделяют некоторые методические принципы физического воспитания, способствующие эффективной адаптации иностранных студентов к обучению в российских университетах:

- тестирование физических качеств по специально разработанным таблицам и нормам;
- привлечение к участию в спортивно-массовых мероприятиях;
- привлечение к занятиям в спортивных секциях, в соответствии с их интересами и потребностями;
- повышение эмоционального фона занятий, путем включения спортивных и подвижных игр, упражнений соревновательного характера;
- построение занятия с учетом национальных и этнических особенностей;
- индивидуальный подход;
- акцентирование внимания на положительных качествах и достижениях [4].

Специфика учебно-тренировочной работы со студентами-иностранцами накладывает определённые трудности в реализации образовательных программ высшего образования. Анализ анкетного опроса студентов, обучающихся в университетах Москвы, помог выявить следующие трудности, с которыми сталкиваются студенты-иностранцы в процессе обучения по дисциплине «Физическая культура»:

1. Спортивно-физкультурная терминология;
2. Языковой барьер с преподавателями;
3. Языковой барьер с другими обучающимися студентами;
4. Особенности требований по дисциплине «Физическая культура».

Для преодоления выявленных трудностей необходимо принять определённые меры. И первое, что нужно привести в исполнение – это преодолеть языковой барьер. Преподаватели университетов по физической культуре высокой квалификации владеют на определённом уровне иностранными языками. Но, в таких элективных дисциплинах, как учебно-тренировочные занятия по футболу есть своя терминология. Также важно отметить, что в отделении «Футбол» занятия проводятся в более интенсивном темпе, чем в группах общей физической подготовки. Требования к результатам освоения учеб-

ной программы в отделении «Футбол» включают в себя различные специальные тесты, такие как бег с ведением мяча, челночный бег, ведение мяча с обводкой стоек [3]. Данный факт добавляет трудности в организацию учебно-тренировочного процесса со студентами-иностранцами. Для быстроты адаптации студентов-иностранцев и для повышения эффективности учебно-тренировочного процесса необходимо разработать методические рекомендации, включающие в себя терминологический словарь по строевой подготовке и по футболу. В данный словарь должны быть включены следующие термины:

- наименование элементов строя: строй, шеренга, фланг, интервал, колонна, дистанция, направляющий, замыкающий;
- команды для выполнения строевых приёмов: «Становись!», «Равняйся!», «Смирно!», «Отставить!», «Вольно!», «По порядку – рассчитайся!», «На первый и второй – рассчитайся!», «По три (четыре и т.д.) – рассчитайся», «На шесть, три, на месте – рассчитайся!», «Направо!», «Налево!», «Кру-гом!»;
- команды для передвижения в строю: «Шагом – марш!», «На месте шагом (бегом) – марш!», «Обычным шагом (бегом) – марш!», «Направляющий, на месте!», «Группа – стой!», «Обход», «Противоход», «Змейка», «Диагональ» и др. [6];
- специальная футбольная терминология - словарь главных футбольных терминов и понятий: «автобус», «автогол», арбитр/судья/рефери, «аут», аутсайдер/андердог, «бисиклета»/«ножницы», болельщик/фанат, бомбардир, видение поля, вице-чемпион, «вынос», «гол в раздевалку», голкипер/вратарь, «грязная игра», «девятка», дисквалификация, «диспетчер», допинг, дриблинг, «дубль», жеребьевка, «заброс», «игра в мяч», «игра на линии»/«на выходе», «инсайд», капитан, квалификация, «клиншит»/«сухарь», «корнер»/«угловой», кубок, крайний защитник, либеро, лидер, линейный, ложное движение, мертвый мяч, «на бумаге», навес, нападающий штрафной площадки, «навязать свою игру», «нырок», «опорник», «острый пас», «отбор», офсайд, «пас в больницу», «перевод», перехват, «персональная опека», «подкат», «подсечка», «преимущество на мяче», «прострел», «пушка», разбор игры, разница в счете, «стандарт», «стенка», темп игры, «требл», «укрыть мяч», «универсал», финал, «финт», фланг, фол, «фол последней надежды», форвард, хавбек, хет-трик, «центр», чемпион, «штрафная», «штрафной», щитки, «экс», эмблема, юниор [9] и др.

Преодоление языкового барьера с преподавателями носит двусторонний характер. Кроме повышения уровня знаний русского языка для студентов иностранцев, также необходимо и повышение квалификации преподавателей по физической культуре и спорту в области иностранных языков.

Для снижения проблемы языкового барьера студентов-иностранцев с другими обучающимися студентами следует выявить студентов из команды по футболу, владеющих на достаточном уровне иностранным языком, и назначить их «кураторами» для студентов-иностранцев. Это поможет наладить коммуникацию, укрепить командный дух спортсменов, сплотить команду и приведёт к успехам в спортивно-соревновательной деятельности.

Особенности требований по дисциплине «Физическая культура», в частности в отделении «Футбол» необходимо структурированно представить в переводном пособии для студентов, в котором будут учтены следующие требования к проведению учебно-тренировочных занятий и получению зачёта по дисциплине:

1. Техника безопасности на учебно-тренировочных занятиях по футболу;
2. Структура учебной дисциплины «Физическая Культура» для обучающихся;
3. Требования к получению аттестации по учебной дисциплине «Физическая Культура», виды и формы контрольных мероприятий, обеспечивающие контроль успеваемости;
4. Терминологический словарь основных терминов физической культуры, строевой подготовки и спе-

циальной терминологии по футболу.

Особенностями проведения учебно-тренировочных занятий по футболу с иностранными студентами являются специфические требования к организации занятий в отделении «Футбол», преодоление возникающих трудностей из-за языкового барьера между преподавателем и студентами и между игроками команды, моральная поддержка игроков – иностранных студентов и дополнительное сопровождение их на всех этапах учебно-тренировочного процесса.

Совершенствованию учебно-тренировочного процесса по футболу способствовала бы комплексная разработка общеуниверситетской стратегии учебно-воспитательной работы с иностранными студентами, которая была бы дополнена наполнением рабочей программы дисциплины по физической культуре. Следуя современным тенденциям, университет сможет поднять свой имидж, повысит компетентность своих преподавателей, расширит возможности для активной студенческой жизни и повысит мотивацию обучающихся. Всё это позволит студентам и преподавателям сделать большой шаг вперёд в изучении иностранного языка и повышении спортивного мастерства и успехов в соревнованиях у студентов, выбравших спортивную специализацию «Футбол».

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, М.И. О специфике воспитательной деятельности преподавателя с иностранными студентами / М. И. Васильева // Бюллетень Ученого совета. – 2006. – № 5(31). – С. 40-41. – EDN UQJTEL.
2. Карелина Н.Н. Развитие профессиональных компетенций на занятиях по физическому воспитанию студентов-бакалавров, обучающихся по специальности «Лингвистика» / Н.Н. Карелина, М.П. Кашкова, Е.Е. Лукашина [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 1(167). – С. 141-146. – EDN PNZRMR.
3. Милаков В.Н. Использование скоростносиловых упражнений по методу круговой тренировки для воспитания специальной выносливости для студентов отделения «Футбол» / В.Н. Милаков, А.Б. Егоров, И.М. Успенская, А.В. Гордеев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 11(213). – С. 364-367. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.11.p364-367. – EDN CNUWHJ.
4. Мостовая, Т.Н. Методические особенности занятий физической культурой в вузе для иностранных студентов / Т.Н. Мостовая, А.Е. Данилочкин, Т.Н. Демочкина // Наука-2020. – 2021. – № 4(49). – С. 18-23. – EDN HNYSLT.
5. Салосина, И.В. Исследование причин выбора российского регионального вуза иностранными студентами / И.В. Салосина, Ю.О. Охорзина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 124-138. – DOI 10.15293/2226-3365.1803.09. – EDN XSQLPF.
6. Терминология строевых и общеразвивающих упражнений: учебное пособие для преподавателей и студентов высших учебных заведений физической культуры, учителей физической культуры и тренеров детско-юношеских спортивных школ. / Р.М. Тухватулин, А.Д. Антоновский. – Смоленск: СГАФКСТ, 2015 – 54 с.
7. Хасанов, Р.А. Физическая культура как часть общей культуры общества / Р.А. Хасанов, Ш.Н. Шойикулов // Вестник науки и образования. – 2021. – № 15-2(118). – С. 25-28. – EDN TDWTAJ.
8. URL: <https://news.rambler.ru/community/50875326-inostrantsev-v-rossiyskih-vuzah-stanovitsya-bolshe/> (дата обращения: 04.07.2023).
9. URL: https://www.sportmaster.ru/media/articles/25809826/?ysclid=liurwr8qe7836081165&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 14.06.2023).

© Егоров Алексей Борисович (egorovmgutu1961@mail.ru), Аржаных Виктор Иванович (scpoligranroo@mail.ru), Попов Алексей Сергеевич (porovas@mgupr.ru), Харламов Владимир Игоревич (kharlamov-vi@rguk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АНАЛИЗЕ КАТЕГОРИИ КАРЬЕРНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Колбасин Виктор Николаевич

Соискатель, Омский государственный педагогический
университет (Россия, г. Омск)
Kolbasvik@mail.ru

APPLICATION OF THE AXIOLOGICAL APPROACH IN THE ANALYSIS OF THE CATEGORY OF CAREER-VALUE ORIENTATIONS OF A SOCIAL SPHERE SPECIALIST

V. Kolbasin

Summary: The article describes the structure and content of the concept of «career-value orientations of a social institution employee» based on axiological and personality-oriented approaches. The scientific idea of the need for the formation of career-value orientations in the process of teaching professional knowledge in the system of intra-corporate training of a social organization is formulated.

The goal - to reveal the structure and content of the concept of career-value orientations of employees of a social institution from the standpoint of axiological and personality-oriented approaches.

Method and methodology of the work: the article uses mathematical methods, as well as statistical methods of analysis; questioning.

Results: the content of the concept of career-value orientations of employees of a social institution is revealed, its structure is presented. The scientific idea of the need for the formation of career-value orientations of employees of a social institution, contributing to the career and professional growth of specialists on the basis of axiological and personality-oriented approaches, taking into account the peculiarities of professional activity in the social sphere, is formulated.

Scope of results: it is advisable to apply the results obtained by the managerial corps of organizations in the social sphere in the process of implementing internal corporate training of personnel.

Keywords: career-value orientations, organization of the social sphere, employee of a social institution.

Аннотация: В статье раскрывается описание структуры и содержания понятия «карьерно-ценностные ориентации работника социального учреждения» на основе аксиологического и личностно-ориентированного подходов. Формулируется научная идея о необходимости формирования карьерно-ценностных ориентаций в процессе обучения профессиональным знаниям в системе внутрикорпоративного обучения социальной организации.

Цель – раскрыть структуру и содержание понятия карьерно-ценностных ориентаций работников социального учреждения с позиций аксиологического и личностно-ориентированного подходов.

Метод и методология проведения работы: в статье использованы методы анализа, обобщения, анкетирование.

Результаты: раскрыто содержание понятия карьерно-ценностных ориентаций работников социального учреждения, представлена его структура. Сформулирована научная идея о необходимости формирования карьерно-ценностных ориентаций работников социального учреждения, способствующих карьерному и профессиональному росту специалистов на основе аксиологического и личностно-ориентированного подходов, с учетом особенностей профессиональной деятельности в социальной сфере.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять организациями социальной сферы в процессе реализации внутрикорпоративного обучения персонала.

Ключевые слова: карьерно-ценностные ориентации, организация социальной сферы, работник социального учреждения.

Введение

Аксиологический подход в реализации внутрикорпоративной системы обучения выступает инструментом в качестве связывающего звена между познавательной и практической деятельностью работников социального учреждения, устанавливая взаимосвязи между ценностями, социальными и культурными факторами, личностью, которая рассматривается как наивысшая ценность общества. Аксиологический подход дает возможность изучать явления с точки зрения удовлетворения ими потребностей человека и пробуждать у работника социальной организации тягу к самопознанию

и критическому этическому исследованию, к самостоятельности. Он строится на концепции взаимозависимого, взаимодействующего мира, которая, в свою очередь, определяет мир как систему целостного человека, а это значит, что важно понимать не только что объединяет человека, но и что характеризует отдельную личность.

В.А. Слостенин определяет **ценности** как специфические образования в структуре индивидуального сознания, являющиеся идеальными образами и ориентирами деятельности личности и общества [8].

Российский энциклопедический словарь представ-

ляет понятие «ценность» как «положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, определяемую их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности. Критерии и способы оценки этой значимости получают выражение в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях» [7].

Философия определяет понятие «ценность» таким образом: «Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта» [9].

В педагогике актуализировано понимание ценности как идеала, принятого личностью, как значимого для нее явления, понятия, установки [1].

Педагогическая аксиология в значительной степени изменяет характер взаимодействия преподавателя со слушателем. В центре такого взаимодействия оказываются не просто знания, умения, навыки или формирование каких-то привычек слушателя, а целый комплекс жизненно важных ценностей (в том числе связанных с реализацией профессиональной деятельности), формирование у него потребности присваивать их, жить ими. Внутрикorporативное обучение реализует у слушателя умение уверенно ориентироваться в окружающем профессиональном поле, различать качественную, ценностную его неоднородность. Формирование и развитие личности вне ценностей невозможно, и важнейшей задачей аксиологически ориентированного обучения в этой связи является приобщение к общечеловеческим и духовным ценностям, формирование в сознании слушателей ориентаций и установок, которые в дальнейшем выступают идеалами и жизненными ориентирами личности, поскольку по мнению В.А. Слостенина, И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянова «категория ценности представляет собой особый человеческий тип значимости предметов и явлений». Таким образом, ценности должны иметь положительное значение. Анализируя теоретические источники относительно сущности понятия ценности, можно заключить, что педагогическая аксиология характеризует ценности как «специфические образования в структуре индивидуального или общественного сознания, являющиеся идеальными образцами и ориентирами деятельности личности и общества» [3].

Таким образом, принимая во внимание различия в трактовках понятия «ценности», можно выделить общее: *Ценность представляется неким понятием, свойством, убеждением, наделенным положительной значимостью для индивида.*

Обращаясь к определению сущности понятия «ценностные ориентации» личности, мы выяснили что исследованием данного феномена занимались Н.А. Асташова, М.В. Богуславский, Е.В. Бондаревская, В.А. Слостенин и

др. По мнению некоторых исследователей (О.Г. Дробницкого, Т.Н. Казаковой, В.П. Тугаринова), ценности, сформированные в ходе жизнедеятельности социальных групп и общностей, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в структуру личности в виде ценностных ориентаций [6].

В энциклопедическом словаре *Ценностные ориентации* представляют собой «особые, фиксированные качества личности, позволяющие ей ранжировать объекты по их значимости для нее; могут выступать в качестве определенных побуждающих стимулов для достижений поставленных целей, приобретая функцию регуляторов социального поведения».

Н.А. Кириллова описывает ценностные ориентации как «сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам» [4].

Обобщая представленные точки зрения разных ученых, сделаем вывод о том, что ценностные ориентации отражают цели и идеалы, характеризуют потребности и интересы индивида, а включение субъекта в разные виды деятельности является условием их формирования.

Анализируя процесс формирования ценностных ориентаций личности, А.В. Кирьякова относит к его механизмам поиск, оценку, выбор и проекцию [5].

Относительно места ценностных ориентаций в структуре личности, - единого мнения в этом вопросе у исследователей не сформировалось. Вместе с тем, В.А. Ядов отмечает, что ценностные ориентации личности, соотносящиеся с идеалами, «формируют ценностную иерархию жизненных целей – дальних, средних, ближних, а также представления о нормах поведения, выступающие в качестве эталона» [11]. Структура ценностных ориентаций включает когнитивный компонент, который предполагает наличие социального опыта индивида; эмоциональный компонент и поведенческий компонент, рассматривающий поведение индивида в различных ситуациях. Мы будем придерживаться данной позиции вслед за указанными исследователями.

Ценностные ориентации, осуществляя регулятивную функцию поведения, реализуют «менеджмент» в процессе принятия решений. Кроме того, важными для нашего исследования представляются регулирующая, определяющая и стимулирующая функции, побуждающие человека к социальным действиям, к карьерному росту, выбору инструментов и методов контроля развития. Они обеспечивают формирование и актуализацию форм ка-

рьерного поведения. Карьера играет важную роль в развитии личности, поскольку она связана с социальным статусом, профессиональной активностью и т.д. Из этого следует необходимость применения методов карьерного, профессионального развития, заключающегося в изменении ценностных регуляторов личности. Принятие каждого решения в карьере работника должно быть продиктовано системой ценностных ориентаций во избежание конфликтов, деформирующих человека как личность и как квалифицированного специалиста.

В процессе построения карьеры включаются основные социальные и психологические процессы, сопряженные с ценностными ориентациями личности, определяющими вектор её становления. Возможность влияния ценностных ориентаций на процесс формирования карьеры человека обусловлен с одной стороны его социальными ресурсами, представленными в виде обстоятельств его жизни, личными способностями, уровнем профессиональной подготовки, социально-культурными навыками, волей и состоянием его здоровья, как и объективными возможностями с другой стороны. При этом, когда факторы, необязательно связанные с трудовой деятельностью, вынуждают человека изменить свои приоритеты, ценностные ориентиры, это меняет и направление вектора развития карьеры. В силу того, что человек большую часть своего времени связывает с профессиональной деятельностью, ценностные ориентации определяют каждый этап его карьерного становления и направляют его последующие передвижения по этому пути. Эффективное развитие карьеры происходит тогда, когда работник готов в полной мере реализовать свои внутренние ресурсы при наличии определенных внешних факторов. Анализ карьерной ориентации включает такие важные составляющие, как индивидуальное переживание, личностное осмысление профессиональной деятельности, аксиологические составляющие труда.

В зарубежной социальной психологии понятие карьерных ориентаций представлено как ценностные ориентации, установки, интересы и другие социально обусловленные побуждения к деятельности.

В изучении карьерных ориентаций наиболее широко известна концепция американского исследователя Э. Шейна получившая название «Якорная модель профессионального развития». В соответствии с ней, любая профессиональная деятельность дает возможность продвижения личности в нескольких направлениях, соответствующих её карьерным ориентациям, причем эти карьерные ориентации связаны с реализацией человеком представлений о себе. Опыт работы имеет решающее значение в прояснении для человека собственных интересов, ценностей и талантов. Таким образом, прояснение образа «Я» сопряжено с собственными потребностями, мотивами, талантами и ценностями в профес-

сиональной сфере и составляет процесс формирования карьерно-ценностной ориентации, которая, стабилизируясь, начинает действовать в карьере как ведущая сила. Большая роль в повышении индивидуальной успешности, выполняя профессиональные задачи, принадлежит собственным усилиям и квалификации специалиста по социальной работе, социального работника с соответствующей сформированной карьерно-ценностной ориентацией.

В нашем исследовании под карьерными ориентациями мы понимаем группу потребностей, ценностей и способностей, реализация которых в наибольшей степени значима для человека при осуществлении профессиональных выборов. В соответствии с теорией мотивации Э. Шейном выделяется 8 основных ценностей в работе сотрудников, так называемые «якоря карьеры»: «Предпринимательство», «Интеграция стилей жизни», «Вызов», «Служение», «Стабильность», «Автономия», «Менеджмент», «Профессиональная компетентность».

Поскольку для нас является важным рассмотрение карьерных ориентаций во взаимодействии с ценностной структурой личности человека, осуществляющего профессиональную деятельность в учреждении социального обслуживания, мы считаем допустимым использование термина «карьерно-ценностные ориентации работников социального учреждения»

Принимая во внимание этот факт, мы определяем **карьерно-ценностные ориентации работников социального учреждения** как особые качества личности, с помощью которых она ранжирует потребности, ценности, интересы, профессиональные компетенции, связанные с осуществлением профессиональной деятельности в учреждении социального обслуживания и направленные на помощь людям, служение обществу при сбалансированном образе жизни с социальными гарантиями. Это определение соотносится с теорией Э. Шейна, согласно которой карьерная установка – это постоянный и устойчивый элемент структуры личности.

Структура карьерно-ценностных ориентаций работников социального учреждения (Рисунок 1) включает: потребности, ценности, интересы, и профессиональные компетенции. Потребности выступают как важный фактор, влияющий на рабочее поведение человека с позиции его карьерных устремлений, воспринимаемых с учетом собственных профессиональных интересов и интересов социального учреждения. Ценности в структуре рассматриваемой проблемы составляют идеальный образ профессиональной деятельности, согласующийся с ориентирами личности и миссии социального учреждения. Интересы отражают область внимания работника, побуждающего его

Рис. 1. Структура карьерно-ценностных ориентаций работников социального учреждения

к профессиональной деятельности в определенном направлении с учетом сложившихся ценностей и потребностей, расширения профессионального опыта и получения новой информации. Профессиональные компетенции служат развитию способности ориентироваться в профессиональной ситуации, в соответствии со спецификой профессиональной деятельности в области концентрации и принятия взвешенных решений. Профессиональные компетенции при этом мы соотносим с профессиональным стандартом специалиста по социальной работе, социальным работником, профессиональную деятельность которого характеризуют специальные (работа в профессии), ценностно-смысловые (морально-этические установки), технические (знания и опыт), личностные (свойства характера) компетенции.

Карьерно-ценностные ориентации основываются на карьерных ориентациях «Служение», «интеграция стилей жизни», «стабильность». Образующие в совокупности «Социальный вектор».

Механизм контроля и самоконтроля, актуализированный в ходе формирования карьерно-ценностных ориентаций во взаимосвязи с приобщением их к профессиональным знаниям в процессе внутрикорпоративного обучения, предполагает, что на оценку и ана-

лиз педагогического процесса как организационной системы направлены существующие возможности контроля образовательного процесса, в системе внутрикорпоративного обучения, а оценку индивидуальной сформированности карьерно-ценностных ориентаций работника социального учреждения обеспечивает личная его позиция, отражающая стремление к саморегуляции профессионального развития (А.А. Евдокимов [2], Ю.Г. Холод [10]).

Таким образом, модель формирования карьерно-ценностных ориентаций работников социального учреждения как целостный педагогический процесс, в котором обеспечивается формирование карьерно-ценностных ориентаций и будет происходить за счет передачи, освоения и использование опыта в решении профессиональных задач в контексте социального обслуживания в ходе профессионального образования и изучения специальных дисциплин, не может существовать самостоятельно, а встраивается в образовательный процесс внутрикорпоративной системы обучения работников социального учреждения в целом и является целостной, но, еще раз подчеркнем, что она не может существовать самостоятельно, а встраивается в профессиональную деятельность и внутрикорпоративный образовательный процесс социальной организации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурнева Т.В., Гринева Е.А., Чернова Т.В. Исторические предпосылки становления духовно-нравственных ценностей в образовании // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29407> (дата обращения: 24.07.2023).
2. Евдокимов А.А. Педагогические условия развития самоконтроля курсантов вузов внутренних войск МВД России в образовательном процессе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Евдокимов Андрей Анатольевич; [Место защиты: С.-Петерб. военный ин-т внутренних войск МВД России]. – Санкт-Петербург, 2014. – 24 с.
3. Кирьякова А.В. Аксиологические доминанты развития личности в цифровом мире [Электронный ресурс] / А.В. Кирьякова, В.В. Мороз // Приоритеты и ценности воспитания и развития личности в современном обществе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 29 окт. 2020 г., Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2021. – С. 73-76.
4. Кирьякова, А.В. Аксиология креативности: монография / А.В. Кирьякова, В.В. Мороз. – 2-е изд., испр. и доп. – Оренбург: Университет, 2019. – 232 с.
5. Ключникова, Н.Н. Формирование ценностных ориентаций в процессе профессионального развития студентов технического вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ключникова Наталья Николаевна. – Санкт-Петербург, 2009. – 229 с.
6. Макарова, И.А. Аксиологические основы формирования профессиональных ориентаций студентов в системе высшего профессионального образования (на примере специальностей «Социальная работа», «Социальная педагогика»: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Макарова Инна Анатольевна.; – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – 231 с.
7. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред. А.М. Конференции. – Новосибирск: Изд-во: Профессиональная наука. 2020. С. 67-72.
8. Слостенин, В.А., Чижаква, Г.И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. Пособие для студ. высш. пед. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.- 192с.
9. Философский энциклопедический словарь. – Москва: ИНФРА-М, 2012. – С. 497–498.
10. Холод, Ю. Г. Педагогическая система формирования у курсантов умений самоконтроля учебной деятельности: на примере технических дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Холод Юрий Григорьевич; Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2000. – 18 с.
11. Ядов, В.А. Рабочая книга социолога / под ред. В.А. Ядова. – М.: Наука, 1976. – 181 с.

© Колбасин Виктор Николаевич (Kolbasvik@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный педагогический университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ШКОЛЬНИКОВ В КОНКУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лысиченкова Светлана Алексеевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
 claire_l@mail.ru

SOME ASPECTS OF FORMATION OF STUDENTS' META-SUBJECT EDUCATIONAL RESULTS IN THE COMPETITIVE ACTIVITY

S. Lyssichenkova

Summary: The article deals tasks of the teacher at the present stage, requirements for results of mastering of basic educational programs by students. Problems of the insufficient elaboration of process of meta-subject educational results' formation are touched. The concept of competitive activity, reasons of its effectiveness for personal development are given. The article formulates pedagogical conditions for the development of students' meta-subject skills in the competitive activity. As an example of competitive activity the comic's festival is dealt. The author describes the organization of this form of competitive activity. Executed roles, meta-subject skills formed in execution of each role by students, stages of work where students need in teacher's accompaniment are dealt in detail. The different subjects have their particularities for meta-subject educational results' formation. The article deals the competitive activity in French. In conclusion, some means of diagnostics of students' meta-subject skills in this form of competitive activity are offered.

Keywords: meta-subject educational results, universal learning activities, competitive activity, comic's festival, diagnostics of meta-subject educational results.

Аннотация: В статье рассматриваются задачи учителя на современном этапе, требования к результатам освоения учащимися основных образовательных программ. Затрагиваются проблемы, связанные с недостаточной разработанностью процесса формирования метапредметных образовательных результатов. Дается понятие конкурсной деятельности, обоснование ее эффективности для развития личности. В статье формулируются педагогические условия для развития метапредметных умений учащихся в конкурсной деятельности. В качестве примера конкурсной деятельности рассматривается фестиваль комиксов. Автор описывает организацию этого вида конкурсной деятельности. Подробно рассматриваются выполняемые роли, метапредметные умения, формируемые при выполнении учащимися каждой роли, этапы работы, на которых учащимся требуется сопровождение учителя. Различные учебные предметы имеют свою специфику и предоставляют разные возможности для формирования метапредметных образовательных результатов. В статье рассматривается конкурсная деятельность, осуществляемая на французском языке. В заключении предлагаются некоторые способы диагностики метапредметных умений учащихся в данном виде конкурсной деятельности.

Ключевые слова: метапредметные образовательные результаты, универсальные учебные действия, конкурсная деятельность, фестиваль комиксов, диагностика метапредметных результатов.

Введение

В современной системе образования от учителя требуется не только дать учащимся базовые знания по своему предмету, выработать определенные умения и развить навыки, проконтролировать и оценить полученный результат, но и научить учащихся самостоятельно добывать необходимую информацию, получать знания для того, чтобы в процессе обучения решать реальные задачи и находить решение современных проблем, используя неординарные подходы и творческие идеи.

Федеральные государственные образовательные стандарты по-новому формулируют требования к результатам освоения учащимися основных образовательных программ. Среди них особое место занимают метапредметные достижения учащихся. Место метапредметных

результатов в обновленных стандартах определяется их приоритетным влиянием на развитие личности, ее познавательную, коммуникативную и рефлексивную сферы.

Методология формирования метапредметных результатов образовательной деятельности школьников пока еще недостаточно разработана как на теоретическом, так и на практическом уровнях, а именно: не имеет четкой трактовки метапредметное содержание учебных предметов, не определено соотношение между метапредметными результатами и универсальными учебными действиями (далее – УУД), не выделены конкретные критерии и дескрипторы уровней метапредметных результатов и, соответственно, отсутствуют ясно выраженные требования к оценке метапредметных достижений школьников. Кроме того, пока еще слабо разработано учебно-методическое обеспечение процесса формирования метапредметных результатов средствами учебных

дисциплин [Шаповалова, 2021].

Методами оценки метапредметных результатов являются устные и письменные работы, индивидуальная беседа, анкетирование, наблюдение, проекты, практические и творческие работы, различные виды самооценки и самоанализа. Оценка метапредметных результатов предполагает оценку универсальных учебных действий (познавательных, регулятивных, коммуникативных), то есть таких умственных действий обучающихся, которые направлены на анализ своей познавательной деятельности и управление ею. Основной задачей оценки результатов становится определение уровня сформированности конкретных УУД.

Одним из средств решения проблем, связанных с достижением метапредметных результатов и их оценкой, может стать конкурсная деятельность школьников. По мнению А.Н. Ксенофонтовой и Е.П. Табаковой конкурсную деятельность можно рассматривать как «форму соревнования в педагогическом процессе, результатом которой является мотивация и активизация личности, актуализация творческих возможностей, расширение познавательной деятельности, реализация способностей и интереса у обучающихся» [Ксенофонтова, Табакова, 2006].

С.Л. Емельянцева считает, что эффективность конкурсной деятельности связана с созданием необходимых педагогических условий для реализации потребностей личности в проявлении себя, раскрытии своих способностей в ситуации испытания своих сил, презентации своих достижений [Емельянцева, 1999].

Конкурсная деятельность способствует развитию метапредметных умений учащихся, т.к. участники конкурса имеют возможность:

- выполнять нестандартные задания, которые невозможно делать на уроках;
- интегрировать знания из разных учебных предметов;
- использовать знания и навыки, приобретенные не только на уроках, но и во внеурочной деятельности;
- самостоятельно делать выборы в соответствии со своими способностями и интересами.

В конкурсной деятельности учащиеся могут выбирать:

- конкурсное мероприятие, в котором они хотят участвовать;
- цель своего участия в данном мероприятии (попробовать свои силы, узнать что-то новое, приобрести определенные навыки, победить в соревновании и т.д.);
- вид деятельности;
- выполняемые роли;
- способы и приемы работы;

- форму работы (индивидуальная, парная, групповая);
- форму представления результатов.

Для развития метапредметных умений учащихся в конкурсной деятельности необходимы:

- тщательный отбор заданий, позволяющих формировать и развивать все виды метапредметных умений (познавательных, коммуникативных, регулятивных);
- разработка четких критериев для оценки уровня развития метапредметных умений учащихся;
- создание условий для применения на практике не только знаний, умений и навыков, приобретаемых учащимися на уроках, но и тех, которые они приобретают во внеучебной деятельности (на занятиях кружков, секций и т.д.);
- четкая организация процесса рефлексии на всех этапах работы (в ходе подготовки, реализации, подведения итогов конкурсной деятельности);
- грамотно выстроенное психолого-педагогическое сопровождение конкурсной деятельности учащихся.

В качестве примера рассмотрим один из видов конкурсной деятельности школьников – фестиваль комиксов на французском языке для учащихся 4-9 классов. Конкурс проводился кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования в течение 7 лет. Фестиваль комиксов является конкурсом творческих работ на французском языке, отражающих повседневную жизнь современных школьников.

Для проверки эффективности влияния конкурса на формирование метапредметных образовательных результатов учащихся мы предложили участникам написать отзывы. Учащиеся охарактеризовали свое участие в конкурсе следующим образом.

«В этом году я впервые участвовала в фестивале комиксов и этот опыт был довольно успешным. Безусловно, подготовка комикса (придумывание сюжета, персонажей и процесс рисования) развивает креативное мышление. Во время работы развиваются такие качества как работоспособность, ответственность, терпеливость, целеустремленность. Составление текста на русском языке, перевод на французский, подготовка устного выступления совершенствуют знания, навыки. Кроме того, мне действительно нравится французский язык с его сложной грамматикой, мелодичным звучанием. Именно поэтому все, что я создаю – часть моей души» (Полина, 15 лет).

«Фестиваль комиксов на французском языке – это очень необычное, захватывающее мероприятие. Этот конкурс дает дополнительное, более углубленное развитие в изучаемом предмете, развивает мышление и воображение, повышает мою самооценку, дает возмож-

ность узнать что-то новое» (Арина, 12 лет).

«Я считаю, что участие в этом конкурсе дает возможность самовыражаться и прогрессировать в творческом смысле. Полная свобода дает огромное пространство для размышлений» (Варя, 11 лет).

«Было интересно придумывать и делать комиксы. Делая комиксы, я совершенствуюсь во французском языке, учусь работать в команде, фантазировать, развиваю ответственность за свою работу» (Данила, 12 лет).

Был проведен контент-анализ отзывов учащихся. Контент-анализ показал, что учащиеся выделяют следующие умения, которые, по их мнению, в наибольшей степени развивает участие в фестивале комиксов.

- умение работать в команде (это умение выделили 45,4% участников);
- умение четко выражать свое мнение (18% участников);
- умение ставить цель и планировать свою работу (9% участников);
- умение оценивать свою работу (9% участников).

Участники конкурса отметили также качества личности и психические процессы, которые развивает работа над созданием комикса. По итогам контент-анализа были получены следующие результаты:

- воображение (это качество отметили 54,5% участников);
- творческое мышление (36,4% участников);
- ответственность (27,3% участников);
- трудолюбие (9% участников);
- уверенность в себе (9% участников).

Организация работы над комиксом включает подготовку к выполнению данного вида деятельности, реализацию работы над комиксом, контроль и рефлексию. Схема работы над созданием комикса может быть представлена следующим образом.

Этап 1. Выбор темы, жанра и выполняемых ролей.

Этап 2. Создание сценария.

Данный этап включает:

- подробное описание персонажей (имя, возраст, рост, фигура, одежда, характер);
- описание места действия;
- создание реплик персонажей и перевод на французский язык.

Этап 3. Выбор формата и материалов для работы.

Этап 4. Выполнение работы.

Этап 5. Контроль и оценка выполненной работы.

Данный этап включает:

- самопроверку и самооценку работы по выбранным критериям;

- проверку работы учителем;
- рефлексию.

При работе над комиксом учащиеся имеют возможность выбирать:

- тему работы;
- жанр и стиль работы;
- формат работы;
- художественные материалы;
- выполняемые роли;
- форму работы (индивидуальная, парная, групповая);
- партнеров по работе.

Конкурсная деятельность дает возможность для расширения ролевого репертуара учащихся. В работе над комиксом учащиеся могут выполнять следующие роли:

- *автор* (сочиняет сюжет, по которому будет сделан комикс);
- *сценарист* (используя данный сюжет, пишет сценарий, расписывает роли персонажей, их характеры, образ каждого персонажа);
- *переводчик* (переводит сценарий на французский язык);
- *корректор* (проверяет текст и исправляет ошибки);
- *дизайнер* (придумывает обстановку, в которой происходят события комикса, расположение персонажей в каждом эпизоде);
- *художник* (рисует эпизоды комикса с учетом идей сценариста и дизайнера).

Учащиеся могут выполнять одновременно несколько ролей. Вследствие того, что при выполнении разных ролей учащиеся осуществляют разные виды деятельности, при этом формируются различные УУД. Приведем примеры выполняемых ролей и УУД, формируемых при выполнении каждой роли.

Автор

Познавательные УУД:

- самостоятельно выбирать способ решения учебной задачи.

Коммуникативные УУД:

- выражать себя, свое мнение.

Сценарист

Познавательные УУД:

- выявлять и характеризовать существенные признаки объектов;
- выявлять причинно-следственные связи при изучении явлений и процессов;
- выбирать, анализировать, систематизировать и интерпретировать информацию разных видов и форм;
- осознанно и произвольно строить речевое высказывание.

зывание в устной и письменной форме;

- самостоятельно выбирать оптимальную форму представления информации.

Коммуникативные УУД:

- ставить себя на место другого человека, понимать мотивы и намерения другого.

Переводчик

Познавательные УУД:

- владеть монологической и диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами родного и иностранного языков;
- самостоятельно выбирать оптимальную форму представления информации.

Корректор

Регулятивные УУД:

- владеть способами самоконтроля и взаимоконтроля;
- признавать свое право на ошибку и такое же право другого.

Дизайнер

Познавательные УУД:

- самостоятельно выбирать оптимальную форму представления информации.

Регулятивные УУД:

- выбирать способ решения учебной задачи с учетом имеющихся ресурсов и собственных возможностей.

Коммуникативные УУД:

- понимать намерения других.

Художник

Познавательные УУД:

- самостоятельно выбирать способ решения учебной задачи;
- самостоятельно выбирать оптимальную форму представления информации.

Коммуникативные УУД:

- выражать себя, свое мнение;
- понимать намерения других.

Регулятивные УУД:

- выбирать способ решения учебной задачи с учетом имеющихся ресурсов и собственных возможностей.

Как было сказано выше, одним из условий эффективности выполнения деятельности по созданию комикса является сопровождение учителя. Сопровождение учителя необходимо при:

- постановке учебной задачи;
- выборе темы работы и выполняемых ролей;
- составлении плана работы;
- составлении реплик персонажей и их переводе на

французский язык;

- выделении критериев для самопроверки работы;
- осуществлении процесса рефлексии.

Цель сопровождения учителя – оказание помощи учащимся в преодолении трудностей, возникающих на разных этапах работы над комиксом. Степень сопровождения зависит от возраста учащихся, их способностей, уровня развития навыков, необходимых для выполнения выбранных видов работы и т.д.

Как было сказано ранее, выполнение учащимися различных ролей при создании комиксов развивает разные метапредметные умения. Рассмотрим пример диагностики, которую можно использовать для оценки уровня сформированности познавательного УУД «Самостоятельно выбирать оптимальную форму представления информации» при выполнении роли художника. Оценка происходит по следующим критериям:

1. постановка учебной задачи.
0 баллов – постановка учебной задачи совместно с учителем.
1 балл – недостаточно четкая самостоятельная постановка учебной задачи.
2 балла – самостоятельная четкая постановка учебной задачи.
2. выбор существенной информации о персонажах комикса и происходящих событиях, данной в сценарии, для выполнения работы.
0 баллов – выбор не только существенной, но и несущественной информации, которая будет использована в работе.
1 балл – существенная информация выбирается не полностью.
2 балла – выбор всей существенной информации, которая должна будет использоваться в работе.
3. представление художественными средствами образов персонажей в соответствии с описанием в сценарии.
0 баллов – использование данных средств представляет персонажей недостаточно понятно, не полностью соответствует описанию.
1 балл – использование данных средств представляет персонажей с небольшими неточностями.
2 балла – использование данных средств представляет персонажей понятно, в точном соответствии с описанием.
4. представление художественными средствами окружающей обстановки и происходящих событий в соответствии с описанием в сценарии и образом персонажей.
0 баллов – при использовании данных средств представление окружающей обстановки и происходящих событий частично соответствует описанию в сценарии и образам персонажей.
1 балл – при использовании данных средств пред-

ставление окружающей обстановки и происходящих событий соответствует описанию в сценарии и образам персонажей с небольшими неточностями. 2 балла – при использовании данных средств представление окружающей обстановки и происходящих событий полностью соответствует описанию в сценарии и образам персонажей.

Итого:

1-5 б – низкий уровень сформированности данного познавательного УУД;

6-9 б – средний уровень сформированности данного познавательного УУД;

10-12 б – высокий уровень сформированности данного познавательного УУД.

Заключение

Процесс формирования метапредметных образовательных результатов школьников должен быть тщательно спланирован и проводиться систематически. Он затрагивает различные аспекты образовательного процесса. Учитываются требования к результатам обучения на разных ступенях обучения. Большие возможности для формирования метапредметных умений учащихся дает гармоничное сочетание урочной и внеурочной деятельности (например, конкурсная деятельность). Необходим поиск новых видов работы и критериев оценки, адекватно отражающих уровень сформированности конкретных видов метапредметных образовательных результатов школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянцева С.Л. Конкурсы достижений как средство самореализации старшеклассников: диссертация ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Емельянцева Семеновна Леонидовна. СПб, 1999. – 172 с.
2. Ксенофонтова А.Н., Табакова Е.П. Педагогические условия самоопределения старшеклассников в конкурсной деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 10. Ч. 1. С. 88-94.
3. Шаповалова О.Н. Формирующее оценивание как технология развития метапредметных результатов обучающихся основной школы: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Шаповалова Ольга Николаевна. Краснодар, 2021. – 25 с.

© Лысиченкова Светлана Алексеевна (claire_1@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МЧС РОССИИ

ANALYSIS OF THE USE OF MEANS OF PHYSICAL AND PROFESSIONAL TRAINING IN UNIVERSITIES OF EMERCOM OF RUSSIA

*T. Mogilevskaya
B. Saparov
D. Gareev
A. Mishin*

Summary: This article provides an analysis of the variety of means of physical and professional-applied training of students, which are successfully used in educational institutions of higher education for the training of future specialists of EMERCOM of Russia.

Keywords: means, physical exercises, physical training, professional and applied training.

Могилевская Татьяна Евгеньевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Уральский институт ГПС МЧС России (г. Екатеринбург);
Доцент, Уральский государственный аграрный университет (г. Екатеринбург)
tanya-land@list.ru

Сапоров Байрамгельды Муджевурович

Кандидат педагогических наук, доцент, Уральский государственный аграрный университет (г. Екатеринбург)
mister.saparov@yandex.ru

Гареев Дмитрий Ринатович

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Уральский институт ГПС МЧС России (г. Екатеринбург);
Доцент, Уральский государственный аграрный университет (г. Екатеринбург)
dimagario@yandex.ru

Мишин Алексей Сергеевич

Старший преподаватель, Уральский государственный аграрный университет (г. Екатеринбург)
mishinle@yandex.ru

Аннотация: В данной статье приведен анализ многообразия средств физической и профессионально-прикладной подготовки обучающихся, которые успешно применяются в образовательных организациях высшего образования для подготовки будущих специалистов МЧС России.

Ключевые слова: средства, физические упражнения, физическая подготовка, профессионально-прикладная подготовка.

Физическая подготовка является частью профессиональной подготовки будущих специалистов Федеральной противопожарной службы МЧС России [1, 2]. Поэтому важно еще в период обучения создать условия для реализации максимально эффективной физической подготовки, содействующей формированию универсальной компетенции выпускника образовательной организации высшего образования МЧС России по поддержанию должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности [3, 5].

В процессе физической и профессионально-прикладной подготовки в ведомственных вузах МЧС России используются разнообразные средства. Применение этих средств зависит от ряда объективных и субъективных факторов [4, 6]. К объективным факторам относится

спортивная материальная база образовательной организации: спортивный, тренажерный, гимнастический и борцовский залы, стадион широкого профиля, пожарно-спортивный манеж, открытая и закрытая учебная пожарная башня, полоса препятствий, открытые спортивные площадки, обучающие модули, макеты техники и др. К субъективным факторам относится уровень квалификации профессорско-преподавательского состава, опыт практической деятельности, творческий подход к педагогическому процессу и т.д.

Учет вышеназванных факторов крайне важен для успешного построения процесса физической и профессионально-прикладной подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования МЧС России.

Анализ физической подготовки обучающихся в

Уральском институте ГПС МЧС России показал широкий спектр применения средств. По преимущественному проявлению физических качеств выделим средства:

1. Для развития быстроты:

- подъем по штурмовой лестнице в окно 2 этажа учебной башни (женщины), в окно 4 этажа учебной башни (мужчины),
- подъем по выдвинутой трехколенной лестнице,
- преодоление 100-метровой полосы препятствий,
- упражнения, выполняемые в быстром темпе: на простую и сложную двигательную реакцию: старт, выполнение задания на месте и в движении (сменить направление движения, выполнить присед, выполнить упор лежа, вязка двойной спасательной петли и т.д.),
- упражнения на скорость одиночного движения, высокое поднятие бедра с фиксацией положения, прыжки в разножке,
- бег на короткие дистанции 30-100 м ЧСС 180-200 уд./мин.,
- вариации челночного бега 2, 4, 6 по 20 м,
- бег через малые барьеры 30 шт. (20 см),
- упражнения с применением эспандера лыжника из различных исходных положений на скорость,
- броски набивного мяча 3-12 кг в стену, в пол,
- броски набивного мяча 3-5 кг партнеру различными способами,
- бег с высоким поднятием бедра, бег по лестничному маршу, бег с хода.

2. Для развития общей выносливости:

- циклические упражнения преимущественно в пульсовом диапазоне 130-180 уд/мин.,
- медленный бег до 3 ч ЧСС (частота сердечных сокращений) 130–150 уд./мин.,
- темповый бег до 1,5 ч ЧСС 160–180 уд./мин.,
- кросс, марш-бросок 20–25 км со смешанным характером передвижения,
- передвижение на лыжах 1-2 ч.

3. Для развития специальной выносливости:

- подъем по штурмовой лестнице в окно 2 этажа учебной башни (женщины), в окно 4 этажа учебной башни (мужчины) до 10 повторов на скорость, тип интервала отдыха – полный,
- преодоление 100-метровой полосы препятствий до 5 повторов на скорость, тип интервала отдыха – полный,
- переменный бег 30 мин. – 1 ч отрезки от 200 м до 1000 м ЧСС 130–180 уд./мин.
- упражнения с применением гири 16-32 кг,
- силовое комплексное упражнение,
- многоповторные упражнения на перекладине и

брусках.

4. Для развития силы:

- упражнения с применением силовых тренажеров с открытой и закрытой биомеханикой движений на различные мышечные группы,
- упражнения с применением внешних отягощений (штанги, грифы, гантели, набивные мячи, бодибары, диски, гири, ядра, силовые канаты и т.д.),
- упражнения в поднимании и переноске тяжести (шанцевого инструмента, пожарно-технического оборудования, условного пострадавшего),
- упражнения с элементами многофункционального пожарно-спасательного многоборья.

5. Для развития координации движений:

- установка и подъем по выдвинутой трехколенной лестнице в окно 3 этажа учебной башни,
- подъем и элементы подъема по штурмовой лестнице в окно 2, 3, 4 этажей учебной башни),
- преодоление 100-метровой полосы препятствий и отдельных элементов дистанции (преодоление забора, подхват рукавов, бег по буму, прокладка рукавной линии с соединением трехходового разветвления и ствола),
- боевое развертывание от мотопомпы, автоцистерны,
- установка автоцистерны на водоисточник,
- упражнения на реакцию слежения: ходьба и бег по буму, «разрушенному мосту»,
- портивные и подвижные игры, различные виды борьбы, упражнения со скакалкой, легкоатлетические эстафеты,
- жонглирование малыми мячами стоя, в приседе, лежа, в движении,
- броски и ловля мяча одной рукой, стоя на месте, в движении, с поворотом до 360°, с партнером,
- упражнения с использованием «скоростной» лестницы, координационной подушки, полусферы,
- челночный бег 10x10 м,
- стойка на носках, одной ноге в сочетании с различными движениями руками, туловищем, поворотом на одной и двух ногах, повороты прыжком,
- кувырки (серия кувырков) вперед, назад, гимнастическое колесо, в сочетании с прыжками с поворотами вокруг вертикальной оси,
- выполнение упражнения «Лабиринт» в боевой одежде пожарного с применением средств индивидуальной защиты органов дыхания и зрения.

Упражнения для повышения резистентности к воздействию неблагоприятных условий служебно-профессиональной деятельности:

- упражнения в острых эмоциональных ситуациях, в условиях нервно-психического напряжения,

- при наличии опасности, с элементами риска, на металлической конструкции, преодоление полосы препятствий в усложненных условиях,
- выполнение упражнений психологической полосы препятствий,
 - упражнения, требующие принятия самостоятельных решений спортивные игры, выполнение приемов и действий по внезапно подаваемым командам и сигналам,
 - упражнения, связанные с большими и продолжительными физическими нагрузками и нервно-психическими напряжениями, на фоне утомления.

Помимо физических упражнений не менее эффективным средством физической и профессионально-прикладной подготовки обучающихся ведомственных образовательных организаций высшего образования МЧС

России являются пожарно-спасательный спорт, оздоровительные силы природы и вспомогательные средства: учебно-тренировочный полигон, пожарная техника, пожарно-техническое и аварийно-спасательное оборудование, средства защиты органов дыхания и зрения, дыхательные аппараты.

В нашей статье мы описали средства, применяемые в образовательном процессе при подготовке будущих специалистов федеральной противопожарной службы МЧС России, классифицировав их по преимущественному проявлению физических качеств. Отметим, что именно ведомственные образовательные организации МЧС России имеют расширенную материальную базу для обеспечения полноценного процесса физической и профессионально-прикладной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каточигов К.А., Гареев Д.Р. Влияние физической подготовки на физическое состояние сотрудников МЧС России // Наука-2020. 2021. № 3 (48). С. 92-96.
2. Могилевская Т.Е., Гареев Д.Р., Чукавин В.О. Прикладные упражнения в физической подготовке будущих сотрудников МЧС на примере упражнения «подъем по выдвинутой трехколенной лестнице» Системная интеграция в здравоохранении. 2021. № 4 (53). С. 9-13.
3. Модель профессионально-прикладной физической подготовки обучающихся образовательных организаций высшего образования МЧС России / Р.М. Шипилов, Е.Е. Маринич, В.А. Смирнов [и др.] // Пожарная и аварийная безопасность. 2022. № 4 (27). С. 136-145.
4. Опыт применения современных средств срочной информации в физкультурно-спортивной деятельности на примере Уральского института ГПС МЧС России / Т.Е. Могилевская, Б.М. Сапаров, Е.В. Кокшаров, П.Н. Канев // Перспективы науки. 2022. № 1 (148). С. 79-83.
5. Пономарёв А.С., Михалевич А.И. Мотивационно-ценностные ориентации курсантов на систематические занятия физической подготовкой // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2020. № 3. С. 47-49.
6. Частихин А.А., Симонов С.Н. Физическая подготовка как фактор адаптации курсантов-первокурсников к условиям военно-учебной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2012. Т. 17. № 1. С. 268-269.

© Могилевская Татьяна Евгеньевна (tanya-land@list.ru), Сапаров Байрамгельды Муджевурович (mister.saparov@yandex.ru), Гареев Дмитрий Ринатович (dimagario@yandex.ru), Мишин Алексей Сергеевич (mishinle@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ФРАНЦИИ

Павлова Ольга Ильинична

Кандидат педагогических наук, ГБОУ Школа №2009,
Россия, г. Москва
olpa76@mail.ru

THEORETICAL FOUNDATIONS OF VOCATIONAL GUIDANCE OF STUDENTS OF A GENERAL EDUCATION SCHOOL IN FRANCE

O. Pavlova

Summary: The article discusses the conceptual foundations of the professional orientation of students of a general education school in France: idealistic mechanistic, technocratic and educational, which historically developed in the French school system and became a response to the socio-economic changes that took place in society.

The idealistic mechanistic model was based on the diagnostic concept, according to which the goal of the school was to diagnose, using certain methods, the inclinations of students to a particular profession and to select a suitable professional occupation upon leaving school. This approach was replaced by a technocratic model, in which the school was seen as a tool for preparing students for a professional choice throughout the entire period of study. However, the profession, and hence the direction of study, was determined using the same diagnostic methods without taking into account the opinion of students, but taking into account the state's needs for professional personnel. In the modern French education system, a fundamentally new approach to the professional orientation of students has developed, based on an educational model for building the practice of career guidance work. In this model, the student is the subject of his professional choice. The focus of the pedagogical team that carries out career guidance is the interests, abilities, inclinations of the student himself. In the post-pandemic period, the educational concept has been developed in the direction of expanding educational opportunities for students.

Keywords: idealistic mechanistic model, technocratic model, educational model, continuous support, orientation education, expansion of educational opportunities.

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальные основы профессиональной ориентации учащихся общеобразовательной школы Франции: идеалистической механистической, технократической и воспитательной, которые исторически сложились во французской системе школьного образования и стали ответом на социально-экономические изменения, которые происходили в обществе.

Идеалистическая механистическая модель имела в основе диагностическую концепцию, согласно которой целью школы было диагностирование с помощью определенных методик склонностей обучающихся к той или иной профессии и подбор подходящего профессионального занятия при выходе из школы. Данный подход сменила технократическая модель, в которой школа рассматривалась как инструмент подготовки учащихся к профессиональному выбору на протяжении всего периода обучения. Однако, профессия, а значит и направление обучения определялись с помощью все тех же диагностических методов без учета мнения обучающихся, но с учетом потребностей государства в профессиональных кадрах. В современной системе образования Франции сложился принципиально новый подход в профессиональной ориентации обучающихся, основанный на воспитательной модели построения практики профориентационной работы. В данной модели учащийся является субъектом своего профессионального выбора. В центре внимания педагогической команды, осуществляющей профориентационную работу находятся интересы, способности, склонности самого учащегося. В после-пандемийный период воспитательная концепция получила свое развитие в сторону расширения образовательных возможностей для учащихся.

Ключевые слова: идеалистическая механистическая модель, технократическая модель, воспитательная модель, непрерывное сопровождение, воспитание ориентации, расширение образовательных возможностей.

Научно обоснованная организация профессиональной ориентации школьников

В настоящей статье особое внимание уделяется теоретическим подходам профориентации учащихся школ Франции, которые определяли и продолжают определять ее практическую реализацию на протяжении всего периода общественного развития.

Так, в начале XX столетия в период быстрого роста производства появляется идеалистическая механистическая модель («*modèle idéalistique mécanistique*»), в которой нашли свое отражения преобразования, про-

исходившие во французском обществе. Данная модель просуществовала вплоть до середины 40-х годов.

В контексте упомянутой модели основной задачей школы являлась диагностика склонностей обучающихся к конкретной профессиональной деятельности и подбор соответствующей профессии по окончании школы. Таким образом, профориентация осуществлялась без учета желаний самих обучающихся и представляла собой механический подбор профессии, которая наилучшим образом подходила его диагностированным способностям. Французский исследователь А. Карофф считает, что данная модель выполняла вполне конкрет-

ную функцию. С одной стороны, учащемуся она позволяла нивелировать негативные последствия ошибочного выбора профессии, такие как неудовлетворенность своим трудом, низкая производительность труда. С другой стороны, государство получало необходимый трудовой ресурс для удовлетворения потребностей конкретных производственных отраслей в рабочей силе и тем самым, рационально использовался имеющийся человеческий потенциал.

Во второй половине XX столетия на смену механистической модели приходит технократическая модель («*modèle technocratique*»). Как указывает А. Карофф, данная модель принципиально отличалась от предыдущей несмотря на то, что в основе практической реализации профориентации учащихся школ продолжала оставаться диагностика их профессиональных склонностей.[3] Целью профориентации в новой сложившейся модели стала подготовка учащихся к профессиональному выбору в период всего обучения в школе, а не подбор наиболее подходящей профессии при окончании учебного заведения. Однако подготовка к этому выбору регулировалась авторитарной государственной политикой в области профориентации. В таком контексте школьные учебные заведения рассматривались как инструмент по дифференциации потоков обучающихся в соответствующие профессиональные области. Школа осуществляла профориентацию, направляла учащихся, исходя из потребностей государства в трудовых ресурсах. Такая модель просуществовала до конца 80-х годов XX столетия, когда во Франции наступил новый этап общественного развития-появление информационного общества.

Современная концепция профориентации: цели, содержание, принципы

Проведенный анализ официальной документации Министерства образования Франции позволил установить, что с 1996 года во французской системе школьного образования утверждена концепция «воспитания ориентации» («*éducation à l'orientation*»). Появляется новая воспитательная модель («*modèle éducatif*») профориентации. Её главной целью становится непрерывное сопровождение («*accompagnement continu*») обучающегося на пути его личностного становления, в том числе в выборе им своего профессионального будущего.[1,2] Сложившаяся воспитательная модель профориентации получила гуманистическую направленность, определив обучающегося в качестве субъекта профессионального самоопределения, приняв во внимание его особенности и склонности. При этом психолого-педагогическое сопровождение учащихся осуществляется не только в стенах школы, но и продолжается вплоть до начала его трудового пути.

В представленной модели уделяется большое вни-

мание необходимости формирования у обучающихся общей культуры, предполагающей развитие у них таких способностей как действовать в постоянно меняющихся обстоятельствах, быстро принимать решения, использовать нестандартные решения. Становится важным формирование у обучающихся культуры профессиональной ориентации, включающей знания о том как организовать процесс непростого выбора. Целями «воспитания ориентации» провозглашено: показать учащимся все разнообразие экономического и профессионального окружения («*environnement économique et professionnel*»); стимулировать к размышлениям о путях получения профессии и профессионального образования, ознакомить их с потребностями рынка труда; развивать способность к проектированию своей собственной траектории профессионального будущего, умению предвидеть возникающие трудности при осуществлении выбора, умению анализировать и подбирать средства для их преодоления при непосредственном включении в эту работу всей воспитательной команды школы («*équipe éducative*»); наполнить конкретным осмысленным содержанием свое обучение через построение своего собственного профессионального проекта («*projet professionnel*»).[1,2]

Относительно содержательного аспекта новый подход включает два направления педагогической деятельности: ознакомление обучающихся с миром профессий, возможными путями профессиональной подготовки и обеспечение обучающихся инструментами самопознания для осознания своих интересов, склонностей, потребностей.

Так, знакомство с профессиями и путями профессиональной подготовки должно включать информирование обучающихся о новых появляющихся профессиях, их особенностях, возможных путях освоения. Известные французские исследователи А. Трико, Р. Руфино, Р. Уврие-Бона считают, что работа с профориентационной информацией должна быть грамотно выстроена с педагогической точки зрения. В планировании такой работы должны быть продуманы цель, задачи, ход работы, подведение итогов. [10] Трико отмечает, что необходимо совершенствовать содержание информации путем определения потребностей обучающихся, помощи в осознании необходимости углубления этой информации, её содержательного наполнения и доступности её осмысления. По мнению автора, обсуждаемая предоставленная информация о профессиях должна быть непременно правдивой («*vraie*»), критериями которой являются: соответствие информации запросам учащихся; её достоверность; доступность для понимания («*comprehensibilité*»); уместность («*pertinence*»); признание её учащимися как уместной («*reconnue comme pertinente*»); доступность поиска недостающей информации; полезность («*utilisabilité*»). [9] Как отмечалось выше, другим направлением педагогической деятель-

ности «воспитания ориентации является обеспечение учащихся инструментами познания самих себя. Подбор такого инструментария поможет учащемуся построить позитивный образ самого себя, познакомит с различными способами действий и возможными путями решения возникающих трудностей, обеспечит методами познания собственных интересов, склонностей, научит определять свои сильные и слабые стороны.

Новая концепция «воспитания ориентации» строится, как отмечается в официальном бюллетене Министерства образования No31 от 5 сентября 1996 на таких принципах как: непрерывности («*démarche continue*»), когерентности («*démarche cohérente*»), коллективности («*démarche collective*»), согласованности («*démarche concertée*»). [1, 2]

Непрерывность означает, что в период обучения в учебном заведении вся педагогическая команда школы («*équipe pédagogique*») создает необходимые условия для построения обучающимися своей траектории профессионального будущего, способствует развитию у них таких навыков как: ориентироваться в многообразии мира профессий, уметь принимать решения по выбору профессии и возможных путей её освоения. Когерентность (соответствие) означает, что оказание помощи обучающимся в построении своей траектории профессионального будущего соответствует кадровой политике региона, то есть нацелена на конкретное удовлетворение его кадровых потребностей. Коллективность предполагает интеграцию воспитательной работы по профориентации всей педагогической команды образовательного учреждения. Принцип согласованности подразумевает четко скоординированное взаимодействие различных партнеров, как в коллективе внутри школы, так и внешкольных участников профориентационной работы. Например, этот принцип позволяет осуществить многоаспектное знакомство с: социально-экономическим окружением, возможными путями профессиональной подготовки, имеющимися профессиональными учебными учреждениями, предприятиями возможного трудоустройства. Так, единство, непротиворечивость и скоординированность действий всех субъектов профессиональной ориентации являются основополагающими принципами практической реализации профориентационной работы со школьниками. Кроме рассмотренных принципов в указанном бюллетене подчёркивается ещё ряд особенностей «воспитания ориентации». Так, учащийся определяется в ней «автором» своей учебно-профессиональной ориентации, подчёркивается его автономность в выборе как своей учебной ориентации, так и профессионального будущего с учётом имеющихся моральных (ценностных ориентаций, готовности к профессиональному выбору) и материальных возможностей. Тем самым утверждается субъектная позиция учащегося, его самостоятельность.

Итак, на современном этапе развития школьного образования во Франции в области профориентации учащихся первоочередное место занимает воспитательная деятельность педагогической команды школы, который осуществляет её при тесном сотрудничестве с внешкольными специализированными службами, учитывая склонности, способности, потребности школьников, принимая во внимание кадровые нужды общества. При этом на первый план выходит слаженная работа всех субъектов ориентации (педагогического коллектива, родителей учащихся, самих учащихся, общественных организаций, специализированных профориентационных служб), которая обеспечивается их равноправной позицией при непосредственном участии в обсуждении существенных сторон выбора профессии. Как считает французский исследователь G. Pineau (Г. Пино), каждый из участников профориентационной работы имеет возможность высказать свое мнение по анализу ситуации выбора. В этом случае обеспечиваются подлинная свобода, самостоятельность выбора учащимися своего профессионального будущего при непрерывной, командной, согласованной, когерентной деятельности учреждений различного уровня по оказанию помощи каждому учащемуся. [7] Именно в воспитательной модели профориентации обеспечивается комплексная работа с обучающимися, при которой сочетаются различные формы, методы, средства, способствующие повышению воспитательного потенциала профориентационной работы.

В последние годы наблюдается развитие воспитательной модели профориентации, что связано с последствиями пандемии COVID-19, а также с нестабильным кризисным состоянием общества в целом.

Так, известный французский педагог-психолог, специалист в области профориентации подростков и взрослых Коэн-Скали считает, что время пандемии привело к эмоциональным проблемам, стрессам, чувству беспокойства и десоциализации людей. Появилась психосоциальная проблема - повальное использование смартфонов, социальных сетей и огромное количество фальшивой информации.

Коэн-Скали приводит данные, опубликованные в 2020 году изданием «Обсерватория студенческой жизни» о том, что каждый четвертый молодой человек изменил свою образовательную траекторию или захотел прекратить обучение, 45% молодых людей пессимистично относятся к своей интеграции в трудовую жизнь. [6] В условиях кризиса снижаются возможности деятельности, реализации и самопознания, взаимодействия, имеющие решающее значение для развития идентичности, в том числе профессиональной. В таком нестабильном социальном контексте особое значение приобретает образование, которое должно помочь учащимся справиться с трудностями, возникающими в современном обществе.

Для этого должна быть создана благоприятная образовательная среда, связанная с организацией образовательного пространства, предоставляющего различные возможности для обучающихся.

Такой концептуальный подход, основанный на расширении разнообразия возможностей (*l'approche par les capacités*) предложен известным индийским философом, экономистом Амартия Сен. Он считает, что особенно важным является внимание к доступности ресурсов, которые позволят достичь желаемого образа жизни. [11] В своей книге «Идея справедливости» он высказал мысль о том, что каждый человек имеет право на достойную жизнь и общество должно обеспечить минимум благополучия для всех. Благополучие, по его мнению, подразумевает возможность иметь выбор между несколькими вариантами. Необходимо обеспечить людей такими возможностями, которые позволят задействовать ресурсы в ситуации, которые станут для них ценными.

Развитие идеи расширения возможностей Амартия Сена находят отражение в работах французских исследователей. Так, Фернагу Одет отмечает корреляцию между конкретными достижениями человека и образовательными возможностями, которые обеспечивают достижение цели. Именно образование должно предлагать учащимся широкое поле выбора для возможности действовать. [10]

Французский эргономист Пьер Фальзон отмечает важность создания среды, способствующей развитию умений действовать и склонность к обучению. [5] Он делает акцент на расширении образовательных возможностей, позволяющих развивать новые навыки и знания, самоконтроль и автономию при реализации поставленных задач.

Коэн-Скали уточняет концептуальный подход, основанный на расширении образовательных возможностей применительно к профессиональной ориентации, и называет его ориентацией с расширенными возможностя-

ми (*une orientation capacitante*). [6] Цель данного подхода состоит в том, чтобы развивать выбор через переход от формальной свободы выбора к реально свободному выбору. Такой подход предполагает раннюю ориентацию, персонализированную поддержку обучающихся, использование инновационных методологий, привлечение семей, предприятий, ассоциаций и прочее.

Таким образом, подход, ориентированный на расширении возможностей это концептуальный подход в образовании, который направлен на помощь учащимся лучше познать себя, быть более мотивированными в учении, чтобы установить связь между опытом, полученным в школе и их профессиональным выбором. Он направлен на интеграцию различных концепций, сотрудничеству всех партнеров, вовлеченных в образовательную среду, то есть на организацию работы по расширению возможностей образовательной среды.

В целом, проанализировав теорию профессиональной ориентации учащихся средней школы Франции, выявлен её значительный теоретический потенциал. Последовательная смена трёх исторических моделей показывает, как профориентация постепенно интегрировалась в систему общего образования, а её основной целью стало непрерывное сопровождение учащегося в его самостоятельном личностном становлении, определении своего профессионального будущего, которое не завершается выходом из школы, а продолжается вплоть до интеграции в мир труда. Рассматривая в статье теоретические основы профессиональной ориентации учащихся во Франции стоит подчеркнуть, что именно современная воспитательная концепция, поставившая учащегося в центр образовательной системы, предоставив ему свободу профессионального выбора, способствует гуманизации её практики, создавая благоприятные условия для раскрытия и реализации потенциала, талантов, способностей французских учащихся и подготовку к жизни в постоянно меняющемся, подверженному различным кризисам современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bulletin officiel. - Paris: BOEN, № 11 du 17 mars, 2005.
2. Bulletin officiel. - Paris: BOEN, № 5 du avril, 2005.
3. Caroff A. Orientation des élèves. Problèmes généraux. Rôle des structures et des acteurs de l'orientation. - France. Inspection générale de l'éducation nationale, 1989.-132 p.
4. Cohen-Scali V. Alternance et identité professionnelle. -Paris: PUF, 2000.- 357p.
5. Falzon P. Ergonomie, conception et développement. Conférence introductive, 40ème Congrès de la SELF. Saint-Denis, La Réunion, 21-23 septembre 2005.
6. Roquet, P.,Cohen-Scali, V., Obertelli, P. Professionnalisation et constructions identitaires. L'Harmattan, 2022
7. Pineau G. La vie à orienter, quelle histoire!?!// L'orientation scolaire et professionnelle. - Mars, 2005/ vol. 34/ № 1.- p.5-18.
8. Solveig Fernagu Oudet et Solange Cartaut. Environnements d'apprentissage et design capacitant: enjeux pour l'enseignement et la formation en contexte de crise Phronesis. Volume 11, numéro 4, 2022, p. 1-132 Diffusion numérique: 19 septembre 2022

9. Tricot A. Amélioration de l'information sur les métiers: information, orientation, conseil. Document préparé pour un examen des politiques concernant les services d'information d'orientation et de conseil, Commission Européenne et de l'OCDE, décembre 2002.
 10. Tricot A., Rufino A., Ouvrier-Bonnaz R. Hypertexte et pédagogie de l'information. Les cédéroms «Itinéraire pour un métier» // Education Technologique., №2, 1998
 11. Амартия Сен. Идея справедливости- Издательство Института Гайдара., 2016. - p.520
-

© Павлова Ольга Ильинична (olra76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Москва

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

MAIN ASPECTS OF THE INCLUSIVE EDUCATIONAL PROCESS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

N. Kharchenko
R. Esipov
I. Bagdasarova
E. Morozov
E. Komovskaya

Summary: Disabilities in health (HIA) is a general concept that combines various forms of disability (physical, intellectual, mental and social development) in people that can affect their lifestyle and study. HIA can be caused by various causes, such as genetic abnormalities, trauma, infections, or social factors. Working with people with disabilities requires specific knowledge and approaches to help them overcome their limitations and achieve success in education, career development and later life. To work with students with disabilities due to health conditions, certain teacher competencies are required that will help improve the quality of education received and the life of a disabled person. The use of digital educational technologies in teaching people with disabilities (P3) is necessary to create more convenient learning conditions and their social adaptation and integration. World experience shows that in the current conditions of the formation of the digital economy, the processes of digital transformation have an impact on the development of Russian inclusive education.

Keywords: education, inclusive education, digital transformation of education, digital technologies in education.

Харченко Николай Леонидович

Старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Москва)
 m-rh@mail.ru

Есипов Роман Анатольевич

Старший преподаватель, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (г. Москва)
 int4041026@yandex.ru

Багдасарова Илона Юрьевна

Старший преподаватель, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (г. Москва)
 artameli@mail.ru

Морозов Евгений Александрович

Кандидат филологических наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
 Buddenbroki@mail.ru

Комовская Елена Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
 Komovskaya86@mail.ru

Аннотация: Ограниченные возможности здоровья (ОВЗ) — это общее понятие, которое объединяет различные формы ограничения возможностей здоровья (физического, интеллектуального, психического и социального развития) у людей, которые могут влиять на их образ жизни и учебу. ОВЗ могут быть вызваны различными причинами, такими как генетические отклонения, травмы, инфекции или социальные факторы. Работа с людьми, имеющими ОВЗ, требует специальных знаний и подходов, чтобы помочь им преодолеть свои ограничения и достичь успеха в образовании, построении карьеры и дальнейшей жизни. Для работы со студентами, имеющими ограничения в связи с состоянием здоровья, необходимы определенные компетенции преподавателя, которые помогут улучшить качество получаемого образования и жизни инвалида. Использование цифровых образовательных технологий при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) является необходимым для создания более удобных условий обучения и их социальной адаптации и интеграции. Мировой опыт показывает, что в современных условиях формирования цифровой экономики процессы цифровой трансформации оказывают влияние на развитие российского инклюзивного образования.

Ключевые слова: образование, инклюзивное образование, цифровая трансформация образования, цифровые технологии в обучении.

Цифровая трансформация российской системы образования несет в себе ряд положительных сторон. С их учетом Правительством Российской Федерации в декабре 2020 г. было принято Постановление

«О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». Невзирая на то, что этот эксперимент проводится в системе общего и среднего образования, в нем заложены многие идеи, которые вполне

применимы в системе высшего инклюзивного образования. В данном Постановлении, в частности, отмечалось, что цифровые образовательные технологии в настоящее время стали одним из наиболее востребованных инструментов в современном образовании. [15].

В наиболее общем виде сам процесс цифровой трансформации образования представляет собой смену форм образовательной деятельности в новых технологических условиях, использование новых образовательных технологий и изменение способов получения знаний [5, с. 36]. Данную проблему анализируют многие специалисты [12, с. 18; 14, с. 43; 16, с. 70]. При этом важно иметь в виду, что одной из центральных идей цифровой трансформации образования является не просто повсеместное включение передовых технологий в образовательные процессы, но и решение задачи повышения качества подготовки специалистов на основе совершенствования образовательных технологий [20, с. 296], а в конечном итоге - улучшение результатов обучения и повышение конкурентоспособности подготавливаемых кадров [3]. Именно кадровая составляющая является неотъемлемой частью цифровизации, что характеризуется развитием образовательных технологий [22, с. 61], развитием сферы дополнительного профессионального образования (ДПО) [13, с. 153], наличием обширной базы курсов переподготовки специалистов [24], ориентированных на цифровизацию образования [21, с. 60].

В высшем образовании цифровая трансформация осуществляется по трем основным направлениям:

- Развитие цифровой инфраструктуры образования (цифровое пространство) посредством проектирования электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС), обеспечивающей посредством внедрения разнообразных платформ взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе, в дистанционном режиме обучения [2, с. 459].
- Развитие цифровых учебно-методических материалов, инструментов и сервисов, включая цифровое оценивание в подготовке студентов. Отчёты автоматизированных систем на основе искусственного интеллекта о том, как усваивается учебный материал, позволяет корректировать образовательный процесс с целью повышения его качества [10, с. 67].
- Разработка и распространение новых моделей (направлений) организации учебной работы [8].

Индивидуализация обучения с учётом особых образовательных потребностей студентов с ОВЗ всегда являлась одной из важных проблем, связанных с реализацией инклюзивного подхода. В этом отношении цифровая трансформация инклюзивного образования позволяет осуществлять персонализацию образовательных траек-

торий обучающихся. Следует отметить, что российские авторы при изучении и описании образования в контексте его направленности на усиление личностных смыслов обращаются в своих работах к различным терминам: «лично-ориентированное обучение», а также «персонализация» и «персонализация» обучения [19, с. 183].

Использование современных технических средств, обеспечивающих доступ в интернет, доступ к базам данных, в том числе к сетевым библиотекам, обеспечивает возможности более широкого применения новых форм и методов обучения в системе инклюзивного образования [8]. Все это создает условия для обеспечения постоянной связи с обучающимися, а также для предоставления им учебного материала в доступной форме с учетом их особенностей обучения и их реальных возможностей усваивать учебный материал. Иными словами, применение и активное использование цифровых образовательных технологий в инклюзивном образовании на деле способствует созданию равных возможностей для всех обучающихся в различных сферах образования, в том числе – в спорте [9, с. 142], медицине [18, с. 207].

Многими учеными проводится анализ не только университетского и профессионального образования лиц с ОВЗ, но и учитывается цифровизация образования у лиц дошкольного и школьного возрастов [4, с. 188]. Также исследуются возможности и пути внедрения цифрового образования при семейном обучении [7, с. 97]. Немаловажным считается не только цифровизация образования, но и его возможности для оценки психического здоровья обучаемого [11, с. 231].

Среди основных аспектов применения цифровых решений в сфере инклюзивного образования можно выделить следующие:

- Доступность технологий. Цифровая трансформация предоставляет новые возможности для обучения и развития, но важно, чтобы все участники образовательного процесса имели доступ к необходимым технологиям. Это означает, что школы и учебные заведения должны быть оснащены современным оборудованием, а ученики и преподаватели должны иметь доступ к интернету.
- Инклюзивные образовательные платформы. Цифровая трансформация позволяет создавать инклюзивные образовательные платформы, которые учитывают потребности всех учеников, включая детей с особыми образовательными потребностями. Такие платформы могут предлагать различные форматы обучения, адаптированные к индивидуальным потребностям каждого ученика.
- Персонализация обучения. Цифровые технологии позволяют персонализировать образовательный процесс, учитывая интересы, уровень знаний и способности каждого ученика. Это может вклю-

чать использование адаптивных образовательных программ, онлайн-тестирование и индивидуальное обратное связь.

- Коллаборативное обучение. Цифровые технологии способствуют развитию коллаборативного обучения, когда ученики могут сотрудничать и обмениваться знаниями и идеями друг с другом, используя различные онлайн-инструменты и платформы.
- Содействие педагогам. Цифровая трансформация требует от преподавателей новых навыков и компетенций. Они должны быть готовы использовать новые технологии в своей работе и адаптировать свой подход к обучению. Поэтому важно предоставлять преподавателям необходимую поддержку, обучение и ресурсы для успешной реализации инклюзивного образовательного процесса.

Актуальность инклюзивного образовательного процесса в условиях цифровой трансформации обусловлена несколькими факторами:

- Обеспечение равенства возможностей. Инклюзивный образовательный процесс позволяет обеспечить равные возможности для всех участников образовательного процесса, независимо от их особенностей и потребностей. Цифровая трансформация позволяет создавать индивидуальные образовательные программы и использовать различные онлайн-ресурсы, что помогает обучающимся с ограниченными возможностями получить качественное образование.
- Гибкость и доступность. Цифровые технологии делают образование более гибким и доступным. Обучающиеся могут получать знания и обучаться в любое время и в любом месте, используя онлайн-платформы и ресурсы. Это особенно важно для учеников, которые не могут посещать школу по различным причинам, например, из-за физических ограничений или заболеваний.
- Развитие цифровых навыков. Инклюзивный образовательный процесс в условиях цифровой трансформации способствует развитию цифровых навыков обучающихся. Умение работать с различными технологиями и онлайн-инструментами становится все более важным в современном мире, поэтому инклюзивное образование помогает подготовить студентов к будущей профессиональной деятельности.
- Развитие критического мышления и самостоятельности. Цифровая трансформация позволяет обучающимся активно участвовать в образовательном процессе, искать информацию самостоятельно, анализировать ее и принимать обоснованные решения. Такой подход способствует развитию критического мышления и самостоятельности обучающихся.

- Подготовка к будущему. Цифровая трансформация меняет требования к будущим работникам и профессионалам. Инклюзивный образовательный процесс в условиях цифровой трансформации помогает подготовить студентов к будущей работе, развивая не только академические знания, но и навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности в цифровой эпохе.
- Индивидуальные образовательные программы. Цифровые технологии позволяют создавать и адаптировать индивидуальные образовательные программы для обучающихся с особыми образовательными потребностями. Педагоги могут использовать специальные программы и приложения, чтобы предоставить дополнительные материалы, упражнения и задания, соответствующие уровню и потребностям каждого ученика.
- Доступ к информации. Цифровые технологии позволяют обучающимся с ограниченными возможностями получать доступ к информации и образовательным ресурсам. Они могут использовать компьютеры, планшеты или другие технические устройства для чтения электронных книг, просмотра видеоматериалов и изучения онлайн-курсов.
- Коммуникация и социальное взаимодействие. Цифровые технологии предоставляют возможности для коммуникации и социального взаимодействия между обучающимися. Они могут использовать электронную почту, видеочаты или социальные сети, чтобы общаться с однокурсниками и преподавателями, задавать вопросы и получать необходимую помощь по тому или иному вопросу.
- Адаптивные технологии. Цифровые технологии предлагают адаптивные инструменты и программное обеспечение, которые помогают обучающимся с особыми образовательными потребностями успешно учиться. Например, программы распознавания речи могут помочь студентам с нарушениями слуха или речи, а программы чтения текста вслух могут быть полезны для учеников с дислексией. Адаптивные технологии способствуют снижению стресс обучающихся [23, с. 359].
- Оценка и обратная связь. Цифровые технологии предоставляют возможности для более объективной оценки и обратной связи. Педагоги могут использовать онлайн-тесты и задания для оценки знаний и навыков обучающихся, а также предоставлять индивидуальную обратную связь через различные электронные платформы.

Цифровые образовательные технологии могут значительно улучшить доступность и качество образования для обучающихся с особыми образовательными потребностями, предоставляя индивидуальную поддержку, доступ к информации и возможности для коммуникации и

социального взаимодействия. Однако важно помнить, что использование цифровых технологий должно быть инклюзивным и учитывать потребности каждого ученика.

Главная цель цифровой трансформации образования заключается в повышении качества подготовки специалистов путем улучшения образовательных технологий и результатов обучения, что также поможет повысить конкурентоспособность выпускников.

В инклюзивном образовании новые цифровые технологии направлены на повышение доступности образовательной среды и знаний, а также на вовлечение всех обучаемых в общий образовательный процесс. Они становятся все более распространенными инструментами для решения задач в инклюзивном образовании, особенно при обучении студентов с особыми образовательными потребностями [17, с. 1]. Цифровые технологии позволяют более эффективно решать задачи, связанные с освоением учебного материала, и способствуют полноценной интеграции студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс.

Однако необходимо помнить, что в центре внимания всего учебного процесса всегда должен оставаться человек и его потребности. Цифровые образовательные технологии могут освободить педагогов от рутины и облегчить выполнение учебных задач, но важно учесть, что навыки самостоятельного поиска и обработки информации также являются важными для студентов. В инклюзивном образовании цифровые технологии способствуют успешному освоению учебного материала студентами с особыми образовательными потребностями и повышению качества образования.

Здесь следует отметить, что при широком использовании цифровых технологий в инклюзивном образовании существуют и негативные тенденции, такие как формальный подход преподавателей к использованию новых технологий. Не все преподаватели будут стремиться полноценно использовать цифровые технологии, например, отслеживать активность студентов во время дистанционных занятий или сотрудничать с другими преподавателями, к примеру, в вопросах работы над новыми материалами. Это может затруднять достижение полноценной интеграции и повышение качества образования в инклюзивном образовательном процессе. Однако необходимо учитывать и негативные тенденции, связанные с формальным подходом преподавателей к использованию новых технологий [1].

Тем не менее, в условиях развития цифровых технологий появилось несколько новых направлений в инклюзивном образовании:

- Индивидуализированное обучение. Цифровые технологии позволяют создавать индивидуаль-

ные программы обучения, адаптированные к потребностям и особенностям каждого студента. Это позволяет предоставлять персонализированную поддержку и ресурсы, которые помогают каждому ученику достигнуть своего потенциала.

- Расширение доступности образования. Цифровые технологии снижают географические и физические барьеры в получении образования. Студенты могут получать образование из любой точки мира через онлайн-платформы и удаленное обучение. Это особенно важно для обучающихся с ограниченными возможностями мобильности или живущих в отдаленных районах.
- Включение виртуальной и дополненной реальности. Цифровые технологии, такие как виртуальная и дополненная реальность, предоставляют обучающимся новые возможности для визуализации и интерактивного обучения. Они могут погружаться в виртуальные среды разнонаправленного характера, моделировать различные сценарии и экспериментировать с новыми концепциями.
- Развитие робототехники и искусственного интеллекта. Робототехника и искусственный интеллект могут быть использованы для адаптации образования под индивидуальные потребности обучающегося. Например, роботы-помощники или программы искусственного интеллекта могут предоставлять дополнительную поддержку студентам с особыми потребностями в процессе обучения или коммуникации.
- Развитие социальных сетей. Цифровые платформы и социальные сети предоставляют студентам возможность взаимодействия, обмена и сотрудничества. Они могут делиться своими идеями и достижениями, работать вместе над проектами и поддерживать друг друга. Это способствует развитию социальных навыков и укрепляет связи между студентами, независимо от их особых потребностей.

Эти новые направления в развитии цифровых технологий в инклюзивном образовании открывают новые возможности для улучшения доступности, персонализации и социальной интеграции. Они помогают создать более адаптивную и разнообразную образовательную среду, где каждый обучающийся может достичь своего потенциала [6].

Инклюзивное обучение с помощью развивающихся цифровых технологий на дому является одним из наиболее эффективных способов обеспечения доступности образования для людей с ограниченными возможностями здоровья. Это позволяет создавать условия для индивидуального подхода к каждому обучающемуся, адаптировать учебный материал и обеспечить доступность образования для всех.

С помощью цифровых технологий можно создавать специальные программы и оборудование для обучающихся с различными видами ОВЗ. Например, для слабовидящих и незрячих людей существуют программы, которые позволяют читать текст голосом или в режиме Брайля. Для слабослышащих и глухих людей используются специальные видео- и аудиоматериалы с субтитрами и переводом на язык жестов.

Психологический аспект в использовании цифровых технологий в инклюзивной среде также имеет важное значение.

Прежде всего, цифровые технологии могут помочь обучающимся с особыми образовательными потребностями развить свою самооценку и уверенность. Многие студенты могут испытывать неудобство или чувство тревоги во время проведения традиционного занятия, но использование цифровых технологий может создать более комфортную и безопасную среду для обучения. Они могут заниматься в своем собственном темпе, получать награды за достижения и видеть свой прогресс, что влияет на их уверенность в себе и мотивацию.

Развивающиеся технологии предоставляют студентам возможность выбора и контроля над своим образовательным процессом. Это способствует развитию их самостоятельности и ответственности. Обучающиеся могут выбирать, какие задания выполнять, как организовывать свое время и сами отслеживать свой прогресс. Это помогает им развить навыки планирования, саморегуляции и самоконтроля.

Кроме того, цифровые образовательные технологии могут помочь обучающимся с особыми потребностями развить свои социальные навыки и взаимодействие с окружающим миром. Например, использование онлайн-платформ и социальных сетей позволяет им общаться с коллегами, делиться своими мыслями и идеями, работать в индивидуально или принимать участие в коллективных проектах. Это способствует формированию навыков коммуникации, сотрудничества и эмпатии [1].

Наконец, цифровые технологии могут помочь обуча-

ющимся с особыми потребностями развить свои когнитивные способности и навыки мышления. Интерактивные приложения, игровые задания и визуализации могут улучшить их восприятие, внимание, память и решение проблем. Это помогает им справляться с учебными заданиями и развивать свои интеллектуальные возможности.

Таким образом, психологический аспект в использовании цифровых технологий в инклюзивной среде включает развитие самооценки, уверенности, самостоятельности, выбора и контроля, социальных навыков и способностей когнитивного мышления, что помогает обучающимся с особыми потребностями развиваться и реализовывать свой потенциал в полной мере.

Резюмируя, стоит отметить, что цифровые технологии играют важную роль в инклюзивном образовании, так как они способны помочь людям с ограниченными возможностями здоровья в обучении и адаптации. Эффективность достигается за счет использования специальных программ и оборудования, которые позволяют адаптировать учебный материал под индивидуальные потребности каждого обучающегося.

Цифровая трансформация образования в высшем инклюзивном образовании осуществляется через развитие цифровой инфраструктуры, учебно-методических материалов и новых моделей организации учебной работы. Это позволяет повышать качество подготовки специалистов и улучшать результаты обучения. Однако, необходимо учитывать, что цифровые технологии не являются панацеей для всех проблем, связанных с инклюзивным образованием. Важно помнить о необходимости комбинировать использование цифровых технологий с другими методами и подходами, чтобы обеспечить максимальную эффективность обучения для всех категорий обучающихся.

Таким образом, цифровые технологии играют важную роль в инклюзивном образовании, способствуя созданию условий для обучения всех категорий обучающихся, в том числе и тех, кто имеет ОВЗ. Однако, для достижения максимальной эффективности необходимо комбинировать использование цифровых образовательных технологий с другими методами и подходами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллавердиева Л.М., Гаспаршвили А.Т. Информатизация образования и сохранение гуманитарного характера российской образовательной системы // Социально-гуманитарные знания. 2021. No 3. С. 102-108.
2. Алферьева-Термисикос В.Б. Структура электронной информационно-образовательной среды педагогического вуза // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12, № 6-1. – С. 458-466. – DOI 10.34670/AR.2022.96.45.070.
3. Ахметова Д.З., Артюхина Т.С., Бикбаева М.Р., Сахнова И.А. и др. Цифровизация и инклюзивное образование: точки соприкосновения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 141-150.
4. Бочкина, Е.В. Особенности детей с задержкой психического развития (ЗПР) в период дошкольного детства / Е. В. Бочкина // Эпоха науки. – 2022. – № 32. – С. 188-194. – DOI 10.24412/2409-3203-2022-32-188-194. – EDN CAODHV.

5. Ганеева, Л.Д. Тенденции цифровой трансформации в спортивной индустрии: систематический обзор / Л.Д. Ганеева // *Инновационная экономика и современный менеджмент*. – 2022. – № 5(41). – С. 36-40. – EDN EDVLM1.
6. Гончарова Н.А., Гончарова М.А., Фандеева Д.А. Информационные и коммуникационные технологии в развитии инклюзивного образования в новых социально-экономических условиях / *Научный альманах*. 2015. No 11-2(13). С. 104-107.
7. Жиронкина М.А. Специфика детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития // *Вестник практической психологии образования*. – 2008. – №3. – С. 97-100.
8. Инклюзивное образование в информационном обществе: опыт и перспективы. [Электронный ресурс] // Pandia.ru. - URL: <https://pandia.ru/text/77/510/11507.php>
9. Кокоулина, О.П. Критерии отбора студентов в учебные отделения регби и регби 7 / О.П. Кокоулина, Р.И. Запаров // *Физическая культура, спорт, туризм: инновационные проекты и передовые практики : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию основания кафедры физического воспитания, Москва, 14–15 мая 2019 года / Под редакцией Л.Б. Андрющенко, С.И. Филимоновой*. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2019. – С. 142-144. – EDN OYRXUL.
10. Коровин А.Ю. Обзор образовательных платформ для проведения контроля и оценки уровня знаний студентов профессионального колледжа в рамках дистанционного обучения // *Тенденции развития науки и образования*. – 2022. – № 89-2. – С. 66-68. – DOI 10.18411/trnio-09-2022-60.
11. Лытаев, С.А. Использование компьютерного анализа ЭЭГ для скрининговой оценки психического здоровья / С.А. Лытаев, Н.Ю. Кипятков, И.А. Швец // *Врач-аспирант*. – 2008. – Т. 24, № 3. – С. 231-235. – EDN JSGRJP.
12. Обухова, Н.И. Эмпирический анализ ценностно-мотивационных ориентаций работников образовательных организаций в условиях неопределенности / Н.И. Обухова // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 18-26. – DOI 10.35634/2587-9030-2023-7-1-18-26. – EDN HVUGMW.
13. Организация тестирования по иностранному языку студентов-юристов в электронной информационно-образовательной среде УрГЮУ (система «INDIGO») / М.В. Боровкова, Н.В. Ялаева, Н.В. Садыкова, С.В. Павлова // *Традиционные и инновационные технологии развития профессиональной языковой личности студентов : Материалы Международной научно-методической конференции, Екатеринбург, 14 февраля 2019 года / Отв. ред. К.М. Левитан*. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019. – С. 153-162. – EDN TUIPHC.
14. Особенности модернизации современного университетского образования в условиях интеграции научного знания / Т.Н. Панкова, И.З. Багаев, Ю.А. Беляева [и др.] // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. – 2022. – № 9-2. – С. 43-47. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.09-2.20. – EDN DWUUVY.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 7.12.2020 г. No 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002>
16. Потенциал современных образовательных технологий: ресурсы, средства, сервисы / Т.Н. Панкова, А.А. Чухина, И.З. Багаев [и др.] // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. – 2022. – № 8. – С. 70-74. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.08.20. – EDN PJNMZK.
17. Разновидности коморбидных нарушений у детей с ЗПП / Е.В. Бочкина, М.М. Дороничева, Н.Н. Шатилова, Д.А. Плохих // *Психология и психотехника*. – 2022. – № 4. – С. 1-13. – DOI 10.7256/2454-0722.2022.4.38812. – EDN OKFMMJ.
18. Роль психогенных коннотаций в формировании эмоционального статуса студентов стоматологического факультета и пути его коррекции / А.В. Юмашев, А.С. Утюж, О.И. Адмакин [и др.] // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2017. – Т. 6, № 2(19). – С. 207-210. – EDN YYYUVV.
19. Харченко, Н.Л. Актуальная ситуация с обучением лиц с ОБЗ в России / Н.Л. Харченко, О.А. Козлов // *Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» : Международная научно-методическая конференция «Проблемы управления качеством образования»; Международная студенческая научная конференция «Поколение будущего», Санкт-Петербург, 29–31 марта 2019 года / Выпускающий редактор Ю.Ф. Эльзессер; Ответственный за выпуск С.В. Викторенкова. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. – С. 183-189. – EDN WAVLAW.*
20. Хорохорина, Г.А. Средства формирования компетенций студенческой аудитории при организации самостоятельной работы / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова // *Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном ВУЗе : материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции, Москва, 24 ноября 2016 года. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2017. – С. 296-302. – EDN XXPEEZ.*
21. Щепотьев, А.В. Инфраструктура аудиторской деятельности: понятие и составляющие элементы / А.В. Щепотьев // *Аудиторские ведомости*. – 2009. – № 2. – С. 60-63. – EDN SGLIUV.
22. Borovkova, M.V. Computer-aided testing in modern electronic educational systems as a means of improving the quality of teaching foreign languages in law school / M.V. Borovkova, N.V. Yalaeva, N.V. Sadykova // *Modern Pedagogical Education*. – 2020. – No. 3. – P. 60-63. – EDN YVGDDE.
23. Effect of mesodienecephalic stimulation on adaptation to stress and academic performance of students / A.V. Yumashev, O.I. Admakin, A.S. Utyuzh [et al.] // *International Journal of Learning and Change*. – 2018. – Vol. 10, No. 4. – P. 359-367. – DOI 10.1504/IJLC.2018.10016003. – EDN YKTTFZ.
24. Psychological and Pedagogical Aspects of Increasing the Educational Process Efficiency in a University for Specialists in the Field of Physical Education and Sport / I.P. Gladilina, A.V. Yumashev, T.I. Avdeeva [et al.] // *Espacios*. – 2018. – Vol. 39, No. 21. – P. 11. – EDN XNAYGT.

© Харченко Николай Леонидович (m-rh@mail.ru), Есипов Роман Анатольевич (int4041026@yandex.ru),
 Багдасарова Илона Юрьевна (artameli@mail.ru), Морозов Евгений Александрович (buddenbroki@mail.ru),
 Комовская Елена Витальевна (Komovskaya86@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Цзянь Миньюй

Преподаватель, Университет Внутренней Монголии
jmingyu@126.com

FORMATION OF INTERCULTURAL COMPETENCE AMONG STUDENTS STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Jiang Mingyu

Summary: The purpose of this study is an experimental approbation of pedagogical conditions aimed at ensuring the effective formation of intercultural competence among foreign students in the lessons of Russian as a foreign language. The effectiveness of the formation of intercultural competence by including linguistic information was revealed through an experiment using methods of observing students during the educational process, questionnaires, testing and conversations between students and teachers.

The most important goal of teaching a foreign language is the formation of intercultural competence, which includes both linguistic and socio-cultural competence, since intercultural competence cannot be formed without knowledge of the socio-cultural characteristics of the country of the language being studied.

According to the Federal State Educational Standards of Higher Education, a graduate must carry out his professional activity in the conditions of intercultural communication in various professional fields, must enter into intercultural communication and possess the skills and tactics of resolving conflict situations related to intercultural competence. Accordingly, the most important task of higher professional education is the formation of intercultural competence.

In this article, we pay close attention to the consideration of intercultural competence, which, undoubtedly, being a key competence in the study of any subject area, acquires special importance when teaching the language to students who are not native speakers, since teaching Russian as a foreign language at the university is designed to implement the interrelated communicative, cognitive and socio-cultural development of students using linguistic means.

Keywords: intercultural competence, professional competence, foreign language, culture, multiculturalism, educational process, communicative competence.

Аннотация: Целью настоящего исследования является экспериментальная апробация педагогических условий, направленных на обеспечение эффективного формирования межкультурной компетенции у иностранных студентов на уроках русского языка как иностранного. Эффективность формирования межкультурной компетенции путем включения лингвистической информации была выявлена с помощью эксперимента с использованием методов наблюдения за учащимися в ходе учебного процесса, анкетирования, тестирования и бесед между учащимися и преподавателями.

Важнейшей целью обучения иностранному языку является формирование межкультурной компетенции, которая включает в себя как лингвистическую, так и социокультурную компетенцию, поскольку межкультурная компетенция не может быть сформирована без знания социокультурных особенностей страны изучаемого языка.

Согласно Федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования, выпускник должен осуществлять свою профессиональную деятельность в условиях межкультурной коммуникации в различных профессиональных областях, должен вступать в межкультурную коммуникацию и обладать навыками и тактикой разрешения конфликтных ситуаций, связанных с межкультурной компетенцией. Соответственно, важнейшей задачей высшего профессионального образования является формирование межкультурной компетенции.

В этой статье мы уделяем пристальное внимание рассмотрению межкультурной компетенции, которая, несомненно, являясь ключевой компетенцией при изучении любой предметной области, приобретает особое значение при обучении языку учащихся, не являющихся носителями языка, поскольку преподавание русского языка как иностранного в университете предназначено для реализации взаимосвязанного коммуникативного, когнитивного и социокультурного развития студентов с помощью лингвистических средств.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, профессиональная компетенция, иностранный язык, культура, мультикультурализм, образовательный процесс, коммуникативная компетенция.

Расширение международного сотрудничества требует установления экономических, политических, образовательных и культурных контактов. В условиях полиэтничности и мультикультурализма возрастает роль и значение коммуникации, что требует пересмотра системы профессиональной подготовки в высшем образовании. Ключевой категорией образования является

качество образования, включающее в себя не только комплекс определенных знаний, навыков и умений, но и культуру, моральные качества и адаптивность [1, с. 83].

Стремясь соответствовать общественным требованиям, многие учебные заведения создают программы, которые готовят студентов к работе и обучению в кон-

тексте межкультурного взаимодействия. В то же время образовательная политика в России должна быть направлена не только на интеграцию с другими странами, но и на сохранение ее высококачественного образовательного продукта. Таким образом, образовательная система ориентирована на те компетенции, которые необходимы выпускнику-специалисту.

О понятии "межкультурная компетенция"

Понятие "межкультурная компетенция" в филологии не ново. Многие исследователи, стоявшие у истоков межкультурной компетенции, отмечали, что межкультурные проблемы связаны со многими аспектами человеческой жизни: языком, культурой, повседневной жизнью и т.д. Основанное на исследованиях изучение межкультурных проблем начинается в середине 20-го века. Толчком к развитию межкультурной компетенции стали возросшее число туристических контактов в 1960-е годы, трудовая миграция, создание и распространение международных телевизионных каналов. Считается, что межкультурная компетенция изначально была основана на американской [2, с. 17].

Термин "межкультурная компетенция" впервые появился в 1954 году в книге Э. Холла и Д. Трэгера "Культура как коммуникация". Теория коммуникации получила дальнейшее развитие в книге "Безмолвный язык" в 1959 году. Ученый выдвинул и научно доказал, что у всех культур есть какие-то общие основы, которые позволяют изучать культуру. Постепенно формируется идея о том, что принцип культурного диалога должен быть поставлен во главу угла. В 1970-х годах в Соединенных Штатах появилась идея о том, что культуру можно понимать в двух аспектах: во-первых, как произведение искусства, а во-вторых, как ценности, поведение и норму [3, с. 226].

С точки зрения межкультурной компетенции нормы, правила и ценностные ориентации этнической группы и личности имеют решающее значение. В Европе изучение межкультурной коммуникации началось в 1970-х и 1980-х годах. Таким образом, 20-й век ознаменовался бурным развитием теории межкультурной компетенции. Отчасти это связано с быстрым распространением английского языка как средства международного общения. В российской науке изучение межкультурной коммуникации началось в 1990-х годах.

Обращение к межкультурной компетенции связано с поиском оптимальных путей развития студентов с целью активизации их личностного потенциала через развитие межкультурной эмпатии и толерантности. Язык должен быть не только средством взаимопонимания, но и инструментом творческого развития. Межкультурная компетенция должна составлять основу преподавания иностранных языков наряду с другими компетенциями.

То есть межкультурная компетентность рассматривается в контексте интеллектуальной компетентности.

С.Г. Тер-Минасова отмечает, что в современных условиях, когда Россия входит в мировое образовательное пространство, необходимо менять практику преподавания языков [4, с. 19].

Проблема формирования социокультурной компетенции, в частности, у студентов, изучающих иностранный язык, методы, используемые для ее решения, привлекли внимание многих ученых. Работы Н.Г. Брагина и др. посвящены изучению социокультурных стереотипов; вопросы взаимодействия языка и культуры освещены в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др.; работах группы зарубежных ученых во главе с испанским исследователем М. Сельсе-Мурсией посвящены изучению структуры и содержания социокультурной компетенции, а также вопросам ее формирования [4, с. 20].

Культурный компонент является определяющим фактором для формирования социокультурной компетенции, поскольку он отвечает за восприятие и овладение иноязычной культурой. Не случайно исследователь С.Г. Тер-Минасова называет урок иностранного языка перекрестком культур. Продолжая эту идею в своем учебнике «Языки и межкультурная коммуникация», она высказывает идею о необходимости изучения нового языка в неразрывной связи с миром и культурой людей, которые на нем говорят [5, с. 60].

Иностранные студенты, изучающие русский язык, сталкиваются с моментами, которые впоследствии могут привести не только к проблемам с овладением языком, но и вызвать трудности в адаптации.

Межкультурная компетенция призвана облегчить и ускорить процесс адаптации носителя иностранного языка в новых культурных и языковых условиях. И.Н. Савченкова утверждает, что «постижение русской культуры иностранцами, обучающимися в России, происходит через призму «местного колорита», выраженного в культурно-исторической самобытности страны. регион, в котором расположено учебное заведение...» [6, с. 129].

Поэтому для формирования социокультурной компетентности весьма важно использовать различные формы и методы ознакомления с региональной и культурной информацией. Костомаров и Верещагин (1990), Акишина (2002), Кулибина (1987), Завадская и Юдина (2012) и ряд других российских ученых подчеркивают важную роль лингвистики и краеведения на занятиях по изучению русского языка как иностранного в своих исследованиях [6, с. 132].

Анализ исследовательской литературы показал, что,

несмотря на разнообразие исследований, теоретические и практические аспекты межкультурной компетенции изучены недостаточно. В научной литературе нет общепринятой позиции относительно ключевых компонентов межкультурной коммуникативной компетенции. Существующее разнообразие моделей межкультурной компетенции не проясняет ее содержание. Ретроспективный анализ представлений о межкультурной компетенции показывает, что ее концепция постепенно меняется в сторону признания ее динамичной многоуровневой природы [7, с. 9].

Овладение межкультурной компетенцией иностранными студентами должно сформировать определенные социокультурные знания, умения и навыки. Зрелость межкультурной компетенции предполагает овладение следующими качествами: знанием социокультурных типов, в том числе регионального; знанием значений ключевых терминов, раскрывающих содержание межкультурной компетенции; способностью воспринимать незнакомую культуру, понимать специфику мировоззрения ее носителей, общаться с ее представителями; способность вос-

принимать и понимать социокультурные особенности и уважать социокультурное разнообразие изучаемой иноязычной культуры и ее представителей [8, с. 30].

Несмотря на большой интерес к культурно-ориентированному лингвистическому компоненту преподавания русского языка в научной и методической литературе, сохраняется потребность в создании учебных материалов на местном материале в каждом регионе России. Это вызвано не только методической необходимостью, но и государственной политикой в области образования. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, обозначающие уровни владения иностранными языками, обеспечивают лингвистические и культурологические знания, а также лингвистические и краеведческие познания, включая представление об основных этапах истории страны изучаемого языка, памятниках культуры, сохранившихся на ее территории, лингвистических реалиях, связанных с наиболее важными историческими событиями, культурно-исторические и общественные объединения [9, с. 290].

ЛИТЕРАТУРА

1. Быченкова Ю.В. О формировании межкультурной компетенции у студентов вуза в системе непрерывного образования // Научный альманах. 2015. № 10-2 (12). С. 80-83.
2. Гудкова С.А., Якушева Т.С. Концепция развития научной межкультурной компетенции в вузе // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 16-19.
3. Илюшина А.В. О формировании межкультурной компетенции студентов вуза в условиях поликультурности // Научный альманах. 2015. № 10-2 (12). С. 226-229.
4. Корчагина В.С. Формирование межкультурной профессиональной компетенции студентов вуза в процессе обучения по дисциплине «Иностранный язык» // Педагогика и современность. 2016. № 1 (21). С. 15-20.
5. Латыпова Э.Р., Малышева О.С. Формирование межкультурной компетенции студентов вузов в условиях двухуровневой подготовки // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 3. С. 58-64.
6. Максимова Э.В. Условия формирования межкультурной компетенции студентов неязыкового вуза в процессе обучения иностранным языкам // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2015. №3. С. 129-138.
7. Маркова И.В. Средства формирования межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции в неязыковом вузе // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 3. С. 9-12.
8. Рубцова Е.В. Роль игровых технологий в формировании общекультурной компетенции у студентов-иностранцев, изучающих русский язык как иностранный // Региональный вестник. 2019. №20. С.30-31.
9. Рубцова Е.В. Формирование коммуникационной и социокультурной компетенций с помощью мультимедийных пособий при обучении русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 3 (24). С. 288-292.

© Цзянь Миньюй (jmingyu@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ РЕФЛЕКСИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF INTERACTIVE LEARNING IN THE FORMATION OF PEDAGOGICAL REFLECTION

R. Shamsutdinova

Summary: The article discusses the concept of "interactive learning", the role of the teacher in the organization of this learning process. In the course of practical research, interactive forms and methods were identified that contribute to the formation of reflexive competence - the ability of a teacher to give himself and his actions an objective assessment, to understand how he is perceived by the participants of pedagogical interaction.

Keywords: reflexive competence, interactive learning, simulation game, training, methods of organizing reflection.

Шамсутдинова Резеда Руслановна

*Аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
shamsutdinovarezeda@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается понятие «интерактивное обучение», роль педагога в организации данного процесса обучения. В ходе практического исследования были выявлены интерактивные формы и методы, способствующие формированию рефлексивной компетентности - способности педагога дать себе и своим поступкам объективную оценку, понять, как его воспринимают участники педагогического взаимодействия.

Ключевые слова: рефлексивная компетентность, интерактивное обучение, имитационная игра, тренинг, методы организации рефлексии.

Для реализации успешной подготовки будущего специалиста необходим комплексный подход, основанный на развитии всех компонентов рефлексивной компетентности. Мы считаем, что наиболее полно этому способствует интерактивное обучение, характеризующееся взаимодействием субъектов педагогического процесса в режиме присутственного и дистанционного обучения при координирующем влиянии преподавателя и способствующей развитию компетенций и самореализации студентов в учебно-профессиональной деятельности.

Известно, что в высшей школе существуют различные модели обучения, характеризующие разные уровни взаимодействия студентов и преподавателя. Например, в пассивной модели обучения ходом занятия полностью управляет преподаватель, являясь основным действующим лицом. Студенты в данном взаимодействии становятся пассивными слушателями. Активная модель обучения предполагает взаимодействие студентов и преподавателя, при котором обучающиеся принимают активное участие. По одной из версий, из термина «активное обучение», предложенным английским ученым Регом Ревансом, появилось понятие интерактивного обучения (1960 г.). Достаточно часто в научной литературе упоминается о том, что идея интерактивного обучения возникла с началом развития сети Интернет (1990 г.), в связи с этим некоторые специалисты трактуют данный

термин как обучение с использованием компьютерных сетей и интернет-ресурсов. Также, существует мнение, не связывающее интерактивное обучение с конкретными сроками появления, и как следствие, широкое толкование термина означает способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога с чем-либо (например, компьютером) или кем-либо (человеком) [1].

На сегодняшний день в педагогической науке развивается и конкретизируется понятие «интерактивное обучение». В одном из современных педагогических словарей, интерактивное обучение описывается как обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта [6]. Относительно специфики, В.С. Дьяченко понимает интерактивное обучение как «способ познания, основанный на диалоговых формах взаимодействия участников образовательного процесса; обучение, погруженное в общение, в ходе которого у обучающихся формируются навыки совместной деятельности. Это метод, при котором все обучают каждого и каждый обучает всех» [2, с. 92]. Т.С. Панина и Л.В. Вавилова определяют интерактивное обучение как: «способ познания, реализуемый в формах совместной деятельности субъектов обучения, при которых все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместными усилиями решают проблемы, моделируют ситуа-

ции, анализируют работу, погружаясь, таким образом, в атмосферу делового сотрудничества по решению проблем» [5, с. 8].

При интерактивном обучении преподаватель выступает в нескольких ролях. В каждом из них он организует взаимодействие студентов с определенной областью информационной среды. В роли эксперта-информатора преподаватель представляет текстовый материал, демонстрирует видеоряд, отвечает на вопросы обучающихся, следит за результатами процесса и т.д. В роли организатора-фасилитатора преподаватель формирует взаимодействие студентов с социальной и физической средой (разделяет на подгруппы, координирует выполнение учебных заданий, подготовку презентаций и т.д.). В роли консультанта преподаватель обращается к имеющемуся опыту обучающихся, помогает находить решения поставленных задач, самостоятельно ставить новые и т.д. В формате интерактивного обучения всегда есть обратная связь, происходит изменение коммуникативных ролей отправителя и получателя. Обратная связь помогает повысить эффективность обмена информацией. Такой обмен происходит медленнее, но более точно, что повышает уверенность в правильной интерпретации данных.

Вавилова Л.Н. и Панина Т.С. выделяют следующие результаты интерактивного обучения:

Для обучающегося:

- опыт активного освоения учебного содержания во взаимодействии с участниками педагогического процесса;
- развитие рефлексии;
- освоение нового опыта учебного взаимодействия, переживаний;
- развитие толерантности.

Для учебной группы:

- развитие навыка общения и взаимодействия в группе;
- формирование ценностно-ориентированного единства группы;
- поощрение к гибкой смене ролей в обществе в зависимости от ситуации;
- принятие нравственных норм и правил взаимной деятельности;
- развитие навыка анализа и самоанализа в процессе групповой рефлексии;
- развитие способности решать конфликтные ситуации и идти на компромисс.

Для системы «преподаватель-группа»:

- нестандартное отношение к организации педагогического процесса;
- многомерное усвоение учебного материала;
- формирование мотивационной готовности к межличностному сотрудничеству не только в учебных, но и во внеучебных ситуациях.

Значительное внимание изучению интерактивных игровых методов уделено в трудах Б.Р. Манделя. В работе «Игрология» педагог предлагает использовать в учебном процессе разные виды игр: познавательные, деловые, интеллектуальные, имитационные и др. [3].

По нашему мнению, имитационная игра обладает большим потенциалом средств, направленных на развитие рефлексивных способностей студентов. Рассмотрим структуру имитационной игры и определим ее возможности относительно формирования рефлексивной компетентности будущих педагогов (рисунок 1).

Игра включает правила, содержание игры, роли, воображаемую ситуацию и игровые действия.

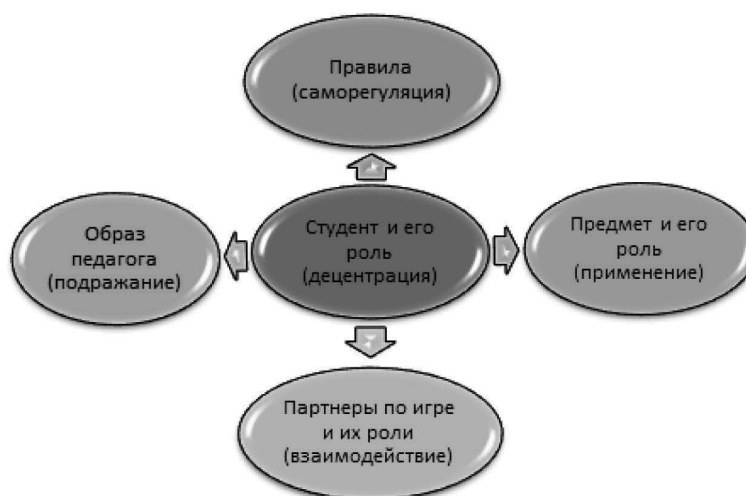

Рис. 1. Структура имитационной игры

Таблица 1.

Классификация методов организации рефлексии

Категория	Вид	Характеристика	Примеры методов
Объект рефлексии	эмоции	установление эмоционального контакта с обучающимися, выявление психологической готовности к действию, удовлетворенности результатом работы	дерево настроения, палитра, весенний сад
	деятельность	обнаружение затруднений в деятельности, анализ их причин, оценка успешности, эффективности, проектирование нового способа деятельности	трудности-проблемы-вопросы, итоги моей работы
	содержание	выявление осознания пройденного материала, осмысление обучающимися внутренних связей между различными частями учебной информации	изречения, фишбоун
Количество объектов рефлексии	четко заданное	использование образа или предмета с определенным количеством компонентов	пять пальцев, звезда сбывшихся ожиданий
	вариативное	гибкая смена количества параметров, вопросов, предложенных участникам для обдумывания	цветопись, лепестки, градусники
Временная ориентация	перспективная	выявление отношения, мнения, настроения участников до начала деятельности для своевременной корректировки, оперативного внесения изменений в заранее намеченный план	отметь себя на фото, светофор
	синхронная	осмысление и корректировка деятельности непосредственно в ходе ее реализации	сад, вопросы темы, графики
	ретроспективная	осмысление процесса и результата уже завершенной деятельности для коррекции последующих действий	мое предложение, дедукция
Степень проблемности	практическая	оценка эффективности деятельности, фиксация факта достижения или не достижения намеченной цели	алмаз, аккорд, SMS-сообщение, звездное небо
	каузальная	осмысление причин и последствий собственных действий	свободный микрофон, лестница успеха, листья-цветы-плоды
	критическая	проектирование новых образцов деятельности на основе анализа предыдущего опыта	что я буду делать, колумбово решение
Форма предъявления результатов	устная	произнесение участниками вслух собственного мнения, отношения, оценки и т. д.	блиц, новости
	письменная	фиксация результата в письменном виде	вещие слова, телеграмма
	изобразительная	представление результата в виде определенного образа (рисунка, схемы, модели и т.д.)	герб, открытка
	количественная	выражение мнения и оценки посредством количественных значений в виде баллов, процентов и т.д.	диаграммы, мишень, версты
	двигательная	выражение результата через различные движения	зарядка, жесты

Компонент «Роль» – центральный элемент имитационной игры. Взяв на себя роль, студент думает и действует с новой точки зрения. Позиция играющего развивает способность производить сравнение своего поведения с поведением определенного образца, в этом и возникают предпосылки к рефлексии как способности осмысливать свои собственные действия, потребности и переживания.

Компонент «Образ педагога» означает, что в игре условно воспроизводится деятельность педагога. Студент выполняет функциональные обязанности по обучению детей.

Компонент «Правила» означает, что в игре студент

учится целенаправленно и осознанно планировать, управлять и оценивать свою деятельность и поведение.

Компонент «Предмет» означает наличие дидактического/игрового материала, используемого студентами в ходе игры.

Компонент «Партнеры по игре» способствует тому, что студент осваивает способы взаимодействия в совместной деятельности с другими студентами, приобретает опыт взаимопонимания, учится понимать свои собственные действия и намерения, согласовывать их с партнерами по общению.

О.А. Голубкова и А.Ю. Прилепо на основе коммуни-

кативных функций классифицируют интерактивные методы обучения, выделяя три группы: игровые методы (дидактические, творческие, ролевые, деловые, контргры, организационно-деятельностные), дискуссионные методы (диалог, групповые дискуссии, анализ ситуаций), психологическую группу интерактивных методов (эмпатия, сенситивный, коммуникативный тренинг).

Согласно К. Рудестаму, в группах тренинга умений, или развития жизненно важных навыков, учат адаптивным способам поведения, действиям, которые служат средством удовлетворения важнейших жизненных потребностей человека. Работа в этих группах отличается своей структурированностью [8]. На психологических тренингах участники имеют возможность тренировки навыка. При этом, ситуация проигрывается на глазах у наблюдателей - других участников группы, что дает возможность получения обратной связи, поддержки коллег и совместной проработки плана решения задач. По мнению Е.В. Сидоренко, целью тренинга является передача технологий действия, по своему содержанию тренинг - это определенная концепция реальности, по форме - интерактивное обучение, в котором участники активно действуют и взаимодействуют друг с другом и с тренером [9]. Тренер в данном взаимодействии является инструктором, дающим участникам систематизированное руководство по изменению способов поведения и жизненных установок, а также по достижению целей, которые обучающиеся ставят перед собой.

А.А. Реан и Я.Л. Коломинский выделяют «рефлексивно-перцептивный тренинг», который, по их мнению, «достаточно полно отражает основную цель его проведения: освоение участниками приемов и методов более глубокого проникновения в собственную личность, ведущее к расширению возможностей самоанализа (рефлексии) и к более адекватному познанию других людей (перцепции), преимущественно в профессиональной сфере» [7, с. 342]. Эффект тренинга определяется благоприятными возрастными особенностями студенческого возраста, для которого характерна особая восприимчивость к проблемам внутренней жизни человека, осмысление себя как личности и индивидуальности. В этих

условиях процедуры тренинга, резонируя с процессами самоанализа, выступают для них катализаторами и стимулируют рефлексивную направленность сознания студентов.

Использование специальных методов организации рефлексии в рамках образовательного процесса может способствовать получению опыта рефлексивной деятельности. Ориентиром для выбора метода, адекватного педагогическим задачам, может служить типология методов по таким основаниям, как объект рефлексии, временная ориентация, степень проблемности и т.д. (таблица 1.).

Для эффективного развития рефлексивных умений студентов, в ходе интерактивного взаимодействия обучающихся и преподавателя, необходимо комплексное применение методов рефлексии, позволяющих совершенствовать учебный процесс, ориентируясь на личность каждого студента.

Таким образом, в образовательной практике понятие интерактивности получило распространение при описании различных способов и средств взаимодействия человека с информационной средой или ее отдельными элементами, а также в процессе межсубъектного общения. В ходе интерактивного обучения преподаватель выступает сопровождающим лицом, основной задачей которого является направление процесса обмена информацией: выявление многообразия точек зрения, обращение к личному опыту студентов, поддержка активности обучающихся, соединение теории и практики, взаимообогащение опыта участников обучения, облегчение восприятия, усвоения, взаимопонимания студентов, поощрение творчества. Интерактивные методы обучения способствуют развитию у студентов умений взвешивать и сравнивать различные точки зрения, способности к адекватной оценке себя и окружающих, погружают студентов в реальный мир и готовят их к использованию рефлексивных навыков в повседневной действительности, в результате чего формируется успешный и конкурентоспособный специалист.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные и интерактивные образовательные технологии в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.
2. Дьяченко В.К. Сотрудничество в обучении: О коллективном способе учебной работы: Книга для учителя / В.К. Дьяченко. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
3. Мандель Б.Р. Игрология. Феномен интеллектуальной игры в образовательном процессе / Б.Р. Мандель - М.: Вузовский учебник, 2013. – 226 с.
4. Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения / П.И. Образцов. – Орел: Орл. гос. тех. ун-т, 2000. – 145 с.
5. Панина Т.С. Современные способы активизации обучения / Т.С. Панина, Л.Н. Вавилова. – М.: Академия, 2008. – 175 с.
6. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. - 3-е изд., стер. – М.: Большая российская энциклопедия, 2009. - 527 с.
7. Реан А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. – СПб.: Питер, 1999. – 416 с.

8. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика / К. Рудестам – СПб.: Питер Ком, 1990. – 328 с.
9. Сидоренко, Е.В. Технологии создания тренинга. От замысла к результату / Е.В. Сидоренко – М.: Издательство «Речь», 2007. – 336 с.

© Шамсутдинова Резеда Руслановна (shamsutdinovarezeda@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ НАСТАВНИЧЕСТВА В ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЕ: ЕГО СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ

Юзбекова Марина Касумовна

Воспитатель, руководитель метод объединения, МБДОУ детский сад «Рябинка» (п.г.т. Барсово)
m.yuzbekova77@yandex.ru

Суворова Анна Анатольевна

Педагог-психолог, МБДОУ детский сад «Рябинка» (п.г.т. Барсово)

FEATURES OF MENTORING IN AN INCLUSIVE ENVIRONMENT: ITS CONTENT AND TYPES

**M. Yuzbekova
A. Suvorova**

Summary: One of the priority areas of education in the Russian Federation is the development and improvement of the mentoring system in an inclusive environment. The lack of qualified personnel in this area and the lack of a student-centered approach to children with disabilities are proposed to be solved through mentoring. The problem of personal and professional readiness of teachers to work with special children is still relevant in the practice of inclusive education. To date, the system of mentoring in an inclusive environment needs to be improved, the development of a competency-based model of a mentor in the system of inclusive education of children. The purpose of the article is to study the features of mentoring in the modern educational practice of inclusive education. As a research methodology in identifying the features and types of mentoring in an inclusive environment, the author of the article analyzed and synthesized existing theories and educational practices in mentoring and inclusive activities. Analyzed various types of mentoring; requirements for the mentoring process are formulated. It is concluded that an adequately constructed mentoring process is a necessary and important pedagogical condition for the formation of professional competence of teachers of inclusive education.

Keywords: mentoring, inclusive education, personal and professional competencies, social and educational mentoring, educational and methodological mentoring.

Аннотация: Одним из приоритетных направлений образования в Российской Федерации является развитие и совершенствование системы наставничества в инклюзивной среде. Недостаток квалифицированных кадров в данной сфере и отсутствие лично-ориентированного подхода к детям с ОВЗ предлагается решить за счет наставнической деятельности. Проблема лично-профессиональной готовности педагогов к работе с особыми детьми все еще остается актуальной в практике инклюзивного образования. На сегодняшний день система наставничества в инклюзивной среде нуждается в совершенствовании, разработке компетентностной модели наставника в системе инклюзивного образования детей. Цель статьи заключается в исследовании особенностей наставнической деятельности в современной образовательной практике инклюзивного образования. В качестве методологии исследования при выявлении особенностей и видов наставничества в инклюзивной среде автором статьи осуществлены анализ и синтез существующих теорий и образовательных практик в наставнической и инклюзивной деятельности. Проанализированы различные виды наставничества; сформулированы требования к процессу наставничества. Делается вывод о том, что адекватно построенный процесс наставничества – это необходимое и важное педагогическое условие формирования профессиональной компетентности педагогов инклюзивного образования.

Ключевые слова: наставничество, инклюзивное образование, лично-профессиональные компетенции, социально-воспитательное наставничество, учебно-методическое наставничество.

Инклюзивное образование является важной системой обучения всех детей, которое основывается на принципах недискриминации, учета многосторонности каждого ребенка и максимальное включение в образовательный процесс всех участников. Такое обучение обеспечивает доступность образовательных программ, гибкость образовательного процесса, обеспечение необходимой поддержки детям. Инклюзивная среда представляет собой совокупность условий и средств реализации приемов для обучения детей с учетом их нужд и особенностей. Инклюзивное образование помогает снизить изоляцию и отчуждение обучающегося, благодаря чему ребенок перестает чувствовать свою «особенность».

Ключевой проблемой в инклюзивном образовании является личность педагога. Молодые специалисты ча-

сто испытывают трудности в обучении особенных детей из-за отсутствия опыта работы, профессиональных компетенций и личных качеств, в частности, толерантности. Ограниченные возможности детей часто становятся преградой для молодых педагогов в выявлении талантов и способностей детей. Педагоги, работающие с особыми детьми, должны обладать моральной устойчивостью, высокой культурой и профессиональной компетентностью. Помощь наставника для молодых специалистов становится крайне необходимой.

Наставничество выступает формой передачи педагогического опыта и знаний молодому специалисту [2]. Указом Президента России от 27 июня 2022 г. № 401 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Мероприятия в рамках этого Года будут направлены на признание особого статуса педагогических работников, в том числе

выполняющих наставническую деятельность.

Наставничество позволяет:

- повысить уровень профессиональной подготовки и квалификации молодого педагогического работника;
- создать положительный настрой в профессиональной деятельности
- быстрее достичь рабочих показателей, необходимых ДОО;
- передать накопленный наставниками опыт;
- регулировать текучесть кадров.

Основной задачей наставника является помощь молодому специалисту реализовать себя, развить свои личностные качества, раскрыть коммуникативные и управленческие умения.

Благодаря введению молодого специалиста в особенности профессии, погружая его в детали практической деятельности, оказывая поддержку на всех этапах работы и в различных сложных ситуациях, наставник организует для своего подопечного необходимую поддерживающую среду. За счет такой среды молодой специалист быстрее включается в работу и приобретает первые положительные результаты, стремится бороться с трудностями, вырабатывает необходимые личные и профессиональные качества, формирует мотивацию к работе. Наставник является отражением для молодого специалиста в выбранной профессии.

Особенную категорию детей составляют дети с задержкой психического развития (далее – ЗПР). Дошкольники с ЗПР – это категория детей, которая в силу своего запоздлого развития, рассеянности, другого восприятия информации не может реализовать свои возможности наравне с обычными детьми [3]. Любой раздражающий фактор сбивает с толку таких детей. Помимо слабой концентрации характерна избирательность. Например, дошкольники с ЗПР отдают предпочтение играм, но не учебе. Данная из-

бирательность является преградой для мотивации детей к учебе, снижению их работоспособности.

Возможна как комплексная задержка, так и одного параметра. Это можно увидеть по ребёнку. Например, если ему трудно дается математика, счет, то проблемы с объёмом; если с чтением и грамотностью – то с распределением; если же страдают все навыки, то можно говорить про невнимательность в целом. Вышеперечисленные трудности решаются благодаря помощи наставника, который помогает поверить в свои силы и возможности, учит принимать и решать проблемы, обращаться за помощью в случае необходимости. Молодому специалисту при работе с дошкольниками с ЗПР наставничество дает необходимую поддержку опытному сотруднику, укрепляет уверенность в себе и собственном профессионализме.

В.В. Державина выделяет два вида наставничества в инклюзивном образовании: социально-воспитательное и учебно-методическое [1]. Первое сосредоточено на систематической работе с личностью педагога, предполагает ориентирование молодого педагога на гуманистический подход, на эмпатийное взаимодействие, психологический настрой на работу с детьми с ограниченными возможностями здоровья, снятие страха, поддержка в приобретении уверенности. Учебно-методическое наставничество направлено на помощь в составлении адаптированной образовательной программы и индивидуального плана развития ребенка, применение специальных дефектологических методов и приемов в возникающих проблемных ситуациях. Данные виды наставничества должны осуществляться на протяжении всего образовательного цикла.

Компетентностная модель наставника в инклюзивной среде приведена на рис.1.

Как видим на рис.1, основными компетенциями наставника в инклюзивной среде являются педагогические, профессиональные и гибкие навыки. К педаго-

Рис. 1. Компетентностная модель наставника в инклюзивной среде [4]

гическим навыкам можно отнести применение педагогических технологий в работе с разными возрастными группами детей, планирование учебного процесса. К профессиональным навыкам относятся используемые специалистом методы работы с детьми, ИКТ. Блок гибких навыков включает компетенции для продуктивной коммуникации, управления конфликтами, креативного мышления и конструктивной критики.

Выбор формы работы с молодым специалистом должен начинаться с вводного анкетирования, тестирования или собеседования, где он расскажет о своих трудностях, проблемах, неудачах. Затем определяется совместная программа работы молодого специалиста с наставником. Наставничество – это постоянный диалог, межличностная коммуникация, следовательно, наставник, прежде всего, должен быть терпеливым и целеустремленным. В своей работе с молодым специалистом он должен применять наиболее эффективные формы взаимодействия: деловые и ролевые игры, работу в «малых группах», анализ ситуаций, самоактуализацию и пр., развивающие деловую коммуникацию, личное лидерство, способности принимать решения, умение аргументировано формулировать мысли. Большую эффективность по сравнению с традиционными формами работы (беседами, консультациями, посещением и обсуждением занятий) имеют новые нетрадиционные или модернизированные формы работы: психологические тренинги, творческие лаборатории, психолого-педагогические деловые игры, диспуты, конкурсы, круглые столы, «мозговые штурмы», разработка и презентация моделей занятий, презентация себя как воспитателя, защита творческих работ, передача педагогического опыта от поколения к поколению педагогами-мастерами [5]. Именно они ускоряют процесс вхождения начинающего педагога в педагогическую среду. Он чувствует себя увереннее, закрепляется его убеждение в правильном выборе профессии. В результате молодые коллеги смело идут на аттестацию на более высокую квалификационную категорию, растет их профессионализм.

Наставничество в инклюзивной среде также разделяется на наставничество равных и совместное обучение. Несмотря на разные названия, в их основу заложены сходные социально-психологические принципы. Но существуют и отличия, которые заключаются, во-первых, в количестве учащихся в инклюзивной группе, а во-вторых, в целях выбранного вида обучения. Обучение детей с помощью формы наставничества равных, как правило, проходит парами. Один ребенок принимает на себя роль наставника и обучает другого ребенка. Ино-

гда эти роли четко закреплены. Но обычно в ходе одного урока функции наставника и ученика попеременно принимают на себя оба ребенка, это называется взаимное распределение ролей. Такой подход, как показывает практика, приводит к лучшим результатам, чем в случаях, когда роли прочно закреплены за конкретными учениками. Оказываясь попеременно то учеником, то учителем, ребенок-инвалид получает от процесса обучения большую пользу, такие противоположные роли взаимно дополняют друг друга. Когда ребенок выступает в роли наставника, он должен тщательно подготовиться к уроку, ведь ему предстоит объяснять материал своему ученику. А в роли ученика он еще раз повторяет и, следовательно, закрепляет знания по пройденному материалу. Как и при совместном обучении, разные способности «ученика» и «учителя» оказывают развивающее действие, что подтверждают результаты исследования. Оба ребенка получают наибольшую пользу в том случае, когда разница в их уровнях знаний не велика.

Например, в МДОУ «Детский сад № 109» г. Ярославль, был реализован Проект по развитию дошкольного наставнического движения «Я – наставник «3+». Основная идея данного проекта заключалась в формировании позитивной социализации дошкольников через расширение сферы социального общения, активную деятельность, наставничество, возможности усвоения социальных ценностей и нравственных качеств личности для воспитания будущей активной гражданской позиции подрастающего поколения. Новизна проекта заключается в интеграции расширенного социального взаимодействия и наставничества в сложившуюся систему дошкольного образования для особенных детей, а также создание отряда наставников в условиях ДОУ и включение воспитанников, педагогов, родителей в наставническую деятельность ДОУ. Основными формами наставнической работы выступили: игры и игровые программы; коллективные творческие дела и акции; выступление наставников на праздниках; организация праздников, концертов, чаепитий с детьми и родителями детей с ОВЗ, детей – инвалидов и их родителей; совместное изготовление наставников с детьми с ОВЗ сувениров, открыток, подарков.

Таким образом, использование системы наставничества в ДОУ позволяет начинающим педагогам быстро адаптироваться к работе в детском саду, избежать момента неуверенности в собственных силах, наладить успешную коммуникацию со всеми участниками педагогического процесса, формировать мотивацию к дальнейшему самообразованию, раскрыть свою индивидуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Державина В.В. Особенности наставничества в инклюзивной среде: его содержание и виды // Казанский педагогический журнал. — 2020. — № 6 (143). — С.237-243.

2. Джапарова З.Б. Педагогическое наставничество в инклюзивном образовании как условие формирования профессиональной компетентности // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2021. – № 2. – С. 363–373. DOI 10.35231/18186653_2021_2_363
3. Полетаева, Н.М. Роль наставника как одной из наиболее эффективных форм управления знаниями в развитии кадрового потенциала региональной системы образования / Н.М. Полетаева, Л.Е. Лукина // Царскосельские чтения. – 2015. – С. 109–115.
4. Хитрюк, В.В. Формирование инклюзивной готовности будущих педагогов: результативность дидактической модели / В. В. Хитрюк // Вестник Балтийского фед. ун-та. – 2015. – Вып. 5. – С.112–120.
5. Щипанова Д.Е., Шевченко В.Я., Самсонова О.Н. Разработка компетентностной модели наставника в контексте активизации профессионального самоопределения обучающихся системы дополнительного образования // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАИТ). 2023. № 1 (13). С. 56–72. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2023-1-56-72>.

© Юзбекова Марина Касумовна (m.yuzbekova77@yandex.ru), Суворова Анна Анатольевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ханты-Мансийский автономный округ

ДИНАМИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

DYNAMICS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HEALTH" IN CHILDREN'S ART LITERATURE

*Yu. Ananyeva
E. Skryabina*

Summary: This study is devoted to the study of the metaphorical concept of health and disease in children's fiction and is an attempt to apply modern methods of concept and metaphor analysis to the study of the «naive» layer of medicine. As you know, health is the basis of the comprehensive development and success of a person. For the successful future of our children, even at preschool age, a basic understanding of health should be laid, a correct idea of health and a healthy lifestyle should be formed. As a result of the study, it is possible to trace how culturally conditioned conceptual schemes influence the process of creating an image of health.

Keywords: medical discourse, children's fiction, metaphor.

Ананьева Юлия Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
yupiters@rambler.ru

Скрябина Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, Пермский
государственный национальный исследовательский
университет
katyaalikina@yandex.ru

Аннотация: Настоящее исследование посвящено изучению метафорического представления о здоровье и болезнях в детской художественной литературе и представляет собой попытку применить современные методы концептуального и метафорического анализа к исследованию «наивного» пласта медицины. Как известно, в основе всестороннего развития и успехов человека лежит здоровье. Для успешного будущего наших детей еще в дошкольном возрасте следует заложить базовое понимание здоровья, сформировать правильное представление о здоровье и здоровом образе жизни. В результате исследования можно проследить, каким образом культурно обусловленные концептуальные схемы влияют на процесс создания образа здоровья.

Ключевые слова: медицинский дискурс, детская художественная литература, метафора.

Медицина, будучи важным элементом человеческой цивилизации и культуры, всегда находила отражение на страницах литературных произведений. Писателям, не являющимся профессиональными медиками, тоже было интересно исследовать человека в болезни, анализировать реакцию окружающих. Несмотря на то, что педиатрическое направление среди прочих медицинских направлений довольно молодое, но оказание медицинской помощи, уход за детьми, их вскармливание и лечение не моложе человечества. По этой причине забота о первых шагах ребенка и его здоровье представляется актуальной для детской литературы. Именно на страницах детских книг мы узнаем о положении маленького пациента, об отношении к нему докторов, семьи и общества в разные эпохи и в разных культурах.

Целью данного исследования является сравнительный анализ детской литературы советской эпохи и современного периода. В детских произведениях советского периода, как и в современной литературе, весьма наглядно и убедительно представлен наивный когнитивный пласт, актуализирующий магистральные направления в медицине для детского возраста, такие как различные заболевания, лекарственные средства и пре-

параты, состояние здоровья, специалисты, медицинские инструменты и манипуляции, медицинские учреждения и взаимоотношения врача с маленьким пациентом.

В рамках данной статьи мы изучили детскую литературу советского периода, репрезентированную в произведениях таких авторов, как С.В. Михалкова «Прививка», «Тридцать шесть и пять», «Чудесные таблетки», «Комар-Комарец», «Дядя Степа», «А что у вас?», «Мой щенок», «Про девочку, которая плохо кушала», К.И. Чуковского «Айболит», Н.Н. Носова «Незнайка в Солнечном городе», А.Н. Толстого «Приключения Буратино или Золотой ключик», В.Ю. Драгунского «Удивительный день». Современное видение здоровья и болезни репрезентировано в следующих, выбранных нами источниках, ориентированных на детскую аудиторию: стихи М. Рупасовой «Доктор», «Муся заболела», Е.А. Ульева «Сказочный учебник по медицине для малышей: все, что нужно знать о здоровье дошкольнику», А.Г. Озорнина «Тайная жизнь микробов», Ф. Катасонов «Куда скачет температура?», А.А. Мещерякова «Почему мы боолеем?», М. Уикс «Театр человеческого тела».

Одной из основополагающих категорий современной лингвистической науки выступает концепт как совокуп-

ность знаний о каком-либо предмете или явлении объективной действительности [3, с.245]. В процессе изучения практического материала мы предприняли попытку структурировать концепт «Здоровье» как языковое преломление всех видов знания о явлении, стоящим за ним, – знание эмпирическое, то есть все, что составляет объем и содержание языкового знания [1, с. 9]. В рамках данного исследования мы изучаем особенности вербальной экспликации концепта «Здоровье» в наивном слое медицинского дискурса, под которым мы понимаем интегративный объект, который согласно принципу антропоцентризма, позволяет изучать лингвистические явления во взаимосвязи с человеком, его деятельностью, процессами познания и мышления, то есть предоставляет возможность изучать функционирование языка в условиях непосредственного общения [1, с. 9].

Концепт «Здоровье», как явление многомерное, мы представляем в виде динамических фреймов, которые постоянно дополняют и аккумулируют знание Фреймы, в свою очередь, состоят из слотов, – лексических рядов, соотносимых с определенной ситуацией, знанием и опытом [5]. Мы изучили концепт «Здоровье» в наивном пласте медицинского дискурса, под которым мы понимаем вербально-опосредованную деятельность в медицинской сфере [1, с. 46].

Метафора – это проекция концептуальных структур с относительно более конкретных, простых и известных понятий (доменов-источников) на более абстрактные, сложные и неизвестные (целевые домены) в процессе их осмысления [6-8]. В любом виде деятельности можно проследить работу метафоры как схемы, в соответствии с которой мы говорим, мыслим и действуем, и исследуемый дискурс не является исключением.

Материал был проанализирован с помощью методов идентификации метафоры MIPVU [8] и пятишагового анализа [9].

Чтобы показать, как работают методы поиска метафоры в тексте, приведём пример того, как выглядит текстовый материал после того, как пройдено четыре шага пятишагового анализа, который направлен на полное восстановление подразумеваемого метафорой сравнения. Например, кровь перевозит пассажиров:

- контекст в понятиях целевого домена – «Кровь разносит ко всем органам кислород и питательные вещества»;
- контекст в понятиях домена-источника – «Автобус перевозит пассажиров».

Как мы видим, контекст в ходе анализа превращается в два текста: один из них полностью сформулирован в понятиях целевого домена (т.е. в новых, незнакомых или абстрактных понятиях), а второй – в понятиях доме-

на-источника (т.е. в понятиях известных читателю и/или максимально конкретных). На последнем пятом шаге, сравнивая два текста, формулируем метафоры: кровь как автобус, переносить органические вещества как перевозить пассажиров. Очевидно, что разговор в тексте ведётся о функциях крови, которые описаны в понятиях движения пассажирского транспорта.

В процессе изучения материала мы структурировали концепт «Здоровье» в виде фрейма, слоты которого характеризуются своей спецификой вербальной экспликации. Итак, фрейм концепта «Здоровье» в наивном пласте медицинского дискурса состоит из следующих слотов: 1) анатомия; 2) болезни; 3) доктора (специалисты); 4) лекарства; 5) инструменты; 6) манипуляции; 7) организации здравоохранения; 8) взаимоотношение (коммуникация).

В процессе изучения материала советской эпохи мы выявили ряд особенностей, характеризующих детскую медицину прошлого столетия. Метафоры используются как при описании здоровья (анатомии человека) «*в этом теле сердце бьется как часы...*», так и при описании болезни «*засорился левый глаз...*». При этом слот **«Болезни»** в литературе советского времени часто вербально репрезентирован терминологическими единицами, как-то: *коклюш, скарлатина, ангина, дифтерит, аппендицит, малярия, бронхит, корь, оспа, мигрень*. В современной детской художественной литературе не обнаружены термины-заболевания, зато присутствуют многочисленные метафорические описания бактерий и вирусов, которые вызывают болезни. Так, часто используются природоморфные метафоры: «*заведется какое-нибудь животное*», «*вирусы – это паразиты, способные развиваться только в чужой живой клетке*», «*бактерии – это самостоятельные живые организмы*», «*способны обитать*». Антропоморфные метафоры репрезентированы следующими языковыми структурами: «*жильцы*», «*непрошенные гости-захватчики*», «*непрошенная гостья*».

В следующих контекстах, описывающих вирусы и бактерии, мы наблюдаем личностные и деловые качества, которыми обладает человек: «*им скучно*», «*вирусы очень общительные*», «*настоящие красавицы*», «*Какие вирусы бывают красивые!*», «*Красивые, но очень опасные!*», «*Не ленятся, работают*», «*они (бактерии) могут радоваться*», «*Никто из бактерий не собирался отправляться на отдых*», «*Объединяются и начинают дружить друг с другом*», «*Бактерии любят поест*», «*Еще бактерии умеют разговаривать, предупреждают об опасности*», «*сообщают другим*», «*полакомиться вкусеньким*», «*способны питаться и размножаться, плавать и играть*», «*Сустав – это место, где встречаются две кости*», «*Прежде чем стать свидетелями невероятного пищевого, но еще съедобного, путешествия...*». В приведенных примерах мы наблюдаем жизнь вирусов и бактерий как социально активных единиц, которые также, как и человек, способ-

ны питаться, общаться, путешествовать.

В современной детской художественной литературе представлены многочисленные метафорические описания анатомии человека. Для этого часто используется артефактная метафора: «дырки в зубе – домики для бактерий», «ходячий химический завод», «надпочечник – больше чем просто смешная шляпка», «температура тела – это как климат-контроль в машине», «матка – колыбель, временное жилье для младенцев».

Итак, примечательной особенностью современного периода является создание образного понимания здоровья и болезней, иными словами, метафорическое моделирование анатомии человека и механизмов заболевания.

Слот «**Доктора (специалисты)**» в детских книгах советского периода вербально представлен такими лексическими единицами, как *доктор, детский врач и зубной*, а также такими терминами, как *педиатр и хирург*. Таким образом, у ребенка формировалось знание о трех важных специалистах, осуществляющих терапевтическую помощь, хирургическое лечение и лечение зубов. В материале литературы советского периода этот концепт также представлен метафорой *доктор Айболит*. В современном периоде мы наблюдаем лексемы *врач и доктор*, метафору *доктор Ай-яй-яй*.

Слот «**Лекарства**» вербально репрезентирован в советской литературе следующими лексическими единицами: *таблетки, пилюли, мази, порошки, отвар из трав, настойки, горчичники, банки, микстура от кашля и чиханья, витамины А, В, С, капли, пластырь*. Слот «**Инструменты**», в свою очередь, вербально репрезентирован такими лексемами, как *градусник, шприц, бинт, вата, деревянная трубочка*. В современных книгах репрезентация слотов «Лекарства» и «Инструменты» не обнаружена.

Слот «**Манипуляции**» репрезентирован следующими языковыми оборотами: «*пришить ножки*», «*сделать прививку*», «*На прививку, первый класс! - «вы слышали? Это нас! Я прививок не боюсь! Если надо, уколюсь!»*» императивами «*Открой рот, скажи «А!»*», «*Дышите — Не дышите!*». Знание этих требований, во-первых, дисциплинирует ребенка, предвосхищая, что ему предстоит сделать, а, во-вторых, формирует установки на здоровый образ жизни. В современной литературе слот «Манипуляции» представлен метафорой *фокусы доктора*.

Слот «**Организации здравоохранения**» характеризуется следующей вербальной экспликацией, а именно, такими номинативами, как: «*больница, медицинский кабинет, аптека*», идентифицирующими места получения профессиональной медицинской помощи. Хотелось бы также отметить, что в качестве визуальной метафоры часто встречается «красный крест», как символ медико-со-

циальной помощи, иными словами, больницы, медицинские кабинеты, аптеки. В современной литературе слот «Организации здравоохранения» не обнаружен.

И, наконец, слот «**Коммуникация**» в детских книгах советского периода вербально репрезентирован экскламациями психологического характера, имплицитными моральную поддержку и формированием уверенности в восстановлении здоровья: «*Не беда! Подай-ка его сюда! Я пришью ему новые ножки, и он опять побегит по дорожке!*», «*Приходи к нему (прим. авт. доброму доктору) лечиться!*». Помимо эксклаций побудительного характера мы встречаем такие слогами, как «*Лейте витамины!*», «*Следите за зрением!*», «*Не забывайте чистить зубы!*»; а также эксклациями благодарственного характера: «*Слава добрым докторам!*». В данном случае мы наблюдаем оказание моральной поддержки пациентам, гарантия сохранения и укрепления здоровья посредством приобщения к здоровому образу жизни. В современных произведениях коммуникация носит характер диалога, стратегия вопрос-ответ представлена почти во всех материалах. Куда скачет температура? Почему мы боеем? Из чего состоит клетка? Авторы стремятся предвосхитить вопросы маленьких читателей.

Мы можем сделать вывод, что современным детям доступно качественное понимание патологических процессов, происходящих в организме человека, благодаря образной и ассоциативной интерпретации таких важных и основополагающих понятий, как здоровье и болезнь.

Советскому ребенку в первую очередь прививались базовые знания о видах профессиональной медицинской помощи, в каких случаях и где ее можно получить, и что необходимо делать для поддержания и сохранения здоровья.

Формируясь в условиях стремительно развивающихся информационных технологий, современный ребенок знает о здоровье достаточно много, как и о том, что надо делать для его поддержания и достижения. Детские книги способны создать у ребенка стойкую мотивацию к ведению здорового образа жизни, поскольку сегодня здоровье ассоциировано с высоким качеством жизни. На основе полученных результатов хотелось бы отметить, что для полноценного формирования понимания важности сохранения здоровья и профилактики заболеваний необходимо репрезентировать знания о возможностях современной медицины комплексно. Современному ребенку нужно знать о специалистах, о заболеваниях, способах предотвращения болезней, но, учитывая возрастной статус ребенка и его особенности психологического восприятия, конкретизацию определенных патологических процессов необходимо интегрировать в метафорические модели репрезентации знания в наивном пласте медицинского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева Ю.С., Мишланова С.Л. Дефиниционное моделирование медицинской терминологии / Ю.С. Ананьева, С.Л. Мишланова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 127 с.
2. Дети и медицина: хрестоматия художественной литературы / под ред. Г.Л. Микиртичан, А.З. Лихтшангофа. — Санкт-Петербург: СпецЛит, 2017. — 783 с.
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во филолог. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
4. Плещиц С.Г., Мармышева Л.Н., Дергаль П.П., Григоренко Л.М., Е.И. Цыбенко, Стовбер П.А. Здоровье и качество жизни: уч. пособие / Под редакцией д-ра экон. наук, проф. С.Г. Плещица. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 239 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988. – С. 52-92.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
7. Steen G.J. Translating metaphor: What's the problem? In: D.R. Miller and E. Monti (Eds.), Translating figurative language, pp. 11-24. Bologna: Alma Mater Digital Library, 2014.
8. Steen G.J., Dorst A.G., Kaal A.A., Herrmann J.B., Krennmayr T.A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam, 2010.
9. Steen G.J. From linguistic form to conceptual structure in five steps: analyzing metaphor in poetry. In G. Bröne and J. Vandaele (eds.), Cognitive poetics. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2009.

© Ананьева Юлия Сергеевна (yupiters@rambler.ru), Скрыбина Екатерина Юрьевна (katyaalikina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ДИХОТОМИЯ «ИСКУССТВО» И «РЕМЕСЛО» / "ART" И "CRAFT" В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Банькова Надежда Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
nvbankova@mail.ru

DICHOTOMY «ISKUSSTVO» AND «REMESLO» / "ART" AND "CRAFT" IN THE RUSSIAN AND THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL WORLDVIEWS

N. Bankova

Summary: The main aim of the article is to examine the dichotomy «iskusstvo» and «remeslo» / "art" and "craft" in the Russian and the English phraseological worldviews. The scientific topicality is that for the first time the above-mentioned dichotomy is explored on the case of phraseological units of the both languages. To investigate the dichotomy «iskusstvo» and «remeslo» / "art" and "craft" an analysis of the organised corpus of the phraseological units was done (with the help of dictionaries) and coincident and unique features of the notions «iskusstvo» and «remeslo» / "art" and "craft" were revealed in the both linguocultures. In addition, we have found that there is a coincident feature of the phraseological units in the dichotomy "art" and "craft" – "deception"; in the dichotomy «iskusstvo» and «remeslo» any coincident features were not revealed on the case of the analysed phraseological units.

Keywords: art, phraseological unit, craft, trade, linguoculture, dichotomy.

Аннотация: Цель исследования заключается в рассмотрении дихотомии «искусство» и «ремесло» / "art" и "craft" в русской и английской фразеологических картинах мира. Научная новизна заключается в том, что вышеупомянутая дихотомия впервые исследуется на примерах фразеологизмов в обоих языках. Для изучения дихотомии «искусство» и «ремесло» / "art" и "craft" был проведен анализ сформированного корпуса фразеологизмов (с помощью словарей) и выявлены совпадающие и уникальные характеристики понятий «искусство» и "art" и «ремесло» и "craft" в обеих лингвокультурах. Помимо этого, обнаружена совпадающая характеристика на примере фразеологизмов дихотомии "art" и "craft" – обман; в дихотомии «искусство» и «ремесло» на примере проанализированных фразеологизмов совпадающие характеристики не были выявлены.

Ключевые слова: искусство, ремесло, фразеологизм, лингвокультура, дихотомия.

Очевидно, что такие виды человеческой деятельности как искусство и ремесло связаны меж собой. В то же время, задачи искусства и ремесла несколько разнятся, их предназначение неодинаково.

В греческом языке искусство, ремесло и наука обозначались термином *techné*, однако еще философ Аристотель разграничивал понятия «искусство» и «ремесло». Так, по Аристотелю, ремесленник создает утилитарные, практические предметы по сложившейся привычке, механически, в то время как создание предметов искусства происходит бескорыстно, с помощью различных принципов и методов, ассоциаций, с пониманием сути создаваемого произведения, его высокого предназначения; Аристотель связывает искусство с удовольствием, а в ремесле, по его мнению, этот элемент отсутствует. Философу свойственна классовая идеология, поскольку он утверждает, что ремесло – удел рабов, а искусство – занятие свободных людей [6, с. 407].

Филолог А.Ф. Лосев в своих трудах отмечал, что художник может почувствовать себя уязвленным, если называть его искусство ремеслом; к нему следует обращаться как к художнику, а не ремесленнику [5].

Языковед А.А. Потебня, подобно Аристотелю, замечал, что искусство ассоциируется с удовольствием и радостью для человека, в отличие от деятельности с утилитарными целями [9, с. 199].

Таким образом, прослеживается более возвышенное отношение к искусству (как к занятию, связанному с размышлением, попытками передать новаторскими способами замыслы автора, создателя) нежели к ремеслу. Тем не менее, и в русской культуре, и в британской, издавна существуют промыслы, сочетавшие в себе одновременно создание практических предметов быта и традиции народного искусства. Так, к числу наиболее приметных русских народных промыслов относятся федоскинская миниатюра, керамика Гжели, торжокское золотое шитье, оренбургские пуховые платки и пр.; в Великобритании славились английский фаянс, чиппендейловская мебель (по имени дизайнера мебели Томаса Чиппендейла), художественная студия «Гильдия века», движение «Искусства и ремесла» и пр.

В обеих лингвокультурах на страницах художественных произведений знаменитые писатели размышляли над отличием искусства от ремесла: А.С. Пушкин «Раз-

говор книгопродавца с поэтом», П.П. Бажов «Малахитовая шкатулка», А.П. Чехов «Скучная история», Jerome K. Jerome «Three men in a boat (to say nothing of the dog)», О Henry «Masters of arts» и пр.

Поскольку фразеологизмы составляют важный пласт лексики языка, представляется актуальным изучить понятия «искусство» и «ремесло» / «art» и «craft» в русской и английской фразеологических картинах мира, выявив при этом своеобразные и сходные представления о них, т.к. во фразеологизмах находит отражение история нации, уникальность ее культуры, быта, обычаев и пр. Как справедливо утверждает В.А. Маслова, «в языке ... фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами [8, с. 87]». Фразеологизмы служат средством образности языка, они кратки, убедительны и украшают речь.

В нашей работе мы придерживаемся определения фразеологизмов, приведенного А.В. Ухтомским: «Фразеологические единицы являются ... более сложными образованиями, чем простые слова и свободные словосочетания. Фразеологизмы - это устойчивые (не переменные) сочетания слов с осложненным значением, т.е. смысл всей фразы не всегда понятен из значений ее составляющих. [10, с. 3]».

Вышеупомянутая дихотомия исследуется впервые, что составляет научную новизну исследования. В ходе исследования были применены методы: компаративный, описательный, сплошной выборки, количественных подсчетов. В качестве материала исследования нами был сформирован корпус: 128 фразеологизмов, объединенных понятиями «искусство», «ремесло», «art», «craft» и «trade», обнаруженных в 11 русских и английских фразеологических словарях и словарях идиом.

В итоге сопоставительного анализа фразеологизмов, объединенных лексемами «искусство» и «art», они были распределены по группам:

1. Искусство – художественная деятельность.
2. Искусство – умение.

Были обнаружены совпадающие характеристики фразеологизмов, объединенных понятиями «искусство» и «art», в обоих языках:

- страдания, лишения: «Искусство требует жертв» [2, с. 252], «Art demands sacrifices» [2, с. 252 - 253];
- не подвластность времени: «Искусство долговечно, а время быстротечно», «Art is long and time is fleeting» [3, с. 336];
- наличие канонов и требований: «По всем правилам искусства» [7, с. 506], «(have mastered) the art of conversation» [15, p. 136], «X turned Y into a (real) masterpiece / work of art» [15, p. 257], «X turned / transformed Y into a work of art» [15, p. 404], «painter

with the stress on "pain" [7, с. 704];

- сердечная привязанность, расположенность: «Из любви к искусству» [7, с. 345], «an artist by nature» [15, p. 180].

В обеих лингвокультурах искусство не скоропреходящее, связано с предписаниями, предрасположенностью к нему и отречением от чего-либо.

Только в русском языке отмечены фразеологизмы «искусствовед в штатском» [7, с. 270] и «искра Божья» [11]. Последний фразеологизм представляется возможным интерпретировать как то, что истинный талант дается свыше, его можно развить, но изначально это – дар Всевышнего.

Меж тем во фразеологическом фонде английского языка представлены более многочисленные характеристики явления «art»:

- ворожба: «the black art», «the Hermetic art» [15, p. 51];
- достижение совершенства: «get it down to a fine art» [15, p. 51];
- искажение, трюк, обман, многие фразеологизмы из этой группы являются жаргонными и сленговыми: «a burn-cork artist» (амер. жарг.) [15, p. 51], «paint smb. (sth) black» [15, p. 691], «give s.o. a song and dance» [7, с. 536]; «lead someone a (merry) dance» British [16, p. 9], «con artist», «flimflam artist», «off artist» [1, с. 22], «(as) artful (или crafty) as a barrel (или wagon-load) of monkeys» [4, с. 24];
- манерность, витиеватость: «arty and crafty» [15, p. 73], «arty-farty» [14, p. 191];
- скромность, скрытность: «sing low» [15, p. 691], «sing small» [15, p. 691], «behind the scenes» [15, p. 659];
- наличие людей: «make the scene», «steal the scene» [15, p. 660];
- оживление, веселье: «paint the town red» [16, с. p. 9];
- красота или ее отсутствие: «no oil painting» British informal, «be (look) a picture», «pretty as a picture» [16, p. 9].

Кроме того, было выявлено, что в некоторых фразеологизмах в английском языке жизнь метафорически сопоставляется с песней, сценой, мелодией, танцем и картиной, например: «sing a new song» [15, p. 702], «bring smb (smth) into the picture» [15, p. 14], «come (enter / step) into the picture (enter the picture)» [15, p. 576], «appear (be / come) on the scene» [15, p. 659], «quit the scene» [15, p. 660], «the same old story (song, tune) / the same old song and dance» [7, с. 180], «out of the picture», «in the picture» [16, p. 9].

Лишь в английском языке бокс (искусство самообороны) называют «the manly art» [15, p. 51]

Таким образом, в английской лингвокультуре искусство сопряжено с чарами, искажением действительности, вычурностью, зрелищностью. Искусство подразумевает совершенствование, красоту и скромность.

По результатам сопоставительного анализа фразеологизмов, объединенных лексемами «ремесло», “craft” и “trade”, мы распределили их по двум группам:

1. Ремесло – определенные навыки.
2. Ремесло – профессия.

По итогам сопоставительного анализа фразеологизмов в обоих языках, были выявлены общие характеристики рассматриваемых понятий:

- дело, профессия: «А смешивать два эти *ремесла* / Есть тьма охотников (искусников); я не из их числа» [2, с. 495]; “a real / true master of one’s *craft*” [7, с. 514], “two of a *trade*” [15, p. 776], “jack-of-all-trades” [7, с. 742].

Только в русском языке были обнаружены следующие характеристики:

- защита от невзгод: «*Ремесло* - вотчина», «С *ремеслом* не пропадешь» [12];
- наличие пропитания на каждый день: «*Ремесло* - кормилец», «Не просит *ремесло* хлеба, а само кормит», «*Ремесло* за плечами не носишь, а оно кормит», «*Ремесло* везде кормится» [12];
- осуждение воровства: «*Всякое ремесло* честно, кроме воровства», «И воровство *ремесло* (да не хлебное)», «*Вот то ремесло*, что весь дом потрясло» [12].

Итак, в русском языковом сознании ремесло ассоциируется с чувством защищенности, с наличием пропитания и осуждением хищения.

Лишь в английских фразеологизмах были выявлены следующие характеристики “craft” / “trade”:

- увертка, обман: “a *crafty* devil” [7, с. 13], “X *plies his trade* on both sides of the street” [7, с. 225];

- сложность: “X knows the tricks of the *trade*” [7, с. 222], “using / drawing upon / all the secrets / the tricks of the *trade*” [7, с. 452], “he works best who knows his *trade*” [7, с. 144], “trade secret” [13];
- трудоемкость: “X learned his *trade*” [7, с. 520], “ply your *trade*” [14, p. 20].

Интересным представляется тот факт, что только в английском языке для именованной рыбной ловли и сапожного мастерства используется фразеологизм “the gentle *craft*” [15, p. 183] с пометой в словаре для первого значения фразеологизма – шутивное, для второго – устаревшее.

Итак, в английском языковом сознании *craft* ассоциируется с изворотливостью, замысловатостью и трудоемкостью.

Далее обратимся к анализу фразеологизмов дихотомии «искусство» и «ремесло» / “art” и “craft”.

Изучение дихотомии «искусство» и «ремесло» на примере фразеологизмов в русском языке не привело к выявлению общих характеристик, что может свидетельствовать о том, что в русском языковом сознании искусства и ремесла не отождествляются.

Анализ дихотомии “art” и “craft” на примере фразеологизмов в английском языке показал, что в английском языковом сознании есть одна общая характеристика – «обман».

В заключение, можно отметить, что в русском языке ремесло имеет характеристики «защищенность», «пропитание» и «порицание кражи», в английском языке – «лукавство», «сложность» и «трудоемкость».

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь американского сленга / Под общей редакцией Е.И. Тузовского. М.: Издательство «Книжный сад», 1993. 544 с.
2. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1998. 704 с.
3. Ключкина Г.П., Ключкина-Митюк М.Ю. Пословицы и поговорки: русско-английский фразеологический словарь. М.: Билингва, 1996. 336 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1998. 1214 с.
5. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре, 2023. [Электронный ресурс] // opentextnn.ru: [сайт]. [2023]. URL: <https://opentextnn.ru/man/a-f-losev-dvenadcat-tezisev-ob-antichnoj-kulture/> (дата обращения: 27.04.2023).
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, 2000. 880 с.
7. Лубенская С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: АСТ-Пресс, 2004. 1056 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2010. 208 с.
9. Потеня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2010. 239 с.
10. Ухтомский А.В. Фразеологизмы в современной английской прессе. М.: КомКнига, 2006. 160 с.
11. Фразеологизмы, пословицы, поговорки, афоризмы, мифы народов мира, 2023. [Электронный ресурс] // fraze.ru: [сайт]. [2023]. URL: <https://fraze.ru/index.php/frazeologizm/na-bukvu-i/iskra-bozh-ya> (дата обращения: 14.08.2023).
12. Фразеологический словарь Михельсона, 2023. [Электронный ресурс] // gufo.me: [сайт]. [2023]. URL: https://gufo.me/dict/mikhelson/%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%BE_%E2%80%94%D0%B2%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 26.07.2023).
13. Электронный словарь ABBYY Lingvo 12. Английская версия. © ABBYY Software, 2006. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

14. Cambridge Idioms Dictionary / Ed. J. Siefring. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 505 p.
 15. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. M.: Russky Yazyk, 1984. с. 944 p.
 16. Oxford Dictionary of Idioms / Edited by J. Siefring. Oxford University Press, 2004. 352 p.
-

© Банькова Надежда Валерьевна (nvbankova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Бузинова Людмила Михайловна

Доктор филологических наук, доцент, Московский
международный университет
rluda@mail.ru

Крутых Надежда Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент, Российская
академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
ng.titova@mail.ru

Киреева Ирина Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент,
Московский международный университет
arina_68@bk.ru

FUNCTIONAL FEATURES OF THE TRANSLATION OF A LINGUODIDACTIC TEXT: BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

L. Buzinova

N. Krutykh

I. Kireeva

Summary: The relevance of studying the functional features of the translation of a linguodidactic text from English into Russian is increasing every year due to the preservation of international contacts in the field of science and education in general and linguodidactics in particular. In the article we turn to the problems associated with the adequate translation of linguodidactic texts from English into Russian, taking into account the equivalent selection of special vocabulary and terminology. This work represents another step in the study of the functional features of the translation of a linguodidactic text, as well as in a comprehensive study of the corresponding terminological system. The purpose of the study is to study the functional features of the translation of a linguodidactic text based on the material of English and Russian languages. The study used methods and techniques for analyzing English-language didactic reference books, contextual analysis of special lexical units, a comparative method, analysis of translation options for special lexical units, as well as our own translation and interpretation of authentic material. As a result, it was established that an adequate translation of a linguo-didactic text serves as a criterion for checking the meanings of didactic terms and the corresponding vocabulary in a special text. The results obtained can be used in courses on the theory and practice of translation, in special courses on the problems of intercultural communication, in developing recommendations for translators for their practical work.

Keywords: functional features, translation, linguodidactic text, English and Russian languages, specialized vocabulary, terminology.

Аннотация: Актуальность изучения вопросов о функциональных особенностях перевода лингводидактического текста с английского языка на русский язык обусловлена все возрастающей тенденцией к развитию международного сотрудничества в области образовательной и научной деятельности, в частности в области научно-практических исследований по лингводидактике. В статье освещаются проблема адекватности переводов лингводидактических текстов с английского на русский язык на основе эквивалентного подбора специальной лексики и терминологии. Анализ функциональных особенностей перевода лингводидактического текста в комплексном изучении соответствующей терминосистемы является еще одним шагом к решению данной проблемы. Цель исследования состоит в изучении функциональных особенностей перевода лингводидактического текста на материале английского и русского языков. В качестве методов исследования применялись методы анализа англоязычных дидактических справочников, контекстуальный анализ специальных лексических единиц, сравнительно-сопоставительный метод, анализ вариантов перевода специальных лексических единиц, а также собственный перевод и интерпретация аутентичного материала. В итоге установлено, что адекватный перевод лингводидактического текста выполняет функцию критерия проверки значений дидактических терминов и соответствующей лексики в специальном тексте. Полученные результаты могут быть использованы при разработке содержания курсов теории и практики перевода, спецкурсов по межкультурной коммуникации, в научно-практических рекомендациях для переводчиков.

Ключевые слова: функциональные особенности, перевод, лингводидактический текст, английский и русский языки, специализированная лексика, терминология.

Введение

Профессиональные требования к умению осуществлять перевод лингводидактических текстов с английского языка на русский язык на высоком уровне качества все более усложняются. Переводчик должен обладать не только высокой теоретической под-

готовкой в сфере лингвистики и переводоведения, но и иметь определенный уровень педагогических компетенций по теории и методике иноязычного обучения. Творческий характер процессуальных характеристик перевода лингводидактических текстов обусловлен, с одной стороны, необходимостью сопоставлять разные языковые системы, с другой одновременно проводить

анализ и выбор адекватного варианта перевода, наиболее точно отражающего актуальную языковую ситуацию в контексте конкретного специального текста. Определяя сущность лингводидактического текста, прежде всего, обратим внимание на то, что он представляет целостную научно структурированную общность языковых единиц. В состав лингводидактического текста входят общенаучная и отраслевая терминология, отражающая наиболее точное и содержательное изложение той или иной лингводидактической теории и практики в обучении иностранным языкам. Однако, анализ переводных лингводидактических текстов показывает, что в процессе перевода зачастую оформляется текст, который по содержанию и структуре, а также применяемым языковым средствам недостаточно полно и адекватно отражает текст оригинала, что искажает смысловую и информационную составляющие, нарушает нормы и правила, структуру и стилистику текста на языке перевода. Таким образом, существует проблема наличия неадекватности переводных лингводидактических текстов по причине недостаточного внимания переводчика к специальной лексике и терминологии в содержании текста. Это может привести к смысловым искажениям в лингводидактических текстах, к возникновению непонимания их содержания у специалистов. В этой связи, изучение функциональных особенностей перевода лингводидактического текста на материале английского и русского языков, специальной лексики и терминологии требует особого подхода при переводе.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по теме исследования

Анализ исследований, посвященных проблеме перевода англоязычных текстов в педагогике и лингводидактике, показывает недостаточную изученность вопросов, отражающих функциональные особенности перевода лингводидактического текста с английского на русский язык, что привлекает внимание научно-педагогического сообщества к дискуссиям о функциональных особенностях перевода специальных текстов. В этом плане мы руководствовались теоретическими и практическими положениями, разработанными отечественными и зарубежными учеными. Например, в работе Л.М. Бузиновой «Лексикон дидактической коммуникации рассматривается как корпус установочных положений, отражающих педагогические и предметные задачи преподавателя» [1]. Позже Л.М. Бузиновой проанализирована языковая идентичность российского и немецкого преподавателей, где отмечено, что «отличительной чертой педагогической коммуникации является стремление к поиску оптимальных языковых средств для достижения определенной цели в условиях конкретного социального взаимодействия» [2]. В диссертации Н.А. Дьяконовой представлены функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода [3]. В практической

части нашей работы были использованы данные англо-русского терминологического справочника по методике преподавания иностранных языков И.Л. Колесниковой и О.А. Долгиной [4]. Важными для нашего исследования представляются лингвистические аспекты теории перевода, рассмотренные В.Н. Комиссаровым [5]. В работе Д.И. Лебедева проанализированы проблемы адекватности перевода лингводидактических терминов на материале русского и английского языков [6]. Р.В. Патюковой разработаны функциональные основы перевода поэтического текста на материале английского и русского языков [7]. В.А. Ступин интерпретирует методологию, методику и технические исследования динамики терминологических процессов и предметных областей в рамках инфосоциолингвистики [8]. Специализированный толковый словарь авторов Jack C. Richards и Richard W. Schmidt также был использован нами для анализа терминологии англоязычного лингводидактического текста [9]. Функциональные особенности педагогической коммуникации в теории и методике преподавания иностранных языков подробно описанные в работе Joe Sheils также послужили опорой для практической части нашей статьи [10].

Изучение вышеуказанных литературных источников позволило выявить и установить функциональные особенности перевода лингводидактического текста с английского языка на русский язык; определить значение доминант текста, которые отражают ведущую функцию эквивалентности оригинального и переводного текстов; обосновать стратегии поиска и выбора наиболее адекватного варианта перевода лингводидактического текста с учетом влияющих на данные процессы лингвистических и экстралингвистических факторов.

Материалы и методы

Анализ проблемы изучения функциональных особенностей перевода лингводидактического текста на материале английского и русского языков позволил определить материалы и методы исследования. В качестве материалов исследования выступила информация англо – русских терминологических справочников и толковых словарей, научно-методические работы отечественных и зарубежных исследователей в области лингвистики, лингводидактики и педагогики. В соответствии с поставленной целью в исследовании применялись методы и приемы концептуального анализа, методы анализа справочников и словарей, контекстуальный анализ специальных лексических единиц и терминов, сравнительно-сопоставительный метод, а также собственный перевод и интерпретация материала источников, указанных в статье.

Прежде приведем ряд примеров собственного перевода англоязычных лингводидактических текстов на

русский язык, представленных в источниках настоящего исследования, где новая специальная лексика и терминология начали использоваться в современной отечественной лингводидактике сравнительно недавно.

1. *Asynchronous Instruction: Asynchronous instruction is the idea that students learn similar material at different times and locations. The term is often associated with online learning where students complete readings, assignments, or activities at their own pace and at their own chosen time. This approach is particularly useful when students are spread across different time zones or may have limited access to technology.* - Асинхронное обучение. Асинхронное обучение предполагает, что учащиеся изучают один и тот же материал в разное время и в разных локациях. Этот термин часто ассоциируется с онлайн-обучением, когда учащиеся занимаются чтением, выполняют задания или действия в своем собственном темпе и в выбранное ими время. Этот подход особенно полезен, когда учащиеся разбросаны по разным часовым поясам или могут иметь ограниченный доступ к образовательным информационным ресурсам и технологиям.

2. *Authentic Assessment: Assessments in which student learners demonstrate learning by applying their knowledge to authentic, complex, real-world tasks or simulations. Proponents of authentic assessment argue that these types of knowledge checks "help students rehearse for the complex ambiguities of the 'game' of adult and professional life".* - Аутентичная оценка: оценки, в которых учащиеся демонстрируют результаты обучения, применяя свои знания к аутентичным, сложным, реальным задачам или симуляциям. Сторонники аутентичного оценивания утверждают, что эти виды проверки знаний «помогают учащимся отрепетировать сложные действия будущей профессиональной деятельности в игре».

3. *Blended or Hybrid Course: Blended or hybrid courses are classes in which some percentage of seat time has been reduced and replaced with online content and activities. These courses continue to meet in-person for some percentage of the class time but content, activities, assessments, and other ways for students to engage with content are delivered online. It is important to note that these courses are intentionally designed to utilize both in-person and online class time to achieve effective student learning.* - Смешанный или гибридный курс. Смешанные или гибридные курсы - это «обучение, в котором некоторый процент времени, проводимого за столом, был сокращен и заменен онлайн-контентом и иными образовательными мероприятиями». Эти курсы продолжают в течение некоторого процента учебного времени, но контент, образовательные мероприятия, оценки и другие способы взаимодействия учащихся с контентом предоставляются в интернете. Важно отметить, что эти курсы намеренно разработаны таким образом, чтобы использовать время как личного, так и онлайн-класса

для достижения эффективного обучения.

4. *Bloom's Taxonomy: Bloom's Taxonomy is a cognitive framework of learning behaviors organized hierarchically in six categories: knowledge, comprehension, application, analysis, evaluation, and synthesis. Bloom's taxonomy is often used as a helpful tool to create learning objectives that help define and measure the learning experience for both student and instructor.* - Таксономия Блума: таксономия Блума представляет собой когнитивную структуру обучения, организованную иерархически в шести категориях: знание, понимание, применение, анализ, оценка и синтез. Таксономия Блума часто используется в качестве полезного инструмента для создания целей обучения, которые помогают определить и измерить учебный опыт как для обучающегося, так и для преподавателя.

5. *Cognitive Load: Cognitive load refers to the demands and limitations on working memory storage given the limited amount of information processing that can occur simultaneously in the verbal and the visual processing channels of the brain.* - Когнитивная нагрузка: когнитивная нагрузка относится к требованиям и ограничениям на хранение рабочей памяти с учетом ограниченного объема обработки информации, которая может происходить одновременно в вербальных и визуальных каналах обработки мозга.

6. *Learning Management System (LMS): a Learning Management System is a platform that enables instructors to organize and distribute course materials in a digital format. While features may vary, a typical LMS allows instructors to communicate with students, share readings, create and collect assignments, assess student work and post grades. An LMS may be used to compliment a face-to-face course or for an entirely online course. Popular platforms include Canvas, Blackboard, and Moodle.* - Система управления обучением (LMS). Система управления обучением - это платформа, которая позволяет преподавателям организовывать и распространять учебные материалы в цифровом формате. Хотя функции могут различаться, типичная LMS позволяет преподавателям общаться с обучающимися, делиться прочитанным, создавать и собирать задания, оценивать работу обучающихся и выставлять оценки. LMS может использоваться в дополнение к очному курсу или полностью онлайн-курсу. Популярные платформы включают Canvas, Blackboard и Moodle.

В результате анализа вышеуказанных аутентичных источников нами были определены функциональные особенности перевода на русский язык англоязычного лингводидактического текста следующим образом: специфические когнитивные структуры и механизмы выступают в качестве детерминирующих факторов перевода; в процессе оформления переводного лингводидактического текста для транспозиции в другой язык

необходимым является определение доминирующей функции лингводидактического текста и элементов, его репрезентирующих. Считаем, что термины, пассивные конструкции, сложноподчиненные предложения, клише, определения и обороты выступают в качестве функциональных доминант англоязычных лингводидактических текстов с доминирующей функцией описания теории и методики преподавания иностранных языков, а союзы и союзные слова, логические абзацы, имена собственные, неличные формы, средства, обеспечивающие подачу специализированной информации, средства, обеспечивающие компрессию информации, цитаты прямой речи выступают в качестве функциональных субдоминант данного типа текстов

Заключение

В результате анализа материалов на английском и русском языках выявлены и установлены функциональные особенности перевода лингводидактического текста. Лингводидактический текст функционально является посредником в процессе формирования, накопления, сохранения и передачи знания в области теории и методики преподавания иностранных языков, где за основу перевода взяты специальная лексика и терминология. Линг-

водидактический текст является носителем профессиональной памяти через содержащуюся в нем специальную информацию. Межотраслевая, узкоотраслевая лексика и терминология – это ключевые специальные маркеры, которые отражают адекватный перевод лингводидактического текста с английского языка на русский язык. Термины и специальные понятия в определениях подчиняются требованиям отраслевой точности, однозначности и краткости. В основе перевода лингводидактического текста с английского языка на русский язык лежит адекватное использование англоязычных терминов, учитывающих специфику морфологии, грамматики и стилистики русского языка, а также смысловую интерпретацию содержания профессионального текста. В рамках лингводидактического текста специальные лексические единицы и термины также взаимодействуют с заимствованными терминами, отражающими понятия, которые частично признаны в системе понятий современной отечественной лингводидактики, но не закреплены в ней. Определение в языке перевода эквивалента для специальной лексической единицы или термина языка оригинала выступает оптимальным средством перевода лингводидактического текста с английского языка на русский язык. Функциональные особенности перевода лингводидактического текста нуждаются в постоянной верификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузинова, Л.М. Фразеологические особенности французской педагогической коммуникации /Л.М. Бузинова// Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2018. – № 4(32). – С.78– 85. -DOI 10/25688/2076-913X.2018.32.4.10. – EDN YWLTMD.
2. Бузинова, Л.М. Языковая идентичность: российский и немецкий преподаватель/Л.М. Бузинова. – Москва: ООО Издательство «Спутник +», 2020. – 223 с. – ISBN 978-5-9973-5585-2. – EDN LTDWAW.
3. Дьяконова, Н.А. Функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дис. на соискание ученой степени канд. филолог. наук /Н.А. Дьяконова. – Москва, 2004. - 185 с.
4. Колесникова, И.Л., Долгина, О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – М.: Дрофа, 2008. – 431 с.
5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Издательство «Высшая школа», 1990. – 253 с.
6. Лебедев, Д.И. Проблемы адекватности перевода лингводидактических терминов на материале русского и английского языков: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дис. на соискание ученой степени канд. филолог. наук /Д.И. Лебедев. – Москва, 2005. – 109 с.
7. Патюкова, Р.В. Функциональные основы перевода поэтического текста: на материале английского и русского языков: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дис. на соискание ученой степени канд. филолог. наук /Р.В. Патюкова. – Краснодар, 1999. – 149 с.
8. Ступин, В.А. Инфосоциоллингвистика. Методология, методика и технические исследования динамики терминологических процессов и предметных областей: учебно-методическое пособие для аспирантов / В.А. Ступин. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000. – 185 с.
9. Jack C. Richards, Richard W. Schmidt. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics/Jack C. Richards, Richard W. Schmidt. – Published by Routledge, 2010. – 656 p.
10. Sheils, Joe. Communication in the Modern Languages Classroom /Joe Sheils // Council of Europe, Council for Cultural Co-operation, 1988. – 309 p.

© Бузинова Людмила Михайловна (rluda@mail.ru), Крутых Надежда Георгиевна (ng.titova@mail.ru), Киреева Ирина Анатольевна (arina_68@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПРИЯТИЕ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА ФОНЕТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Веселова Марина Владиславовна,

Аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский
государственный электротехнический университет
"ЛЭТИ" им. В.И. Ульянова (Ленина)
mveselove@yandex.ru

PERCEPTION OF RUSSIAN SPEAKERS OF PHONETICALLY MOTIVATED UNITS OF ENGLISH LITERARY DISCOURSE: EXPERIMENTAL DATA

M. Veselova

Summary: In connection with the development of the anthropocentric scientific paradigm, the experimental method of research is gaining popularity and relevance in linguistics. This experiment is a continuation of a large-scale research work on the study of verbs of motion in the English language and is devoted to the peculiarities of the perception of sound-visual units of a foreign language. The basis for the experiment was a questionnaire for native Russian speakers who do not speak English, or who speak it at a minimum level. During the study, a group of respondents (111 people) were offered 20 contextual word usages of phonetically motivated verbs of motion in Russian. The total number of answers was 2220. During the survey, the participants were asked to choose one of two foreign words that best matches the sound of the selected Russian word. The conducted perceptual experiment confirms the proposition about the existence of a stable, primarily motivated correlation between the signifier and the signified. Russian-speaking respondents, when choosing a verb out of 15 word usages in which only one verb is sound-figurative, with great confidence (in some cases more than 80% of respondents) chose 10 sound-figurative verbs of motion.

Keywords: experiment, phonosemantics, verbs of motion, iconicity, onomatopoeia, sound symbolism.

Аннотация: В связи с развитием антропоцентрической научной парадигмы, растущую популярность и актуальность в лингвистике приобретает экспериментальный метод исследования. Настоящий эксперимент является продолжением масштабной исследовательской работы по изучению глаголов движения английского языка и посвящен особенностям восприятия звуко-изобразительных единиц иностранного языка. Основой для эксперимента послужила анкета-опросник для носителей русского языка, не владеющих английским, либо владеющих им на минимальном уровне. В ходе исследования группе респондентов (111 человек) были предложены 20 контекстуальных словоупотреблений фонетически мотивированных глаголов движения на русском языке. Общее число ответов составило 2220. При прохождении опроса, участникам было предложено выбрать одно из двух иностранных слов, которое наилучшим образом соответствует по звучанию выделенному русскому слову. Проведенный перцептивный эксперимент подтверждает положение о существовании устойчивой примарно мотивированной корреляции между обозначающим и обозначаемым. Русскоязычные респонденты при выборе глагола из 15 словоупотреблений, в которых звукоизобразительным является только один глагол, с большой уверенностью (в некоторых случаях более 80 % респондентов) выбрали 10 звукоизобразительных глаголов движения.

Ключевые слова: эксперимент, фоносемантика, глаголы движения, иконичность, звукоподражание, звуковой символизм.

Введение

История проведения перцептивных экспериментов в области фоносемантики насчитывает около 100 лет [1, с. 26].

Ранние фоносемантические экспериментальные исследования смешивали язык и неязыковую среду. Эксперименты, являясь эмпирической базой научной теории [2, с. 191], проводились с разными целями, на разном материале и только незначительное их количество осуществлялось для изучения восприятия и оценки языковых единиц в контекстуальном употреблении. Тезисом о единстве теоретического и эмпирического уровней познания является философская основа применения экспериментальных методов в лингвистике [3, с. 415]. Методы исследований варьировались, включая в себя не

только простое сопоставление или перевод, но и строго стандартизированные численные методы [4, с. 83]. Использовались разные типы материала: отдельные звуки речи, графемы [5, с. 51], псевдослова [6, с. 72], [7, с. 36], неязыковые вокализации [8, с. 4] и лексика существующих естественных языков [9, с. 118]. Участникам эксперимента предлагалось изобразить смысл с помощью картинок, цветов, абстрактных фигур, описаний и слов на родном или иностранном для испытуемых языке. Как правило ни один из этих факторов не является обычным явлением в естественном для людей языковом общении.

Следует отметить внушительное количество современных работ отечественных лингвистов, посвященных проблематике содержательности фонетических средств языка в целом (Е.И. Беседина, А.П. Журавлев, Н.Н. Ноланд, М.А. Флакман, Е.А. Шамина и др.), и, в частности,

экспериментальных работ по фоносемантике (О.Д. Кулешова, И.И. Валуццева, Ю.А. Сорокин, А.Н. Морозова, Т.О. Пахомова, С.С. Шляхова и др.). Среди зарубежных научных исследователей обращают на себя внимание участники совместного проекта университетов Амстердама и Цюриха “Iconicity Research Project”. Кроме того, регулярно проходят конференции, посвящённые вопросам языкового иконизма (International Symposiums on Iconicity in Language and Literature).

Методология и источники (Methodology and sources)

В рамках настоящего исследования был осуществлен перцептивный эксперимент, заключавшийся в проведении опроса носителей русского языка, не владеющих английским, либо владеющих им в минимальной степени. Целью данного лингвистического эксперимента было изучение роли звукоизобразительной лексики при восприятии незнакомого языка. Научная новизна исследования обусловлена как способами подачи материала к рассмотрению, так и отобраным материалом. Настоящий эксперимент составляет прямое продолжение масштабного исследования посвященного изучению английских глаголов движения. В ходе исследования из 12 источников современной англоязычной литературы, был отобран корпус глаголов движения в количестве 546 единиц (количество проанализированных словоупотреблений составляет 2273 единицы), а также контекстуальный перевод данных глаголов на русский язык. Из полученного корпуса, для проведения эксперимента отобрано 20 примеров на английском языке, а также их перевод на русский язык.

При проведении перцептивных фоносемантических экспериментов респондентам как правило предъявляются отдельные слова. В настоящем исследовании было принято решение использовать контекстные словоупотребления по следующим причинам:

1. По данным исследователей, наиболее естественной средой для экспериментальных фоносемантических исследований является минимальный текст на родном языке респондентов с использованием реальной (родной или иностранной) лексики в ее звуковой форме. Данные полученные в результате эксперимента, проведенного подобным образом в 2019 году, однозначно указывают на когнитивный потенциал иконической лексики, а форма проведения эксперимента помогает избежать влияния визуальных и нелингвистических акустических факторов на результат. Это делает выявленные таким образом доказательства непроизвольных связей между звуковой формой и значением языковых единиц более достоверными с лингвистической точки зрения [10, с. 194].

2. Синонимия и многозначность слова. Каждое слово имеет разные оттенки смыслов, характерных для конкретного языка, следовательно, для правильного восприятия точного значения предлагаемого респондентам глагола движения, необходимо представить к рассмотрению контекст на родном языке.
3. Для адекватного и полноценного перевода важно учитывать контекстуальное окружение лексической единицы. Основной задачей перевода является передача средствами переводящего языка общего смысла высказывания и всего текста, воссоздание цельного образа, а никак не перевод отдельного слова. По мнению исследователей, единицей перевода следует считать словосочетание, предложение и даже полный текст, но никак не отдельное слово [11, с. 29], [12]. При этом комплексное решение переводческих задач и установление более ясных правил и закономерностей в переводе обусловлены характером текста [12, с. 155].

Исходя из вышесказанного, оптимальным размером предъявляемого участникам эксперимента контекста, удобным для прочтения с одной стороны и, передающим семантику глагола движения с другой, представляется предложение. При этом некоторые отобранные из оригинальных текстов предложения были слишком длинными, для удобства восприятия опрашиваемых было принято решение об их сокращении. Например, (1) «I’m just writing down Sacrum Asset Management Pension Fund Launch in capitals at the top of the page, when a middle-aged man I’ve never seen before plonks himself down next to me» было сокращено до «A man plonks himself down next to me». Следует отметить, однако, что указанное сокращение не повлияло на общий смысл фрагмента и определения семантики глагола движения *to plonk*.

Для эксперимента были отобраны звукоизобразительные единицы разных фоносемантических классов. Так, глаголы движения звуковые символизмы представлены интракинесемизмами, описывающими движения, которые сопровождают происходящие внутри тела процессы: глотание, жевание, урчание. Например, глагол *to jab*, обозначающий краткое движение, глагол *to lug* передающий долгое движение, глагол *to sneak* – плавное движение, глагол *to mesh* – сжатие. Результатом следует считать отбор представительной выборки глаголов, передающих разные виды движения.

Выделен также широкий спектр звукоподражательных единиц. Ономатопия в эксперименте представлена звукоподражательными по происхождению глаголами движения, такими как: инстанты *to plonk*, *to padlle*, фреквентативы *to scribble*, *to scrabble*, континуанты *to zoom*, *to whizz* и др.

К отобраным таким образом фонетически мотивированным английским глаголам движения были подо-

браны их незвукоизобразительные синонимы, а в некоторых случаях звукоизобразительные, но относящиеся к другим фоносемантическим классам слова. Например, к глаголу *plonk* из оригинального словоупотребления: (2) «A man plonks himself down next to me» был подобран синоним *sit*.

Описание эксперимента

Опрос респондентов производился на платформе Google Forms, где для целей эксперимента была составлена анкета на русском языке, в дальнейшем предложенная для заполнения его участникам.

В первой части опросника содержались вопросы о личных характеристиках респондентов таких как пол, возраст, родной язык, уровень владения английским языком, владение иностранными языками. В эксперименте приняли участие 111 носителей русского языка. Ответы участников на вопросы о персональных данных сформированы в таблице, при этом каждому участнику присвоен порядковый номер.

После заполнения опросной части, касающейся персональных данных, аудиторам было предложено:

1. прочитать предложение.
2. прослушать запись 2х иностранных слов.
3. выбрать то, которое больше подходит по звучанию вместо выделенного крупным шрифтом слова.
4. отметить номер соответствующего звучания.

К анализу предложены контекстуальные употребления глаголов движения в виде текста и аудиозапись двух английских слов. Для выбора было предложено звукоизобразительное слово, его фоносемантически нейтраль-

ный синоним (или слово из другого фоносемантического класса), вариант ответа «не знаю», а также предоставлена возможность высказать собственные соображения.

Пример вопроса:

1) Я ТОПТАЛАСЬ на месте без цели.

Предлагаемые в аудиозаписи слова для перевода:
paddle, walk

Варианты ответа для выбора, по принципу «1 из списка»:

- o Вариант 1
- o Вариант 2
- o Затрудняюсь ответить
- o Другое: _____

Для получения наиболее точных ответов и во избежание выработки алгоритма при ответе на вопросы, предложенные варианты 1 и 2 (звукоизобразительное и незвукоизобразительное слова в анкетах были расположены в случайном порядке. Для определения результатов эксперимента была составлена таблица, в которой зафиксированы ответы на вопросы участников.

Результаты и обсуждение

Анализ полученных после завершения опросной части эксперимента результатов в значительной мере подтвердил наличие устойчивой связи между обозначающим и обозначаемым. Для каждого респондента был рассчитан процент выбора звукоизобразительных глаголов в парах, где звукоизобразительным является только один глагол, по формуле:

выбор ЗИ глаголов / общее кол-во ответов в парах, где звукоизобразительным является только один глагол, $\times 100$.

Таблица 1.

Выбор звукоизобразительных английских глаголов русскоязычными мужчинами и женщинами (процент от общего числа ответов).

Пол	Кол-во (чел.)	Среднее	Стд. отклонение
Женщины	68	68,98%	20,53%
Мужчины	43	72,59%	14,56%

Статистически значимых отличий между мужчинами и женщинами в частоте выбора звукоизобразительных глаголов не выявлено (критерий Т-Стьюдента: $t=-1,004$; ст.св.=109; $p=0,318$).

Таблица 2.

Выбор звукоизобразительных английских глаголов русскоязычными людьми разных возрастных групп (процент от общего числа ответов).

Возраст	Кол-во (чел.)	Среднее	Стд. отклонение
До 20 лет	21	72,18%	14,29%
20-40 лет	32	71,37%	18,66%
40-60 лет	30	67,73%	20,68%
Более 60 лет	28	70,72%	19,13%

Статистически значимых отличий между людьми разных возрастных групп в частоте выбора звукоизобразительных глаголов не выявлено (ANOVA; $F=0,302$; $p=0,824$).

Далее было проведено сравнение средних значений между:

- мужчинами и женщинами;
- людьми разных возрастных групп;

— людьми с разным уровнем владения английским языком. (Таб. 1.)

Как видно из таблицы 4, статистически значимые отли-

Таблица 3.

Выбор звукоизобразительных английских глаголов русскоязычными людьми с разным уровнем владения английским языком (процент от общего числа ответов).

Владение английским языком	Кол-во человек	Среднее	Стд. отклонение
Не владеем	36	66,13%	15,65%
Начинающие	41	65,04%	19,16%
Продолжающие	20	77,57%	16,86%
Свободно владеющие	14	86,63%	13,22%

Выявлены статистически значимые отличия между группами (ANOVA; $F=7,555$; $p=0,001$). В связи с тем, что были выявлены отличия между группами, было проведено дополнительное попарное сравнение.

Таблица 4.

Попарное сравнение частоты выбора звукоизобразительных глаголов группами русскоязычных респондентов с разным уровнем владения английским языком (Т Стьюдента).

Сравниваемые группы	Межгрупповая разность	t	Ст. св.	Стат. знач. отл. (p)
Не владеют/ Начинающие	-1,09%	0,270	75	0,788
Начинающие/ Продолжающие	+12,53%	-2,490	59	0,016
Продолжающие/Свободно владеющие	+9,06%	-1,680	32	0,103

Таблица 5.

Частота выбора звукоизобразительных и не звукоизобразительных английских глаголов носителями русского языка.

Предложение	Вариант перевода	Количество человек	%	Статистически значимые отличия
1	Paddle	59	89,39%	0,001
	Walk	7	10,61%	
2	Sneak	35	47,95%	0,815
	Hang Around	38	52,05%	
3	Drop	61	82,43%	0,001
	Put	13	17,57%	
4	Pounce	46	67,65%	0,005
	Intercept	22	32,35%	
5	Sweep	18	25,35%	0,001
	Move	53	74,65%	
6	Scrabble	64	84,21%	0,001
	Seize	12	15,79%	
7	Plonk	13	17,11%	0,001
	Seat	63	82,89%	
9	Sidle	30	49,18%	1,000
	Edge	31	50,82%	
11	Whizz	15	23,08%	0,001
	Careen	50	76,92%	
13	Swoop	50	71,43%	0,001
	Dive	20	28,57%	

Предложение	Вариант перевода	Количество человек	%	Статистически значимые отличия
16	Slip	47	62,67%	0,037
	Get Away	28	37,33%	
17	Lug	51	72,86%	0,001
	Carry	19	27,14%	
18	Skip	62	86,11%	0,001
	Move	10	13,89%	
19	Mesh	49	68,06%	0,003
	Interlock	23	31,94%	
20	Prance	52	80,00%	0,001
	Caper	13	20,00%	

чия выявлены между группами, владеющих английским языком на уровне начинающих и на уровне продолжающих. Можно предположить, что звукоизобразительные глаголы входят в словарный запас респондентов, когда они достигают уровня продолжающих, и угадывание значения слов на основании их фоносемантических характеристик сменяется выбором по семантическому значению. В связи с этим было принято решение исключить из дальнейшего анализа ответы респондентов, владеющих английским языком на уровне продолжающих и выше, для сохранения чистоты исследования.

В таблице 5 представлена информация о частоте выбора звукоизобразительных и незвукоизобразительных английских глаголов носителями русского языка, не владеющих английским или владеющих языком на уровне «начинающий». Первым в каждой паре представлен примарно мотивированный глагол из оригинального контекста (выделен полужирным курсивом). Для каждой пары проводилось сравнение распределения с равномерным с использованием биномиального критерия. Статистическая значимость отличия полученного в эксперименте распределения от равномерного также представлена в таблице. (Таб. 5.)

Как видно из таблицы 5, статистически значимые отличия получены во всех парах, кроме пар *sneak/hang around* и *sidle/edge*. Для этих пар статистически значимые отличия в распределении не выявлены, а распределение близко к равномерному. Существует вероятность того, что для людей, не владеющих английским языком, не звукоизобразительный глагол *hang around* является сложным для восприятия, поэтому респонденты не видят разницы между этим глаголом-синонимом и фонетически мотивированным *sneak*, отобранным из оригинального контекста. В паре глаголов *sidle/edge* в каждом из глаголов существует звуковая симилиация с русским словом *иду*, подходящем к предложенному контексту по смыслу, возможно по этой причине мнения разделились.

В парах *sweep/move*, *plonk/seat*, *whizz/careen* респон-

денты статистически значимо чаще предпочитали незвукоизобразительный глагол звукоизобразительному.

Несмотря на то, что для участия в эксперименте были отобраны респонденты, не владеющие английским языком, благодаря глобализации и средствам массовой коммуникации (телевидение, радио, интернет) большинству людей так или иначе может быть знаком незвукоизобразительный глагол *move*. Возможно, этим обоснован выбор данного глагола, а не звукоимитивизма *sweep*.

По всей вероятности, выбор незвукоизобразительного *seat* может быть обоснован звуковым обликом русского слова *сидеть*. Обратимся к его этимологии. В старославянском слово восходит к общеславянскому *sedeti* и далее — к индоевропейской основе *sed-* (сидеть, сесть) [13]. По предложенному к анализу смысловому контексту подходит слово *сесть*, вероятно поэтому испытуемые предпочитали не звукоизобразительный *seat*.

Глагол *careen* /kəˈriːn/ включает в себя напряженный /i:/, что возможно ассоциируется с продолжительностью действия *едем* в паре *whizz/careen*, где инстант *whizz* в оригинальном контексте подчеркивает высокую скорость езды. В процессе перевода скорости утрачено.

В 10 парах из изученных 15 респонденты статистически значимо чаще предпочли звукоизобразительный глагол незвукоизобразительному.

В таблице 6 представлена информация о частоте выбора английских глаголов носителями русского языка, не владеющих английским или владеющих языком на уровне «начинающий», в тех парах, где оба глагола являются звукоизобразительными. Первым в каждой паре представлен примарно мотивированный глагол из оригинального контекста (выделен полужирным курсивом). Для каждой пары проводилось сравнение распределения с равномерным с использованием биномиального критерия. Статистическая значимость отличия полученного в эксперименте распределения от равномерного

Таблица 6.

Частота выбора английских глаголов носителями русского языка в парах, где оба глагола являются звукоизобразительными.

Предложение	Вариант перевода	Количество человек	%	Статистически значимые отличия
8	Whistle	30	42,86%	0,282
	Zoom	40	57,14%	
10	Slide	37	52,86%	0,720
	Creep	33	47,14%	
12	Jab	33	45,21%	0,483
	Press	40	54,79%	
14	Scribble	52	70,27%	0,001
	Write	22	29,73%	
15	Gobble	26	39,39%	0,109
	Swallow	40	60,61%	

также представлена в таблице. (Таб. 6.)

Как видно из таблицы 6, распределение ответов статистически значимо отличается от равномерного только в одной паре – *scribble/write* (70,3% респондентов выбрало глагол *scribble*). Вероятно, это обосновано на яркости звучания самого глагола *scribble*, а также тем что оно напоминает предложенный русский глагол *корябает*. В остальных четырех парах распределение ответов близко к равномерному.

Заключение (Conclusion)

В ходе эксперимента не было выявлено статистически значимых отличий восприятия иноязычных иконических единиц людьми разных возрастных групп и пола. Кроме того, были выявлены статистически значимые различия в частоте выбора звукоизобразительных и незвукоизобразительных английских глаголов движения носителями русского языка, не владеющих английским или владеющих языком на уровне «начинающий»

для 10 словоупотреблений из 15. Для пар *sneak/hang around* и *side/edge* статистически значимые отличия в распределении не выявлены, а распределение близко к равномерному. Возможные причины этого – звуковая симилиция *side* с русским глаголом *иду*, звуковой облик примарно не мотивированного *hang around*. В парах *sweep/move*, *plonk/seat*, *whizz/careen* респонденты статистически значимо чаще предпочитали примарно не мотивированный глагол звукоизобразительному. При этом незвукоизобразительные глаголы отличаются высокой частотностью употребления, встречаются в современных песнях, рекламе и их знают даже люди, никогда не изучавшие английский язык.

В четырех из 5 словоупотреблений, где оба предложенные глагола были звукоизобразительными, распределение ответов близко к равномерному. В одной паре (*scribble/write*) 70,3% респондентов выбрало глагол *scribble*, что, по всей вероятности, определяется тем, что оно напоминает по звучанию предложенный русский глагол *корябает*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Köhler, W. Gestalt Psychology. New York: Liveright. – 1929. – Текст: непосредственный.
2. Шахнарович, А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования. Текст: Электронный // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 191-195 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18893647> (дата обращения 05.08.2023). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
3. Черноусова, А.С. Лингвистический эксперимент: изучение процесса запоминания. Текст : Электронный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – 2008. – С. 415-419. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-eksperiment-izuchenie-protsessazapominaniya/viewer> (дата обращения 20.06.2023).
4. Osgood, C.S. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press. – 1967. – Текст: непосредственный.
5. Журавлев А.П. Фонетическое значение. — Л.: Изд-во Ленинградского унта, 1974. – 160 с. – Текст: непосредственный.
6. Köhler, W. Gestalt Psychology. New York: Liveright. 1929. – Текст: непосредственный.
7. Горелов, И. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе // Избранные труды по психолингвистике. – М: Лабиринт, 2003. – С 15-140. – Текст: непосредственный.

8. Perlman, M. L. People can create iconic vocalizations to communicate various meanings to native listners. В Scientific Reports 8 (1), 2634. 2018. – Текст: непосредственный.
9. Osgood, C. S. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press. 1967. – Текст: непосредственный.
10. Shamina, E. The Natural Environment for the Experimental Study of Phonosemantics. Proceedings of the 10th International Conference of Experimental Linguistics. Lisbon, Portugal. October 2019. P.193 - 196 – Текст: непосредственный.
11. Рецкер, Я. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Валент, 2007. – Текст: непосредственный.
12. Федоров, А. Основы общей теории перевода. М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – Текст: непосредственный.
13. Семенов, А.В. Этимологический онлайн словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения 10.02.2023). Текст: электронный.

© Веселова Марина Владиславовна (mveselove@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
“ЛЭТИ” им. В.И. Ульянова (Ленина)

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ФОЛЬКЛОРЕ БАШКИР САЛАВАТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Гайсина Фанира Фасхетдиновна

К.ф.н., н.с., Уфимский исследовательский центр
Российской академии наук
gais73@mail.ru

SOME INFORMATION ABOUT THE BASHKIR FOLKLORE, SALAVATSKY DISTRICT, THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Ph. Gaisina

Summary: In the article gives a brief overview of the historiography of the study of folklore Bashkir Salavatsky district, Bashkortostan. Tells about the perfect expeditions of genres common to the area. Specifics of hospitality in local customs and rituals. Work is ethnographers, historians, folklorists.

Keywords: Salavatsky district, the Bashkir folklore, genres, legends, stories.

Аннотация: В статье дается краткий обзор, историография изучения фольклора башкир Салаватского района РБ. Рассказывается о совершенных экспедициях, о жанрах распространенных в данной территории. Выделяются особенности гостеприимства в местных обычаях и обрядах. Работа предназначена этнографам, краеведам, фольклористам.

Ключевые слова: Салаватский район, башкирский фольклор, жанры, легенды, предания.

В последние годы фольклористы уделяют особое внимание к изучению регионального фольклора, т.к. в таком рассмотрении хорошо видно особенности и отличия, степень распространения жанров и отдельных текстов.

На территории Салаватского района живут башкиры мурзаларского, тырнаклинского, каратавлинского, шайтан-кудеевского рода племени Айле. Так же живут тубалыцы, которые относятся к табынскому племени.

Одним из первых фольклористов, собиравших фольклорные материалы в Салаватском р-не был Г.Вильданов (уроженец д.Таймеево), который еще в 1923 г. напечатал статью в журнале "Яңы юл" ("Новая дорога") о свадебном обряде башкир, живущих вдоль реки Ая и Юрузани [1, с.32-33].

В 1940-1949 гг. на территории Салаватского р-на собирал сказки, легенды и песни о Салавате Юлаеве журналист Г.Н.Умеркаев (родом из Нуримановского р-на).

В середине и конце прошлого века, отделом фольклористики и искусства ИИЯЛ БФАН СССР было организованы в Салаватский р-н несколько экспедиций по сбору фольклорных материалов. В 1966, 1970, 1982 гг. – под рук. Н.Д. Шункарова; в 1977 г. – под рук. Ф.А. Надршиной, где участвовали Р.С. Сулейманов, Л.Яхина. В экспедиции 1982 г. участвовали Р.С. Сулейманов, Б.С. Баимов, Р.А. Султангареева.

Были так же индивидуальные командировочные вы-

езды: в 1981 г. ездили Б.С. Баимов и Н.Д. Шункаров, в 1986 г. – Р.С. Сулейманов, который записал много песен и опубликовал их в своих книгах [18]. В 1994 г. – побывала Р.А. Султангареева. В 1998, 1999 (2 раза), 2010 гг. были научные командировки Ф.Ф. Гайсиной. Записанные ими материалы хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН и опубликованы в своде "Башкорт халык ижады" ("Башкирское народное творчество").

В июне и сентябре 2018 г. были организованы 2 фольклорные экспедиции под рук. Р.А. Султангареевой, в котором участвовали: Г.Р. Хусаинова (зав.отделом), Ф.Ф. Гайсина, Р.Р. Зинурова, Л.К. Ишкильдина, А.М. Хакимянова, Г.В. Юлдыбаева. Собранные ими материалы были опубликованы в 2022 г., в 2-х томах [19].

О фольклоре башкир Салаватского района вышли статьи Ф.Ф. Гайсиной [9, с.73-76; 12, с.61-64], Г.В. Юлдыбаевой [20, с.439-443]. Так же, стоит отметить труды местных краеведов-фольклористов: Т. Загидуллина, З. Гарифуллиной, И. Мигранова, статьи которых постоянно печатались в районной газете "Ленин байрагы" ("Ленинское знамя"), "Йүрүзән" ("Юрюзань"). З.Гарифуллина опубликовала книгу "Йүрүзән буйы ынйылары" ("Жемчужины долин Юрюзани") [13].

На территории района издавна проводились различные обряды, обычаи. Из календарно-обрядового фольклора из весеннего цикла: "Карзатуй" ("Грачиная свадьба) или "Карза буткаһы" ("Грачиная каша"), "Кәкүк сәйе" ("Кукушкин чай"); из летнего цикла: "Ирзәр йыйыны" ("Собрание мужчин"), "Һабантуй" ("Сабантуй"), "Ямгыр

теләү" ("Обряд вызывания дождя"), "Йыйын" ("Жиен", т.е. собрание, съезд), "Майзан" ("Майдан"); из осеннего цикла: "Каз өмәһе" (т.е. коллективная помощь по оципыванию зарезанных осенью гусей), "Һуҙым ашына сакырыу" (т.е. приглашение гостей после забоя скота).

Из религиозных обрядов, праздников отмечают: "Ураза байрам" ("Праздник поста"), "Курбан байрам" ("Праздник жертвоприношения"). Наиболее распространены обычаи "Аят укытыу" (букв. "Чтение аята"), "Көрһән укытыу" ("Чтение Корана"), куда приглашают много гостей и читают молитвы дому, усопшим. Так же, проводят "Йома сәйнә сакырыу" ("Пятничное чаепитие"), где участвуют в основном только женщины, приглашают бабушек, в завершении чаепития читают молитвы.

В поминально-погребальном обряде справляют 3, 7, 40 дней и годовщину усопшему. Сам погребальный обряд полностью проходит по исламским канонам.

Раньше из **бытовых обычаев** был сохранен "Кис ултырыу" ("Вечерние посиделки"), где женщины по вечерам собирались в один дом со своими рукоделиями: вязали носки, перчатки, шали и т.п., затем пили чай, пели песни и вели беседы.

В деревнях молодежь проводили "Аулак өй" ("Посиделки в безлюдном (уединенном) доме", по другому "Аулак өйгә йөрөү" (букв. "Хождение в уединенный дом"), т.е. собирались в пустых домах, когда хозяева уезжали в гости), где знакомились, готовили еду, играли, пели и танцевали.

Из семейно-бытовых обычаев широко распространены "Йыйын туйы" (т.е. "Собранная "свадьба"), где несколько семей приглашают по очереди друг-друга в гости, которые так же сопровождаются песнями и плясками.

Особенно видно гостеприимство башкир в обычаях "Жунак күреү" (букв. "Увидеть гостя"), куда приглашают гостя, который приехал в деревню (к родственнику или к соседу) из далека. Так же, существует обычай "Әйтеп алыу" (букв. "Приглашение"), другое название "Ашка әйтеү" (букв. "Приглашение на суп"), который проводится в любое время, куда в знак уважения приглашаются соседи и друзья. Один из вариантов этого обычая называется "Сәйгә әйтеү" ("Приглашение на чай"), куда приглашается малое количество гостей (1-3 человека, или чуть больше).

В свадебном обряде в первую очередь проводится "Никах" (по другому "Ижаб", бракосочетание по исламу) и свадьба, которые сопровождаются многочисленными обычаями, поверьями, приметами, играми, песнями и плясками.

По случаю рождения ребенка проводят обряд "Исем кушыу" ("Имянаречение"), где ребенку дается имя по

исламским обычаям. Пришедшие в гости должны обязательно принести ребенку подарок, нельзя приходить с пустыми руками.

Из эпического наследия данного региона сохранились кубаиры "Салават батыр" [1, с.124], "Юлай и Салават" [1, с.254-288], "Баик Айдар сәсэн" [1, с. 289-299], которые были записаны М.Бурангуловым от Габита Аргынбаева. Так же, существует версия, предположение, что эпос "Урал-батыр", "Акбузат" Ишмухамет Мырзакаев (наставник Габита Аргынбаева, который в последствии рассказал тексты эпоса М. Бурангулову) выучил от Баик Айдара, т.к. он сказал, что весь свой репертуар выучил от Баик Айдара сәсэн [6, с.363], такое возможно, т.к. тексты эпосов является сакральным и передавались из уст в уста только избранным. Доказательством к вышесказанным является то, что в содержании текстов много слов северо-восточных башкир Айлинского говора. Об этом упомянул в своей статье Ф.Б.Саньяров, сделав лингвистическое исследование тексту эпоса "Урал-батыр" [17, с.70-71].

В Салаватском р-не записаны **дастаны**: "Янтаһир менән Янзәһрә" ("Янтахир и Янзухра"), "Сәйфелмөлөк" ("Сайфелмулюк"), "Таһир менән Зәһрә" ("Тахир и Зухра"). **Из сказок** о животных: "Төлкө менән һайысқан" ("Лиса и сорока"), "Дәрүиш" ("Дервиш"); из волшебных сказок: "Батша улы" ("Царевич"), "Тере мәйт" ("Живой труп"), "Алтын һука" ("Золотой плуг"), "Колтан таз" ("Плешистый Колтан"), "Хәйләкәр таз" ("Хитрый плешистый"), "Ата васыяты" ("Заповедь отца"), "Фәйшәкәй" ("Гайша"); из богатырских сказок: "Урмантау" ("Урмантау"), "Харис менән Хапис" ("Харис и Хапис"), "Биш яҙмыш" ("Пять судеб"), "Батыр кыз" ("Храбрая девушка"); из бытовых сказок: "Мулла менән саузәгәр кызы Көнһылыу" ("Мулла и дочка торговца Кунсылу"), "Алдар" ("Алдар"), "Белемле Тыз-биз" ("Знающий Тыз-Биз"), "Васыят" ("Завещание"), "Кыз сере" (Секрет девушки), "Акыллы катын" ("Умная женщина"), "Ел-ел арбам" ("Едь-едь, моя тележка"), "Етем кыз" ("Сирота"), "Кулен" ("Невеста"), "Балалар менән бүре" ("Дети и волк") и др. Из которых 7 сказок было записано нами во время командировок по сбору фольклора в 1999 г.

Как видно по содержанию, сказки "Урмантау" и "Дүрмән" ("Дурмен") возникли именно на данном районе, т.к. в них указаны названия местности, отражена история возникновения деревень Алькино и Шаганаево.

Сказки "Шалтыр-шолтор һәйәк" ("Кости шалтор-шолтор"), "Ат караусы егет менән батша кызы" ("Конюх и царевна") имеют похожие мотивы с эпосами "Акбузат" и "Заятуляк и Хыуыхылу". Остальные сказки имеют общие мотивы, сюжеты с восточными и азиатскими сказками. Существование речитатива в содержание многих сказок говорит об их древности.

Салаватский р-н славится множеством **историче-**

ских, топонимических легенд и преданий. Из исторических преданий о возникновении родов и деревень распространены: “*Әйле ырыуы кайзан барлыкка килгән?*” (“Откуда произошел род Айле?”), “*Әйтеләр, Мырзалар, Тырнаклылар*” (“Айлинцы, Мурзаларцы, Тырнаклинцы”), “*Әй һәм Йүрүзән буйы башкорттарының шәжәрәләре*” (“Шәжәрә башкир долин Ая и Юрюзани”), “*Тырнаклы ырыуы*” (“Род тырнаклинцев”), “*Түбәләс ырыуы*” (“Род тюбялясцев”), “*Шайтан ырыуы*” (“Род шайтанцев”), “*Шайтан ауылдарының барлыкка килеүе*” (“Возникновение деревень рода шайтан”) и др.

В начале XXI века проводилось много научных конференций и было напечатано много книг и о легендарном герое района Салавате Юлаеве. Наиболее важными из них являются книги “Салават Юлаев: Энциклопедия” [15], “Салават в памяти народной” [16], куда вошли фольклорные материалы, записанные и в Салаватском р-не РБ.

Отрадно то, что легенды и предания о Салавате Юлаеве сохранились до сих пор, с 1998-2018 гг. автором этих строк было записано более 50 преданий: “*Юлайзың Салауаттың көсөнә һокланыуы*” (“Как Юлай восхищался силой Салавата”), “*Салауаттың киәфәте*” (“Внешность Салавата”), “*Салауатты үрмәкес коткара*” (“Паук спас Салавата”), “*Салауат йәшергән хазина*” (“Клад спрятанный Салаватом”), “*Салауаттың әсәһе*” (“Мать Салавата”), “*Салауаттың улдары*” (“Сыновья Салавата”), “*Салауат улы Хәсән*” (“Сын Салавата Хасан”), “*Салауаттың улы Етембай*” (“Сын Салавата Етембай”), “*Салауаттың апаны Бөрхия*” (“Сестра Салавата Бурхия”), “*Салауат дусы Мөгөштөң үлеме*” (“Смерть Мугуша, друга Салавата”) и др., и несколько песен о Салавате Юлаеве, некоторые из них были опубликованы в выше указанных томах, журналах и сборниках конференций [11, с.259-266; 14, с. 103-108].

В топонимических преданиях видно несколько названий одной деревни и существование 2-3 кладбища (в одной деревне), что указывает на древнее происхождение населения. Например: д. Ильтаево (др. название Сакаево), Мусат (др.назв. Яркарагай, Сулпы), д.Н.Сурекеево (др.назв.Нугаево) и др.

До сих пор встречаются **предания о войне 1812 гг.:** “*Башкорттар Наполеон һуғышында*”, “*Германия сиркәүенең башындагы ук*”, “*Ишмәй уғы*”. В последних двух преданиях раскрывается имя стрелка, уроженца д. Ишменевы Тырнаклинской волости, который 14 апреля 1814 г. оставил стрелу на куполе в церкви им. Святого Лаврентия в г. Шварца Германии [10, с. 126-130].

Район всегда славился своими богатырями, борцами, о которых распространены много преданий: “*Курсай батыр*” (“Батыр Курсай”), “*Тимергәле бәһләүән*” (“Пехлеван (в пер.: богатырь или силач) Тимергали”), “*Йомазил бәһләүән*” (“Богатырь Юмадил”), “*Борхан бәһләүән*” (“Бо-

гатырь Бурхан”) и др. Богатырь Бурхан (из д.Аркаулово Мурзаларской волости) считался самыми сильным человеком России (в конце XIX-нач. XXI в.), который победил в борьбе русского и казахского богатыря [8, с. 184-187].

Записаны по одному преданию о Русско-японской войне: “*Япон һуғышында*” (“В Японской войне”); о Русско-турецкой войне: “*Төрөк кызын алып кайткан*” (“Привез девушку-турчанку”). О Первой Мировой войне: “*Германиянан йәйәү кайткандар*” (“Пришли пешком с Германии”).

Широко распространены **предания о гражданской войне**, о годах коллективизации и репрессий: “*Аркауылда халык кырыу*” (“Уничтожение народа в д.Аркаулово”), “*Мәсетләл халык кырыу*” (“Уничтожение народа в д.Мечетлино”), “*Мәсетленең 17 шәһите*” (“17 шахидов д.Мечетлино”), “*Комсомолка Жиянгилина*” и др.; предания о ВОВ: “*Йоностоколар Бәйөк Ватан һуғышында*” (“Юнусовцы во время Великой Отечественной войны”), “*Сәмсетдиндең һуғыштагы батырлыктары*” (“Подвиги Самситдина на войне”), “*Һуғыш хәтирләре*” (“Воспоминания о войне”), “*Шаймуратов генерал бүләге*” (“Подарок генерала Шаймуратова”) и т.д. Кроме исторических преданий, записано некоторое количество бытовых преданий и воспоминаний.

Большое место занимают **религиозные предания:** “*Әзәм менән һауа*” (“Адам и Ева”), “*Ғазраилдең һорауы*” (“Вопрос Газраиля (ангела смерти)”), “*Нух пәйғәмбәр менән Алпамыша*” (“Пророк Нух (Библейский Ной) и Алпамыша”), “*Ғәли батыр*” (“Батыр Гали”), “*Әбуғалисина*” (“Авице-на”), “*Йософ менән Зөләйха*” (“Юсуф и Зулейха”) и т.п.

Отдельное место занимает **предания о святых:** “*Хәерзаман әулиә*” (“Святой Хаерзаман”), “*Мөхәтдин әулиә*” (“Святой Мухутдин”), “*Ғайса суфый*” (“Суфий Гайса”), “*Сибәгәт әулиә*” (“Святой Сибабат”), и др. и о могилах святых, которые записаны Ф.Ф.Гайсиной и опубликованы в книгах “Башкортостан – страна святых” [2], “Религиозные и мистические легенды-предания башкир” [3]. Так же, в данной местности сохранилось несколько преданий об известном духовном просветителе России XIX-нач. XX века, шейхе Зайнуле Расулеве (1833-1917) (“*Зәйнулла ишан*” (“Зайнулла ишан”), “*Зәйнулла ишан Мөсәткә килеп йөрөгән*” (“Зайнулла ишан приезжал в д.Мусатово”) и др.), т.к. при жизни он несколько раз приезжал в деревни Мурзаларской волости.

Из записанных материалов огромный пласт занимает суеверия и былички о домовых, русалках, джинах, колдунах; из афористических жанров: много пословиц, поговорок, поверий, примет и запретов.

Широко распространен **песенный жанр**, из исторических тем больше пели такие песни, как: “*Урал*”

(“Урал”), “Башкорт йыры” (“Башкирская песня”), “Салауат нисә йәшендә” (“Во сколько лет Салават”), “Байык сәсэн йыры” (“Песня Байк сәсэн”), “Рекурттар көйө” (“Мелодия рекрутов”). Из бытовых песен: “Әй буйы” (“Долина Ая”), “Үзән буйы” (Долина Узени), “Хуш ауылым” (“Прощай деревенька”), “Кояш” (“Солнце”), “Карурман” (“Карурман” (“Черный лес”), “Һандугас” (“Соловей”), “Сәлимәкәй” (“Салима”), “Карауан йыры” (“Песня караванщиков”), “Бикбәй һылыу” (“Красавица Бибкай”), “Зиләйлүк” (“Зиля”) и т.д. О женской доле: “Тол катын йыры” (“Песня вдовы”), “Ғәзизәкәй” (“Газиза”), “Мәзинәкәй” (“Мадина”), “Фатимам” (“Моя Фатима”), “Куңыр буга” (“Бурая корова”), о трудовой деятельности: “Шахта көйө” (“Мелодия шахты”), “Бесәнселәр йыры” (“Песня сенокосцев”), “Төлкәйем” (“Моя Гулькай”), “Әшсе йыры” (“Песня рабочего”), “Косилка, молотилка” (“Косилка-молотилка”) и т.д...

Самым популярным и хорошо сохранившимся жанром остается *такмак* (**такмаки**, частушки), которую ранее исполняли в деревенских клубах, на свадьбах и на всех семейных праздниках.

На сегодняшний день **жанр баит** (*бәйет, эпический и лиро-эпический жанр башкирского фольклора*) встречается все реже, из исторических баитов сохранились: “Алтмыш ике партизан бәйете” (“Баит 62 партизан”), “Комиссар” (“Комиссар”); из бытовых баитов: “Сак-Сук” (“Сак-Сук”), “Үкенес бәйете” (“Баит о покоянии”), “Хәмизә бәйете” (Баит Хамиды), “Үлем бәйете” (“Баит о смерти”), “Ғәбизә бәйете” (“Баит Габиды”), “Ғәйшә бәйете” (“Баит Гайшы”) и др.

Жанр сеңләүзәр (сенляу, песни-плач) является особенностью свадебного обряда северо-восточных башкир, именно айлинцев. Поэтому, *сеңләүзәр* распространены в Свердловской, Курганской и Челябин-

ской обл., где компактно проживают айлинцы. Как известно по преданиям, предки айлинцев в древности жили на территории Индии, где в свадебном обряде тоже исполняют песни-плач, когда провожают девушку из родного дома. У нас же, жанр *сеңләүзәр* имеет немного шуточный характер, в то же время в содержаниях есть упрек отцу, брату, жениху, свекрови.

Если ранее, до 1990 годов на свадьбах исполняли *сеңләүзәр*, то, сегодня свадьбы проходят в основном на современном манере. В деревнях до сих пор есть исполнительницы, которые помнят и исполняют данный жанр. Из распространенных текстов: “Әй артында умарта” (“Улей за домом”), “Атакайым бирзе якынға” (“Отец выдал не далеко”), “Инәйкәйем биргән тарагың” (“Расческа, которую дала мама”), “Жозагы” (“Сваха”) и т.п.

Из устно-поэтического творчества, религиозных жанров хорошо сохранились **мунажаты** (молитвенное обращение, взывание к Богу, песни религиозного характера) и стихи на религиозные темы. Из мунажатов часто исполняют такие, как: “Муса пәйгәмбәр мөнәжәте” (“Мунажат пророка Мусы (Моисея)”), “Укыйык Аятелкәрсизе” (“Почитаем Аятел-Курси”) (это 255-й аят 2-й суры “Аль-Бакара”), “Моңло әсә мөнәжәте” (“Мунажат печальной матери”), “Әзерлән, бәндә” (“Готовься, человек!”), “Алланың рәхмәте булһын” (“Да будет милость Аллаха!”), “Илаһым, рәхмәтең киңдер” (“Боже, широка Твоя милость”) и др.

Таким образом, фольклор Салаватского р-на составляет огромный пласт, где видно уникальность, особенности и отличия, степень распространения жанров, отдельных текстов. Собранные на сегодняшний день фольклорные материалы являются духовным богатством данного региона, которую нужно сохранить и передать будущим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкорт халык ижады: 5-се том. Тарихи кобайырзәр, хикәйәттәр (иртәктәр). – Өфө: Китап, 2000. – 392 б.
2. Башкортостан – әүлиәләр иле / Төз. Кильдин С.Ә., Ярмуллин С.Ш., Ғайсина Ф.Ф. Баш һүз, җушымталар авторы Ғайсина Ф.Ф. – Өфө: Китап, 2012. – 350 б.
3. Башкорттарзың дини һәм мистик легенда, риүәйәттәре / Автор–төзөүсә, баш һүз, җушымта һәм аңлатмалар авторы Ф.Ф. Ғайсина. – Өфө, 2013. – 144 б.
4. Вилданов Ф. Әй һәм йүрүзән һыуы буйындағы башкорттарзың ҡыҙ алыу, биреү ғөрөф-ғәзәттәре // Яңы юл. – 1923– № 5. – Б. 32-33.
5. Ғайсина Ф.Ф. Образ Салавата Юлаева в преданиях башкир (по экспедиционным материалам) // “Василий Манчары: образ и концепт национального героя в истории и культуре народов Евразии”: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Якутск: ИЦ НБ РС (Я), 2022. – С. 103-108.
6. Галин С. Башкорт халкының ауыз-тел ижады. – Уфа, 2004. – 363-сө б.
7. Ғайсина Ф.Ф. Байык Айзәр сәсэн һәм “Урал батыр” эпосы // Проблемы национальной словесности и журналистики в поликультурном пространстве: история, современное состояние и перспективы: Материалы Международной конференции (к 90-летию со дня рождения Народного поэта Башкортостана Рами Гарипова). г.Уфа, 22 апреля 2022 года. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 157-160.
8. Ғайсина Ф.Ф. Башкорт бәһләүәнә Борхан (риүәйәттәр) // Ағизел. – 2006. – № 3. – Б. 184–187.
9. Ғайсина Ф.Ф. Мырзалар ырыуы башкорттарының туй йолаһы (Салауат районында ызып алынған материалдар нигезендә) // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. г.Уфа, 17–19 ноября 2011 г. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 73–76.

10. Ғайсина Ф.Ф. Риүәйәттәрҙә 1812 йылғы Ватан һуғышы хаҡында яңы мәғлүмәттәр // Ватандаш. – 2022. – № 7. – С. 126-130.
11. Ғайсина Ф.Ф. Салауат Юлаев хаҡында табылған яңы риүәйәттәр (Һуңғы йылдарҙағы командировкалар язмалары) // Роль личности в историко–культурном пространстве (к 260–летию национального героя башкирского народа, поэта–импровизатора Салавата Юлаева) Материалы Международной научно–практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 259–266.
12. Ғайсина Ф.Ф. Төньяҡ–көнсығыш фольклорына бер ҡараш (Салауат, Ҡыйғы, Дыуан, Мәсетле, Балаҡатай райондары миҫалында) // Актуальные проблемы истории и культуры Башкортостана: Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2007. – Б. 61–64.
13. Ғарифуллина З. Йүрүзән ынйылары. – Малайя, 2002. – 385 б.
14. Образ Салавата Юлаева в преданиях башкир (по экспедиционным материалам) // “Василий Манчары: образ и концепт национального героя в истории и культуре народов Евразии”: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2022. – С. 103-108.
15. Салават Юлаев: Энциклопедия / Гл. ред. И.Г.Илишев. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2004. – 480 с.
16. Салауат Юлаев халыҡ хәтерендә. Салават в башкирском фольклоре: в 2 т. / Проект, сост., научн.ред., вступ.ст. и коммент. Ф.А. Надршина. – Уфа: Информ-реклама, 2008. – 536 с.
17. Санъяров Ф.Б. “Урал батыр”: лингвистик тикшеренү тәҗрибәһе. – Өфө, 2006. – 175 б.
18. Сулейманов Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. – Уфа: Китап, 1995. – 248 б.
19. Экспедиционные материалы – 2018: Салаватский район (материалы и исследования) / Сост.: Г.Р.Хусаинова, А.М.Хакимянова, Ф.Ф.Ғайсина, Р.Р.Зинурова. – Уфа, 2022. – 352 бит. (2-х томах).
20. Юлдыбаева Г.В. Әй һәм Йүрүзән буйы башкорттарының халыҡ ижадын өйрәнүгә ҡарата (2018 йылғы экспедиция һөҙөмтәләре буйынса) // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы VIII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). – Уфа, 2019. – С. 439-443.

© Ғайсина Фанира Фасхетдиновна (gais73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ «ПРОГРЕСС/ПЕШРАФТ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Ганиева Назира Рахимбердиевна

Канд. филолог. наук, доцент, Таджикский Национальный
Университет (г. Душанбе)
Ganieva_NR@mail.ru

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE VALUE OF "PROGRESS/PESHRAFT" IN RUSSIAN AND TAJIK

N. Ganieva

Summary: The purpose of the article is to describe the Tajik axiological image of the world in comparison with the Russian axiological image of the world on the example of the values of «progress/peshraft». The formed approach is a scientific procedure based on the representation of identical content by non-identical symbolic representations. In the article, the content of the analyzed values in Tajik and Russian cultures is represented: at the level of public consciousness in the form of the results of a definitional analysis; in the form of the results of a comparative analysis of proverbs reflecting the content of the studied and at the level of everyday consciousness, in the form of the results of a comparative analysis of associative fields. The results are displayed in the form of semantic fields, graphs and dendrograms.

Keywords: progress, value, psychosemantics, linguistic experiment, Tajik language, Russian language.

Аннотация: Целью статьи является описание таджикского аксиологического образа мира в сопоставлении с русским аксиологическим образом мира на примере ценностей «прогресс/пешрафт». Этот подход представляет собой научную процедуру, в основе которой лежит репрезентация идентичного содержания неидентичными знаковыми репрезентациями. В статье содержание анализируемых ценностей в таджикской и русской культурах репрезентировано: на уровне общественного сознания в форме результатов дефиниционного анализа; в форме результатов сопоставительного анализа паремий, отображающих содержание исследуемых и на уровне обыденного сознания; в форме результатов сопоставительного анализа ассоциативных полей. Результаты исследования отображены в виде семантических полей, графиков и дендрограмм.

Ключевые слова: прогресс, ценность, психосемантика, лингвистический эксперимент, таджикский язык, русский язык.

В современной науке утвердилось мнение, что понятие «прогресса» применимо только к человеческому обществу. Что касается живой и неживой природы, то в данном случае следует употреблять понятия «развитие» или «эволюция» (живая природа) и «изменение» (неживая природа). Человечество непрерывно совершенствуется и идет по пути социального прогресса. Это универсальный закон общества. Но отсюда вовсе не следует, что в его развитии не бывает регресса, что все страны и регионы нашей планеты развиваются равномерно, одними и теми же темпами и спокойно плывут по течению истории.

В различных странах и регионах в зависимости от конкретных социально-экономических условий прогресс протекает по-разному. Синонимы слова «прогресс» – *образование, улучшение*; антонимы к слову «прогресс» и образованных от него новых слов – «регресс»: *регрессивно, регрессивность, регрессировать, отсталость*. По наблюдениям М.Ш. Шукурова, в таджикском языке слово «прогресс» передается словами *инкишоф, тараққӣ, тараққиёт, пешрафт, пешравӣ, прогресс*; технический «прогресс» – *пешрафти техники* разг. Слова-синонимы к слову «прогресс» в таджикском языке. 1. *кашф шудан, ошкор шудан*; 2. *пеш рафтани, рушд, пешрафт, тараққиёт; инкишоф додан тараққи*

додан, пеш бурдан; инкишоф ёфтан тараққи кардан, пеш рафтани. 3. *пешрави: тараққи, инкишоф, вусъат: хаёт, пешравии зиндаги, расидан ба пояи баланди чизе; болорави, пешрафт; тараққи кардан (намудан) пеш рафтани*. Слова, образованные от корня «прогресс»: *инкишоф, тараққи, тараққиёт, пешрави; прогрессивность: тараққипарварӣ, тараққиҳоҳӣ; прогрессивный шиддатёбанда, дараҷа ба дараҷа зиёдшаванда; прогрессировать: тадричан шиддат ёфтан, зиёд шудан, афзудан; прогрессист: тарафдори тараққиёт, тараққипарвар, тараққиҳоҳ* [4; 5].

В работе представлены результаты экспериментального исследования общечеловеческой ценности прогресс/пешрафт в языковом сознании русских и таджиков. Рассмотрим, как представлена общечеловеческая ценность «прогресс» в русском и таджикском языках. (Таб. 1.)

Сравним результаты дефиниционного анализа содержания общечеловеческой ценности «пешрафт/прогресс» в русском и таджикском языках. Общими смыслами являются: 1) поступательное движение, улучшение в процессе развития; 2) поступательное движение, улучшение в чём-л. наблюдать, замечать в экономике. Специфические смыслы отсутствуют. Воспользуемся анализом,

Общечеловеческая ценность «прогресс».

общечеловеческая ценность «прогресс» по словарю М.Ш. Шукурова	общечеловеческая ценность «прогресс» по НБТСРЯ С.А. Кузнецова
1. инкишоф, тараққӣ, тараққӣёт-поступательное движение, улучшение в процессе развития.	1. прогресс — поступательное движение, улучшение в процессе развития.
2. пешрафт, пешравӣ-улучшение в чём-л. наблюдать, замечать в экономике.	1. прогресс — улучшение в чём-л. наблюдать, замечать в экономике.

сделанным В.П. Сиячкиным [3]. Приведём только частотную часть слова-стимула «прогресс» из русского ассоциативного словаря [2]: ПРОГРЕСС: имеет следующий вид: ПРОГРЕСС: науки – 9; вперед – 8; регресс – 7; в науке – 5; большой, научный – 3; в учёбе, движение вперед, делать, издательство, кинотеатр, мировой, научно-технический, общества, техники, ЭВМ – 2. Ассоциаты «наука», «науки», «в науке», «научный», «в учебе», «мировой», «научно-технический», «общество», «техники», «ЭВМ», «экономический» следует понимать как указание на сферы деятельности, для фиксации успеха которых в русской культуре принято использовать ценности «прогресс». Ассоциаты «вперед», «движение вперед», «двигать», «развитие», «двигатель», «ускорение», «процесс» — это слова, эксплицирующие полностью или частично значение слова «прогресс», такие реакции являются распространёнными среди испытуемых в ассоциативном эксперименте. Ассоциаты «издательство» и «кинотеатр» — указание на реалии культурной жизни Москвы: это названия книжного издательства и кинотеатра. Наличие ассоциатов «регресс» и «XX век» объясняется следующим образом: «регресс» — это антиценность, связанная с ценностью «прогресс» на основе связи, сформированной в результате логической операции сравнения. В целом ценность «прогресс» можно расшифровать как специализированную ценность, функционирующую в ограниченной сфере деятельности членов социума.

Приступим к анализу ценности «прогресс/пешрафт». В словаре М.Ш. Шукурова «прогресс» имеет следующий вид: инкишоф, тараққӣ, тараққӣёт, пешрафт, пешравӣ. Ассоциативный эксперимент, проведённый нами в республике Таджикистан, даёт возможность выделить следующие ассоциаты: инкишоф – 5, тараққӣ – 5, тараққӣёт – 5, пешрафт – 4, пешравӣ – 4, пешрафти техники, бехтар, хубтар шудан, беҳи, нағзӣ, хубӣ, бехбудӣ.

В процентах это выглядит следующим образом: науки – 9%; вперед – 8%; регресс – 7%; в науке – 5%; большой, научный – 3%; в учёбе, движение вперед, делать, издательство, кинотеатр, мировой, научно-технический, общества, техники, ЭВМ – 2%, инкишоф – 5%, тараққӣ – 5%, тараққӣёт – 5%, пешрафт – 4%, пешравӣ – 4%, пешрафти техники, бехтар, хубтар шудан, беҳи, нағзӣ, хубӣ, бехбудӣ. Выделяются совпадающие семы: инкишоф – поступательное движение, улучшение в процессе развития; тараққӣ – улучшение, пешрафт – движение вперед,

пешрафти техники – научно-технический прогресс. К несовпадающим семам относятся: науки, большой, научной, в учёбе, издательство, кинотеатр, мировой, общества. К русским ассоциатам относятся: науки – 1,6%, вперед – 1,5%, регресс – 1,3%, в науке – 0,9%, большой, научный – 0,5%, в учёбе, движение вперед, делать, издательство, кинотеатр, мировой, научно-технический, общества, техники, ЭВМ – 0,3%.

К таджикским ассоциатам относятся: инкишоф – 5%, тараққӣ – 5%, тараққӣёт – 5%, пешрафт – 4%, пешравӣ – 4%, пешрафти техники, бехтар, хубтар шудан, беҳи, нағзӣ, хубӣ, бехбудӣ – ва гайраҳо. Ассоциаты «илм – наука», «фанхо—науки», «чамъият — общество», «технология и иновасионӣ – ЭВМ», «иктисодӣ – экономический» следует понимать, как указание на сферы деятельности, для фиксации успеха которых в таджикской культуре принято использовать ценности «пешрафт/прогресс». Ассоциаты «ба пеш — вперед», «харакат — движение», «гечондан — двигать», «тараққӣёт — развитие», «мухаррик — двигатель», «тезондан — ускорение», «чараён, равиш — процесс» — это слова, эксплицирующие полностью или частично значение слова *пешрафт, пешрафт, пешравӣ* — прогресс — такие реакции в ассоциативном эксперименте являются распространёнными среди испытуемых. Наличие в ассоциативном поле ассоциатов «таназзул, акибравӣ, пастфурӯӣ, пастравӣ — регресс» и «XX век» объяснить легко: «акибравӣ — регресс» – это антиценность, связанная с ценностью «прогресс» на основе связи, сформированной в результате логической операции сравнения.

Как показывают исследования, отношение народа к общечеловеческой ценности «прогресс/пешрафт» находит отражение не только в лексике, но и в афоризмах русского и таджикского народов. (Таб. 2.)

Сравним то, что совпадает в содержании пословиц, и что является специфичным. Содержательный анализ паремиологических единиц с компонентом «прогресс» показывает близость коннотативных характеристик этих паремий. На основе анализа их выборки, которая приводится в нашей работе, можно сделать следующее заключение: таджикские и русские паремии в значительной степени содержательно различаются, отображая специфику этнических культур; некоторые паремии являются общими для таджиков и русских.

Таблица 2.

Общечеловеческая ценность «прогресс».

Пословица	Смысловое содержание
1. Хар гуна пешравӣ дар наиези сириштии ҳар кадом организм дар зиёд сарф кардани воситаҳои зиндагонӣ асос гардидааст. — Всякий прогресс основан на врождённой потребности каждого организма жить не по средствам.	В высказывании в иронической форме мотивом к движению вперёд называется роскошная жизнь.
2. Пешравӣ бошад ин ивази як нохӯшиҳо бо дигар нохӯшиҳо. — Прогресс есть замена одних неприятностей другими.	Высказывание указывает на то, что движение вперёд всегда сопряжено с трудностями, неприятностями.
3. Пешравӣ, эҳтимол, чизе бад набуд, вале он ҷудоям тӯл кашид. — Прогресс, вероятно, был неплохой штукой, но боль —но уж он затянулся.	В высказывании отмечается положительное свойство прогресса, но подчёркивается длительность его развития.
4. Пешравии тамаддун дар васеъгардонии доираи амалиёт мебошад, ки онро мо фикр накарда иҷро мекунем. — Прогресс цивилизации состоит в расширении сферы действий, которые мы выполняем, не думая.	Отмечается произвольный характер развития человеческой цивилизации.
5. Тамаддун на барои қонеъ гардонидани талабот, балки зиёдкунии онҳо мебошад. — Цивилизация не удовлетворение потребностей, а их умножение.	В иронической форме отмечается, что цивилизация увеличивает во много раз человеческие потребности.
6. Мо аз набараҳои худ ба ҳазорҳо ҳоло ихтироъ накардаги чизҳо бойтар ҳастем. — Мы богаче наших внуков на тысячи ещё не изобретенных вещей.	Подчёркивается нравственный приоритет современных людей перед людьми будущего, которые заменят этические ценности на вещи, приносящие комфорт и уют.
7. Ҷамъияти муосир ба кӯдаке монанд аст, ки дар рӯзи таваллуди худ ҷудоям бисёр бозичаҳо гирифта буд. — Цивилизованное общество напоминает ребёнка, который ко дню своего рождения получил слишком много игрушек.	Смысл высказывания заключается в том, что человечество окружило себя совершенно ненужными вещами.
8. Тамаддуни муосир — ин ивази арзишҳо ба ҳузуру ҳаловат. — Современная цивилизация: обмен ценностей на удобства.	Подчёркивается, что современные люди предпочитают комфорт нравственным ценностям.
9. Марҳилаҳои асосии тамаддун инҳо мебошанд: аз худ кардани оташ, ихтирои чарх ва кашфиёте, ки мардро ром кардан мумкин аст. — Освоение огня, изобретение колеса и открытие, что мужчин можно приручить.	Указывает в шутиливой форме на «важные» открытия в истории человечества.
10. Мо аз ғор баромадем, лекин ғор аз мо ҳоло набаромадааст. — Мы вышли из пещер, но пещера ещё не вышла из нас.	Указывает на то, что человечество ещё не лишено первобытных инстинктов.

В качестве примера можно привести паремии из таджикского языка: *Хар гуна пешравӣ дар наиези сириштии ҳар кадом организм дар зиёд сарф кардани воситаҳои зиндагонӣ асос гардидааст; марҳилаҳои асосии тамаддун инҳо мебошанд: аз худ кардани оташ; ихтирои чарх ва кашфиёте, ки мардро ром кардан мумкин аст.* — *Всякий прогресс основан на врождённой потребности всякого организма жить не по средствам*, — являются содержательно идентичными; кроме того, имеют содержательную близость с русскими паремиями: *Прогресс есть замена одних неприятностей другими* и *Освоение огня, изобретение колеса и открытие, что мужчин можно приручить*.

Таким образом, мы провели семный анализ на основе словарных дефиниций, паремиологии и экспериментального анализа языкового сознания носителей языка. Анализируя таджикское и русское языковое сознание, мы пришли к следующим выводам.

1. На основе словарных дефиниций все семы совпадают. Общими семами являются: 1) поступательное движение, улучшение в процессе развития; 2) поступательное движение, улучшение в чём-л., наблюдать, замечать что-л. в экономике. Спец-

ифичные семы отсутствуют.

2. На основе паремиологии: таджикские и русские паремии в значительной степени содержательно различаются, отображая специфику этнических культур. Содержательный анализ паремиологических единиц с компонентом «прогресс/пешрафт» выявляет близость коннотативных характеристик этих паремий. Анализ паремий является содержательным, естественным и субъективным. В пословицах подчёркивается нравственный приоритет современных людей перед людьми будущего, которые заменят этические ценности на вещи, обеспечивающие комфорт и уют.

При проведении свободного ассоциативного эксперимента респондентам предлагается дать первые ассоциации к словам-стимулам *прогресс* и *пешрафт*. Как известно, ассоциативный эксперимент широко используется в научных исследованиях, посвящённых изучению образов сознания носителей разных культур. Это объясняется тем, что связь «стимул–реакция» есть фрагмент образа мира, отражённого в сознании носителя данной культуры, а ассоциативное поле слова-стимула представляет собой модель сознания, содержащую набор правил коммуникаций,

принятых в данной культуре. Эксперимент был проведен в городе Худжанд, расположенном на севере Республики Таджикистан. Испытуемыми были носители таджикского языка как родного в возрасте от 16 до 30 лет – студенты и преподаватели. Выбор указанной категории испытуемых продиктован постановкой задачи нашего исследования, которая состоит в том, чтобы выявить специфику языкового сознания усреднённого представителя современной интеллигенции города Худжанд. (Таб. 3.)

Таблица 3.

Кластеризация ценностей и профиль оценок.

Фрагмент дерева кластеризации ценностей у таджиков	Профиль оценок по шкалам ценности «прогресс» для русских и таджиков
Удовольствие 21	Прогресс 22
Прогресс 23	Развитие 25
Покой 36	Наука 14
Успех 14	Образование 17
Богатство 17	

Сравнение показывает, что кластеры ценности «про-

гресс» у таджиков и у русских полностью не совпадают. У таджиков в кластер входят «развитие», «наука», «образование», а у русских – «удовольствие», «покой», «успех», «богатство».

Таким образом, общечеловеческая ценность «прогресс» имеет достаточно ограниченную сферу функционирования: и научное, и быденное сознание использует её прежде всего для формирования ценностных ориентиров в области науки и образования. Этот вывод поддерживает анализ дендрограммы: ценность «прогресс» непосредственно связана с ценностями «развитие», «наука», «образование» и опосредованно – с ценностями «родина», «успех», «процветание», «свобода», «здоровье», «законность», «стабильность», «практичность», «безопасность», «богатство», «эффективность», «труд», «справедливость», «достаток», «свобода личности», «независимость», а у таджиков непосредственно связана с ценностями «успех», «богатство», «удовольствие» и опосредованно – с ценностью «покой». Связь этих ценностей с ценностью «прогресс» базируется, вероятно, на практике, существующей в дискурсе, когда оцениваются чьи-либо успехи в областях общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С.А. Новый большой толковый словарь русского языка. М.: Норинт, 2000. 816 с.
2. Русский ассоциативный словарь. Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. / Сост. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. М.: ИРЯ РАН, 1996. 324 с.
3. Снячкин В.П. Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре. М.: РУДН, 2011. 646 с.
4. Шукуров Ш., Шукуров Р. Центральная Азия: опыт истории духа. М.: Панорама. 1996. 160 с.
5. Шукуров М.Ш. Толковый словарь таджикского языка: в 2-х тт. М.: Советская энциклопедия, 1969. 950 с.

© Ганиева Назира Рахимбердиевна (Ganieva_NR@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В УСТНОМ РАССКАЗЕ БУРЯТ (НА ПРИМЕРЕ ШАМАНСКИХ СНОВИДЕНИЙ)

Данчинова Мария Даниловна

Кандидат филологических наук, доцент, Бурятский
государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ
marinadan67@mail.ru

ATTITUDE TO DEATH IN THE ORAL STORY OF THE BURYATS (ON THE EXAMPLE OF SHAMANIC DREAMS)

M. Danchinova

Summary: The article discusses the concept of death in the oral story of the Buryats on the example of shamanic dreams. The initial analysis is the author's materials collected and recorded in the Alar district, Irkutsk region. The following notions are traditionally studied in Buryat folklore and literary criticism, they are mythopoetic of texts, genre features, shamanic chants, legends, hymns and invocations. The originality of studying the displayed picture of the world in the oral story of dreams lies in the fact that the informants are people who not only profess shamanism, but the performers of this cult. The analysis is based on an interdisciplinary approach, taking into account historical, ethnographic, cultural, social, psychological and theological aspects, because the content of the stories reveals the depth of life of individual experience of a group of people with all their cultural and spiritual background. We focus on such features of the oral story as the concept of death in the spatio-temporal architectonics of the displayed picture of the world, its significance, symbolism and figurativeness, a position of a hero.

Keywords: oral story, death, dream, spatio-temporal architectonics, image.

Аннотация: В статье рассматривается понятие о смерти в устном рассказе бурят на примере шаманских сновидений. Исходным анализом являются полевые материалы автора, записанные в Аларском районе Иркутской области. В бурятской фольклористике, литературоведении традиционно изучаются понятия мифопоэтичности текстов, жанровые черты, анализу подвергались шаманские песнопения, легенды, предания, гимны и призывания. Новизна изучения отображающейся картины мира в устном рассказе о сновидениях заключается в том, что информантами являются люди, не только исповедующие шаманизм, но являющиеся исполнителями данного культа. Анализ строится на основе междисциплинарного подхода, с учетом исторических, этнографических, культурологических, социальных, психологических и теологических аспектов, поскольку содержание рассказов раскрывает глубину жизни отдельного народа со всем его культурно-духовным пластом. В центре внимания находятся такие особенности устного рассказа, как понятие о смерти в пространственно-временной архитектонике отображающейся картины мира, его символичность, знаковость и образность, позиция героя.

Ключевые слова: устный рассказ, смерть, сновидение, пространственно-временная архитектоника, образ.

В свое время М.Н. Хангалов отмечал, что «Верования бурят-шаманистов находятся в неразрывной связи с его воззрениями на окружающую природу, жизнь и свойства его собственной души» [10, с. 367]. Поэтому в духовно-культурной основе народного мировоззрения живет традиционная установка на взаимосвязь человека с миром, в котором главным постулатом является понятие гармонии. О значимости традиции в жизни народа утверждает современная философия. Так, Н.А. Усова отмечает: «В рамках существования любого устойчивого по времени объединения, структурированного принципом познания идеального, создавались, хранились, передавались от учителя к ученику многие представления о мире, человеке и взаимодействиях между ними. Значительные силы во все времена были направлены на создание средств, позволяющих осуществлять эти взаимодействия: человека и мира, мира и реальности» [9, с. 130]. Именно таким хранилищем традиционной культуры стал для бурят шаманизм.

Не случайно Б. Петри обращал внимание на статус шамана в жизни бурят, отмечая его роль в установлении

гармонии между миром людей и самой природой. При этом шаман не воздействует на природу силой магии, он всего лишь посредник, познавший тайну «высшей закономерности, существующей в мире», и такой человек «может направлять по желанию силы природы», без воздействия на нее [4, с. 71].

М.В. Пурбуева в шаманском прозаическом фольклоре бурят выделяет термин «взаимопроницаемость» в шаманском представлении мира, когда происходит процесс проникновения «в мир людей демонических особей и людей «этого» мира в мир духов с разными миссиями» [7, с. 12].

В этом плане, к примеру, у шаманистов-казахов также, с точки зрения О.Б. Наумовой, «определенные люди (шаманы) могут «общаться» с духами и с их помощью лечить болезни, помогать роженицам, гадать, предсказывать, отыскивать пропавший скот и т.д.» [3, с. 30].

У коми-пермяков, с позиции Чугаевой С.В., главным в поминальных обрядах «становится гармонизация от-

ношений между миром живых и миром мертвых посредством умилоствления усопших ради обеспечения их покровительства в качестве предков. В основе ритуальных действий лежат представления о существовании души и продолжении земных отношений в потустороннем мире, проявляющемся в культе мертвых» [11, с. 4]. Так проступает единство миров.

Особенно такое слияние миров проявляется во снах шаманов. Не случайно Е.П. Батьянова в устном творчестве чукчей, коряков и телеутов выделила рассказы о снах: «Особое значение придается снам, в которых происходит общение человека с различными представителями внеземных миров: умершими, различными духами, высшими божествами, т.е. религиозным сном» [2, с. 53]. В этом плане, по теории К. Юнга, «сновидения и их символика не являются бессмысленными и бестолковыми. Наоборот, сны дают наиболее интересную информацию как раз тем, кто прилагает усилия к тому, чтобы понять их символы [12, с. 102].

В нашем исследовании рассмотрены устные рассказы о сновидениях шаманов, в которых раскрывается своеобразная архитектура отображаемой картины мира. Так в первом рассказе представлено следующее:

«Мүнөөдэр ехэ һонин зүүдэ харааб. Баабаймни зүүдэндэм амиды харагдаа. Тэрэ үндэр хүн һэн. Хара ута дээглээ үмдэнхэй, үбэлэйн малгай шэгэбшэлэгдээгүй. Үндэр бартаатай машинын оройдо зогсоно, урдандаа тиигээд ябадаг һэн. Машина дээрэ олон хүнүүд зогсоод ябана. Хэнэйб даа, буян болоно гэжэ һанахаар. Нээлтэтэй бартаатай хорой сооһоо олон зониие тээнхэй машинань гаража ябана. Баабаймни тархья сохино аа гү гэжэ һанаамни зобоно. «Баабай, тархья тонгойлгыш таа» гэжэ дурамни хүрэнэ, тээд хэлэжэ шаданагүйб».

«Сегодня очень странный сон видела. Ясно видела отца, живым. Он же высокий, длинный. В своем черном пальто, в шапке зимней, уши не завязаны, болтаются. Стоит на верху машины с высокими бортами, раньше так люди ездили. На кузове много людей, все стоя едут. Думаю, чьи-то похороны. Машина выезжает со двора через открытые ворота. Я боюсь, что сейчас отец стукнется головой. Хочу сказать ему: «Отец, голову наклони, ударишься». И почему-то не могу» [5. Здесь и далее перевод наш-М.Д.].

Образная система традиционна в данном рассказе о сновидении. Картина сна раскрывает гармоничное сочетание реального и ирреального планов мира. Буряты всегда считали, что во время сна душа (һунэһэн) ненадолго - временно - покидает тело и все, что с ней случается в ирреальном мире, является реальным. Перед нами четко представлена родовая связь - отца и дочери, которая не прерывается и после смерти главы этой ветви. Присутствие многочисленных духов («Машина дээрэ олон хүнүүд зогсоод ябана» - «На кузове много лю-

дей, все стоя едут») подчеркивает слиянность реального ирреального миров. Оно и в том, что рассказчик предполагает во сне о свершении погребального действия: «Думаю, чьи-то похороны» («Хэнэйб даа, буян болоно гэжэ һанахаар»), когда по традиции проводить человека в последний путь приходят много людей.

Смерть не страшна для шаманистов, поскольку издавна укоренилось в сознании людей, что это просто переход в иной план мира – бесплотный, невещественный. Это проявляется даже в словах героини сна к отцу: «Хочу сказать ему: «Баабай, тархья тонгойлгыш таа» гэжэ дурамни хүрэнэ, тээд хэлэжэ шаданагүйб» («Отец, голову наклони, ударишься»). И почему-то не могу». В словах не чувствуется страх человека перед духом умершего, поскольку образ отца воспринимается как реальный человек, только в новом статусе как *найжа* (дух-покровитель). В этом традиционность отношения бурят к своим духовным покровителям.

Сон выявляет тот факт, что жизнь в восприятии бурят продолжается как в реальных, так и в ирреальных проявлениях. Смерть буряты воспринимали так же естественно, как и все другие стороны жизни. Оттого в поведении бурят наблюдается внешняя неэмоциональность при каких бы то ни было внутренних сильных чувствах. Человек должен всегда оставаться невозмутимым, внешне спокойным - выдержанным как в минуты радости, так и в трагические моменты.

С точки зрения Р.Д. Санжаевой, в этом сказывается традиционная психология бурят, когда человек должен «...не выделяться, поступать по предписанным нормам и этикету», обязан ценить «знания, мудрость, степенность, обстоятельность» [9, с. 67].

Однако в данном рассказе необходимо обратить внимание на слово «странный» (*ехэ һонин*). По всей видимости, в этом сказывается влияние исторического времени тех изменений, которые произошли в жизни народа: что-то безвозвратно ушло из жизни народа, а другое наслось на традиционную картину воззрения и изменило менталитет современных бурят. Ведь тот факт, что душа рассказчика встречается с образом живого отца, которого уже нет в мире живых, должен восприниматься естественно в понимании шаманистов. Традиционность пространственно-временной архитектуры, казалось бы, в этом плане не нарушена. Однако слово «странный» (сон) как раз и порождает иную природу мышления у современных бурят.

Оставаясь шаманистами, понимая и воспринимая естественным мир духов, в то же время буряты стали немного по-другому относиться к понятию смерти. И сочетание реального и ирреального планов в мировоззрении народа представляет собой уже не единство мира,

а склоняется к его дихотомии. Необходимо предположить, что традиционность восприятия мира претерпела своего рода свою модификацию в сознании бурят. Понятие смерти человека наполнилось новым содержанием - дух навсегда отделяется от мира живых. Современное сознание личности не хочет допускать эту мысль, осознавая безвозвратность потери. Проступающая символичность сна несет именно эту информацию. Образ отца не случайно видится во всем черном: «Хара ута дэгэлээ үмдэнхэй, үбэлэйнь малгай» («В черном пальто, в шапке зимней»). Цвет пальто указывает на символ смерти, «зимняя шапка» передает знак холода, отсутствие жизни. Данные знаки, символы свидетельствуют о новом отношении бурят к смерти близкого человека: живые и мертвые навсегда разделяются по разные планы одного и того же мира. В этом и кроется понятие «странности» сна. Рассмотрим другой рассказ:

«Би баабай эжынгээ гэртэ байнаб. Томо таһалгынгаа (залайнгаа) эгээ һүүлшын сонхоор хорой руугаа харанаб. Ехэ ахамни һогтуу хэбэртэй хорой соогуураа гүйнэ, бартаа һула байна. Тэрэ хайшааб даа яарана. Бидэниие хараана, ехэ сухалтай хүхирнэ.

– Ши хайшаа ошохошниб, һамганшни харааха даа! – гэжэ би хэлэнэб.

– «Ээ, һамгадууд гэжэ! Нэгэ эхэнэр харгы заажа үгыш таа гээл даа, харуулаад ерэхэб» – гэжэ хашхарангаа саашаа гүйжэ арилба.

Саашань нуурайнгаа саада захын эрьеын зам (тракт) харанаб. Дардам ехэ харгы замтай, сэбэр шара эльһэтэй. Автобус дүтэлжэ ерэнэ. Үүдэниинь нээгдэбэ. Наһа бараһан баабайгаа харабаб. Мүр болоторнь харабаб. Тэрэ бүдүүн томо бзетэй, гарнуудынь шанга, шадалтай. Сэдьхэлдэм баяр түрэнэ! Автобус руу орохоо һананаб, урдамни байһан зургаатайхан басагаяа түлхинэб, тээд хүнүүд оруулнагүй. Олон зон автобус руу һубарин орожол байна. Баабайтаяа уулзаха аргагүй байбаб.

Тэрэнээ саашань баһа сонхоороо хорой руугаа хаража байнаб. Бартаамнай хаалтатай. Ехэ ахамни тэндэхи үүдээрээ орожо ерэбэ. «Аа, ерэбэгши», - гэжэ би хэлэбэб. Тэрэмни сухалтайгаар: «Хайшаа ябаха хүмбиб, хэлээ һэмнайб, нэгэ эхэнэртэ харгы харуулаад ерэхэб гэжэ. Юушые ойлгоногүй».

«Я в большом доме родительском. Смотрю с последнего окна в зале во двор. Там старший брат бегаёт пьяный, ворота почему-то открыты. Он куда-то собирается. Кричит на нас, ругается по-черному. Я говорю ему: «Куда ты собрался, жена будет ругаться?!». Он орёт: «Да ну вас, бабы. Женщина попросила меня дорогу показать. Сейчас покажу и приду». С криком убегает.

Дальше вижу тракт наш на другой берег озера. Хороший тракт, даже вал песочный, светлый. Подъезжает автобус. Открывается дверь. В ней вижу умершего отца. Вижу его до плеч. Он плотный, крепкий был, руки вдоль тела, сильные руки. У меня внутри такая радость! Хочу подняться в автобус, толкаю перед собой дочу, ей лет шесть, но люди не дают. Они все поднимаются и подни-

маются мимо нас в автобус и не дают нам пройти. Так и не дали с отцом увидеться.

Потом опять вижу себя выглядывающей в окно, смотрю во двор. Ворота уже закрыты. Через двери в них входит брат. Я говорю ему: «А, вернулся?». Он сердито: «Куда денуть, говорил же, женщине дорогу покажу и приеду. Ничего не понимаете!» [6].

Данный рассказ также наполнен символичностью смерти. Следует отметить, что этот сон информанту приснился ровно за месяц до смерти матери. При этом никаких признаков угасания жизни в человеке не наблюдалось: мать не болела, не жаловалась на недомогания. Осознание информации сна пришло рассказчику гораздо позже - после смерти близкого человека. Поэтому сон можно отнести к категории вещих, поскольку в нем все указывает на признаки смерти.

В первую очередь это выражается в позиции рассказчика: его взгляд в окно. Далее, он слышит слова брата, что женщина попросила показать дорогу. Казалось бы, эта просьба во сне может восприниматься как обычное действие человека в реальной действительности. Однако, если исходить из знаковости погребального обряда, становится понятным, что умершего обязательно кто-то должен сопровождать в последний путь. Данная обязанность, по всей видимости, возложена на брата рассказчика.

Образ дорожного тракта также несет знак смерти. Четкое видение дороги как «песочного», «светлого» тракта непосредственно указывает на это. Более того, о присутствии смерти говорит образ умершего отца. И то, что рассказчику не удается встретиться с ним, пройти в автобус, к тому же с маленькой дочерью, является символом самой настоящей границы, разделяющей людей на живых и мертвых. Так проступает иная плоскость мира: некогда единая в реальном и ирреальном планах, на данный момент она строго разделена на две части. Любое соприкосновение с ним может быть для живого человека опасным, чреватым. Поэтому героине не удалось увидеться с духом отца, так как она из иного пространственно-временного континуума. К тому же на руках держала дочь, что совершенно недопустимо для ребенка, только начинающей свои жизненные обороты.

Обращает внимание в данном рассказе тот факт, что многие современные буряты, особенно западные (проживающие в Иркутской области) переняли русскую традиционную погребальную обрядовость - открытие ворот в момент смерти кого-то из близких. Это особая знаковость смерти.

Символ открытых ворот исходит из основ культур, религий многих народов мира. На Руси ворота издавна считались особым священным, магическим местом - это

была, прежде всего, защита от всего злого, нечистого. Они разделяли мир на освоенное – свое, родное – пространство и чужое, полное враждебных сил. За воротами начиналась дорога новой жизни, наполненной непредсказуемостью, опасностью. Это же отражается и в традиционных представлениях бурят. С точки зрения Е.А. Бардамовой, в понимании бурят «дорога – часть пространства, несущая отрицательную энергетику, таящая в себе всевозможные испытания для вступившего на нее...» [1, с. 85]. При этом «отрицательная энергетика» заключалась не только в определенных происшествиях, событиях на дороге, во встречах с хорошими или плохими людьми, но и в соприкосновении с духами людей, которых надлежало задобрить подношениями. В этом плане в единстве пространственно-временной архитектоники картины мира в сознании бурят нет разрыва. Особые священные места на дороге как *бариса* и *обоо*

наоборот способствовали восприятию цельности мира. Тогда как сон рассказчика разделяет миры строго на реальный и ирреальный планы. Поэтому рассказчику не удалось обняться с отцом.

Таким образом, можно прийти к выводу об изменении сознания современных бурят к понятию смерти. Сны информантов о видении близких в образе духов, являются тому свидетельством. Если ранее смерть родного человека, несмотря на тяжесть утраты, воспринималось естественно, и это говорило о единстве миров – реального и ирреального, то в современном осмыслении бурят оно сочетается с пониманием безвозвратной потери родной души и невозможностью исправить такое положение. Поэтому единый некогда мир в представлении бурят четко разделен на две грани – собственно реальный и ирреальный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардамова, Е.А. Пространство в языковой картине мира бурят / отв. Ред. П.П. Дамбуева. - Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011.-220 с.
2. Батьянова, Е.П. О снах шаманистов (по материалам полевых исследований 1970-2000-е годы) // Этнографическое обозрение. - М., 2006. - № 6. - С. 53-61.
3. Наумова, О.Б. Казахский баксы: История одной фотографии (Публикация материалов Ф.А. Фиельструпа по казахскому шаманству). Этнографическое обозрение. - М., 2006. - № 6. - С. 29-32
4. Петри, Б.Э. Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды // Репринтное издание работ Б.Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. – Иркутск, 2014. – 328 с.
5. ПМА 3 - Полевые материалы автора. Иркутская область, Аларский район. Июль 2012
6. ПМА 1 - Полевые материалы автора. Иркутская область, Аларский район. Июль 2009
7. Пурбуева, М.В. Шаманский прозаический фольклор бурят: сюжеты, мотивы и персонажи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук - Улан-Удэ. - 2010, с. 22
8. Санжаева, Р.Д. Этнопсихология бурят: монография / под ред. проф. Р.Д. Санжаевой. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2020. - 268 с.
9. Усова, Н.А. Эзотерика духовности: структура и содержание: монография / Н.А. Усова. - СПб.: Изд-во «Ключ» Фонда Лики культур»; Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006.-310 с.
10. Хангалов, М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1/ Матвей Николаевич Хангалов; [подгот. Г.Н. Румянцевым и др.]. – Улан-Удэ: Нова-Принт, 2021, 568 с: ил.
11. Чугаева, С.В. Традиционный погребально поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX - XX вв.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - М.: 2011, с. 19
12. Юнг, К.Г. Архетипы коллективного бессознательно [Текст] / К.Г. Юнг // Структура психики и процесс индивидуализации. -М.: Наука, 1996.-С. 139-154.

© Данчинова Мария Даниловна (marinadan67@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

SEMANTIC CONTENT OF THE MODALITY CATEGORY

O. Denisova

Summary: The article deals with a topical issue related to the semantic content of the category of modality. The author emphasizes that the category of modality has been the object of close attention from scientists for many years, but in modern reality, more emphasis is placed on the content and methodological concretization of modality, as they become urgent tasks. The author comes to the conclusion that the complexity and inconsistency of the definitions of the concept of "modality", the confusion of classifications is due to the desire to cover all the new emerging facts and take into account new shades, which leads to the need for the reconstruction of classifications and the endless clarification of concepts. Thus, the possibility of defining a general modality invariant still remains one of the most urgent and basic questions in the characterization of modality.

Keywords: modality, category of modality, grammar, modal meanings, semantic content, modal meanings.

Денисова Оксана Игоревна
Старший преподаватель, аспирант,
Южный Федеральный Университет
oidenisova@sfedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается актуальный вопрос, связанный с семантическим содержанием категории модальности. Автор подчеркивает, что категория модальности на протяжении многих лет является объектом пристального внимания со стороны ученых, но в современной действительности больший акцент делается именно на содержательной и методологической конкретизации модальности, так как они становятся насущными задачами. Автор приходит к выводу о том, что сложность и противоречивость определений понятия «модальность», путаница классификаций обусловлена стремлением охватить все новые появляющиеся факты и учесть новые оттенки, что приводит к необходимости реконструкции классификаций и бесконечного уточнения понятий. Таким образом, возможность определения общемодального инварианта все еще остается одним из наиболее актуальных и основных вопросов в характеристике модальности.

Ключевые слова: модальность, категория модальности, грамматика, модальные значения, семантическое содержание, модальные значения.

На протяжении длительного времени модальные способы интерпретации объектов реальной действительности стабильно укоренились в научной сфере. Модальность, рассматриваемая как научное явление, продолжает развиваться на всех уровнях понятий, что приводит к ее междисциплинарному статусу. Данная категория уже много лет является объектом внимания ученых, но в современное время акцент делается на содержательной и методологической конкретизации модальности, так как они становятся насущными и срочными задачами. Перспективность модального анализа привела к тому, что данная категория стала фокусом нескольких лингвистических подходов, причем языковая модальность не противоречит логической модальности. Языковая модальность, основанная на логической модальности, является одной из универсальных семантических категорий. [8]

В «Грамматике современного русского литературного языка» [11] модальность представлена обширным классом разнообразных и разноуровневых средств выражения модальных значений (интонация, словопорядок, частицы, модальные слова, междометия, повторы, фразеологизированные предложения). Все эти модальные классы объединяет значение усиления (подчеркивания, акцентирования), экспрессивной оценки, уверенности или сомнения. В «Русской грамматике» [10] категория модальности представлена более детально: в издании подробно описаны лексемы с семантикой желания,

долженствования, необходимости или вынужденности, готовности, выражаемые посредством предикативов и кратких прилагательных, рассматривается вопрос об отнесенности значений утверждения / отрицания к категории модальности, проводится анализ модальных значений вопросительных высказываний. Особое внимание в издании уделяется оценочным высказываниям, которые делятся на оценочно-характеризующие и собственно-оценочные [10].

Таким образом, в грамматике приводится подробное описание средств выражения модальных значений, однако эта классификация является максимально обобщенной. Еще больше варьируются количество и состав модальных значений, выделяемых исследователями модальности как в грамматике, так и в лексике. Количество семантических разрядов вводных слов в разных грамматиках различно: в работе В.В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» выделены 12 основных разрядов слов и частиц [3]; в «Русской грамматике» [10] среди «субъективно-модальных значений, выражаемых вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями» Н.Ю. Шведова указала семь «обобщенных значений» [10].

Согласно концепции модальности, разработанной в исследованиях по функциональной грамматике представителем ленинградской (петербургской) школы А.В. Бондарко, в поле категории модальности входят

следующие модальные значения: 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола; 2) оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности, выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами; 3) оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого; 4) значения, по которым дифференцируются различные виды коммуникации, т.е. сообщение, вопрос и побуждение; 5) утверждение и отрицание, по которым дифференцируются утвердительные и отрицательные предложения; 6) эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения [1].

Многие ученые не разделяют такое широкое понимание модальности. В частности, В.З. Панфилов писал, что эти разноплановые явления не могут быть объединены в пределах одной языковой категории: «Коммуникативная установка говорящего, его эмоциональное отношение к содержанию высказывания и субъективная модальность, хотя и могут быть отнесены к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и их роль в конституировании структуры предложения настолько различны, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным» [6].

Некоторые лингвисты видят в категории оценочности семантическую основу модальности, так как соотношение содержания с действительностью само по себе является оценкой этой действительности. В данной связи, М.В. Ляпон отмечал, что «субъективно-оценочная основа категории модальности обязывает учитывать эмоциональный элемент в отношении субъекта к информации» [5].

Сужая в некотором смысле значимость оценочности для категории модальности, А.В. Бондарко подчеркивает, что нельзя исключать оценочность при рассмотрении модальности, однако целесообразно рассматривать ее как особую семантико-прагматическую сферу, т.е. речь может идти лишь о периферии модальности [1]. Не включает оценочные модальные значения в область модальности А.Б. Шапиро: «Ничего общего со средствами выражения модальности в предложении не имеют те языковые средства, при помощи которых выражаются эмоции говорящего, а также экспрессивная окраска высказываний» [9]. Значение утверждения / отрицания также не относится к числу модальных многими исследователями. Например, Б.А. Плотников утверждал, что явление утверждения / отрицания имеет область пересечения с модальным аспектом реальности / ирреальности, но его отнесение «к сфере модальности нельзя считать общепризнанным, поскольку оно находится как бы в другой плоскости, в ином измерении по отношению к

позиции говорящего, которое и создает смысловое ядро рассматриваемой языковой категории» [7]. Сложность классификации модальных значений состоит в том, что, выделяемые по разноаспектным признакам, они частично пересекаются, так что возможны случаи, когда одно и то же значение (в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается) в рамках одной работы включается в разные ряды.

Лингвист А.В. Зеленщиков предлагает модель модальности, которая представлена взаимодействием трех противопоставлений, каждое из которых выполняет свою семантическую функцию: а) дескриптивность (отражает уровень достоверности высказывания) / креативность (нечто подлежащее осуществлению, способное к реализации); б) реальность (мир интерпретации одновременно является действительным миром) / ирреальность (мир совпадает с каким-либо возможным миром, принадлежащим множеству миров) / виртуальность (действительный мир не включается в множество миров); в) возможность (представляет описываемое положение дел как одно из многих, не менее возможных положений дел) / необходимость (описываемое положение дел как единственное из всех возможных, как неизбежное следствие или результат сложившихся обстоятельств) [4]. Однако в данном представлении границы модальности довольно размыты, нет однозначного понимания этих оппозиций, составляющих основу категории модальности.

Многие исследователи языка обращают внимание на понятийный характер модальности. Аналогом понятийным категориям языка в учении А.В. Бондарко выступают «функциональные категории». Каждая из модальных категорий по мнению ученого может быть представлена как функционально-семантическое поле (семантическое или семантико-прагматическое содержание, рассматриваемое в единстве со средствами его формального выражения в данном языке), при этом выделяются следующие поля: 1) возможность; 2) необходимость; 3) достоверность; 4) оптативность; 5) повелительность. С этой точки зрения модальность может трактоваться как комплекс функционально-семантических полей с указанным содержанием. Соответственно, в рамках каждого модального поля могут анализироваться определенные типовые категориальные (модальные) ситуации – ситуации возможности, необходимости, оптативные, императивные ситуации и т.п. [2]. Таким образом, модальность понимается как группировка функционально-семантических полей, представляющих собой подсистемы модальных значений, выделяемых по разноаспектным признакам.

Основываясь на вышеизложенном, логику и язык можно определить как надежность, вероятность, достоверность, реальную или нереальную, желательность,

побуждение или обязательство. Многие понятия в категории модальности свидетельствуют о стремлении исследователей выявить всю совокупность этих отношений, так или иначе связанных с понятием «модальность». Сложность и противоречивость понятий, путаница классификаций обусловлена стремлением охватить все новые появляющиеся факты и учесть новые оттенки, что приводит к необходимости реконструкции классификаций и бесконечного уточнения понятий. Подчеркивая

такое положение дел, А.В. Бондарко пишет: «Речь идет о попытках более четко выделить разные подсистемы в рамках охватываемого обобщениями широкого круга бесспорно модальных или “проблематично модальных” явлений, определить иерархию этих подсистем и эксплицитно описать отношения между ними» [2]. Необходимо заметить, что до сих пор возможность определения общемодального инварианта является одним из основных вопросов в характеристике модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко, А.В. Модальность. Вступительные замечания. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Ленинград: Наука, 1990. – С. 59–72.
2. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: 1975. – 568 с.
4. Зеленщиков, А.В. Форма и интерпретация модальных высказываний / А.В. Зеленщиков. // Трёхаспектность грамматики (на материале английского языка). – СПб., 1992. – С.
5. Ляпон, М.В. К вопросу о языковой специфике модальности / М.В. Ляпон. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1971. – № 3. – С. 230–239.
6. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов. // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 35.
7. Плотников, Б.А. Языковая модальность и ее категоризация / Б.А. Плотников. // Modalität und Modus: Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1994. – С. 25–35.
8. Сатина Т.В. Модальность как универсальная категория семантики // URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2023/01/2023-01-10.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).
9. Шапиро, А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке / А.Б. Шапиро. // Филологические науки. – 1958. – № 4. – С. 20–25.
10. Шведова Н.Ю. Арутюнова Н.Д., Бондарко А.В., Иванов Вал.Вас., Лопатин В.В., Улуханов И.С., Филин Ф.П. Русская грамматика.-М.: Наука,1980.-792 с.
11. Шведова, Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

© Денисова Оксана Игоревна (oidenisova@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЩЕЕ И ТИПИЧЕСКОЕ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ *ПО* – И ИХ «АНАЛОГОВ» В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ)

Зибукеева Зулихан Султановна

Старший преподаватель, Грозненский государственный
нефтяной технический университет
zibukaeva1963@mail.ru

**COMMON AND TYPICAL IN THE
STRUCTURE AND THE SEMANTICS OF
THE PREFIXAL VERBS IN STRUCTURALLY
DIFFERENT LANGUAGES (FOR EXAMPLE
RUSSIAN VERBS WITH THE PREFIX
PO – AND THEIR "COUNTERPARTS"
IN THE CHECHEN LANGUAGE)**

Z. Zibukayeva

Summary: The purpose of the article is to consider the role of prefixation in the formation of verbs, the origin of prefixes, their functional-but-semantic properties, based on the material of the Russian and Chechen languages. Comparison of the facts of two languages of different structure – Russian and Chechen suggests that the semantic (word-formation) function is both primary and mandatory for prefixes, regardless of the language in question. Grammatical function (as a rule, species-forming) is secondary, it can develop in prefixes in some languages, but may be absent. The absence of grammatical function prefixes in the language is associated by the author with the category of aspectuality: if the aspectuality in the language is formed only by the category of time and by the ways of verbal action, and the temporal forms express the values correlated with the invariant values of NE and NS, in the language prefixes perform only a word-formation role; if the aspectuality includes the grammatical form, it is based on the use of prefixes in the grammatical function.

Keywords: verb, verbal prefixation, Russian language, Chechen language, word-formation function, grammatical function, aspectuality, methods of action.

Аннотация: Цель статьи – с опорой на материал русского и чеченского языков рассмотреть вопрос о роли префиксации в словообразовании глаголов, происхождении приставок, их функционально-семантических свойствах. Сравнение фактов двух разноструктурных языков – русского и чеченского – позволяет считать, что семантическая (словообразовательная) функция является и первичной, и обязательной для префиксов, независимо от того, о каком языке идет речь. Функция грамматическая (как правило, видообразующая) вторична, она может развиваться у приставок в одних языках, но может и отсутствовать. Отсутствие у префиксов грамматической функции в языке связывается с категорией аспектуальности: если аспектуальность в языке формируется только категорией времени и способами глагольного действия, а временные формы выражают значения, соотносимые с инвариантными значениями СВ и НВС, в языке префиксы выполняют только словообразовательную роль; если аспектуальность включает в себя и грамматический вид, на ее базе закрепляется использование префиксов в грамматической функции.

Ключевые слова: глагол, глагольная префиксация, русский язык, чеченский язык, словообразовательная функция, грамматическая функция, аспектуальность, способы действия.

Актуальность исследования, результаты которого содержатся в этой статье, связана с тем, что в вопросе о функциональной нагрузке и семантике префиксов, достаточно полно рассматриваемом в каждом отдельно взятом языке, в общетеоретическом плане меньше ясности, поскольку языки и их группы (типы) обнаруживают свои специфические признаки, заставляющие в теоретических обобщениях постоянно делать исключения, уточнять, что многие из обобщений не претендуют на универсальность, и т.д. Для достижения большей степени убедительности или даже аксиоматичности теории нужно, чтобы она подкреплялась исследованием как можно более широкого круга языков, в том числе и

особенно сопоставительным. Это необходимо при рассмотрении единиц, категорий и явлений на всех уровнях языковой системы, в том числе словообразовательной, как в нашем случае. В этой статье мы поставили перед собой цель исследовать русские глаголы с префиксом *по-* с точки зрения наличия их аналогов в чеченском языке на предмет установления общего и различного в этих языках и нахождения таким образом аргументов в пользу положения о том, что префиксация в словообразовании глаголов в морфных языках имеет много общего как в плане происхождения приставок, их эволюции, так и их функционально-семантических свойств в этих языках в современном состоянии.

«Традиционно общее языкознание создавалось, как известно, преимущественно на материале флективных языков, отсюда особое внимание к морфологии» [Касевич 1988, с. 124]. Это вполне объяснимо, так как первоначально, при создании общего языкознания, ученые знали о существовании и других языков, но реально могли опираться лишь на материал близких им языков индоевропейских, характеризующихся флективностью своего морфологического строя, и поэтому в теоретических обобщениях опирались на этот известный им материал. Расширение в дальнейшем круга обозреваемых в теоретических построениях объектов повлияло, конечно, и на представления о грамматическом устройстве языков и их классификации по структурным признакам, и на теоретическое осмысление их единиц и категорий на каждом уровне языковой системы.

Одно время языковеды исходили из того, что во всех языках действуют одни и те же законы, получают оформление одни и те же категории, различиям между языками не придавали особого значения: даже после того, как во второй половине XIX в. была создана морфологическая классификация языков, во всех остальных языках, кроме индоевропейских, стремились находить в них те же единицы и категории и описывать их в терминах индоевропеистики. Даже после того, как были основательно изучены языки, характеризующиеся совершенно не свойственными индоевропейским (флективным) языкам категориями и свойствами – вплоть до отсутствия всякого морфологического строя, как, например, в китайском и вьетнамском языках, эта «традиция» не была совсем изжита, о чем говорят, например, составленные российскими и европейскими учеными в позапрошлом веке и в начале прошлого грамматики языков народов современной России, в которых как принадлежащие этим языкам были описаны морфологические категории (вида, например), типы предложений и их компонентов (придаточных, например), на самом деле отсутствующие в них или представленные такими единицами и категориями, которые могут быть соотнесены с «индоевропейскими», но сильно отличаются от них.

В этом плане, на наш взгляд, можно рассматривать и такое явление, как глагольная префиксация, представленная в современных языках по-разному и вместе с тем имеющая какие-то самые общие признаки в них, свидетельствующие о том, что в конце концов «есть такие свойства или закономерности, которые присущи всем естественным языкам» [Панфилов 1977, с. 99], возможно, даже подтверждающие убежденность В. фон Гумбольдта, заявлявшего, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [Гумбольдт 1985, с. 349].

То, что любой морфный (имеющий какие-либо признаки наличия грамматического, прежде всего морфо-

логического, строя) язык в той или иной мере и в тех или иных функциях использует аффиксы, не требует специального обоснования. Но это не значит, скажем, что среди этих аффиксов обязательно должны быть какие-то их определенные виды и типы. Скажем, можно предположить, что в том или ином языке, группе языков могут отсутствовать префиксы. Если даже окажется, что в любом морфном языке префиксы наличествуют, это не значит, что у них одни и те же функции во всех языках: в одних языках они могут использоваться для образования только новых слов, в других – для образования и слов, и форм; в одних языках префиксы могут выполнять ту или иную роль в сфере только одной части речи, в других круг частей речи может быть шире; и т.д.

Начнем с того, что состав самих префиксов в языках не особенно велик. В русском языке, например, насчитывают (вместе с заимствованными) всего 28 приставок: *в-, вз-, воз-, вы-, де-, дис-, до-, за-, из-, на-, над-, недо-, низ-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, пре-, пред-, при-, про-, раз-, ре-, с-, со-, у-*, исключив заимствованные, в том числе из старославянского языка, десять (выделены жирным шрифтом), имеем всего 18. Обилием приставок не характеризуются и другие индоевропейские языки: в немецком, например, где приставки делятся на отделяемые и не отделяемые, отделяемых 18 (это по своему происхождению **предлоги и наречия**, значение которых легко установить, например: *ab-, an-, auf-, aus-, bei-, ein-, fest-, her-, hin-, los-, mit-, nach-, vor-, weg-, wieder-, zu-, zurück-, zusammen-*), не отделяемых 8 (*be-, ge-, er-, ver-, zer-, emp-, ent-, miss-*). Не особенно отличаются в этом плане и глагольные приставки в английском языке. Обнаруживая сходство в этом – количественном плане, глагольные приставки в разных языках проявляют существенные схождения и в плане качественном – в отношении своих функционально-семантических свойств в первую очередь. Не использовавшийся в этом контексте материал чеченского языка также является подтверждением того, что глагольная префиксация, при всех различиях, обусловленных идиоэтническими чертами конкретного языка (или их группы), характеризуется в морфных языках некоторыми общими свойствами, заслуживающими внимания не только типологического, но и теоретического языкознания.

Полученные нами в результате исследования глаголов с префиксом **по-** русского языка и соотнесения с ними семантических аналогов в чеченском (аналоги структурно-семантические здесь редкость) данные показывают, с одной стороны, что в языках, существенно отличающихся друг от друга в структурном отношении, в том числе и в отношении словообразовательной и словоизменительной систем, обнаруживаются, тем не менее, и определенные сходства, свидетельствующие о том, что общие для всех языков – универсальные – закономерности и, тем более, закономерности типологиче-

ские (свойственные не всем языкам, а какой-то их части) существуют.

В чеченском языке, как и в целом в нахских языках, в котором, по мнению многих исследователей, особенно К.З. Чокаева, повторившего свое нижеприводимое утверждение во 2-ом издании работы, изданной в 1970 году, «сравнительно слабо развито именное и глагольное словообразование» [Чокаев 2010, с. 5]. При этом еще уточняется, что аффиксальный способ образования новых слов получил меньшее развитие, чем основосложение. Однако, говоря словами А.И. Халидова, все-таки «именное и глагольное словообразование ... развито так же «сильно», как и в любом другом языке, но из множества различных способов словообразования и словообразовательных средств в них используются такие, которые отвечают особенностям их грамматического строя и потребностям в словопроизводстве» [Халидов 2010, с. 52]. В дополнение к многочисленным доказательствам этого исследователя, свидетельствующим о том, что аффиксация в чеченском языке представлена в словообразовании значительно шире, чем принято считать, а отсутствие соответствий многим аффиксальным способам и средствам словопроизводства в сферах имен и глаголов, имеющимся в русском и других славянских языках, нисколько не говорит о «бедности» нахских языков словообразовательными средствами, но свидетельствует о наличии в этих языках других возможностей для выражения тех же значений, мы можем предложить результаты анализа русских глаголов с префиксом **по-** в их соотносительности с «аналогами» в чеченском.

Вначале при установлении таких «аналогов» создается впечатление, что как таковых этих аналогов соответствующим русским глаголам в чеченском языке практически нет. Случаев, когда русские префиксальные глаголы могут быть переведены префиксальными глаголами и при этом достигнута высокая точность перевода, минимальны. И эти случаи приходится в основном на глаголы, в которых выражены пространственные значения. Глаголов в чисто пространственном употреблении в русском языке немного, но многие глаголы начального СГД в русском языке выражают, как известно, оттенок направления действия в сторону от говорящего. Так вот, в этих случаях между чеченским и русским языками наблюдается наибольшее соответствие: ср. *поехать, пойти, полететь* – *длаваха, погнать – дlalалла, покатиться* – *длакарча, повести* – *длавига, помчаться* – *длаэккха* (ед.ч./*дlалиелха* (мн.ч.)), и нек. др. Кажется не случайным, что именно в этом значении оказалась возможной максимальной структурно-семантическая близость русских и чеченских глаголов. Дело в том, что и в русском и славянских в целом языках, и в индоевропейских языках, и в кавказских, если не вообще во всех языках, префиксы имеют сходное происхождение. К формированию приставок привели в самых своих об-

щих чертах сходные процессы в языках. Исследователи индоевропейских языков почти солидарны во мнении, что приставки современных языков прошли эволюцию от наречий к предлогам и от них к приставкам. В ходе их развития на каком-то этапе освободилась позиция перед глаголом и появилась возможность присоединения к ним префиксальных элементов, возникших из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов, на что указывала в своей работе Л.В. Табаченко [Табаченко 2004, с. 15]. Хорошо подготовленная почва стала своеобразной «базой» независимых реляционных элементов, на месте которых со временем появились как предлоги (в сочетании с именем, субстантивом), так и приставки (в сочетании с глаголом). Следовательно, приставочное словообразование активно развивалось у глаголов и характерно для глаголов, что обусловлено исторически: вначале они занимали позицию отдельного слова перед глаголом, а затем сливались с глагольной основой, превращаясь в приставки в том смысле, в каком они понимаются сейчас. И интересно то, что сказанное относится в значительной мере как к названным языкам, так и к чеченскому и многим другим. Как бы мы ни расширяли круг языков, будем приходить к тому, что все современные языки, имеющие префиксы, характеризуются участием их в глагольном словообразовании в той или иной степени, а сами префиксы в них в своем большинстве исторически восходят к самостоятельным словам, поэтому закономерно, что они содержат в себе в первую очередь элемент лексичности, заключающийся в выражаемых ими словообразовательных значениях. Но языки, относящиеся в известной классификации к разным типам, даже во многих отношениях близкоструктурные, могут существенно отличаться в другом – в системе самих значений и функций, принадлежащих приставкам в целом и каждой в отдельности. В этом отношении чеченский язык, продемонстрировав некоторое сходство с русским, в некоторых общих и особенно частных признаках проявляет типические (свойственные многим кавказским, и не только, языкам) и идиоэтнические черты. Ярким проявлением последних является, например, то, что в чеченском языке мы практически не находим *префиксальных* соответствий русским приставочным глаголам, обозначающим значение «приобрести признак, обозначенный производящей основой». Префиксальных нет, но аффиксальные все-таки обнаруживаются. Это глаголы с суффиксоидами *дан* «делать/сделать», *дала* «становиться/стать», перевод которых на русский язык во многих случаях дает нам глаголы с префиксом **по-**: *басардан* «покрасить», *сихдан* «поторопить», *къахьдан* «погорчить», *дуохдан* «погреть; согреть»; *ларждадала* «почернеть», *сиендала* «посинеть» и др., о которых ранее писал А.И. Халидов [Грамматика 2013, с. 708-734]. Особо здесь следует выделить глаголы на *-дала*, которые дают в большинстве случаев в переводе русские аналоги глаголов с префиксом **по-**: *сихдала* «поторопиться, по-

спешить», *сиендала* «посинеть», *къандала* «постареть», *кьундала* «помолодеть», *ларждала* «почернеть», *мажда* «пожелтеть», *цланда* «почиститься», *йухьяла* «по-теплеть, согреться», *цлийдала* «покраснеть», *кьиеждала* «посесть», *шиелдала* «похолодеть, охладиться; замерзнуть», *лахдала* «понизиться», *макхдала* «побледнеть», и др. При этом представляет интерес то, что выражаемое с помощью этого суффиксоида, а еще чаще суффиксоида *дан* значение приобретения признака, наделения свойством, обозначенным производящей основой (как правило, именем прилагательным), которое не может быть представлено глаголом с префиксом **по-**, в русском языке выражается глаголами с другими приставками и иногда образованными не от именных основ, дающими в семантическом плане тот же результат: *дурдан* «пересолить», букв. «сделать (очень) соленым», *биеждан* «испачкать», *гуоргдан* «округлить» сделать круглым», *жимдан* «уменьшить», *цлийдан* «накалить; нагреть докрасна», *нисдан* «выпрямить, выправить», *нисдала* «выпрямиться, выправиться». При этом рассмотренные суффиксоиды дают нам возможности практически адекватного перевода русских и возвратных, и невозвратных глаголов с префиксом **по-**, обозначающих соответственно приведение в определенное состояние «себя» или кого-л. другого. Обратимся к примерам: *беречь / побережься* – *лалашдан / лалашдала*; *повеселить / повеселиться* – *самукьадаккха / самукьадала*; *повесить / повеситься* – (*хьала*)*олла / ирхьолладала*. Поскольку в чеченском языке признаки переходности существенно иные, чем в славянских языках, нередко один чеченский глагол дает нам в русском переводе и переходный глагол, и возвратный: *клайдала* – «побелеть», «белеться», *ларждала* – «почернеть», «чернеться». Возможность совмещения в чеченском глаголе семантики несовершенности/несовершенности, реализуемой не категорией вида, а временными формами, из которых одни выражают значение, соотносимое с НСВ русского глагола, другие – значение, соотносимое с СВ (см. об этом [Халидов 1987]), объясняет выявленные нами аналоги русским приставочным глаголам в виде безаффиксальных глаголов, в которых в определенных временных формах могут быть реальные соответствия глаголам с префиксом **по-**, выражающим значение результативности и, соответственно, СВ. В чеченском языке такое становится возможно в редких случаях отсутствия у глагола обеспечиваемой внутренней флексией корреляции однократности/многократности: *дайъа* – «терять» и «потерять», *латта* «стоять» и «постоять», *лаза* «болеть» и «поболеть» (ср. *Цуо, шега мел даларх, ахча дайъура* «Он, сколько бы ему не давали, деньги терял», где глагол в прошедшем несовершенном времени, и *Цуо шега мел делла ахча дайъура* «Он все что ему дали деньги потерял» с глаголом в прошедшем очевидном времени). Аналогом русскому глаголу с общерезультативным значением (значением совершенного вида) в чеченском может быть и безаффиксный глагол, имеющий кратный коррелят, в этом случае русскому глаголу с префиксом

по- СВ соответствует однократный глагол: *хьажа* – *по-смотреть*. Многократный коррелят — это значение результативности теряет, и внутренняя флексия придает значение многократности и длительности: *хьиежа* «смотреть, посматривать».

Свидетельством того, что многие значения, выражаемые в русском и многих других языках в структуре глаголов префиксальным способом, могут быть в иных языках, в зависимости от особенностей их грамматического строя, реализованы не только не префиксальным (суффиксальным, как в разобранных случаях выше), но вообще не аффиксальным, а другим способом, служит установленный в нашем исследовании факт преобладания в чеченском языке среди аналогов русским глаголам с префиксом **по-** словосочетаний. Какого-то единого типа таких словосочетаний, которые являются семантическими аналогами русских приставочных глаголов в тех или иных значениях, в чеченском языке мы не можем выделить. Это могут быть и глагольно-наречные словосочетания, в которых передается значение ограниченности объема и времени совершения действия (соответствие ограничительному СГД в русских приставочных глаголах), напр., *жимма лизн* – *побыть*, и глагольно-субстантивное словосочетание, выражающее аналог результативного СГД русских префиксальных глаголов, напр., *баркалла ала* – *поблагодарить*, либо сочетания «вспомогательных» или иных глаголов с именами существительными в объектном значении, в своей совокупности обозначающие действие и уже не разлагаемые на компоненты: *собар дан* «повременить; потерпеть», *гловгла ян*; *глов дан* «погрохотать», *цинцаш туоха* «побрызгать», *баркалла ала* «поблагодарить» и др.

Для теоретической морфологии и теоретического словообразования представляет несомненный интерес, конечно, то, что префиксальные глаголы в морфных языках различаются в функциональном отношении: в одних, таких, как русский и многие другие, префиксы в глаголах выполняют и словообразовательную, и формообразующую функции, причем, как правило, совмещают ее в одном и том же слове, в других префиксы или выполняют только словообразовательную функцию, как в чеченском и в целом нахских языках, или встречаются в грамматической (формообразующей) функции крайне редко.

На основании установленных в этой статье данных и опираясь на предшествующие публикации (см., напр., [Зибукаева 2017; 2017б]) мы приходим к **выводу**, что глагольная префиксация в морфных языках имеет целый ряд сходжений, имеющих значимость для теоретического и типологического языкознания. На эти сходжения указывает и сопоставление глагольной лексики русского и чеченского языков, в частности, глаголов с префиксом **по-** русского языка и их аналогов в чеченском, свидетельствующее о том, что процесс глагольной префиксации

в разных языках шел в направлении последовательной грамматикализации от наречий к предлогам (послелогам) и далее – к приставкам. Более того, в своем современном состоянии даже принадлежащие к разным типам в структурной классификации языки обнаруживают, при всех их различиях, определенные общие черты, касающиеся и функциональных характеристик глагольных префиксов, и выражаемых с их помощью значений – словообразова-

тельных в первую очередь. Именно поэтому, например, достигается некоторая степень адекватной переводимости на чеченский язык русских глаголов с префиксом **по-**, обеспечиваемая в том числе наличием аффиксальных аналогов русским глагольным лексемам, а при их отсутствии – возможностью перевода семантически максимально близкими к русским приставочным глаголам глагольными словосочетаниями в чеченском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ulrich Engel. Deutsche Grammatik. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1996. 888 S.
2. Алефиренко Н.Ф. Общее языкознание. История и теория языка. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2013. 310 с.
3. Грамматика чеченского языка. В трех томах. Автор проекта и научный редактор А.И. Халидов. Том II. Введение в грамматику. Фонетика. Морфемика. Словообразование. Грозный, 2013. 848 с.
4. Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., «Прогресс», 1985. 452 с.
5. Зибукоева З.С. Семантико-словообразовательные особенности русских глагольных лексем с приставкой по- и их аналоги в чеченском языке // «Успехи современной науки и образования». Том 3, № 4. 2017. С. 99-102.
6. Зибукоева З.С. Структурно-семантические особенности производных глаголов с приставкой по- в русском языке и их аналогов в чеченском языке // «Успехи современной науки и образования». Т. 1, № 6. 2017. С. 213-218.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. 309 с.
8. Москальская О.И. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка). М.: Академия, 2004. 352 с.
9. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., «Наука», 1977. 287 с.
10. Табаченко Л.В. Семантическая эволюция приставочных позиционных глаголов в истории русского языка (на примере глагола надлежать) // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Ч. 2. Смоленск, 2004. С. 148-154.
11. Халидов А.И. К определению видового инварианта чеченского глагола // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. XIV. Тбилиси, 1987. С. 183-190.
12. Халидов А.И. Чеченский язык: Морфемика. Словообразование. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2010. 768 с.
13. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Грозный: изд-во АН ЧР, 2010. 384 с.

© Зибукоева Зулихан Султановна (zibukaeva1963@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАКАТОВ)

POSITIONING STRATEGY IN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON MODERN GERMAN POLITICAL POSTERS)

A. Lezhnina
A. Filatova

Summary: The article covers the problem of implementing the positioning strategy in the German political poster. The features of this strategy are analyzed, the tactics of separation from competitors is called as the main speech tactic. The ways of expressing, used to implement this tactic, are highlighted.

Keywords: political poster, political discourse, communicative strategy, communicative tactic, positioning strategy.

Лежнина Анна Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (Санкт-Петербург)
cayetanna16@gmail.com

Филатова Алёна Григорьевна

Преподаватель, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного (Санкт-Петербург)
alyonafilatowa@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме реализации стратегии позиционирования в немецкоязычном политическом плакате. Анализируются особенности этой стратегии, в качестве основной речевой тактики называется тактика отстраивания от конкурента. Выделяются речевые ходы, применяемые для реализации данной тактики.

Ключевые слова: политический плакат, политический дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, стратегия позиционирования.

Политический дискурс – это сфера социального взаимодействия, основной целью которого является завоевание власти через персуазивное воздействие на потенциального массового адресата. Достижение этой цели в современных реалиях возможно при помощи различных коммуникативных инструментов (плакаты, листовки, видеоролики, устные и письменные выступления перед избирателями/оппонентами и т.п.), которые широко применяются как в период предвыборных кампаний, так и в процессе непосредственной политической деятельности. В фокусе внимания представляемой работы находятся политические плакаты Германии, рассматриваемые с точки зрения представления личности политических акторов и их партий.

Целью статьи является анализ тактик и речевых ходов, задействованных при реализации стратегии позиционирования, в немецком политическом плакате. **Актуальность** исследования различных проявлений индивидуума в коммуникации в целом и в сфере политического общения в частности определяется тем, что современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, направленной на всестороннее рассмотрение человека в языке и языка в человеке: “Человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели” [Кубрякова, 1995: 212]. Научная **новизна** представляемого исследования состоит в том, что стратегия позиционирования впервые рассматривается на материалах немецкого политического плаката. В

качестве исследовательского **материала** нами были выбраны политические плакаты партий Германии (АдГ/AfD, ХДС/CDU, СвДП/FDP, Зелёные/DieGrünen), Левая партия/dieLinke и СДПГ/SPD), представленные общественности в период с 2010 г. по 2021 г. В качестве основных **методов** исследования привлекались метод анализа и контекстуально-интерпретационный метод научного описания языкового материала.

Основная часть

Вслед за О.С. Иссерс [Иссерс, 2008] отметим, что любая коммуникация носит стратегический характер, соответственно эффективность воздействия речи в политическом дискурсе также достигается благодаря применению тщательно продуманной системы коммуникативных стратегий и тактик. Коммуникативные стратегии и тактики – это элементы планирования речевой деятельности, находящиеся в отношении целого и части: стратегия трактуется как “планирование в максимально обобщённом виде”, а тактика как конкретные шаги, позволяющие реализовать стратегию [Чудинов, 2009: 61]. Это отношение отмечается и в определении О.С. Иссерс, которая определяет стратегию как “совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего”, а тактику как “одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии” [Иссерс, 2008: 109-110]. Если О.С. Иссерс акцентирует внимание на цели, которую ставит перед собой адресант, то О.Л. Михалёва также подчёркивает

особенности ситуации, в которых осуществляется коммуникация, говоря о стратегии как «плане оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающем объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают <...>использование определённых языковых средств», и о тактике как «этапе реализации коммуникативной стратегии» [Михалёва, 2009: 45]. Отсутствие единства в трактовках понятий «стратегия» и «тактика» закономерно приводит к тому, что их общепринятая классификация также не сформулирована. Так, например, можно разделить стратегии на основные (наиболее значимые с точки зрения целей и задач адресанта в рамках данного акта коммуникации) и вспомогательные (поддерживающие основные стратегии) [Цуциева, 2018: 192].

Отметим, что выбор стратегий и тактик зависит от коммуникативных целей адресанта. Политическая речь ориентирована на привлечение избирателей, модификацию их мировоззрения, а также отграничение от оппонентов. Политический плакат как инструмент политического дискурса является также компонентом персуазивной коммуникации, т.е. ментально-речевого взаимодействия коммуникантов, предполагающее оказание ненасильственного воздействия на одного из них [Голоднов, 2003: 4]. Во всех речах политических акторов реализуется комплекс коммуникативных стратегий и тактик, однако ведущей, как справедливо отмечает М.Г. Цуциева [Цуциева, 2018: 194], выступает персуазивная, направленная на достижение главной цели – обретение власти. Другие стратегии и тактики дополняют её. В их числе и стратегия позиционирования, позволяющая воздействовать на массового адресата посредством подсвечивания сильных сторон того или иного политика, партии.

В представляемой работе стратегия позиционирования будет определяться как совокупность речевых действий, направленных на создание положительного имиджа политического деятеля или партии. Цель применения указанной стратегии видится в привлечении внимания к представляемому политиком социальному образованию (политической партии), завоевании избирателей. Как отмечает Н.Ф. Ехлакова, использование стратегии позиционирования предполагает в первую очередь акцентирование особых свойств, составляющих конкурентное преимущество, создание собственного уникального образа на фоне соперников, а также внедрение этого образа в сознание аудитории [Ехлакова, 2023: 10]. Иначе говоря, цель стратегии позиционирования заключается также в формировании в сознании аудитории определённых элементов узнаваемости, позволяющих, отделять, отграничивать политика от соперников. В связи с этим в качестве ведущей тактики реализации стратегии позиционирования выступает отстройка от конкурентов, которая позволяет воздейство-

вать на целевую аудиторию путем аргументации через «уникальное ценностное предложение» [Ехлакова, Иссерс, 2022: 24].

Отобранный текстовый материал позволил выделить некоторые особенности реализации стратегии позиционирования и ее ведущей тактики отстройки от конкурентов. Мы разделили речевые ходы, используемые в немецких политических плакатах, на несколько групп, в зависимости от способа отстройки от противников. Среди них можно выделить следующие: 1) позитивный образ будущего («мы делаем все по-новому, иначе, чем другие»; «наша картина будущего лучше, чем у конкурентов»); 2) уникальные ценности («мы предлагаем уникальную систему ценностей»); 3) эмпатия («мы как никто другой понимаем нужды избирателей»); 4) искренность («в отличие от других мы ведем честную игру»); 5) выбор кода («мы умеем говорить на языке избирателей»).

Рассмотрим несколько примеров

Речевые ходы, основанные на способе отстройки от конкурентов «позитивный образ будущего», в немецкоязычных политических плакатах реализуются через противопоставление существующего положения дел тем изменениям, которые могут произойти в случае избрания представленных кандидатов. Так, в приведенном ниже примере политик Д. Мюншке отграничивает себя от других кандидатов, давая понять избирателю, что перемены в политической жизни страны возможны только в случае его избрания:

Ändern Sie nicht Ihre Meinung. Ändern Sie die Politik

Стоит отметить, что, используя глагол ändern в повелительном наклонении, адресант как бы показывает избирателю, что перемены возможны только при его активном участии в голосовании и выборе конкретного кандидата, который не предаст идеалы электората, а изменит политический строй в соответствии с ними.

Следующий пример показывает, как формируется образ кандидата как политика, способного дать стране новое (подразумевается – лучшее) будущее:

Die Zukunft braucht neue Ideen. Und einen, der sie durchsetzt.

Слоган, в котором нет прямого указания на конкретного кандидата, а только обозначения предъявляемых ему требований – создать для страны прекрасное будущее путем внедрения новых идей, взаимодействует на плакате с изображением кандидата, закрепляя в сознании избирателя связь между визуальным и текстовым компонентом плаката и формируя образ политика-новатора.

Представленный ниже слоган партии АдГ также предлагает избирателю альтернативу существующему положению дел:

Deutschland. Aber normal.

Неполное парцеллированное предложение, составляющее приведенный слоган, состоит из двух частей: первая часть *Deutschland* обещает избирателю сохранить его страну, а вторая часть, противопоставленная первой с помощью союза *aber*, рисует картину будущего, в которой эта страна станет «нормальной», то есть обретет правильные с точки зрения партии ценностные ориентиры. Избирателю внушается идея о том, что существующая власть развивает страну в неверном направлении, что так или иначе отразится на ее гражданах. Только выбор «правильного» кандидата способен изменить это положение вещей.

Слоган предвыборной кампании Т.Л. Кеммериха *Hallo Übermorgen* представляет кандидата прогрессивным политиком, смотрящим далеко в будущее.

Речевые ходы, основанные на способе отстройки от конкурентов «уникальные ценности», используются кандидатами с целью продемонстрировать свои ценностные ориентиры, отличные от ценностей их конкурентов. Например, предвыборный плакат Ф. Петри содержит вопрос, адресованный избирателю:

Und was ist Ihr Grund für Deutschland zu kämpfen?

При этом визуальный ряд плаката – кандидат с младенцем на руках, дает ответ, за какие ценности готова бороться сама Ф. Петри в случае ее избрания.

Д. Верзих в своих предвыборных плакатах обозначает ценности (экономика, наука, безопасность и чистота), которым он стремится уделить больше внимания, чем действующая власть:

Mehr tun für Wirtschaft und Wissenschaft. Mehr tun für Sicherheit und Sauberkeit.

Следующий пример также демонстрирует уникальное ценностное предложение для избирателя:

Mehr für Bürger. Weniger Brüssel.

Представленный слоган содержит скрытую критику действующей власти, которая, по мнению кандидата, фокусируется на интересах Европейского союза, штаб-квартира которого находится в Брюсселе, и недостаточно – на проблемах граждан Германии. С помощью предвыборного плаката кандидат от АдГ стремится убедить избирателей, что для него качество жизни граждан является ценностью.

Партия «Зеленые», используя англоязычное заимствование *Power*, отсылающее к третьей волне феминизма, заявляет своей ценностью защиту прав женщин:

Für Frauen mit Power.

Речевые ходы, основанные на способе отстройки от

конкурентов «эмпатия», призваны демонстрировать избирателям понимание их потребностей и переживаний, выразить им поддержку. Например:

Ich mach' das.

Mit Kompetenz.

Mit Herz.

Mit Euch.

Существительное *Herz*, а также обращение на «ты» позволяет создать образ кандидата-старшего друга, готового помочь менее компетентному товарищу.

Mein Lobbyismus heißt kümmern.

В приведенном выше примере кандидат напрямую заявляет, что забота об избирателях является для него приоритетом.

Слоган партии АдГ „*Trau dich, Deutschland!*“ также содержит поддержку избирателей, которые на основе метонимического переноса называются *Deutschland*, и призыв к действию.

Способ отстройки от конкурентов «искренность» реализуется в слоганах, подчеркивающих большую честность и открытость кандидата в сравнении с его противниками. Так, например, кандидат от партии СвДП выступает со следующим слоганом:

International & weltoffen. „Dänen lügen nicht.“

Политик делает акцент на том, что отличает его от других кандидатов – открытости (*weltoffen*) и честности (*lügen nicht*), которые присущи ему, как следует из текста плаката, по причине его датского происхождения.

Выбор языкового кода, отличного от конкурентов, нацелен на привлечение внимания конкретной аудитории, для которой такой код будет особенно релевантным. Так, например, использование разговорной лексики в приведенном ниже примере позволяет партии Левых выстраивать потенциальный диалог с избирателями молодого возраста:

Rechts swipen, links wählen!

Используя в слогане глагол *swipen* (от англ. *swipe* – смахивать), известный в молодежной среде в значении «выразить кому-либо симпатию в приложении интернет-знакомств», партия привлекает внимание молодых избирателей, подавая таким способом сигнал, что, в отличие от конкурентов, разговаривает с ними на одном языке.

Заключение

Итак, анализ языкового материала показал, что стратегия позиционирования в немецкоязычном политическом плакате представляет собой совокупность речевых действий, направленных на создание положительного имиджа политического деятеля или партии. Цель страте-

гии заключается в формировании в сознании аудитории определённых элементов узнаваемости, позволяющих отграничивать политика от соперников. В связи с этим в качестве ведущей тактики реализации стратегии позиционирования выступает отстройка от конкурентов.

Речевые ходы, используемые в немецких политических плакатах, в зависимости от способа отстройки от

противников делятся на группы: 1) позитивный образ будущего; 2) уникальные ценности; 3) эмпатия; 4) искренность; 5) выбор кода.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении различных речевых приемов, используемых для реализации стратегии позиционирования, в различных дискурсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: на примере современной немецкоязычной рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Голоднов; Рос.гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2003. – 23 с.
2. Ехлакова Н.Ф. Тактика отстройки от конкурентов в политическом дискурсе президента РФ В.В. Путина / Н.Ф. Ехлакова, О.С. Иссерс. // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6 (96). — С. 22-30.
3. Ехлакова Н.Ф. Стратегия позиционирования и тактика отстройки от конкурентов в дискурсе высших должностных лиц государства (на материалах выступлений президента России В.В. Путина и экс-президента США Д. Трампа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8 / Красноярск, 2023. – 24 с.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С.144-238.
6. Михалёва О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 252 с.
7. Цуциева М.Г. Дискурсивные параметры языковой личности политика / М.Г. Цуциева. – Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2018. – 422 с.
8. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / Отв. Ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.

© Лежнина Анна Сергеевна (sayetanna16@gmail.com), Филатова Алёна Григорьевна (alyonafilatowa@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Ли Юнь

Пекинский университет иностранных языков

liyun19931026@163.com

TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF LITERARY TRENDS IN MODERN RUSSIAN PROSE

Li Yun

Summary: Modern Russian literature is of great interest to both Russian and foreign readers, which indicates a tendency to return to reading and comprehend all its charms, teaching potential, leisure components of this type of activity, as well as the growing importance of the Russian language in the world community. Russian literature is beautiful and incomprehensible. Readers never cease to be amazed by its depth, scale, and influence on the minds of modern people both in Russia and abroad. Literature also helps to master the Russian language, especially for foreigners, reveals its mechanisms, paths, techniques and other influencing technologies and forming components.

Modern Russian literature is precisely today's literary process, its development is evidenced by awards to writers, the incredible activity of publishers, book fairs of modern literature, meetings with modern famous authors, the activity of electronic sites and libraries.

The relevance of this work lies in the need to study modern trends in Russian literature, to determine potential of their development in modern Russian realities.

The subject of the research is Russian literature.

The object of the research is modern trends in Russian literature.

The novelty of the work lies in identifying the features of modern trends in Russian literature, as well as in determining directions of their development in the modern literary context.

The practical significance of the work lies in the use of the materials of the work in the classes on the Russian language and literature for Russian and foreign students, in the construction of methodological developments for students and graduate students of philological and other humanitarian areas.

Keywords: modern Russian literature, development trends, literary realities, development, potential, modern approaches, methodological component, trends.

Аннотация: Современная русская литература представляет огромный интерес как для российского, так и зарубежного читателя, что говорит о тенденциях возврата к чтению и постижению всех его прелестей, обучающего потенциала, досуговых составляющих указанного вида деятельности, а также возрастающей значимости русского языка в мировом сообществе. Русская литература прекрасна и непостижима. Читатели не перестают удивляться ее глубине, масштабности, влиянию на умы современных людей как в России, так и за рубежом. Литература помогает освоить и русский язык, в особенности иностранцам, раскрывает его механизмы, тропы, приемы и прочие воздействующие технологии и формирующие компоненты.

Современная русская литература представляет собой именно сегодняшний литературный процесс, о его развитии свидетельствуют премии писателям, невероятная активность издательств, книжные ярмарки современной литературы, встречи с современными известными авторами, активность электронных сайтов и библиотек.

Актуальность данной работы заключается в необходимости изучения современных течений и направлений в русской литературе, определения тенденций их развития в современных российских реалиях.

Предметом исследования является русская литература.

Объектом исследования являются современные направления русской литературы.

Новизна работы заключается в выявлении особенностей современных направлений русской литературы, а также в определении тенденций их развития в современном литературном контексте.

Практическая значимость работы заключается в использовании материалов работы на занятиях по русскому языку и литературе для российских и иностранных студентов, в составлении и разработке методических рекомендаций для студентов и аспирантов филологических и прочих гуманитарных направлений.

Ключевые слова: современная русская литература, тенденции развития, литературные реалии, развитие, потенциал, современные подходы, методический компонент, направления.

Русская литература по истине является шедевром мирового искусства, это признано и неоднократно доказано в процессе сотен лет. Классические произведения изучаются в российских и зарубежных школах и университетах, пишутся исследования, трактаты, пояснения, выполняется большое количество переводных изданий на английском, немецком, французском, китайском и многих других языках мира. Это классика, которой владеет каждый современный образованный, эрудированный и культурный человек.

Но что же происходит в настоящее время в российской литературе? Мы шагнули в 21 век, соответственно, писатели и поэты Серебряного века постепенно становятся классикой, произведения о войне, развитом социализме и 90-ых годах также пошагово превращаются в прошлое, интересное, качественное, но все же характеризующееся пройденным этапом [1]. Современные литературные российские реалии вносят свои коррективы и, следовательно, мы наблюдаем новые тенденции и направления в русской литературе.

Рассмотрим те направления, которые процветают и развиваются в России последние пару лет. Основными литературными направлениями являются на сегодняшний день постмодернизм, реализм, модернизм и неосентиментализм.

Отметим, что существуют некоторые общие тенденции развития русского литературного процесса.

Во-первых, постмодернизм продолжает влиять на всю современную литературу. Он пытается подавить реализм, сам при этом является достаточно уязвимым. Вспомним конкуренцию и разногласия по поводу премии Букер между Георгием Владимовым и Виктором Пелевиным.

Во-вторых, наблюдается стирание границ между реалистичными и нереалистичными направлениями в литературе, например, творчество Натальи Галкиной, Николая Кононова, Веры Павловой, Ольги Славниковой. Кроме того, границы постепенно уходят между интеллектуальной и массовой литературой. Вспомним работы Бориса Акунина и Татьяны Толстой. Стираются грани между литературными жанрами, например, женские детективы Дарьи Донцовой, Татьяны Поляковой и детективы – утопии – пародии Хольма Ван Зайчика. Также отметим тенденции к слиянию литературной и внелитературной действительности, например, рекламное раскручивание писателей, внедрение рекламных сообщений в произведения и прочие слияния, которые были категорически неприемлемы в литературных кругах ранее [2].

Постмодернизм появился в 80-ых годах и представлял собой так называемую «другую литературу». Основателями являются Дмитрий Пригов, Иван Жданов, Лев Рубинштейн, Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев. Отметим, что для русского постмодернизма характерно разделение стратегий на два вида. Первый вид – это постмодернизм как комплекс мировоззренческих установок и эстетических принципов. Второй вид – это постмодернизм как манера письма, которая может быть глубинной и поверхностной [3].

Русский постмодернизм в целом может быть определен как новый тип сознания, для которого характерен кризис иерархии ценностей. Разрушение иерархии ценностей основано на постулате равновеликости и равноправия всех элементов Вселенной. Отсутствует деление на высокие и низкие ценности, на духовное и материальное, на душу и тело.

В постмодернистской литературе такое разрушение выглядит явно и открыто. Например, героиня повести В. Нарбиковой «Равновесие цвета дневных и ночных звезд» говорит о любви к человеку, как о симпатии «к морю, пиву, картошке, собаке, книжке». Основное по-

нятие постмодернизма, это представление мира, как текста. Мир непознаваем, он состоит из суммы текстов в разной последовательности. Текст – это описание. Человеческий воспринимает именно это описание, не более того [4]. Так как текст бесконечен, нет необходимости определять его начало или конец, также нет разницы между автором и читателем, также наблюдаются определенные игры с читателем в постмодернистской литературе.

Постмодернистская литература очень разнообразна. Классиком этого направления в современности является Владимир Сорокин, чья литературная игра просматривается в произведениях «Лед», «Пир» и других. Он проводит разрушительные эксперименты со стилями, лексикой, литературными постулатами.

Другими авторами постмодернизма являются Михаил Кононов с романом «Голая пионерка», в котором раскрываются определенные эпизоды Великой Отечественной войны, Михаил Елизаров, которого назвали «новым Гоголем» с его мемуарами «Ногти», которые характеризуются сочностью языка, музыкальностью и органичностью, Анастасия Гостева, которая пишет о сознании наркоманов. Отметим также «Простые желанья» Юлии Кисинной, которая подвергает критике детство, которое может быть необязательно счастливым, но и черным по своей сути. Подобные мотивы просматриваются в прозе Юрия Мамлеева в «Шатунах» и «Блуждающем времени». Скандальный роман «Оправдание» Дмитрия Быкова соединяет классические и новые тенденции, сводит вместе традиционно-реалистические мотивы и фэнтези. Наряду с указанными произведениями к постмодернизму можно отнести так-называемые «филологические» романы Владимира Новикова, Сергея Носова, Валерия Исакова «Роман с языком, или Сентиментальный дискурс», «Хозяйка истории», «Читатель Чехова» соответственно.

Современный русский модернизм берет свое начало в литературе Серебряного века. Авторы модернизма солидарны с писателями постмодернистского направления в контексте манеры письма. Но это сходство поверхностно [5]. Отличие модернизма в том, что в его произведениях не разрушена вертикаль ценностей, сохраняются высокое и низкое, духовное и телесное, гениальное и бездарное распределения. Современный модернизм восходит к творчеству Владимира Набокова, а постмодернизм начинается с работ Даниила Хармса.

В данном контексте можно привести в качестве примера роман Татьяны Толстой «Кысь». Это роман – антиутопия, роман – пародия о жизни страны, которая ранее называлась Россией и была отброшена практически в каменный век взрывом. Роман соединяет в себе отказ от наследия реалистических традиций, о чем свидетельствует языковая игра автора с читателем и некая азбука изложения событий, а также раскрывает понятие Истины, к

которой стремится герой. Отметим, что пародийность указанного романа не абсолютна, она оканчивается там, где начинается область Истины, Добра и Красоты [6].

Следующим направлением является русский реализм, который имеет несколько разновидностей в современных реалиях.

Во-первых, это неокритический реализм. Он берет начало в натуралистической школе русского реализма 19 века и изображает все стороны жизни без ограничения. Это течение можно назвать «современным натурализмом», возродившимся в конце 80-ых годов прошлого столетия. Его типичным представителем является Сергей Каледин с его «Смирненным кладбищем» и «Стройбатом». Также к данному направлению можно отнести произведения Ларисы Петрушевской 70-90-ых годов прошлого века, повести Романа Сенчина, например, «Минус», в которой изображается печальная жизнь маленького сибирского городка. Кроме того, данное направление представлено в работах Олега Павлова, Александра Титова, Владимира Маканина. Тексты данных работ пессимистичны. Стиль изложения лаконичен, тяжел, характеризуется безыскусственностью слога [7]. Авторы не верят в высокие ценности, и в качестве героев их произведений выступают ограниченные, не особо развитые люди.

Во-вторых, следующей разновидностью современного русского реализма является онтологический, или метафизический реализм. Его пик приходится на 70-ые годы 20 века. Его представителями являются Василий Белов, Валентин Распутин. Их деревенская проза стала своеобразной школой для молодых писателей данного направления. Философско-эстетическая суть онтологического реализма заключается в том, что в человеческой жизни существует определенный потаенный смысл, который нужно постигать, а не искать собственное место под солнцем. Русский человек это сделать может. Ключевой сегмент метафизического реализма состоит в панпсихизме, что предусматривает одушевленность всего мира вокруг человека, с чем и связан определенный символизм. Современные авторы указанного направления ищут не простые причинно-следственные связи между знакомыми явлениями, а некий сакральный смысл. Это проза Лидии Сычевой, Юрия Самарина, Ольги Шевченко, Владимира Бондаря. Общим для всех них является религиозность, христианский взгляд на мир.

Третья разновидность русского реализма – это постреализм. Этот термин был введен критиком Марком Липовецким для обозначения экзистенциального поединка личности с хаосом жизни. Авторы данного направления используют эстетику постмодернизма [8]. Это Михаил Бутов, Михаил Шишкин, Ирина Полянская, Юрий Буйда. Основной особенностью постреализма является личная ответственность, свобода личности, что требует

индивидуальной проверки и примерки, а также характеризуется незавершенностью поединка личности с хаосом. Несмотря на жесткие сюжеты, язык произведений данного направления поэтичен, красив, гармонизирован. Роман «Похороны кузнечика» Николая Кононова является типичным представителем постреалистического направления. Именно экзистенциальный темперамент и изощренный натурализм, приправленный специфическим языком, ярко иллюстрируют постреалистическое направление в русской литературе.

Также к указанному направлению можно отнести прозу Ольги Славниковой. Ее героини – бедные провинциалы, несчастные, страшноватые люди из маленького уральского городка, однако они в непрестом окружении остаются настоящими людьми. Трагедия их жизни связана с трагедией всей страны, но все же теплится некая надежда на лучшую жизнь, на свободу слова и независимость [9]. Как видим, поединок личности и проблем жизни – тема бесконечная.

Следующее направление в русской современной литературе представлено неосентиментализмом, наличие которого подтверждается всеми известными критиками. В его основе лежат особенности сентиментализма Карамзина. В основе – чувства маленького человека, его эмоции и переживания. Это работы Людмилы Улицкой, Евгения Гришковца, Тимура Кибирова. Однако современный сентиментализм отличается от того же направления 18 века. Чувствительность нового времени прошла период иронии, сомнения и рефлексии, постмодернистской полицитатности и отрицания себя. В основе произведений указанного направления – новые чувства, новая ирония. Например, в повести Андрея Дмитриева «Дорога обратно» показана жизнь няни одного мальчика, который стал писателем. Она вышла в магазин, а вместо этого оказалась с веселой компанией где-то далеко от Пскова. Затем наступает похмелье и пешая дорога обратно. В повести вкраплены пушкинские цитаты, Мария – няня представляет современную вариацию Арины Родионовны. Однако она другая – жуликоватая, приземленная, безудержная, привязанная к барским детям, но именно она и воспитывает современного писателя. Как видим, наблюдается вариация и смешение чувств, эмоций, страстей, все это показано в современном исполнении, что и характерно для неосентиментализма.

Еще одним направлением в русской литературе является массовая литература. Она состоит из устойчивых канонов, жанровых схем, таких как любовный роман или детектив. Успех автора при этом зависит от его приверженности к канонам, в отличие от немассовой литературы, где читатель не перестает удивляться слогу, сюжету, стилю изложения материала. Примерами массовой литературы являются детективы Бориса Акунина. Это фандоринская и постфандоринская серия произведений. Имя

Эраста Фандорина в настоящее время известно каждому благодаря Акунину. Его работы не примитивны, рассчитаны на выпускника вуза, учитывают все особенности жанра, изложены красиво и качественно. В его работах переосмыслены сюжеты известных произведений русской классической литературы, читатель узнает это и рад этому. Русская классика несколько упрощается в работах Акунина, она проста и понятна, и скорее успокаивает читателя, нежели возбуждает его [10]. Произведения Бориса Акунина создают подобие проектов, которые выстроены в исторической последовательности, они представляют качественную пародию на классические шедевры, выполненные в современной интерпретации.

Также отметим исторические детективы Дарьи Донцовой. Они также входят в массовую литературу, не нарушают канонов, предусмотренных указанным направлением. Например, «Букет прекрасных дам», «Хождение под мухой», «Фиговый листочек от кутюр» и многие другие. Ее героиня – дама средних лет, культурная и самодостаточная, симпатичная и образованная, иронизирует над всем и вся, ведет успешно свои расследования, по-

лучая при этом удовольствие. Ее расследования предсказуемы, но не глупы, интересны и захватывающи.

Отметим, что несмотря на некоторую ограниченность, примитивность и простоту, массовая литература имеет право на существование. Она расслабляет читателя, уводит его в мир счастливого финала, победы добра, некоей предсказуемости. Язык таких произведений красочен, но при этом понятен и прост. Нет погребальных настроений, нет вопросов о безысходности бытия, нет пессимизма. Это радует простого читателя, создает спокойный досуговый сегмент, при этом заставляя его думать и анализировать бытовые ситуации, развивать мышление и логику.

Как видим, современные направления русской литературы очень интересны, неоднородны, многогранны. Произведения раскрывают события современности, а также проливают свет на исторические вехи, помогают понять их в сегодняшнем контексте. Они представляют качественный материал в плане стиля, языка, тропов и фигур речи, а также являют ценность для литературных критиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цинковская Ю.В. Виды художественных метафор в современной русской прозе. Ученые записки ЗабГГПУ. С.154-158
2. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. М., Логос, 2020, 200 с.
3. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. М., Юрайт, 2013, 415 с.
4. Бобылева Б.Г. Русский язык и культура речи. Орел, 2014, 401 с.
5. Кусаинова А.М. Современная русская литература. Учебное пособие. Костанай, 2020, 220 с.
6. Лихачева О.Н. Некоторые рекомендации по обучению чтению студентов технических вузов с использованием профильного компонента на занятиях по иностранному языку. Булатовские чтения. 2017. Т.5. С.216-218
7. Лихачева О.Н., Меретукова С.К. Формирование ключевых компетенций на занятиях по иностранному языку в неязыковом техническом вузе. Мир науки, культуры, образования. 2018. №5 (72). С.113-115
8. Левенталь В.А., Рогова К.А., Степанов А.Д. Современная русская литература: направления, тенденции, язык. Мир русского слова. 2022, № 3. С.72-79
9. Чупова Е.В. Ключ к литературе. Санкт-Петербург, 2021 С.52-53
10. Степанов А.Д. Исчезающее счастье литературы. М., Городец, 2021, 288 с.

© Ли Юнь (liyun19931026@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАСКА И ДВОЙНИК КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

MASK AND DOPPELGÄNGER AS CONCEPTUAL REPRESENTATIVES OF DUALITY IN GERMAN-LANGUAGE ARTISTIC DISCOURSE

O. Litvyak
E. Dzharparova

Summary: This scientific article examines the conceptual phenomenon of «duality» through its discursive expression by the representatives as MASK and DOPPELGÄNGER in classical works of German literature. The word «doppelgänger» in relation to a literary hero is often not used systematically and has different interpretations, as it is included in various thematic lexical groups. The scientific research also determines the boundaries of the use of the conceptual representations of the DOPPELGÄNGER and the MASK, as well as analyzes the linguistic phenomena of the semantic modification of the concept of «duality» in the German-language artistic discourse. The traditional motives of «artistic-linguistic duality» characteristic of the German-language classical literature of the periods of Romanticism, Renaissance and realism are analyzed. The reasons for their appearance in literary works of these epochs are described. The effect of duality is considered and analyzed. It is concluded that this effect is achieved in two stages: at the level of certain heroic images; at the level of split consciousness and the inner world of the protagonist. In conclusion, the authors concluded that the conceptual phenomenon of duality, represented in the German-language artistic discourse, is more often used to express the «dark side»: the conceptual representatives of **die Maske and der Doppelgänger** share the consciousness of the hero and the presence of an independent character in the work, a double of the main character, who is both a symbol of death and a symbolization of infinite life at the same time.

Keywords: conceptual representative, duality, mask, doppelgänger, artistic-linguistic duality, artistic discourse.

Литвяк Олеся Валерьевна

Канд. филол. наук, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
ole.litviak@yandex.ru

Джапарова Эдие Каримовна

Канд. филол. наук, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
edie.07@mail.ru

Аннотация: В данной научной статье рассматривается концептуальный феномен «двойничества» посредством его дискурсивного выражения такими репрезентантами как МАСКА и ДВОЙНИК в классических произведениях немецкоязычной литературы. Слово «двойник» применительно к литературному герою часто используется не системно и имеет разные толкования, так как входит в различные тематические лексические группы. В научном исследовании также обуславливаются границы употребления концептуальных репрезентантов ДВОЙНИК и МАСКА, а также анализируются языковые явления смысловой модификации самого понятия «двойничества» в немецкоязычном художественном дискурсе. Анализируются традиционные мотивы «художественно-языковой двойности», характерные немецкоязычной классической литературе периодов романтизма, Возрождения и реализма. Описываются причины их появления в литературных произведениях данных эпох. Рассматривается и анализируется эффект двойничества. Делается вывод, что данный эффект достигается двухэтапно: на уровне определенных героических образов; на уровне раздвоения сознания и внутреннего мира главного героя. В заключении авторы приходят к выводу, что концептуальный феномен двойничества, репрезентируемый в немецкоязычном художественном дискурсе, чаще используется для выражения «темной стороны», т.е. концептуальные репрезентанты **die Maske и der Doppelgänger** разделяют между собой сознание героя и присутствие самостоятельного персонажа произведения, двойника главного героя, который является и символом смерти, и символизацией бесконечной жизни одновременно.

Ключевые слова: концептуальный репрезентант, двойничество, двойник, маска, художественно-языковая двойность, художественный дискурс.

Разногранность человеческого «эго» в социуме, его различных социальных репрезентациях в широком смысле всегда приводит к становлению (и/или смысловому онтогенезу) концепта «двойничества». Данное лингвокультурное понятие используется во многих научных областях: в психиатрии, языкознании, физике и, безусловно, в литературоведении. В данной научной статье мы постараемся определить языковую специфику и функционирование этого понятия в немецкоязычном художественном дискурсе, то есть репрезентировать его как определённый литературный приём в художе-

ственном тексте.

Многие исследователи концептуального феномена «двойничество» в немецкоязычном художественном дискурсе не смогли дать однозначного определения этого лингвистического термина. Впервые само слово **der Doppelgänger** появилось в художественном романе немецкого писателя-романтиста Жан-Поля Рихтера «Зибенкэс» ("Siebenkäs"), написанного с причудливым юмором и неистощимым воображением, проникнутым сочувствием к обездоленным, в котором создана выра-

зительная картина жизни феодальной Германии конца XVIII век. В общем, его романы часто сопровождались большим разнообразием художественно-стилистических средств «удвоения» («двоичности»). Такой литературоведческий приём использовался Ж.–П. Рихтером с особой репрезентативной целью – конкретизированная психофрустрация, т.е. умение индивида абстрагироваться в той или иной жизненной ситуации с извлечением пользы для себя самого, что не чуждо главному герою романа адвокату Зибенкэзу. Наиболее ярким моментом романа Ж.–П. Рихтера «Зибенкэз» с таким своеобразным экспонентным оттенком «удвоения», на наш взгляд, является эпизод «двухактного квинтета из блюд» в доме тайного советника фон Блэза: ... *sondern vorher – wie nicht bloß ein Gang aufgetragen wurde, sondern ein **zweiter**, ein **Doppelgänger**. Wer freilich an großen Tafeln gegessen und da gesehen hat, wie fünf Schüsseln, wenn **zwei Gänge** sind, sich nach Ranggesetzen stellen müssen...* [9, S.45] – ...как была подана не одна лишь перемена блюд, но и **вторая**, — словно некий **двойник**, так что блюда начали даже **двоиться** в глазах. Конечно, тот, кому случилось кушать за столом у вельмож, и кто видел там, как пять блюд при **двух** переменных выстраиваются по табели о рангах, не усмотрит ничего необычайного или чрезмерно пышно-го... [3, с.64]

По определению В.Г. Белинского, основная «душевная способность» Жан-Поля Рихтера — «двоичная фантазия». «Для такого человека, — пишет В.Г. Белинский, — все равно, где бы ни жить, и он может быть доволен всяким обществом, лишь бы оно не мешало ему жить внутри самого себя, а так как немецкое общество (особенно в то время) всего менее способно вызвать человека из внутреннего мира души его и всего способнее, так сказать, вгонять его туда, — то аскетический, в дико-странных формах выразившийся дух сочинений Жан-Поля становится совершенно понятен» [3, с.12]. Также «удвоенным» символьным обнародованием в его романах нередко являются такие концептуальные репрезентативы как ПОРТРЕТ, МАСКА, ОТРАЖЕНИЕ, СИЛУЭТ и др.: *Als **beide Ebenbilder** einander in der Kirche erblickten, lockerten und kräuselten sich ihre **zwei** errötenden **Masken** sonderbar, über die der Zuschauer so lange lächelte, bis er sie mit den im flüssigen **Spiegelbild** der gerührtesten Liebe schwimmenden Augen zusammenhielt. Leibgeber zog im Chore unter dem Ringwechsel eine Schere und ein schwarzes Quartblatt aus der Tasche und schnitt von ferne **das Gesicht** der Braut in sein Schattenpapier hinein* [9, S.65] – Когда оба **двойника** увидели друг друга в церкви, то их покрасневшие **два** лица, словно **маски**, странным образом сморщились и смягчились, что заставило зрителя улыбаться до тех пор, пока он не сопоставил их со взорами, плавающими в текучем **отражении** трогательнейшей любви. В то время как менялись кольцами, Лейбгебер вдали, на хорах, вынул из кармана ножницы и четвертушку черной бумаги, вы-

резал **силуэт невесты**» [3, с.87].

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что лейтмотивизация концептов **die Maske** и **der Doppelgänger** с их репрезентативной материализацией в классическом художественном тексте, с учётом определённых литературных техник и приёмов не чужды немецким романтистам. Здесь безусловную роль сыграли социально-политические факторы: 1) буржуазная революция; 2) промышленный переворот в Англии.

Безусловно, первостепенной задачей в этот период немецкие литераторы видели в рефлексивном освещении бытия человека, природы и Вселенной. Кроме этого, в искусстве снова проявляется антропоцентрическая направленность, т.е. на первое место выдвигается отдельная личность.

Что бы показать разные стороны «Я», личность в гуманистике чаще всего примеряет на себя два концептуально разных типа масок:

1. «**Социализированные**» **маски**, т.е. навязанные определёнными социальными правилами. Они формируются и зависят от принадлежности индивида к тем, или иным социальным группам. Такие маски являются обыденной частью человеческой жизни и её нарочитым соприкосновением с окружающим миром.
2. «**Аффектированные**» **маски**, т.е. искусственные, предполагающие и побуждающие к лицемерию. Такая маска облачает человека в чужое «Я», скрывая за собой истинное предназначение и наименование.

В немецкоязычном художественном дискурсе (больше встречается в немецкой лирике романтического периода) концептуальные репрезентанты двойничества **die Maske** и **der Doppelgänger** функционируют по следующей структурированной схеме:

1. MASKE (маска) – неотъемлемый аксессуар социальной инфлюкации героев;
2. GESICHT (образ и/или силуэт) – темпоральная и аффектированная модель поведения героев;
3. DOPPELGÄNGER (двойник) – перспективная рефлексия, т.е. умение посмотреть на себя со стороны, независимо отрицательна или положительна поведенческая модель героев.

В романтической немецкоязычной литературе эффект двойничества, как правило, может быть достигнут посредством перспективно-рефлекторной реализации героических образов, т.е. порождением двойников романтических героев. Двойник зачастую полудемоничен, т.е. в противоположность люциферу не всегда предстаёт как тёмная сущность, чаще как искуситель, чарам и уго-

ворам которого можно и не поддаться.

Учитывая определённые особенности немецкоязычного художественного дискурса, концептуальная составляющая «эффекта двойничества» в романтической литературе рассматривается согласно следующим подходам:

1. онтологический подход, т.е. реализация концептуальных репрезентантов «двойничества» происходит сквозь призму бытийных отношений героев, затрагивая притом специфику восприятия ими окружающей действительности;
2. аксиологический подход, т.е. определённая специфика восприятия действительности с учетом религиозно-нравственных ценностей, свойственных той эпохе.

Зачастую концептуальный феномен двойничества используется автором для выражения «темной стороны» главного героя, его бессознательных желаний, вытесненных социумом и моралью. Здесь уже концептуальные репрезентанты *die Maske* и *der Doppelgänger* разделяют между собой сознание героя и присутствие самостоятельного персонажа произведения, двойника. Двойник может быть символом смерти, бесконечной жизни, болезни (психическое расстройство) или угрызений совести. Повесть Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» (*“Der Sandmann”*) является ярким примером, подтверждающим сказанное выше: *Wenn es eine dunkle Kraft gibt, die feindlich und tückisch eine Schleife in unsere Seele wirft, um uns dann einzufangen und auf einen gefährlichen, zerstörerischen Weg zu führen, den wir sonst nie betreten würden. Wenn eine solche Kraft existiert, muss sie unser eigenes Gesicht annehmen, unser Selbst werden, denn nur dann werden wir an sie glauben und ihr den Platz in unserer Seele geben, den sie für ihre mysteriöse Arbeit benötigt.* [8, S.6] – *Ежели существуем тёмная сила, которая враждебно и предательски забрасывает в нашу душу петлю, чтобы потом захватить нас и увлечь на опасную, губительную стезю, куда мы бы иначе никогда не вступили, — ежели существует такая сила, то она должна принять наш собственный образ, стать нашим «я», ибо только в этом случае уверуем мы в неё и дадим ей место в нашей душе, необходимое ей для её таинственной работы* [1, с.24].

Выдающийся представитель немецкого готического романа Э.Т.А. Гофман, в отличие от ранних романтиков, воспринимает действительность как объективную реальность, но одновременно считает её иррациональной, не способной воплотить условия для достижения гармонии. Уходя в мир фантастики Э.Т.А. Гофман не устраняется от реальности, замещая её образами, рождёнными художественным воображением. Он постигает жизнь и её законы, которые не всегда правильно и однозначно трактуются. А. Карельский в своём предисловии к пол-

ному собранию сочинений Э.Т.А. Гофмана писал: «Мы подошли к самой сокровенной и самой немудрёной тайне Гофмана. Его неспроста преследовал образ двойника. Он до самозабвения, до безумия любил свою Музыку, любил Поэзию, любил Фантазию, любил Игру – и он то и дело изменял им с Жизнью, с её многоликостью, с её горькой и радостной прозой» [5]. Опыт в военной службе вместе с увлечением литературой, по словам самого Гофмана, дали ему возможность широко смотреть на многие вещи. Даже в социальной жизни он не был кем-то одним – двоимирием жило прежде всего в нём самом и потому заняло очень важное место в его творчестве.

Э.Т.А. Гофман смог устоять на тонкой грани романтизма и реализма. Конечно, он разделял высокие стремления романтиков, их мысли о творческой свободе, о неприкаянности творца в этом мире. Но Гофман не хотел ограничиваться рефлексией своего «Я». Писатель говорил: «Писатели должны не уединяться, а, наоборот, жить среди людей, наблюдать жизнь во всех проявлениях». В своих сказках Гофман сталкивал самую что ни на есть узнаваемую реальность с самой что ни на есть невероятной фантазией. В результате сказка становилась жизнью, а жизнь становилась сказкой. <...> Почти у всех персонажей есть двойное дно, они существуют как бы в двух мирах одновременно. Возможность такого существования автор знал не понаслышке...» [4, с.14].

Изучая произведения писателя, можно отметить, что феномен двойничества в его творчестве проявляется по-разному. Он воплощается:

1. на уровне определенных героев;
2. на уровне раздвоения сознания и внутреннего мира персонажа.

Концептуальная репрезентация двойничества нашла своё место и в немецкой художественной литературе более поздних периодов. В конце XIX века, в период готического Возрождения, двойничество проявило себя в поэзии Дросте-Хюльскоффа, Шторма, Келлера, в модернизме Кафки, Верфеля и Майнринка.

В период реализма, натурализма и экспрессионизма, двойник переживает разную степень смысловой объективизации, при этом сохраняя свою концептуальную базу.

Известный исследователь в этой области К. Миллер ищет этот мотив в текстах готической классики Хогга, Метьюрина, Льюиса, а также в работах Э. Уэббера. В монографии Э. Уэббера «The Doppelgänger» [11] мы прослеживаем теорию познавательного-оценочного эволюции образа двойника, начиная с концепции «Я» И. Фихте, встречаем конструктивную критику литературного приёма «удвоения» у Жана-Поля Рихтера, а также наблюдаем особое толкование сна Шуберта у Гофмана. Уэббер

отслеживает изменение речевого поведения у двойника, он не только пародирует, но и искажает речь «Я», а в следствие сводит её на нет.

Еще один исследователь в этой области концепта «двойничества» и его репрезентации в художественном дискурсе, Д. Вардулакис отмечает «философско-теоретические аспекты двойничества»: он определяет данный концепт-феномен с позиции онтологии субъекта, он трактует образ двойника как концептуализацию актуальных философских подходов к субъективизации личности [10].

Само появление двойника ставит под сомнение абсолютное определение «Я». Психологическая база в сюжетах о двойничестве показывает проекцию эмоций и перенос ответственности за свои действия героя на двойника. Но оно может проявляться в повествовании. Его исследование – это синтез контекстов интеллектуальной истории, философии и литературоведения.

Двойничество – архетип культуры, восходящий к бинарной модели мира. Оно воплощается в повествовании не только на уровне конкретной системы персонажей-двойников, но и на уровне структуры произведений: сюжета, композиции, особенностей повествования [2, с.245].

Еще один пример такого бинарного принципа описания главного героя и его двойника можно встретить у П. Зюскинда в «Повести о господине Зоммере», где автор раскрывает сюжет через воспоминания главного героя. Из контекста становится понятно, что само существования господина Зоммера, которого описывает рассказчик, сомнительно. Скорее всего, он живет лишь в вымышленном мире главного героя-рассказчика, т.е. в «двоемирии».

Для обозначения двойственности героев, П. Зюскинд использует пейзаж и, например, дорогу, как символ границы между «своим» и «чужим» пространством. Природа выступает фантастическим фоном для пересечения линий героев.

На протяжении повести пространство их обитания объединяло озеро. Оно, конечно, служит своеобразным зеркалом и выступает символом единства мальчика и господина.

Таким образом автору удалось переосмыслить двойничество, используя разные пространственные элементы. С их помощью он раскрыл Зоммера как символ уходящего времени и детства мальчика.

Идеологи нового взгляда на человека говорят о том, что, погружаясь в свое подсознание, он осознает сущность своих скрытых инстинктов. Это может приблизить его к воплощению идеи сверхчеловека (Ницше), «самости»

(Юнга), «зрелого человека» (Фрейд), «бессмертного» (Гессе) и т.д. Этой способностью обладает два типа людей, которые не имеют защитного барьера между сознанием и подсознанием, или те, в которых проявляется сущность Homo Instinctivus (Человека Инстинктивного) и Homo Creator (Человека-Творца). Если в первом случае в игру вступают неконтролируемые физиологические инстинкты подсознания, второй тип реализует результат действий подсознательных процессов. Уже в период романтизма литература потеряла четкую границу деления героев как личностей на филистеров и музыкантов-импровизаторов. Именно это, возможно, служит появлению двойников в произведениях того периода.

Так, например, П. Зюскинд вслед за Р. Стивенсоном укреплял понятие физиологического понимания человеческой природы. Но одновременно подражал эстетическим установкам Г. Гессе, обозначая целью творчества отказ от «беспощадного принуждения к глубине».

«Дворец ароматов», «туманы» Зюскинда — это тот же «Магический театр» Гессе, «Каиново болото» Уэллса, «Локис» Мериме - все это животные инстинкты человеческого подсознания. Помимо писателей, современные психологи тоже были в дуалистической сущности современного западного человека. «Снаружи люди более или менее цивилизованы, но внутри они все еще остаются дикарями. Что-то в человеке упорно не желает отказываться от своих истоков, а что-то другое верит, что все это давным-давно оставлено позади» [7, с. 276].

Двойник — это, в первую очередь, проявление культурного бессознательного человеческой личности, потому что именно оно предполагает «проникновение в мистические бездонные глубины общефилософского и общерелигиозного смысла человеческой жизни»

Общепринятого, установившегося мнения о сущности темы двойничества, ее содержания и ее границах в русской литературе не существует. Определение темы двойничества затрудняется в неоднозначности понятий, вкладываемых в сами слова «двойничество» и «двойник». Во-первых, двойник — это человек, который имеет полное или почти полное сходство с другим; во-вторых, это двойной или сдвоенный предмет. То есть двойник не всегда подразумевает под собой отдельного персонажа, наделенного схожими чертами с другим, но и двойник находит свое отражение в образе крайне противоречивого героя, основной чертой которого является двойственность характера.

Мы согласимся с В.В. Лепахиным в том, что учёный выводит три разных концептуальных типа «двойничества» [6, с.62]:

1. **Концептуальный тип «у-двоение»**, т.е. двойничество, основанное на пародировании действия

и слов главного героя; двойничество, основанное на противопоставлении персонажей, являющихся воплощением различных нравственных понятий.

2. Концептуальный тип «с-двоение», т.е. двойничество как следствие «примеривания маски» двойничество как оборотничество, когда герой может быть и человеком, и оборотнем.

3. Концептуальный тип «раз-двоение», т.е. двойничество, вызванное противопоставлением в сознании героя идеала и действительности»; двойничество по линии хороших и плохих, имеющих

и желаемых черт характера; двойничество, связанное со столкновением новых и старых представлений о жизни и о себе.

В заключение следует отметить, что МАСКА и ДВОЙНИК как концептуальные репрезентанты двойничества в немецкоязычном художественном дискурсе применяются авторами, прежде всего, для прослеживания отдельных сюжетных линий с целью определить интенцию автора и разностороннюю эволюцию образов героев, что, бесспорно, важно для современного читателя, стремящегося понять его разноплановую сущность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман, Э.Т.А. Песочный человек / Э.Т.А. Гофман; [пер. с нем. А. Морозова, В. Соловьева]. — Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 381 с.
2. Джумайло, О.А. Новые книги о двойничестве / О.А. Джумайло // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — Т. 2, №1 (2017) — С. 243—256.
3. Жан—Поль, Фр.Р. Зибенкэз / Фр.Р. Жан—Поль; [пер. с нем. А.Л. Кардашинского]; [ред., вступит. статья и комментарии В.Г. Адмони]. — Л.: Госиздат. «Худож. лит-ра», 1937. — 242 с. — Электронный ресурс: URL : <https://litresp.ru/chitat/ru/P/rihter-zhan-polj-fr/zibenkez> (дата обращения: 19.01.2023)
4. Карельский, А.В. Эрнст Теодор Амадей Гофман [предисловие] // Э.Т.А. Гофман: собр. соч.: в 6 т. — Т. 1. — М.: Худож, лит., 1991. — 480 с.
5. Курий, С.В. Фантазмагория реальности (сказки Э.Т.А. Гофмана). — Электронный ресурс: URL: <https://www.kursivom.ru/фантазмагория-реальности-гофман/> (дата обращения: 17.03.2023).
6. Лепяхин, В.В. Тема двойничества в древнерусской литературе и фольклоре // *Dissertationes Slavicae. Supplementum*. Szeged, 1981. — С.59—73.
7. Юнг, К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг; [пер. с англ. В.В. Науманова под общ. ред. А.А. Юдина]. — К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с.
8. Hoffmann, E.T.A. Der Sandmann — 27 S. — Электронный ресурс: URL : <https://originalbook.ru/der-sandmann-e-t-a-hoffmann-deutsch-pesochnyj-chelovek-e-t-a-gofman/> (дата обращения: 05.05.2023)
9. Jean Paul, Richter Fr. Siebenkäs / J. Paul — Berlin: «Bookwire», 2017. — 288 S.
10. Vardulakis, D. The Doppelgänger: Literature's Philosophy / D. Vardulakis. — New York: Fordham University Press, 2010. — 328 p.
11. Webber, Andrew J. The Doppelgänger. Double Visions in German Literature / Andrew J. Webber — Oxford: A Clarendon Press Oxford, 1996. — 392 p.

© Литвяк Олеся Валерьевна (ole.litviak@yandex.ru), Джапарова Эдие Каримовна (edie.07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

THE USE OF PRECEDENT UNITS IN THE HEADLINES OF MODERN PUBLICISTIC TEXTS (BASED ON THE MATERIAL OF "ROSSIYSKAYA GAZETA")

O. Mullinova
T. Mullinova
Yu. Okovitaya

Summary: The headings of the articles of "Rossiyskaya Gazeta" are considered, which are precedent texts – speech works well known to representatives of a certain national and cultural community. The authors define the functions of precedent texts, indicate the types of transformation, trace the semantic and pragmatic connections of headings with the material of publications.

Keywords: "Rossiyskaya Gazeta", headlines, precedent units, publicistic texts, transformation of heading units.

Муллинова Ольга Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
o.mullinova@mail.ru

Муллинова Татьяна Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
t.a.mullinova@mail.ru

Оковитая Юлия Фаридовна

Кандидат филологических наук, доцент, Кубанский
государственный университет
julia_okovitaja@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются заголовки статей «Российской газеты», представляющие собой прецедентные тексты – речевые произведения, хорошо известные представителям определенного национально-культурного сообщества. Авторами определяются функции прецедентных текстов, указываются виды трансформации, прослеживаются семантико-прагматические связи заголовков с материалом публикаций.

Ключевые слова: «Российская газета», заголовок, прецедентные единицы, публицистические тексты, трансформация заголовочных единиц.

Средства массовой информации оказывают огромное влияние на все сферы жизни современного общества, формируя определенный тип мышления, сознания и поведение в целом. В конце XX века в связи с общественно-политическими изменениями в стране появились новые форматы вещания и новые методы работы с аудиторией. В то же время продолжают функционировать традиционные, и одним из способов привлечения внимания к прочтению публицистического текста является заголовок, который служит своеобразным путеводителем по материалам издания: он помогает быстрее ознакомиться с содержанием номера; понять, о чем рассказывают его публикации; определить, какие из них представляют наибольший интерес.

По мнению И.Р. Гальперина, «модель текста нельзя построить без названия, которое совмещает две функции – функцию номинации (эксплицитно) и функцию предикации (имплицитно) и является нераскрытым, компрессируемым содержанием текста. Название связано с категориями ретроспекции и проспекции. Оно направляет внимание читателя к тому, что будет изложено, однако в процессе чтения читатель вновь обращается к названию, чтобы уяснить себе его смысл и соотнесенность с содержанием текста» [3, с. 5].

Особенностью современного публицистического дискурса является рост его интертекстуальности (использование в тексте других текстов). Именно с помощью интертекстуального включения происходит обращение к хранящемуся в сознании читателя «свернутому сообщению» и связанным с ним ассоциациям. К интертекстуальности новых текстов приводит обращение к прецедентным, которые определяются как «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 216]. К прецедентным единицам относятся известные стихотворные и песенные строки, прозаические цитаты, названия кинофильмов и реплики из них, пословицы, поговорки, крылатые выражения, политические лозунги, рекламные слоганы.

Прецедентные тексты, используемые в названиях статей, так же, как и перифраза [1], не только привлекают внимание читателя к материалу, но и выражают авторскую оценку описываемых событий, экономят ресурсы для автора и время для читателя, а также усиливают воздействующее начало текста [11, с. 95]. Прецедентные тек-

сты связаны с понятием культурной грамотности, которая определяется наличием или отсутствием у человека фоновых знаний: информации об истории, искусстве, литературе, науке, то есть таких сведений, которые необходимы для адекватного общения носителей определенной культуры.

Именно культурная грамотность человека помогает установить связь между сознанием журналиста и читателя, соответственно, будет выполнена одна из главных функций заголовка – привлечение внимания аудитории к прочтению материала. Для этого заголовок «одновременно должен быть знакомым читателю и обладать некоторой свежестью, новизной, при этом изменения, внесенные в известный текст, должны так или иначе определяться содержанием публикации» [8, с. 56].

Несмотря на большое количество языковедческих работ, посвященных публицистическому заголовку [2; 4; 5; 7; 12; 13; 14], он остается объектом разносторонних лингвистических исследований. В настоящее время широкое распространение получило использование прецедентных текстов в заглавиях газетных статей, что обусловило актуальность данной работы.

Объектом нашего исследования являются прецедентные единицы, используемые в заголовках статей «Российской газеты», которая является официальным печатным органом Правительства Российской Федерации. Нами были рассмотрены выпуски за январь-июнь 2023 г. и методом сплошной выборки отобрано 432 заголовочные единицы, в которых использованы прецедентные тексты.

Анализ материала показал, что в заголовках статей «Российской газеты» используются как трансформированные, так и нетрансформированные прецедентные единицы, причем количество последних составляет всего 12% от общего числа рассмотренных заголовочных прецедентных текстов.

Приведем примеры нетрансформированных прецедентных текстов в заголовках статей «Российской газеты».

«В бой идут одни «старики»» (06.04.2023) – название советского художественного фильма 1973 г. Л. Быкова. Заголовок статьи отражает материал публикации, рассказывающей о посещении корреспондентом «РГ» штурмовой бригады, костяк которой составляют ветераны боевых действий.

«Доживем до понедельника» (14.03.2023) – в тексте статьи, заглавие которой отсылает читателя к советскому художественному фильму 1968 г. С. Росточки о жизни девятиклассников, сообщается о том, как земские учителя спасают маленькие земские школы.

«Укрощение строптивого» (10.05.2023) – итальян-

ская кинокомедия 1980 г. Ф. Каstellано и Д. Моччиа. В фильме рассказывается об усмирении характера человека, однако в статье речь идет об огне. С помощью прилагательного *строптивый* журналист подчеркивает неуправляемость огненной стихии: из-за сильнейших лесных пожаров в регионах Урала и Западной Сибири введен режим ЧС.

«Муля, не нервируй меня» (25-31.01.2023) – произнесенная героиней Ф. Раневской фраза из советского художественного фильма 1939 г. Т. Лукашевич «Подкидыш» является заголовком публикации о премьере биографической драмы «Раневская» в онлайн-кинотеатре.

«Танцуют все» (06.04.2023) – слова И.В. Бунши из популярной советской кинокомедии «Иван Васильевич меняет профессию» 1973 г. Л. Гайдая находят отражение в материале статьи, рассказывающей о большом танцевальном проекте аргентинского театра «Дикое танго», которым открылся Чеховский фестиваль.

«Слепой музыкант» (12-18.04.2023) – название повести В. Короленко о жизни слепого мальчика. В публикации также говорится о незрячем от рождения одном из самых талантливых и ярких джазовых музыкантов России Олеге Аккуратове.

«С любимыми не расставайтесь» (30.01.2023) – строка из стихотворения А. Кочеткова «Баллада о прокурорном вагоне». Литературное произведение носит трагический характер, однако материал статьи вызывает положительные эмоции у читателей, поскольку в нем сообщается о том, как «РГ» помогла семье русского и кубинки из Мариуполя получить российское гражданство.

«Зри в корень» (28.04-02.05 2023) – афоризм Козьмы Пруткова имеет значение «вникать в суть явления», соответственно, читатель может предположить, что в статье пойдет речь о чем-то самом главном и существенном в каком-либо деле. Однако в публикации говорится о коллекции бонсай в Ботаническом саду Новосибирска.

Заголовок «Поехали!» (07.03.2023), как и предыдущий, настраивает аудиторию на прочтение материала на определенную тему, в данном случае космическую, поскольку фраза «Поехали!» была произнесена первым космонавтом Земли Ю. Гагариным во время старта космического корабля «Восток». Материал же публикации рассказывает о первой в России женщине-машинисте О. Соколовой, получившей право водить поезд дальнего следования.

«Дело мастера боится» (24.01.2023) – эта русская пословица употребляется в тех случаях, когда хотят показать, что, какой бы трудной ни была работа, опытный человек выполнит её блестяще благодаря своему мастерству. И в статье сообщается, что проблема обманутых дольщиков в Волгограде близка к разрешению – осталось достроить два дома.

При прочтении заголовка «Восточный экспресс» (23.03.2023) у читателя появляется предположение,

что в материале статьи будет информация, связанная с пассажирским поездом, который курсировал между Парижем и Константинополем (Стамбулом) в XX веке. Но газетная публикация рассказывает о взаимодействии России и Китая в Новую эпоху.

Довольно редкое использование прецедентных текстов в оригинальном виде объясняется, возможно, тем, что «читателя в большей степени привлекают творчески модифицированные фрагменты известных текстов, содержащие некоторую загадку, поэтому журналисты чаще трансформируют прецедентные единицы, обыгрывая их семантическую связь с публикуемым материалом и делая их более привлекательными для восприятия» [8, с. 57].

В заголовках статей «Российской газеты» достаточно широко используются трансформированные прецедентные единицы (88 %). Можно выделить следующие способы трансформации исходных текстов: усечение, расширение, замена одного или нескольких компонентов. Рассмотрим примеры усечения исходного текста.

«*Вот тебе, бабушка*» (19-25.04.2023) – ср. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» (русская пословица). Смысл пословицы «сожаление о несбывшихся надеждах» частично отражен в публикации, затрагивающей вопрос о смягчении подхода судей к пенсионерам, которые не знают законов.

«*...Получилось как всегда*» (10.04.2023) – ср. «Хотели как лучше, а получилось как всегда» (известная фраза В.С. Черномырдина). Статья посвящена 85-летию со дня рождения советского и российского государственного деятеля. На наш взгляд, выбор данной цитаты в качестве заголовочной единицы не совсем удачен, поскольку она используется, как правило, в тех случаях, когда говорят, что что-то не удалось, получилось не так, как планировалось.

«*Умный? В гору!*» (27.02.2023) – ср. «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» (русская пословица). Усечение стирает образность пословицы, а компонент *в гору* приобретает прямое значение: в публикации говорится о том, что на курортах Сочи толпы туристов «штурмуют» склоны. В данном примере наблюдается не только лексическая, но и синтаксическая трансформация. Заголовок, состоящий из двух частей (вопросительной и побудительной), несомненно, привлечет внимание аудитории.

«*Слово о полку*» (15.02.2023) – ср. «Слово о полку Игореве» (памятник древнерусской литературы). В заглавии не упоминается имя Игоря, соответственно, читатель может предположить, что речь в статье пойдет о любой воинской части. В данном публицистическом материале рассказывается о музыкантах и режиссерах, ставших бойцами СВО.

«*Никто не забыт*» (10.05.2023) – ср. «Никто не забыт, ничто не забыто» (лозунг, употребляющийся примени-

тельно к подвигу советских солдат во время Великой Отечественной войны). Используя первую часть известной фразы, журналист акцентирует внимание на значимости каждого человека, причастного к Великой Победе: в Крыму ищут место массового захоронения времен Великой Отечественной.

«*Не хлебом единым*» (26.05.2023) – ср. «Не хлебом единым жив человек» (библейское выражение). Значение фразы «жизнь человека определяется не только материальными интересами» не отражено в материале публикации, в которой рассказывается об отсутствии дефицита продуктов питания в мире.

«*Упал, очнулся – гипс*» (25.01.2023) – ср. «Поскользнулся, упал, закрытый перелом, потерял сознание, очнулся – гипс!» (слова, произнесенные главным героем комедии «Бриллиантовая рука» в исполнении Ю. Никулина). Усечение фразы до трех лексических единиц придает динамику описанию. В статье сообщается о том, что из-за морозов улицы превратились в сплошной каток, и число пациентов травмпунктов выросло почти в 2 раза.

Используя такой вид трансформации прецедентного текста как расширение состава за счет введения дополнительных компонентов, журналист, с одной стороны, вызывает необходимые ассоциации у читателя и, с другой, – уточняет информацию, которая будет раскрыта в статье.

«*Вот где находится нофелет*» (23.03.2023) – ср.: «Где находится нофелет?» (советская лирическая комедия 1987 г. Г. Бержанова). Частица *вот* в данном примере усиливает значение последующего слова. Присутствие лексической единицы *нофелет*, которая воспринимается как иноязычная, связано с содержанием статьи, рассказывающей об использовании иностранных слов в русском языке и о словах, которые раздражают читателей «РГ».

В заглавии «*Камера, мотор, поехали!*» (13.04.2023) объединение двух прецедентных текстов «Камера, мотор!» и «Поехали!» не случайно: в публикации речь идет о премьерном показе в Москве снятого в космосе фильма «Вызов».

«*Ночь перед торжеством беспредела*» (30.03.2023) – ср.: «Ночь перед Рождеством» (повесть Н.В. Гоголя). В данном заголовке наблюдается замена компонентного состава и расширение исходного варианта текста, при этом журналист намеренно соединяет лексические единицы *торжество* и *беспредел*, имеющие положительную и отрицательную коннотацию. В статье сообщается об истечении срока, когда православные монахи должны покинуть Киево-Печерскую лавру.

При замене одного или нескольких компонентов прецедентного текста используются такие лексические единицы, которые могут быть не связаны по смыслу с замененными, но имеют непосредственную связь с со-

держанием самого публицистического материала. В тех случаях, когда происходит замена практически всех компонентов прецедентного текста, его структура тем не менее остается узнаваемой для читателей.

«С кого начинается Родина» (21.04.2023) – ср. «С чего начинается Родина?» (слова из одноименной песни В. Баснера и М. Матусовского). Выбор местоимения *кого* обусловлен тематикой публикации, посвященной открытию в Москве Всероссийского съезда учителей обществознания.

«Хожение за три эпохи» (05.04.2023) – ср.: «Хожение за три моря» (памятник древнерусской литературы). В материале, рассказывающем о включении в реестр патриотических маршрутов тура по местам воинской славы Волгоградской области, под тремя эпохами подразумеваются разные периоды в истории города Волгограда: Царицын, Сталинград, Волгоград.

«Здесь будет город-хаб» (07.03.2023) – ср. «Здесь будет город-сад» (строка из стихотворения В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»). В статье говорится о заинтересованности Белоруссией логистическими возможностями Волгограда. Современное звучание заглавию данного публицистического текста придает использование англицизма *хаб*. В настоящее время английские заимствования достаточно широко используются ... в заголовках новостных лент и статей, рассчитанных не на узкий круг специалистов в какой-либо области, а на широкий круг пользователей [9, с. 74].

«В Тбилиси хочу» (17-23.05.2023) – ср. «Ларису Ивановну хочу!» (фраза, произнесенная героем В. Кикабидзе, из советского художественного фильма «Мимино» 1977 г. Г. Данелия). Данный трансформированный заголовок построен на ассоциации: упоминание грузинского города в названии связано с историей грузинского летчика В. Мизандари. В публикации говорится об открытии прямого авиасообщения между Россией и Грузией.

«Стоит ли диплом выделки?» (5-11.04.2023) – ср.: «Овчинка выделки не стоит» (русская пословица). В указанном заголовке наблюдается не только лексическая, но и синтаксическая трансформация. Использование вопросительного предложения в названии статьи «настраивает читателя на вдумчивое размышление, при этом выражение сомнительности факта подчеркивается частицей *ли*» [10, с. 106]. Следовательно, значение пословицы «ожидаемый результат не окупит затраченных усилий и средств» только частично отражено в статье, сообщающей о том, что в США начались дискуссии о пользе высшего образования.

«Мал автомобиль, да дешев» (29.05.2023) – ср. «Мал золотник, да дорог» (русская пословица). В оригинальном тексте союз *да* используется для выражения противопоставления, однако в трансформированном заголовке этот союз соединяет однородные члены предложения, выступая синонимом союза *и*. В публикации

говорится о запуске производства компактного автомобиля в Петербурге.

«Миномет “Василек”: приехал, выстрелил, уехал» (06.06.2023) – ср.: «Пришел, увидел, победил» (крылатое латинское выражение «*Veni, vidi, vici*»). В данном примере, помимо лексической замены всех компонентов исходного прецедентного текста, наблюдается и его расширение. Тем не менее читатель узнает оригинальный текст по его структуре (использование трех глаголов совершенного вида в форме прошедшего времени). При этом не теряется значение латинского выражения – «быстрый успех в каком-либо деле», что соответствует содержанию статьи о боевой работе минометов «Василек» в зоне спецоперации. Кроме того, в заголовке статьи используется прием сегментации, где «в первой (номинативной) части представляется объект новостного материала, а во второй (предикативной) обозначен аспект его рассмотрения в публикации» [10, с. 109].

Интересно отметить, что некоторые прецедентные единицы неоднократно используются в заглавиях статей «Российской газеты». Так, например, название советского художественного фильма 1971 г. Э. Рязанова «Старик-разбойники» послужило основой для заголовков «*Старик-работники*» (19-25.04.2023) и «*Старик-сыщики*» (10.04.2023). Как и в фильме, в публикациях идет речь о людях пожилого возраста. В первой статье говорится о том, что работодатели все чаще стали брать на работу возрастных сотрудников, а во второй – об ироничном детективе с сыщиками из дома престарелых.

Фраза «Казнить нельзя помиловать», известная как реплика героя повести Л. Гераскиной «В стране невыученных уроков», используется в трансформированном виде в пяти заголовках: «*Уважать, нельзя сносить*» (02.05.2023) – о том, как сегодня обращается Германия с исторической памятью о Великой Отечественной войне; «*Вернуть нельзя оставить*» (30.01.2023) – о поддержке президентом В. Путиным инициативы о возвращении в обязательную школьную программу ряда произведений советских классиков; «*Рожать нельзя запретить*» (14.04.2023) – о том, что никто не вправе воспрепятствовать стать мамой после 49 лет; «*Удалять нельзя оставить*» (05.05.2023) – интервью со стоматологом А. Лезгишвили о необходимости удаления зубов мудрости, «*Забывать нельзя исполнить*» (17.05.2023) – о постановке оперы Чайковского «Опричник» в Красноярском театре оперы и балета. Как видим, только в первом заголовке автор статьи ставит запятую, утверждая необходимость уважать историческую память. Отсутствие запятой в остальных заглавиях придает трансформированным текстам некоторую двусмысленность, заставляя читателя обратиться к материалу статьи.

Анализ материала показал, что в заголовках статей

«Российской газеты» за январь-июнь 2023 г. используются прецедентные тексты в оригинальном и трансформированном виде. Трансформация происходит за счет усечения, расширения или замены компонентного состава исходных прецедентных единиц. Заглавия

статей с прецедентными текстами, несомненно, привлекают внимание аудитории к публикациям, помогают журналисту реализовать свой коммуникативный замысел и, следовательно, воздействовать на сознание читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев А.Е., Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Перифраза в современном газетном заголовке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (169). С. 81-87.
2. Гаврилов А.Д. Особенности пунктуационного оформления сетевых аналитических газетных заголовков (на материале русского, чувашского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2022. 24 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007. 144 с.
4. Доценко М.Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2009. 18 с.
5. Исаева А.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка: на материале англоязычных интернет-изданий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 30 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
7. Качаев Д.А. Социокультурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках: на материале российской прессы 2000-2006 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 23 с.
8. Кондрашова О.В., Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Прецедентные единицы в заголовках статей газеты «Красная звезда» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 2. С. 53-64.
9. Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Интернет-пространство как источник заимствований в современном русском языке // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 4. С. 72-78.
10. Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Синтаксические особенности заголовков статей газеты «Красная звезда» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 4. С. 104-111.
11. Муллинова О.А., Муллинова Т.А., Воробьев А.Е. Прецедентные тексты в газетных заголовках: источники и проблема узнаваемости // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 5. С. 94-100.
12. Феталиева Л.П. Оценочный потенциал заголовка в лезгинском и русском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 27 с.
13. Чемезова И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
14. Чигирина Т.Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 20 с.

© Муллинова Ольга Александровна (o.mullinova@mail.ru), Муллинова Татьяна Александровна (t.a.mullinova@mail.ru),
Оковитая Юлия Фаридовна (julia_okovitaja@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

LINGUISTIC BORROWINGS IN THE ARCHITECTURAL TERMINOLOGY OF THE SPANISH LANGUAGE

A. Roy-Ignatenko

Summary: The article systematizes and describes linguistic foreign-language borrowings in the architectural terminology of the Spanish language. The relevance of the research topic is due to the attention of modern scientists to the diachronic study of language in an interdisciplinary aspect. From this point of view, the sphere of architecture is of the greatest interest, since it is not only a highly specialized professional field, but also concerns the cultural, aesthetic and everyday spheres of society.

Keywords: linguistic borrowings, architectural vocabulary, language of professional communication.

Рой-Игнатенко Анна Владимировна

Аспирант, преподаватель, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
royignatenko@sfned.ru

Аннотация: В статье систематизируются и описываются лингвистические иноязычные заимствования в архитектурной терминологии испанского языка. **Актуальность** темы исследования обусловлена вниманием современных ученых к диахроническому изучению языка в междисциплинарном аспекте. С данной точки зрения сфера архитектуры представляет наибольший интерес, так как является не только узкоспециальной профессиональной областью, но и касается культурной, эстетической и бытовой сферы жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: лингвистические заимствования, архитектурная лексика, язык профессиональной коммуникации.

Введение

Займствования являются значимым сегментом испанской языковой картины мира, включающий в себя профессиональный и национальный аспект, так как содержит в себе информацию об «элементах прошлых культурных пластов и своеобразии национальной истории» [Бухарова, 1994, с.4]. Внедрение иностранных терминов в национальный язык позволяет судить «об общественно-политическом и научно-техническом развитии конкретного государства, о его языковой и терминологической политике, о внутреннем и внешнем статусе национального языка и прочих социолингвистических факторах» [Тюльникова, Хаютин, Рудакова, 1996, с. 84-85]. Особенно ярко это влияние проявляется в различных специальных языках.

Язык профессиональной коммуникации в сфере архитектуры характеризуется значительной степенью междисциплинарности и неоднородностью своего состава, включающему в себя большое количество слов и понятий из языка повседневного общения [Кузнецова, Зайцева, Степичева, 2016, с. 99]. Стоит отметить, что в испанском языке в понятие «архитектура» входит не только проектировочно-строительная деятельность, но и отдельно подчеркивается ее декоративно-эстетическая компонента. В словаре испанского языка М. Молинер архитектура относится к изящным искусствам. Ср. «*Arquitectura (del lat. «architectura») f. Arte de la construcción de edificios y monumentos. Esa actividad, considerada como*

una de las llamadas «bellas artes»...» [Moliner, 1998, с. 247].

Среди архитектурной лексики испанского языка выделяется большое количество заимствованных слов. Дело в том, что по сравнению с грамматическими и фонологическими изменениями, для распространения или внедрения в другой язык заимствованных слов достаточно минимального контакта между языками [Вайнрайх, 1972, с. 42]. Под термином «заимствование» понимается элемент чужого языка, перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [ЛЭС, URL]. Ввиду многозначности термина в настоящем исследовании заимствование рассматривается как закрепленный в слове результат взаимодействия языков, после того как взаимодействие прекратилось.

Исследование и его результаты

Яркая и сложная история Испании обусловила внедрение иностранных слов не только в обиход испанского населения, но и в специальные сферы. На территории Испании веками проживали народы с различными культурами, которые оказали большое влияние на развитие испанского языка.

1. Архитектурные термины, восходящие к латинскому и греческому языку

Когда в начале III века до н.э. на территорию Пи-

ренейского полуострова пришли первые римляне, то они встретились с множеством языков и культур. Помимо греческого и финикийского, языковой состав включал в себя несколько народных языков, принадлежащих к разным языковым семьям: тартесийский язык (*tartésano*), иберийский (*ibérico*), кельтиберийский (*celtibérico*), лузитанский (*lusitano*), баскский (*vascónico*) [Lapesa, 1981, с. 21-27]. Сначала латынь сосуществовала с другими доримскими языками, однако, с течением времени стала преобладать над ними, пока не стала родной для большинства народов полуострова.

Слова латинского происхождения широко распространены во всех отраслях науки, в том числе в области архитектуры. Представляется возможным разделить их на следующие тематические группы:

А. Типы зданий и строений и их части: *ábside, acueducto, aedicula/edículo, ala, antemural, atrio, baptisterio, capilla, clausro, cripta, cuerpo, deambulatorio, decástilo, estela, foro, galería, monumento, nave, oratorio, palacio, sepulcro, templo, transepto, villa, zócalo*;

Б. Строительные и архитектурные конструкции и их элементы: *ábaco, alma, ándito, arco, arcosolio, armilla, balaustre, bifora, bóveda, caña, cella, cimborio, clave, columna, columnata, coro, corvadura, escalera, espira, intercolumnio, muro, nervio, pared, planta, pórtico, rosa, tímpano, torre, ventana*;

В. Элементы интерьера и экстерьера и их декоративная составляющая: *acanto, altar, ambón, ambulacro, antefija, arcatura, ático, caulículo, emblema, escudo, ornamento, símbolo, voluta*;

Г. Строительные материалы: *masa, yeso* и др. [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, RAE, URL].

Примером влияния греческого языка в сфере архитектуры стали следующие термины, относящиеся к тематической группе

А. Типы зданий и строений и их части: *academia, acrópolis, ágora, anfipróstilo, areosistilo, basílica, monasterio, monóptero, museo, nártex, necrópolis, obelisco, peristilo, pilono, propileos, sinagoga*;

Б. Элементы интерьера и экстерьера и их декоративная составляющая: *acrótera, bema, cornisa, icinostasio, plinto* и др. [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, RAE, URL].

Значительная часть терминов архитектуры, восходящие к латинскому и греческому языку называют здания, их части и конструктивные элементы. Также выделяется тематическая группа, связанная с простейшим линейным декором.

2. Заимствования из арабского языка

В период арабского завоевания 711-1492 гг. влияние арабского языка стало доминировать в различных профессиональных областях: военное искусство, сельское

хозяйство, кулинария, ремесла, ювелирное дело. Область архитектуры и связанных с ней областей искусства также не стала исключением. Представим заимствованные архитектурные термины из арабского языка в следующих тематических группах:

А. Типы зданий и строений и их части: *ajarafe, azotea, aljafería, aljama, alberca, alcazaba, alminar, casba/kasbah/qasba, madrassa/madrassa, mastaba, mezquita, mihrab, quiosco/kiosco, rábita/ribat, sahn*;

Б. Строительные и архитектурные конструкции и их элементы: *alcoba, ajimez, albanega, arrocabe, barbacana, burche, galbo, tambor, qubba*;

В. Фортификационные строения и их элементы: *adarve, almena, albacara, albarrana, alcazaba, alcázar*;

Г. Элементы интерьера, декора и орнаментальные мотивы: *ajaraca, alafia, alfarje, alfiz, alizar, almimbar, arimez, arrabá, cenefa, macsura, sabil/sebil*;

Д. Строительные материалы: *adobe, marfil* и др. [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, RAE, URL].

Следует отметить, что нередко заимствование может выражаться в различных формах. Многие современные архитектурные термины пришли в испанский язык посредством транслитерации из французского или английского языка. В то же время в испанском языке уже мог существовать арабизм, адаптированный в период Средневековья, сравним: *alminar* – традиционная форма, в то время как *minarete* – транслитерация с французского языка. Кроме того, отмечается наличие лексем, адаптированных через транскрипцию: *kiosko* (арабизм), *quiosko* (фонетически адаптированная форма).

Большинство слов арабского происхождения внедрились в испанский язык в период конквисты: *ajimez* (*ár. šamis*, 1487), *alberca* (*ár. albírka*, 1253), *alcazaba* (*ár. alqašába*, 1101), *alcoba* (*ár. alqúbba*, 1280), *cenefa* (*ár. šanifa*, 1400) [Corominas, 1987].

Архитектурные термины, пришедшие в испанский язык из арабского языка, обозначают различные типы зданий и элементы конструкций, так или иначе, связанных с фортификационной функцией. Значительное количество слов называют виды мусульманских орнаментов и декоративных элементов здания.

3. Заимствования из французского языка

Французский язык оказывал и оказывает большое влияние на испанский язык в области архитектуры, что объясняется целым рядом экстралингвистических факторов. Так, в конце XII века сначала на север Испании, а затем и на всю ее территорию начала распространяться французская готика, что было обусловлено не только географическими, но и политическими связями. Господство готического стиля в Испании продолжалось вплоть до XV века, в этот период из французского языка были

заимствованы такие термины как: *flecha* (fr. *flèche*, 1397), *chapitel* (fr. *chapitel*, *chapeau*, XV век), *garita* (fr. *garite*, 1397), *claraboya* (fr. *claire-voie*, 1495) [Corominas, 1987].

Незначительное количество французских заимствований имеет отсылки к военной сфере: *garita*, *donjó*.

Выделяется тематическая группа, называющая виды арок и их конструктивные элементы: *arbotante*, *angrelado*, *cintra*, *dovela*, *extradós*, *intradós*, *glifo*, *jamba*, *flecha*.

Значительное количество заимствований относится к предметам, имеющим декоративное предназначение: *claraboya*, *blasón*, *bocel*, *crochet*, *gárgola*, *intérieur*, *plafón*, *rocalla*.

Термины, относящиеся к светской архитектуре: *pabellón*, *parque*, *rococó*, *surrealismo*. И к культовой: *minarete*. Термины общего назначения: *silueta*, *verja* и др. [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, RAE, URL].

Интересно, что большинство заимствованных слов являются существительными. Случаи заимствования прилагательных или глаголов не являются частотными, однако из французского языка в испанский внедрились и глаголы. Например, *acolar* (fr. *accoler*), обозначающий действие объединения двух военных гербов под единой короной в знак союзнических отношений [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, с. 12].

Французские заимствования связаны со спецификой архитектурных стилей, зародившихся во Франции, с новыми, более сложными элементами конструкций и со своеобразными декоративными элементами.

4. Заимствования из итальянского языка

В первой половине XVI века в области гуманизма и искусства начала активно проявлять себя Италия, что также нашло свое отражение в испанском языке. Появление в Италии нового класса «светской интеллигенции» способствовало росту преобладания светского образа жизни над духовным, в связи с чем с середины XV века культурное влияние Италии на остальную Европу все больше возрастало [Роттердамский, 2016, с. 13-15]. Городской культурный класс ощутил потребность других условий существования для получения и распространения образования, проведения светских мероприятий и занятия искусством. Итальянская архитектура того времени характеризуется расцветом пластических искусств, уделением внимания деталям и декору, легкостью и изяществом форм. Новые архитектурные элементы постепенно входят в архитектуру других европейских стран, сохраняя своё наименование. Большинство итальянизмов вошли в испанский язык именно в этот период: *balcón* (it. *balcone*, 1535), *architrave/architrabe* (it. *architrave*,

1521), *festón* (it. *festone*, 1521), *pilasrtón* (it. *pilastrone*, 1541), *fachada* (it. *facciata*, 1600) [RAE, URL, Corominas, 1987].

Заимствованные из итальянского языка архитектурные термины можно разделить на следующие тематические группы:

А. Сооружения светского типа и его элементы: *balcón*, *belvedere*, *fachada*, *logia*, *pérgola*, *rotonda*, *veranda*;

Б. Декор: *arquivolta*, *cartela*, *contorneati*, *escalinata*, *filete*, *fresco*, *festón*, *modillón*, *mosaico*, *parapeto*, *pilasrtón*, *torso*;

В. Конструктивные элементы: *architrave/architrabe*, *crujía*, *cúpula*, *pedestal*;

Г. Термины с религиозной составляющей: *predela*;

Д. Архитектурные термины общего назначения: *maqueta* и др. [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, RAE, URL].

Архитектурные термины, заимствованные из итальянского языка, называют конструктивные или декоративные элементы, связанные, тем или иным образом, со светской стороной жизни общества и его эстетическими предпочтениями.

5. Заимствования из каталанского и арагонского языка.

Во время правления Католических Королей особое внимание было уделено архитектуре Кастилии и Арагона, ввиду чего отмечаются и немногочисленные заимствования из каталанского и арагонского языка: *botarel*, *dosel*, *jácena*, *lonja*, *porche*, *seo/seu* [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003, RAE, URL] и др.

6. Заимствования из английского языка.

На современном этапе развития лингвистики считается, что английский язык оказывает значительное влияние на лексический состав различных языков. Однако, в области специального языка архитектуры его влияние в испаноязычном сегменте минимально и связано либо с архитектурным направлением: *minimalismo*, либо со специфическими британскими архитектурными элементами: *bow window/boínder* (в данном примере фонетически адаптированная форма полностью не закрепилась).

Заключение

Анализ фактологического материала позволяет сделать вывод о безоговорочном доминировании лексики, восходящей к латинскому языку – 45%, что представляется вполне логичным, так как корни испанского языка уходят в глубь народной латыни. Однако, значительное число архитектурных терминов пришли в испанский язык из арабского (19%), греческого (10%), французского (11%) и итальянского (11%) языков. В небольшом количестве также представлены слова из каталанского и

арагонского (3%) и английского (1%) языков.

Полученные в рамках проведенного анализа сведения позволяют на конкретных исторических этапах проследить степень взаимодействия культур, выявить ведущие архитектурные направления и этапы их развития, установить факторы и причины смены архитектурных направлений и социального положения общества.

На ранних исторических этапах Испания плотно взаимодействовала с римской, греческой и арабской ци-

вилизациями. В период Позднего Средневековья и Возрождения отмечаются культурные контакты с Францией и Италией. В историческом контексте незначительное влияние на архитектуру Испании оказали особенности строительства в Кастилии и Арагоне. Что касается, наиболее распространенного на сегодняшний день английского языка, то на архитектурную лексику испанского языка зафиксировано минимальное влияние. Данный факт связан с тем, что терминосистема архитектурной области начала свое формирование очень давно, ввиду древности самой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bails B. Diccionario de Arquitectura Civil, Madrid MDCCCII. 1802. С. 131.
2. Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada. Editorial Gredos, Madrid, 1987, p. 627.
3. Diccionario de Construcción y Arquitectura. Режим доступа: <http://arte-y-arquitectura.glosario.net/construccion-y-arquitectura>
4. Diccionario de la lengua española. Режим доступа: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>
5. Domínguez Ramos, J. Giralt Ametller, D. Diccionario de términos artísticos / J. Domínguez Ramos, D. Giralt Ametller // Ediciones Globo. – 2003. – 198 p.
6. Glosario arquitectónico, URL <https://www.glosarioarquitectonico.com/>
7. Lapesa R. Historia de la lengua española, novena edición corregida y aumentada, Biblioteca románica hispánica, Editorial Gredos, Madrid, 1981, с. 691.
8. Moliner, M. Diccionario de Uso del Español, Segunda Edición, A-H / M. Moliner // GREDOS, Madrid. – 1998. – 1520 p
9. Бухарова С.Ю. Специфика заимствований в испанском языке (на материале арабизмов и англицизмов) автореферат на соискание уч степени канд. филол. наук, М. 1994, с. 22.
10. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие, Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972, с. 25-60
11. Кузнецова, Н.Г. Профессиональный язык архитекторов: системный подход к словарю (на материале английского, немецкого и французского языков) / Кузнецова Н.Г., Зайцева И.Е., Степичева О.Н. // Филологические науки, Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, №6(60): в 3-х ч. Ч.2. – 2016. – С.98-107.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. редактор В.Н. Ярцева, Москва, «Советская энциклопедия», 1990. Режим доступа <http://tapemark.narod.ru/les/158a.html>
13. Роттердамский Э. Похвала Глупости / Эразм Роттердамский; пер. с лат. П.Ардашова. – СПб.: Азбука, Азбука – Агтикос, 2016. – 192.
14. Тюльнина В.П., Хаютин А.Д., Рудакова А.Г. Лингвистические и экстралингвистические аспекты номинации в подъязыке горного дела (на материале простых и сложных лингвистических единиц), Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал), 1996, с. 81-87.

© Рой-Игнатенко Анна Владимировна (royignatenko@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧЕВОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SPEECH DISCOURSE OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

**A. Sedashova
A. Mayorova**

Summary: The article deals with lexico-semantic and grammatical features of phraseological units; their English translation. The transformation of phraseological units in the texts of journalistic style and their types are analyzed.

Keywords: semantic transformations, phraseological units of the English language, phraseological unit, lexico-semantic transformations.

Седашова Анна Александровна

Аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
pogrebnyak.anyutcka@yandex.ru

Майорова Анастасия Сергеевна

Аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: В статье рассматриваются лексико-семантические и грамматические особенности фразеологических единиц; их перевод в английском языке. Проанализирована трансформация фразеологизмов в текстах публицистического стиля и их типы.

Ключевые слова: семантические трансформации, фразеологизмы английского языка, фразеологическая единица, лексико-семантические трансформации.

В современном английском языке многообразное и широкое употребление нашли для себя в текстах фразеологизмы, а также различные устойчивые сочетания: пословицы поговорки, загадки, скороговорки, терминологические сочетания, цитаты из произведений литературы, кино, устойчивые народнопоэтические обороты, которые примыкают по признаку слитности компонентов.

Язык – часть построения нации. Развитие языка зависит напрямую от развития общества, ведь он сопровождает нас всю жизнь. Именно поэтому с течением времени проводятся исследования, открываются новые законы и правила употребления. Множество ученых уделяет значительное внимание каждому аспекту различных частей речи. Чтобы в совершенстве владеть языком, иметь большой словарный запас – следует изучать лексику как науку. Это позволяет разбираться в структурах, принципах подбора материала не только родного, но и иностранного языка. Значительной составляющей лексического запаса есть слова, но сюда также относятся и группы слов, называемых фразеологизмами.

Фразеология – раздел об устоявшихся оборотах речи, наука, исследующая семантику и происхождение слов. Хотя фразеологизмы насыщают и обогащают содержание текста, следует соблюдать осторожность с их использованием, особенно в контексте иностранных языков. Поскольку фразеологические выражения все больше употребляются как в повседневной жизни, так и в средствах массовой информации, англоязычная пресса не стала исключением в данном случае. Она занимает зна-

чительное место в мировом информационном пространстве, количество издаваемого текста превышает любой язык, а темы публикаций касаются не только вопросов конкретной страны, но и межнациональных связей.

Соответственно это приводит к тесному взаимодействию разных языков и в результате появлению новых фразеологизмов и пополнению словарного состава языка в целом. Фразеологические единицы представляют собой самую живописную и выразительную часть словарного запаса языка, отражающего обычаи, традиции народа, ссылку на его историю, фольклор. Фразеология является наиболее демократичной составляющей словаря, взятого из глубины языка народа. Понятно, что фразеологические единицы характеризуются двойным значением, а значения компонентов слов стойкой фразы образуют определенную картину, создавая совершенно новый образ.

Исследованием выбранной тематики занимались многие переводчики и исследователи этой сферы, среди них Брандес М.П., Виноградов В.С., Володина Т.С., Копанев П.И., Кунин А.В., Проботов В.И., Рудковский О.П., Савицкий В.М., Телия В.М. Рассмотрение особенностей перевода фразеологических единиц, применяемых в современных англоязычных изданиях и их перевод на русский – весомая тема исследования. Однако, несмотря на открытую заинтересованность темой перевода фразеологизмов и их интерпретации на родном языке среди экспертов этой области, тема остается актуальной и по сей день.

С развитием англоязычного экономико-политическо-

го медиа дискурса коммуниканты все больше обращаются к применению таких средств выразительности, которые оказывали бы мощный коммуникативный эффект. Особое место в лексикологическом репертуаре повышенной экспрессивности занимают фразеологические единицы (ФЕ). Однако, как в повседневном общении, так и коммуникации медиа дискурса, применение ФЕ часто осуществляется особым авторским способом – через трансформирование уже известных ФЕ в новую форму с приданием несколько измененного содержания. Как новые авторские образования, трансформированные ФЕ привлекают особое внимание как с точки зрения семантики и семиотики, так и с позиции переводоведения, поскольку требуют определенного творческого подхода от переводчика.

Учитывая актуальность проблематики, целью данного исследования является изучение структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в англоязычном экономико-политическом медиа дискурсе.

В последние десятилетия появился ряд работ, посвященных фразеологии современного английского языка, в которых освещались структурно-семантические особенности фразеологических единиц (А. Григораш, М. Ковальчук, М. Коципак, О. Халабузар, М. Сорокина, Н. Бабенко, О. Педа). В настоящее время остается актуальной проблема классификации видов трансформаций фразеологических единиц и их комбинаторности. Кроме того, возникают вопросы, касающиеся роли концептуальных и коммуникативно-прагматических факторов фразеологических трансформаций. Всесторонний интерес к детальному многоаспектному изучению структурно-семантической трансформации фразеологизмов свидетельствует о неисчерпаемости данного языкового явления и подтверждает целесообразность интегрированного подхода к его анализу.

Базовым фактором для развития фразеологической семантики можно выделить концепцию автономности фразеологии. Согласно этой концепции, фразеология рассматривается как «традиционное единство системных отношений между компонентами фразеологических единиц и фразеологических единиц между собой на основе их структурно-семантических особенностей» [4, с. 27-28]. Эта концепция была положена в основу дальнейших исследований фразеологии.

Рассмотрим такие типы трансформации ФЕ как: вклинивание, расширение состава и отсечение части ФЕ [5].

Вклинивание. Это прием конкретизации значения ФЕ, заключающийся в появлении новой лексемы с уточняющим значением при существительном или адъективном компоненте ФЕ. Например, выражение «*feel like million dollars*» встречается в предложении «*Когда мы одева-*

ем этот наряд, то выглядим на миллион долларов, и выглядим на миллион долларов, и это дает нам уверенность, независимо от повода» [6]. Расширение состава ФЕ детерминировано появлением преположительного прилагательного **proverbial**, конкретизирующего значение компонента **million dollars**, обнаруживающего внутри ФЕ признаки слова с собственным значением.

«*An Englishman's home is his rented castle*» – Дом англичанина – его арендованная крепость [6]. Расширение данного фразеологизма **an Englishman's home is his castle** обусловлено появлением преположительного прилагательного **rented**, реализующего вклинивание.

Развертывание. Данный термин вводится В. Мокиенко и понимается «как появление дополнительных смыслов в семантике высказывания, где актуализируется ФЕ с данным видом трансформации» [2, с. 29]. В отличие от примеров с вклиниванием, в случаях с развертыванием наблюдаем расширение структуры базовой ФЕ в целом, а не благодаря модификации одного или двух компонентов: включаемый элемент часто имеет структуру фразы, а не лексемы, кроме того, он семантически соотносится со значением ФЕ в целом, а не со значением одного из компонентов. В. Бондаренко «понимает термин развертывания как обогащения смысла, развернутое эксплицирование ФЕ» [1, с. 9]. К примеру: «*Thanks most perhaps to the cherished national story, that an Irishman and his home is his castle and the state no business interfering in their bedrooms*» – «*За это больше всего надо благодарить веру людей в то, что дом англичанина – как и ирландца – его крепость, поэтому власть не имеет никакого права контролировать происходящее у человека в спальне*» [6]. В данном случае расширение состава фразеологизма было достигнуто введением приращенной конструкции **an Irishman's**.

Роберт Бартлетт говорит, что это привело к повышению арендной платы в секторе частного жилья и более полного жилья, что дом англичанина, возможно, больше не его крепость [7]. Расширение состава фразеологизма в этом случае достигается введением отрицательной конструкции с модальным глаголом, подчеркивающим вероятность описанной ситуации.

Следовательно, подводя итоги, необходимо отметить, что основными типами структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в англоязычном экономико-политическом дискурсе является вклинивание благодаря появлению новой лексемы с уточняющим значением при существительном или адъективном компоненте ФЕ, развертывании через расширение структуры а также отсечение: а) из-за уменьшения лексического состава ФЕ; б) взывание базовой ФЕ в структуру, функционирующую в предложении как сложное слово.

Трудности перевода фразеологизмов связаны также с тем фактом, что одно и то же соединение, одно и то же языковое выражение может быть одновременно и устойчивым, и свободным. Это можно проиллюстрировать на примере словосочетания *the boy next door*, который может переводиться на русский язык и как сосед, живущий рядом парень и как обычный парень, парней которых много. При воспроизведении подобных словосочетаний переводчик должен понимать, являются ли они постоянными соединениями или нет. Выбор адекватного метода перевода фразеологической единицы зависит от сложности их семантической структуры, разного характера, национально-культурной специфики его значения. Основными способами передачи англоязычных фразеологизмов средствами русского языка являются их эквивалентный и аналоговый, описательный перевод, а также калькирование. Понятно, что лучшим способом перевода исходного фразеологизма является его передача с помощью эквивалентной единицы, если подобная существует в целевой речи. Применение подобной единицы обеспечивает не только полное воспроизведение содержания, но и передачу образности и экспрессивности исходной фразеологической единицы. Полные фразеологические эквиваленты идентичны по структуре, лексическому составу, стилистическим характеристикам, значению и образности [5, с. 81], в частности: *in seventh heaven* – на седьмом небе. Отметим, что фразеологические эквиваленты сравнительно небольшое количество. Чаще всего к ним относятся т.н.

Интернациональные фразеологические единицы. В этой связи В.Н. Комиссаров отмечает, «что в случае заимствования на разных языках одной и той же фразеологической единицы ее значение в одном из языков может измениться, в результате чего появляются подобные по форме, но разные по содержанию «фальшивые друзья переводчика»» [5, с. 82]. Так, например, английская фразеологическая единица *to lead by the nose* и русская *водить за нос* совпадают по форме, но имеют разные значения, поскольку англоязычный фразеологизм означает полностью покорить, командовать, тогда как русский – обманывать. Частичные эквиваленты являются единицами языка перевода, содержащими некоторые лексические, грамматические или лексико-грамматические различия при наличии одного и того же значения и стилистической направленности с соответствующими фразеологическими единицами языка оригинала. По степени адекватности перевода частичные эквиваленты равноценны полным эквивалентам. Частичные эквиваленты, в свою очередь, делятся на частичные лексические и частичные грамматические эквиваленты.

Частичные лексические эквиваленты совпадают по значению, стилистической направленности, близки образно, но расходятся по своему лексическому составу, грамматическому строению, например: *as flies to sugar* –

как мухи на мед, *to dance like an elephant* – танцевать как медведь, *he laughs last* – начал смехом, а закончил слезами. Частичными лексическими эквивалентами являются и эквивалентные фразеологические единицы языка перевода, которые одинаковы по значению, стилистической направленности, но различны по образности.

Такие единицы В.Н. Комиссаров называет фразеологическим аналогом [5, с. 82]. Примером использования русского фразеологического аналога при переводе англоязычного фразеологизма *all fish that comes to his net* является хорошему злодею все впору. К частичным грамматическим эквивалентам относятся те фразеологические единицы языка перевода, которые совпадают с соответствующими единицами языка оригинала по значению, стилистической окраске и образности, но отличаются от них грамматической категорией существительных, прилагательных, которые являются составными частями этих фразеологических единиц. *birds with chaff* – провести старого воробья на мякине.

Использование фразеологического аналога обеспечивает такой же адекватный перевод английского фразеологизма, как и при наличии полного эквивалента. Но здесь тоже есть некоторые ограничения. Во-первых, по мнению В.Н. Комиссарова «необходимо сохранить эмоциональное и стилистическое значение фразеологической единицы. Во-вторых, необходимо учитывать два фактора: стилистическую неравноценность и национальную окраску некоторых аналоговых фразеологизмов» [5, с. 173]. Когда в языке перевода нет ни эквивалента, ни аналога исходной фразеологической единицы, может использоваться калькирование, являющееся способом ее дословной передачи. Отметим, что этот способ перевода фразеологизмов применим только в том случае, если его результатом будет выражение, которое легко воспринимается и адекватно понимается адресатом.

Буквальный перевод не является фразеологическим переводом, потому что в нем не используются готовые фразеологизмы, существующие в языке перевода. Результатом буквального перевода является создание нового выражения, понятного адресату перевода, в частности: *a cid look* – кислое выражение лица. Т.н. фразеологические кальки часто используются переводчиками. Они позволяют воспроизвести образность исходной единицы. В.Н. Комиссаров «отмечает одну существенную сложность, с которой сталкивается переводчик в случае создания фразеологической кальки: придание ей формы крылатого выражения» [5, с. 175]. Если фразеологизм не имеет в языке перевода ни эквивалента, ни аналога, а дословный перевод приводит лишь к малопонятному буквализму, переводчик обязан передавать значение схожей единицы исходного языка методом описания. Недостатком подобного перевода является невозможность сохранения образа оригинального фразеоло-

гизма, например: *have butterflies in one's stomach* (букв. «мать бабочек в животе») – сильно переживать, беспокоиться, иметь муравьи (от волнения). Для адаптации описательного перевода и фразеологической кальки к нормам целевого языка переводчик может применять переводческие трансформации.

В фразеологии английского языка имеются случаи, когда фраза с компонентом-названием личности по роду занятий имеет несколько значений и входит в несколько синонимических рядов. К примеру, выражение *to come the quarterdeck over one* как первоначально морское выражение, обозначавшее «командовать кем-то», вступает в синонимические отношения с идиомой *to come the old soldier over one* (когда последняя выступает в этом же смысле, ведь она также двусмысленна), а обозначая высокомерное отношение – с фраземой *to come captain Stiff over one*. Вместо этого фразеологизм может стать звеном еще одного синонимического ряда со значением «обмануть» наряду с соединениями в путешествии доктора, играть в трейдере и т.д. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что появление у фразеологической единицы новых значений приводит к продолжению синонимических рядов.

Фразеологические единицы с компонентом-названием личности по роду занятий требуют особого внимания переводчиков, поскольку являются не простыми словосочетаниями со свободными значениями компонентов, а специфическими по целостным значениям, характеристикам и оценочным коннотациям. Проведенный анализ позволил убедиться в том, что в каждом конкретном случае стратегия перевода варьируется и на переводческое решение может повлиять ряд факторов, к которым можно отнести особенности употребления фразеологической

единицы в том или ином контексте, ее структуру, семантику, эмоциональную экспрессивную окраску. В зависимости от ситуации и особенностей фраземы, переводчик может найти полный или частичный эквивалент, аналог, использовать кальковый или описательный перевод. Кроме того, переводчик должен быть осведомлен и креативным, знать лингвокультурные особенности языка-оригинала, уметь правильно использовать справочную литературу. Перспективами исследований может быть дальнейшее изучение фразеологии с компонентом-названием личности по роду занятий и специфике их перевода.

Таким образом, трудности перевода англоязычных фразеологизмов средствами русского языка обусловлены не только разногласиями строения английского и русского языков и их единиц, но и сложностью семантической структуры, образным характером, национально-культурной спецификой значения отдельных фразеологических единиц. Оптимальным переводческим решением при передаче англоязычной фразеологической единицы считается поиск эквивалентной русскоязычной фразеологической единицы (полного или частичного эквивалента, который может быть частичным лексическим или частичным грамматическим аналогом). При отсутствии такой единицы переводчик применяет калькирование и описательный перевод. Для достижения максимальной адекватности перевода фразеологических единиц необходимо использовать и комбинировать различные способы и приемы перевода, а также переводческие трансформации.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение приемов и стратегий перевода трансформированных ФЕ англоязычного экономико-политического дискурса на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко В.Т. О лексическом варьировании пословично-поговорочных выражений в свете фразеологической переходности / В.Т. Бондаренко // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков: мат. Междунар. симпозиума 21–23 мая 2001 г. Великий Новгород. – Великий Новгород, 2001. – 354 с.
2. Мокиенко В.М. Противоречия фразеологии и ее динамика: автореф. дис. на соиск. степени док. филол. наук / В.М. Мокиенко. – Л., 1976. – 24 с.
3. Мошиашвили С.А. К вопросу об актуализации фразеологических единиц. Трудности семантики фразеологических единиц: сб. науч. трудов / С.А. Мошиашвили. – Иркутск, 1996. – 324 с.
4. Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования / В.М. Савицкий. – Самарск. Гос. ун-т. – Самара: Изд-во Самарск. Ун-та, 1993. – 171 с.
5. Туболева А.А. Структурно-семантические трансформации во фразеологизмах современного английского языка, детерминированные расширением и сокращением компонентного состава [Электронный ресурс] / А.А. Туболева // Актуальные проблемы филологии. – 2011. – Режим доступа: <http://www.stationline.org.ua/index.php/filologiya/31/1898-strukturno-semantichni-transformaci%D1%97-u-frazeologizmax-suchasno%D1%97-anglijsko%D1%97-movi-determination-rozshirenyam-i-skorochennyam-komponentno-skladu.html>
6. The Times – Официальный сайт издания TheTimes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>
7. The BBC News – Официальный сайт издания TheBBCNews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/>

© Седашова Анна Александровна (progrebnyak.anyutcka@yandex.ru), Майорова Анастасия Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНКРУСТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ И КАТЕГОРИЯ ГЕТЕРОТОПИИ КАК МЕХАНИЗМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ)

CONCEPT INLAYING AND THE CATEGORY OF HETEROTOPIA AS MECHANISMS OF TRANSLATION OF THE ETHNOCULTURAL CODE (BY THE MATERIAL OF MODERN PROSE)

O. Starodubova
O. Chubarova

Summary: The article discusses the mechanisms of modeling the picture of the world, the concept sphere, as well as the ways of translating the ethno-cultural code in artistic discourse on the material of modern prose. The study uses cognitive-discursive methods to objectively decode the author's construct. As a result, it turns out that artistic discourse is one of the main tools for cognizing the national picture of the world both for carriers of the original linguistic consciousness and for foreigners in the interpretation of a creative person, and the category of heterotopy becomes a concept-forming one, that is, a carrier of a key concept into which other concepts are embedded, at the same time there is a rethinking of their traditional content.

Keywords: ethno-cultural code, concept sphere, artistic discourse, linguo-cognitive modeling, heterotopia.

Стародубова Ольга Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент,
Московский государственный лингвистический
университет
oystarodubova@mail.ru

Чубарова Ольга Эдуардовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Московский
государственный лингвистический университет
olchubarova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются механизмы моделирования картины мира, концептосферы, а также способы трансляции этнокультурного кода в художественном дискурсе на материале современной прозы. В ходе исследования используются когнитивно-дискурсивные методы, позволяющие объективно декодировать авторский конструкт. В результате выясняется, что художественный дискурс является одним из основных инструментов познания национальной картины мира как для носителей исходного языкового сознания, так и для инофонов в интерпретации творческой личности, а категория гетеротопии становится концептообразующей, то есть носителем ключевого концепта, в который встраиваются другие концепты, при этом происходит переосмысление традиционного их содержания.

Ключевые слова: этнокультурный код, концептосфера, художественный дискурс, лингвокогнитивное моделирование, гетеротопия.

Введение

Декодированию имплицитных смыслов художественного дискурса посвящено множество исследований, однако не существует исчерпывающей методики, позволяющей объективно декодировать авторский конструкт, его интерпретативную картину мира, в которой представлена система универсальных и национальных ценностей с точки зрения критического восприятия негативных (*чужих*) и утверждения вечных, истинных (*своих*). При анализе любого текста есть некий список общих мест, но каждый раз возникает целый ряд моментов, требующих уточнения, коррекции методов и способов исследования текста.

Художественный текст по-прежнему не утрачивает своей актуальности, несмотря на медиацентричность современной парадигмы, которую отмечают многие авторы, поскольку он является моделью действительности, сконструированной по мотивам реальности, но представляющей искусственно созданный аналоговый конструкт, основная задача которого – эксплицировать

концептосферу, расставить акценты в картине мира, определить приоритеты, тем самым помочь читателю понять действительную реальность через призму текстовой модели, объективировав ключевые концепты. Таким образом, художественный текст / дискурс становится инструментом познания мира как для носителей этнокультурного кода, так и для инофонов [1, 5, 6, 7].

Методика декодирования текстово-дискурсивной модели

В аудитории инофонов особенно важно понимание текста не в изолированной позиции, что позволит воспринимать только сюжет вне связи с историко-культурным контекстом, а в когнитивно-дискурсивном формате, который дает возможность декодирования текста как фрагмента целостной национальной картины мира, сконструированной на фоне событийности и системы ценностей не только современной автору действительности, но и включающей традиции многих поколений.

Для объективного и полного понимания художе-

ственного текста, транслируемой автором национальной картины мира (концептосферы) необходимо точное знание того, каким образом творческая личность конструирует модель мира, какие прагматические и лингвистические механизмы для этого использует [3, 5, 6, 7]. При многократном применении методики формируется устойчивая модель декодирования текста, а значит, системное понимание русской культуры, национальных и универсальных ценностей, что является неотъемлемой частью профессиональной компетенции [1, 5].

Первым этапом интерпретации является обращение к пресуппозиции, так как она не просто предшествует написанию текста, а задает ценностную систему координат, в которой автор конструирует текстовую модель действительности: при этом важно помнить, что важную роль в этом играют и события, происходящие в мире, стране, и факты биографии автора – все это в целом формирует личность, которая становится продуктом своей эпохи, национальных традиций, социальной, гендерной, возрастной и т.д. идентичностей, а также, в свою очередь, продуцентом параллельной реальности [3, 5, 6, 7].

С точки зрения Постмодерна, наш вещный мир, действительность – это первичный текст, а все, что сознано на основе его интерпретации – вторичная, то есть интерпретативная модель, которая конструируется по определенным законам [5, 8, 9, 10]. Таким образом, пресуппозиция встраивается в текстовую модель действительности и помогает читателю пробрасывать смысл, предвидеть его.

Следующим этапом декодирования авторской модели мира становится собственно текстовый, но с учетом его дискурсивных рамок, в том числе когнитивных особенностей языкового коллектива. Автор конструирует картину мира, представляющую набор концептов, используя языковые и прагматические механизмы, представленные сильными позициями текста, конкретными приемами, тактиками, категориями [2, 6]

Важным информативным сегментом текста является категория *гетеротопии* – концептуально значимое пространство, а также время, образующее с ним систему координат, в которой существуют герои, и категория *субъекта* [6, 10].

Все сильные позиции текста являются объективаторами концептуально значимой информации, становятся механизмами лингвокогнитивного моделирования этнокультурного кода, который транслирует текст [5, 6].

Все это важно учитывать в аудитории в особенности инофонов, для которых художественный текст, взятый в изолированной позиции, как транслятор этнокультурного кода часто в силу специфики природы становится гер-

метичным, недоступным пониманию, и только с учетом когнитивно-дискурсивных рамок (то есть в контексте и в системе) действительно является ценным источником информации как собственно языковой, так и экстралингвистической [2, 5].

Несомненно, один из сложных этапов декодирования текста – вычленение некоторых сильных позиций, в том числе прецедентности, концептуальной метафоры и т.п. – на этом этапе, конечно, требуется помощь преподавателя. Вообще формирование модели декодирования – процесс непростой и длительный, требующий многократного повторения на разном материале для закрепления навыка [5, 6].

Кроме того, необходимо помнить о том, что в отличие от потенциально конфликтогенного медийного дискурса, художественный выстраивается в рамках *коммуникативной парадигмы (стратегии)*, суть которой сводится к диалогу с читателем с целью совместного выяснения истины. Прообразом такой технологии можно считать диалоги Сократа. Указанная стратегия предполагает средства реализации в виде *тактик (обобщение, гиперболизация, демонизация, вытеснение, минимизация и т.д.)*, что составляет прагматический аспект моделирования текстовой реальности, который также реализуется при помощи категорий *гетеротопии* и *субъекта* [5, 6].

Информативными эксплицитными сегментами текста становятся языковые приемы на разных уровнях языка – от концептуальной метафоры, которая в рамках новой парадигмы является средством категоризации, концептуализации действительности, а также ресурсы словообразования, морфологии, стилистики. Все это образует сложный, но постижимый при системном подходе авторский конструкт [5, 6].

Результаты исследования

Обратимся к практике и рассмотрим вариант применения описанной методики декодирования художественного текста в дискурсивном формате на примере рассказа Лидии Скрябиной «Дама с собачкой», опубликованного в журнале «Москва» 2007 году [4].

Первой сильной позицией текста является затекстовая первичная реальность – историко-культурный контекст. Какова *пресуппозиция* исследуемого произведения? Начало XXI столетия – непростой и неоднозначный период в истории России. Как и начало прошлого века – это время кардинальных перемен, ломки мировоззрения, изменения ориентиров, системы ценностей, перестройка картины мира, попытка возродить монархию, церковь и одновременно страх перемен – все это может совмещаться в пределах одной личности. Однако может ли сознание человека как носителя традиций,

множества идентичностей так быстро измениться, как меняется общественно-политическая формация, законы, власть? Известно утверждение о том, что каждая последующая власть критикует и отрицает предыдущую, но никакие запреты, например, в период сталинских репрессий, не могли заставить русского человека забыть о том, что такое Православие, Христианская вера. Так и в период перестройки, лихих 90-х гг. происходит изменение статуса государства, но десятилетия советского периода создали особый тип личности – коллективный (так называемый *homo soveticus*), также имеющий свои ценности. Несомненно, наше мировоззрение меняется, но при внешнем отрицании все же включает все этапы становления и развития Отечества: именно поэтому с учетом обозначенной инклюзии каждый из нас – носитель целой картины мира, представленной набором ценностей, стереотипов, поведенческих реакций, часто противоречивых, нелогичных с точки зрения обыденного сознания. Декретами и законами невозможно запретить прошлое, однако так ли конфликтно, враждебно оно по отношению к настоящему?

Итак, начало 2000-х годов порождает *тип личности*, который находит воплощение в рассказе (*категория субъекта*) и пытается понять, кто он и как ему жить в этом стремительно меняющемся мире, новый тип героя совмещает в себе советское мировоззрение, его отрицание, потребность возрождения религиозного прошлого и т.п. Над этими вечными нравственно-философскими вопросами размышляет автор рассказа. Помним о том, что текст имеет экспланатронную природу [5, 8]. Итак, пресуппозиция порождает текст и направление его декодирования читателем, вступающим в диалог, сложную коммуникативную ситуацию.

Следующей сильной уже собственно текстовой позицией является *заголовок*, который представляет собой авторский код, ориентирующий реципиента. «Дама с собачкой» – нельзя не вспомнить одноименный чеховский рассказ, написанный в 1898 году. Лидия Скрябина использует яркий прием именно для того, чтобы напомнить читателю о преемственности поколений, актуализировать в нашем сознании память о прошлых эпохах, традициях.

Напомним механизм действия *прецедентного феномена* (ПФ): обладая ядром и периферией в структуре, ПФ встраивается в новое текстовое пространство и определяет его смысл [5]. Ядром ценностной семантики рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» становится любовь истинная, христианская, все преодолевающая, несущая свет и преображение героев, хотя начиналась с пошлой истории курортного романа, но автор дает молодой даме белого шпица – символ чистоты, а героям – шанс заслужить счастье испулением, покаянием, преодолением, в том числе светских условностей, предрассудков, ложных

стереотипов, которые, однако, определяют наше существование в пределах своего времени. Итак, счастье и страдание, преодоление становятся содержанием прецедентности, которая встраивается в новую текстовую событийность уже XXI века. Однако если мы заглянем в текст, то обнаружим, что дама остается без своего неременного атрибута – собачки, гибель которой (забегая вперед, отметим, что это был единственный друг) приводит героиню в храм. Утрачивая внешний сопутствующий субъекту атрибут, главное действующее лицо не теряет возможности быть счастливой. Так при помощи прецедентности, которая актуализирует вечные вопросы бытия и ценности, устанавливается диалог эпох, задача которого – проиллюстрировать не конфликтность, а преемственность поколений, единство ценностей, мировоззрений, ведь во все времена, независимо от статуса, гендера и множества других факторов, человек хочет быть счастливым.

Итак, изначально именно горе – потеря единственного близкого существа, друга – собаки – приводит героиню в *церковь*, где в дальнейшем и разворачиваются события, а точнее коммуникация, поскольку особенностью рассказа становится фактически бессюжетность: абсолютно разные по мировоззрению и статусу герои встречаются в этом концептуально значимом пространстве, взаимодействуют изначально зачастую конфликтно, но в дальнейшем все противоречия нейтрализуются в рамках указанного концептуально значимого пространства – *Церковь*, ведь основным ценностным содержанием этого концепта становится *любовь*, предполагающая *мир, всепрощение, единение*.

Особенностью исследуемого рассказа становится то, что связано с пресуппозицией – возникает своеобразный диалог эпох – все это мы наблюдаем в сакральном строении – церкви. И это, конечно, неслучайно. Именно *Церковь* и как категория гетеротопии, и как концепт становится экспликатором/актуализатором концептосферы, если принять во внимание, что именно там происходит действие рассказа.

Категория *гетеротопии* представлена оппозицией *подворье (храм и его территория) – улица (Москва, столица)*: «На улице вьюжит февральская метель. Скукота и томление духа. Когда горожанина, особенно столичного, вырывают из его привычной круговерти и заталкивают в церковь, то мирное спокойствие храма кажется ему тягостным, трудно выносимым испытанием» [4 здесь и далее]. – такова рефлексия рассказчицы в экспозиции произведения, но это только начало. Примечательно, что именно *женское гендерное Я* (интродукция субъекта) открывает текстовое пространство: традиционно женское начало интерпретируется как мирное, созидательное, позитивное (что важно для концепции произведения). Концептуально значимое пространство *улицы* как

общественное, разомкнутое, открытое описывается как, некоторым образом, враждебное: сложно назвать привлекательной февральскую метель, кроме того, можно прочитывать аллюзию на события Февральской русской революции, что представляется уместным на фоне кризиса мировоззрения, аналогичного событиям почти столетней давности, также изменившим социальное устройство общества. В приведенной цитате автор дает интродукцию субъекта – *горожанин*, сразу обозначая социально и религиозно нейтральный статус и одновременно некоторую потенциальную конфликтность на фоне пространства *церкви*, которая становится центром притяжения всех действующих лиц.

Рассказчица ждет *батюшку* в храме по просьбе больной тети (маминой сестры): «*Настоящее батюшкино чадо- моя тетя, мамина сестра*», и само ожидание является предметом описания всего окружающего героиню и происходящего в этом сакральном месте. Следует обратить внимание на высокую, книжную и трогательную стилистику в приведенной цитате, вербализующую внутреннюю речь рассказчицы, глазами которой мы видим все происходящее, ее оценке доверяем вслед за автором. Имя *батюшки* читателю открывается почти в конце текста – *Варнава*. Кроме обозначенной номинации субъекта- носителя концепта *Религия* упоминаются следующие: *монах* (указывает на особый статус – отречение в том числе от семьи ради служения Богу) – это наименование актуализирует важный сегмент концепта *Религия* – *Жертвенность*: «*он наведывается в Москву из дальнего монастыря*» – и само место его обитания сакрально, и имя знаково: *Варнава* – заимствовано из греческого, арамейского происхождения, означает «сын утешения», используется как монашеское, основатель Кипрской церкви. Так характеризует рассказчица *батюшку*: «*Особенно такого, как наш, нежного, красивого и маленько не от мира сего. Одним словом - настоящего канонического монаха. Таких даже в монастыре теперь днем с огнем не отыщешь*» – в приведенном фрагменте кроме атрибутики субъекта обнаруживаем прецедентность «*не от мира сего, днем с огнем не сыщешь*» (это, конечно, необходимо комментировать в аудитории инофонов), которая актуализирует в сознании читателя, во-первых, понимание народной мудрости, преемственность поколений, традиций, а также особую ценность, качества героя, что поддерживается и стилистически, и лексически (эпитеты), и при помощи морфологических ресурсов – притяжательное местоимение *наш* эксплицирует концепты *Единство*, *Семья*, которые инкрустируются в ядерный ключевой концепт *Религия*, объективируемый в том числе через категорию гетеротопии – *Церковь*, которая в советское время была отдана под *больницу*, то есть по сути продолжала выполнять функцию врачевания душ и телес – и это тоже, конечно, не просто случайность.

В следующей цитате: «*Батюшка мой на подворье в пол-*

ной уважухе» – обнаруживаем стилистические контрасты (жаргон), что порождает иронию и формирует позитивный эмоциональный тон, а также способствует устранению противоречий между досоветским, советским и современным. На этом фоне и рассказчица получает новую субъектную номинацию – *келейница- стажерка*, которая также сопрягает древность и современность – прошлое органично, естественно, неконфликтно встраивается в настоящее. Сами поступки *батюшки Варнавы* снимают все конфликты и противоречия между героями абсолютно разных идентичностей: социальных, возрастных, гендерных и т.д. *Батюшка* легко снимает все назревшие противоречия между героями: всем успевает за короткое время уделить внимание, для каждого находится у него доброе слово и даже конфеты раздает всем – независимо от статуса и т.д. – все становятся *своими*, нет *чужих*: «*Батюшка, как фокусник, из складок угольно-черной рясы вынимает белоснежный платок и подает его рыдающей докторше наук, потом благословляет стоящего рядом бомжа, отыскивая ему в карманах рясы конфету «Мишка на севере», и велит тихим голосом охраннику провести нищего в трапезную для трудников. Причем для ряженого казака тоже находится конфета*». Само действие эксплицирует концепт *Единства*, который упоминается в тексте и буквально – через прецедентность – *все люди братья*. И напомним, что все действие разворачивается именно в *церкви* – там вершатся добрые дела и объединяются люди разных поколений и статусов. На этом фоне также актуализируется общий дифференциальный признак всех субъектов – концепт *Человек*.

Примечательно замечание рассказчицы о том, что идеологи советской власти «...даже основной лозунг: «*Кто не работает, тот не ест*» - у апостола Павла сперли. Уникальное ворье!», тем самым подчеркивается та же преемственность поколений, традиций. Подобных примеров, сопровождающихся стилистическими контрастами, в тексте немало. Особенно интересна в этом плане атрибутика гетеротопии (*церковь*), включающая описание субъектов: «*Белокурые детские головки в обрамлении сложенных крест-накрест лебединых крыл. Мордашкой или ликом кудрявые херувимы все как один походят на дедушку Ленина, когда он еще был гимназистом младших классов, а не лысым вселенским злодеем. Именно этот умильный образ чеканили на октябрьских значках. «Когда был Ленин маленький / С кудрявой головой:» Иконописцев XIX века трудно было заподозрить в том, что они списали херувимов с Ленина, скорее наоборот*». В приведенном фрагменте актуализируются концепты *Детство*, *Религия*, которые являются глубоко позитивными, объективатором первого становится Ленин – носитель концепта *власть*, но он неоднороден и неоднозначен – Л. Скрябина использует объемную подачу субъектов.

Таковы когнитивные особенности человека – сохра-

нение воспоминаний о прошлом, запечатленное порой в самых причудливых формах, – и они находят отражение в тексте. Автор использует тактику *минимизации* негативно оценочных концептов *Власть, Агрессия, Политика*, носителем которых становится субъект Ленин, он предстает не *лысым вселенским злодеем*, а в *умилительном образе дитя, кудрявых херувимов, гимназиста младших классов или дедушки* – так автор нейтрализует, минимизирует зло, чужое становится родным, своим, добрым. В этом прочитывается призыв автора вспомнить об истинной человеческой природе, вернуться к истокам. Все вышесказанное поддерживается и собственно языковыми приемами – суффиксы субъективной оценки, эпитеты, ресурсы стилистики.

Важно, что гетеротопия и одновременно некоторые эксплицированные сегменты концепта *Церковь (Религия)* не идеализируются автором, он подчеркивает человеческий статус и природу их носителей, что также важно – другой монах описывается рассказчицей несколько негативно: *«из узкой потайной двери за его спиной выскальзывает монашеская фигура... Нет, это не батюшка Варнава. А гораздо хуже. По узкому проходу к нам навстречу устремляется отец Гавриил. Самый строгий, доставучий и гневливый монах в монастыре»* – этим подчеркивается реалистичность человеческой природы, а также то, что носителями добра или зла, своего или чужого являются не статусы, а конкретные люди.

В тексте упоминаются и другие субъекты как внутритекстовые (непосредственные участники), так и затекстовые (исторические персонажи, среди которых и всем известные политические лидеры, и апостолы). Все это подается автором на фоне стилистических контрастов (*иконописцы, апостолы, херувимы, художники* вполне уживаются рядом с *собутыльниками, горемычными, бомжами, злодеями* и т.п.), что порождает иронию как средство критики (в нашем случае общественных стереотипов о неслиянности, например, светского человека и церкви, религии и власти и т.д.) – так разрушаются ложные стереотипы и поддерживается преемственность поколений.

Обратимся к тексту и рассмотрим еще несколько знаковых субъектов и их вариативные номинации. Рассказчица в зависимости от ситуации, характера взаимодействия с другими персонажами выступает в следующих ролях: *«я, столичного горожанина, выпускающего редактора, стажера, стажерки-келейницы, как человек сугубо штатский, мирянки, терской казачки, как просто забытая кем-то деревянная чушка и трусливо засовываю поглубже в карманы руки с преступно покрашенными ногтями»* и т.д. – и все это в одном человеке.

Весьма примечательным в этом плане видится множество метаморфоз главной героини рассказа, вынесенной в заголовок, которые автор эксплицирует при

помощи номинаций – все происходит в Церкви и на ее территории в короткий временной промежуток. Изначально читатель видит лишь атрибут – собственно человек отсутствует – его поглотило горе утраты, в дальнейшем героиня постепенно проявляется, очеловечивается: *«в щель протискивается задом запорошенная снегом шуба и шапка из нутрии. Когда эта здоровенная нутрия поворачивается к нам лицом, то оказывается средних лет гражданкой, вполне приличной дамочкой... дама... бесполезная тетка... Губы просительницы дрожат... я доктор наук, я: я: зав... зав. лабораторией, - лепечет она, уже опустив голову, и слезы мелкими бусинками падают... плачущей дамочки ...рыдающей докторше наук»*, после участливых слов батюшки Варнавы героиня кардинально меняется, и это обозначено статусной номинацией: *«заплаканной прихожанке... смотрит на отца Варнаву доверчивыми близорукими глазами»*. Далее следует рассказ уже прихожанки об утрате – важно, что у погибшей овчарки есть личное имя – Аглай. И в конце рассказа, следуя старинной русской поговорке *свято место пусто не бывает*, автор вводит еще одного персонажа тоже с личным именем. Персонаж примечателен тем, что его описание, атрибутика весьма детализированы, и это неслучайно, ведь в нем актуализируются разные статусы, идентичности, времена и эпохи: *«... появляется заснеженный высокий парень. Его вольное молодежное одяние так странно смотрится в церковных стенах, словно в курятник случайно сунули дятла или чибиса. Длинный вязаный свитер, свисающий из-под куртки, словно в издевку скроенной строгим кителем; широкие, чуть приспущенные штаны с карманами на коленях; высокие, криво зашнурованные ботинки на толстой волнистой подошве. Все небрежное, необязательное, неуставное. Не знаю, как монаха, а военука от такого наряда мог бы кондратий хватить. Грудь ненормативного прихожанина по диагонали перехвачена широкой ляжкой модного кожаного рюкзака, словно у бурлака на Волге, а богатая русая шевелюра заплетена во множество косичек, собранных сзади пестрой лентой в один толстый плетеный конский хвост. Юноша непринужденно крестится, сняв очень продвинутые варежки, верхняя часть которых откидывается, крепясь к тыльной стороне на липучках, и под куполом варежки оказываются перчатками с недовязанными пальцами, так что кончики пальцев остаются голыми. Пришелле живо оглядывается вокруг, пружинистой походкой направляется к нам и, сложив ладони для благословения, низко кланяется батюшке. Я с подозрением смотрю на нового персонажа. Он, конечно, хорош. Похож на викинга. Нос длинный, глаза голубые, веселые. Руки аристократичные, с тонкими запястьями и длинными пальцами. Но вот прикид: за ухом только косяка не хватает. Мои покрашенные ногти - просто детский лепет... Получив благословение, юноша поворачивается к даме сдохлой собачкой:*

– И вы, матушка, тоже благословите... Я делаю чет-

ки для монахов. У меня они хорошие, кедровые. Полный улёт. То есть я хотел сказать, все с Иисусовой молитвой сотворены. Благословите. Я вообще по дереву хорошо режу. Я иконостас в Никольской церкви помогал делать». Этот замечательный субъект видит в людях только свет и добро, он открыт этому миру, к чему и призывает нас автор рассказа. Герой, как и категория гетеротопии (Церковь), аккумулирует в себе традиции, культуру многих поколений.

Итогом полилога эпох и культур становится обретение героиней неожиданного замечательного собеседника, друга вместе с гармонией, успокоением, нормальным человеческим счастьем, у него появляется и личное имя Никита (он тоже носитель универсального концепта Человек, гуманистических ценностей): «Новоиспеченная матушка утвердительно кивает и слабо улыбается, радуясь непривычному, ласковому обращению... молодой любитель регги с матушкой тихо, но оживленно беседуют на той же скамье; отец Варнава, как старый знакомый, приветливо машет им рукой и, не останавливаясь, спешит в келью... Знаете, я живу в двух шагах, пойдёмте, Никита, ко мне чай пить... - О, матушка, вы только начинающий юзер, - снисходительно улыбается парень. - Что ж, пошли чаи гонять, я сегодня без обеда... Как же нет молитвы для собак? ...У Бога всего много. Вот о домашнем скоте. Полный улёт. Разве собака не домашняя скотина? Значит, подходит. Вы если чего не знаете, покликайте в сети. Там столько православных чатов!». Особенно примечателен финал, в котором автор после небольшого расставания вновь соединяет всех участников интеракции в пространстве Церкви, буквально эксплицируя при помощи номинаций, а также ресурсов морфологии (личные и притяжательные местоимения мы, наш и т.д.) концепты Единство, Любовь, Счастье: «у самых дверей уже знакомый нам бомж-странник разгребает огромной плоской цинковой лопатой дорогу к храму. Увидев нас, он приостанавливается, облакачивается на лопату и приветливо созерцает наш выход. Мгновение мы еще стоим все вместе - четыре совсем разные человеческие особи. Разные, но уже связанные между собой одним батюшкой и, может быть, одной верой».

Во всех указанных примерах также очевидна объемная структура субъектной организации текста, которая актуализирует в обозначенной категории сразу несколько концептов (можно быть молодым любителем регги, зависающим в интернете и одновременно верующим и человечным), тем самым снимая их противоречивость, потенциальную конфликтогенность и подчеркивая особенности этнокультурного кода, национальных традиций, преемственности поколений.

Так постепенно формируется сложная коммуникативная ситуация рассказа, участниками которой становятся, на первый взгляд, не имеющие точек соприкос-

новения субъекты (часто конфликтные – доктор наук, стажерка- келейница, батюшка, охранник, бомж, он же по-церковному странник, молодой любитель регги), поскольку они являются носителями совершенно разных культурных кодов, а значит, их пространства также не должны пересекаться, однако такова реальность – в ней автор иллюстрирует объемную структуру субъектов, эксплицирующих концепты, встроенные в ядерный, объединяющий все, являющийся пространством действия, а значит, ценностной моделью общества. Сами действующие лица – субъекты – иллюстрируют (через вариативные номинации) способность и возможность быть одновременно и homo soveticus, и представителями до-советского мышления, и новый тип личности рубежа XX - XXI веков.

Выводы

Таким образом, одной из ключевых задач интерпретанта первичной реальности (то есть автора как продукта своей эпохи и носителя не только общего этнокультурного кода, но и набора целого ряда идентичностей) становится помощь читателю, суть которой состоит в коррекции традиционных представлений о системе ценностей, а точнее – в разрушении стереотипов, не соответствующих действительности. Для этого автор моделирует аналог реальности, интерпретативную, оценочную картину мира в виде концептосферы – системы концептов, используя в качестве объективаторов собственно языковые (целый ряд приемов на разных уровнях языка – от концептуальной метафоры, прецедентности до контрастов стилистики) и прагматические механизмы – коммуникативная стратегия, которая эксплицируется через тактику минимизации конфликта, категории гетеротопии и субъектности.

Все это способствует освоению (в особенности иными) русской национальной картины мира в нашем случае начала XXI века, помогает осознать системность, преемственность, а не конфликтность эпох, базовых универсальных и национальных ценностей. Также ориентирует читателя (реципиента этнокультурного кода) относительно места русской литературы и культуры в мировом контексте за счет инклюзивности в систему общечеловеческих ценностей, ведь итогом рассказа становится экспликация концепта *Единение* – все субъекты- участники сложной коммуникативной ситуации, текстово-дискурсивной интеракции приходят (а точнее органично и естественно приводятся автором) к общему знаменателю (все становятся *своими*), прагматическим объективатором которого является одновременно категория гетеротопии *Церковь* и концепт *Религия* (Христианство). Разве не об этом единении всех под эгидой Христианства мечтал Петр I, Ф.И. Тютчев и другие великие русские деятели, мыслители? Именно Церковь (а также все сопутствующие атрибуты и метапространства), ее

концептуальное значимое содержание нейтрализует все чужое, враждебное и разрушает ложный стереотип о том, что каждая последующая эпоха (власть) отрицает предыдущую. Природа человека, гуманистические ценно-

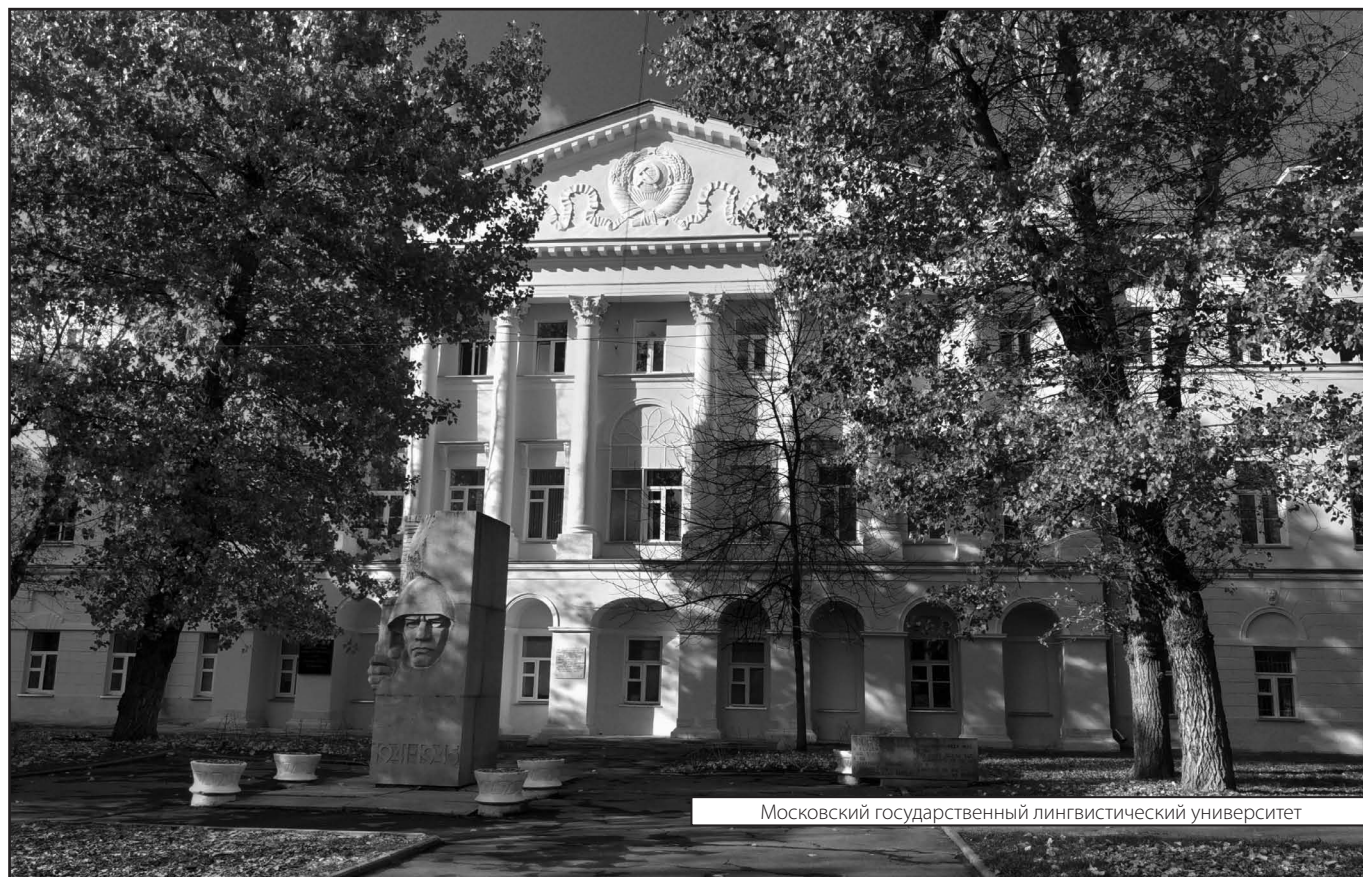
сти, идеалы остаются той универсальной константой, на которой зиждется мир – в этом ключевая задача автора, художественного дискурса, который становится транслятором национальных и универсальных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтушенко О.В. Художественная речь как инструмент познания. М.: Языки славянской культуры, 2010. 552 с.
2. Мухаммад Л.П., Стародубова О.Ю., Столетова Е.К., Чубарова О.Э. Полилог культур и эпох при чтении художественного текста в иностранной аудитории. *Revista Gênero e Direito*. 2020. – Т. 9. – № 1 S1. – P. 505–522. Режим доступа: <https://www.periodicojs.com.br/index.php/gei/article/view/52/50>
3. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
4. Скрыбина Л. Дама с собачкой. // Честное капиталистическое; Дуэт; Дама с собачкой; Семейное счастье [Текст]: рассказы / Л. Скрыбина // Москва. – 2007. – N 2. – С.9-22.
5. Стародубова О.Ю. Анатомия текста и дискурса. Часть 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности. Чебоксары: Среда. 2021. – 136 с.
6. Стародубова О.Ю. Художественный дискурс как вторичная действительность и способ моделирования концептосферы (лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты) // Вестник Российского нового университета. Серия: «Человек в современном мире». – 2022. – №2. – С. 91–100.
7. Стернин И.А. Моделирование концепта в лингвоконцептологии / И.А. Стернин // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006. С. 78-79.
8. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. Москва: Либроком, 2018. 144 с. 10.
9. Философия и литература: Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: Ad Marginem, 1993. С. 151.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 704 с.

© Стародубова Ольга Юрьевна (oystarodubova@mail.ru), Чубарова Ольга Эдуардовна (olchubarov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный лингвистический университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ В ЛИРИКАХ ЕВТУШЕНКО

Су Ливэй

Преподаватель, Инженерный университет ракетных сил
НОАК, г. Сиань, пров. Шэньси, Китай;
Докторант, Шанхайский университет иностранных
языков, г. Шанхай, Китай
suliwei0809@163.com

A STUDY OF MEMORIES OF WAR IN YEVTUSHENKO'S LYRICS

Su Liwei

Summary: Yevgeny Yevtushenko is one of the most famous poets of the Soviet period. His poems described and reflected all aspects of Soviet social life and were called «Encyclopaedia of Soviet society». This article characterises the poetic works of the poet; against the background of social and historical events, an acquaintance with the memories of the war in his lyrics is made; the peculiarities of the poetry and creativity of the poet are analysed; both the influence of the war on the people of the 1960s and the development of the poet's anti-war thought and the development of his humanistic spirit are deeply investigated.

Keywords: Yevtushenko, war lyrics, impression of the war in children's colours, anti-culture, civil responsibility, concept of the Motherland.

Аннотация: Евгений Евтушенко является одним из самых известных поэтов советского периода. Его стихи описывали и отражали все аспекты советской общественной жизни и были названы «Энциклопедией советского общества». В данной статье дается характеристика поэтическим произведениям поэта; на фоне социальных и исторических событий осуществлено знакомство с воспоминаниями о войне в его лирике; проводится анализ особенностей поэзии и творчества поэта, глубоко исследуется как влияние войны на людей 1960-х годов, так и развитие антивоенной мысли поэта, и развитие его гуманистического духа.

Ключевые слова: Евтушенко, военная лирика, впечатление о войне детскими красками, анти-культура, гражданская ответственность, концепция Родины.

Евгений Александрович Евтушенко (1932-2017 гг.) – известный русский поэт середины-конца двадцатого века, один из самых известных «поэтов-шестьдесятников» советского периода. Большая часть его поэтических произведений – это политические лирические стихотворения, отражающие моральные, гражданские и международные политические проблемы. Они посвящены рассказам о событиях, размышлениям о войне. Среди них такие, как «Бабий яр», «Афганский муравей», «Танки идут по Праге», «Хотят ли русские войны?...» и так далее. В 1984 году одно из его самых известных антивоенных стихотворений «Мама и нейтронная бомба» получило Государственную премию СССР. Как сказал Е. Сидров: «Поэзия Евтушенко – это как бы кардиограмма времени, иногда искаженная неточностью поэтического инструмента, но всегда искренняя, честная» [5]. Поэт пережил за свою жизнь десятки войн различных масштабов и форм, таких как Вторая мировая война, Пражская весна в Чехии, война в Афганистане и холодная война между Соединёнными Штатами и Советским Союзом. Его понимание войны постепенно освободилось от государственной идеологии и наполнилось своими собственными прозрениями и мыслями. Это был путь от поддержки и похвалы до размышлений о справедливости войны и судьбе всего человечества. Эта трансформация прослеживается в воспоминаниях о военных впечатлениях его детства, отображенных в его стихах.

1. Первое впечатление о войне детскими красками

Евтушенко родился накануне начала Второй миро-

вой войны. В то время ситуация в мире уже была взрывоопасна, и тень войны уже окутала все уголки мира. Война началась, когда поэту было семь лет. Хотя Евтушенко непосредственно не участвовал в сражениях, война все же отразилась на его судьбе: он был вынужден покинуть свой родной город и найти новое место жительства. Можно сказать, что Вторая мировая война сыграла основополагающую роль в формировании художественного кругозора и мировоззрения писателя. Она преподала будущему поэту уже в детском возрасте первый жестокий жизненный урок. Опыт вынужденного переселения посеял в сердце юного Евтушенко стремление к миру и стал краеугольным камнем будущего гуманистического духа в его поэзии. И, как следствие, размышления о войне и призыв к мирному сосуществованию пронизывали всё творчество поэта. Когда Евгению было 12 лет, он написал небольшое стихотворение «Чеснок» (1946):

Чеснок, чесночок,
дай свой беленький бочок.
У тебя, голубчика,
сто четыре зубчика.
И хотя мне рано в бой,
буду пахнуть я тобой.
Буду пахнуть за Урал,
чтоб ты Гитлера пробрал! [4]

В этом стихотворении молодой поэт выразил своё отвращение к фашизму, а также своё желание усердно трудиться во имя мира. «Белые зубчики чеснока» символизируют его самого и, хотя он не мог принимать участие в настоящей битве, он хотел всей своей душой хоть таким

образом воевать против фашизма. Стихи юмористические и остроумные, и в них уже проявился гуманистический дух Жени Евтушенко. Этот поэтический дух продолжается в следующих строчках:

На войне не надо плакать.
На войне во все века
так черства у хлеба мягкость,
а земля могил мягка.
«Гули-гули, гули-гули» -
ворковали нежно пули,
но не выйдет, хоть убей,
из них свинцовых голубей [4]

Дети всегда могут найти что-то позитивное даже в полуразрушенных стенах. Холодные пули окрашиваются в невинные цвета и превращаются в свободных летающих голубей. Голуби обычно олицетворяют мир, но этот «свинцовый голубь» может отнять чужую жизнь. Социолог Charles Fritz выдвинул следующую точку зрения: бедствия создают «сообщество страдальцев» (community of sufferers), что объединяет индивидов и дает возможность налаживать прочную связь с другими. Война жестока, но во время войны между людьми могут возникать тесные связи. Невзгоды, пережитые вместе, заставляют людей забывать о своих различиях, а скорбь по собственной судьбе переносится на других и понимание индивидуальной судьбы ещё больше углубляется. В те великие годы трагедии, которые происходили постоянно, слёзы, ежеминутно проливаемые людьми, крепко связывали всех. В самый критический момент Великой Отечественной войны, Сталин произнес знаменитую речь, обратился к своему народу «Братья и сестры». В этом лидере, известном своей жесткостью, редко проявлялась мягкость, и такое обращение тронуло сердца многих людей, потому что в этих словах было слишком много боли. Есть шрамы, которые никогда не заживут, и обиды, которые невозможно забыть.

Американский военный корреспондент Sebastian Junger считает, что война более привлекательна, чем мир, скорбь может быть благословением, бедствия иногда могут оставить у людей более неизгладимые воспоминания, чем свадьбы и каникулы, потому что после страданий, люди будут больше дорожить любыми, даже маленькими, но хорошими моментами жизни. Поэтому, хотя в детстве поэт пережил трагическую Вторую мировую войну, воспоминания поэта о войне полны детского нежного юмора. Герой его стихов маленький мальчик, который бежал из своего родного города и скитался в поисках убежища, с трудом передвигаясь в огромных ботинках, которые он подобрал:

Лесами шли,
пробирались вброд.
Каждая моя нога
прежде, чем сделать шаг вперед,
делала шаг
внутри сапога [4]

Описания войны, которые дает Евтушенко в своих произведениях, редко фокусируются на грандиозных сюжетных сценах, жестоких батальных действиях. Война – это скорее фон, скрытый повествовательный дискурс. Поэт предпочитает использовать мягкие мазки, чтобы изобразить подлинные чувства человека. Он пишет о холодной реке, летящей пыли и ненавистных комарах и мухах, чтобы читатели могли сопереживать тяжелому солдатскому труду и тем страданиям, с которыми сталкиваются простые люди на войне. Такой художественный приём как бы убирает грань между военными действиями и теми, кто читает об этом только в книге, в газете и так далёк от реальности войны. Однако не всем нравится такая позиция поэта. Стихотворение «Пахла станция Зима молоком и кедрами», созданное в 1957 году, подверглось групповым нападкам. А. Власенко опубликовал статью «Жизненная правда и поэтическое мастерство», в которой заявил, что стихотворение Евтушенко «Пахла станция Зима молоком и кедрами» на самом деле посредственно. Стихотворение описывает точку зрения главного героя – маленького мальчика: «я был в испанке синенькой, кисточкой махающей, такого рода детали слишком узки, случайны и поверхностны для грандиозной темы Великой Отечественной войны» [1]. По мнению автора, такого рода оценка несправедлива. В этом стихотворении рассказываются подробности жизни, полной обыденностью, медленно разворачивается картина происходящего:

За рекой Окою ухали филины.
Про войну гражданскую мы смотрели фильмы.
О, как я фильмы обожал - про Щорса,
про Максима, и был марксистом, видимо,
хотя не знал марксизма. [4]

Являясь важной частью идеологического государственного аппарата, литература, кино играют важную роль в военной пропаганде. Распространяя свою идеологию среди общественности, правительство помогает и направляет общественность к тому, чтобы дополнить их представления о войне. Дети на самом деле не понимают глубоких философских и социальных изменений. По сравнению с серьёзными учебниками, научными исследованиями героические фильмы больше привлекают внимание детей. Кино сформировало у поэта такие ценности, как патриотизм, верность и ответственность. Молодые люди стали стремиться стать героями, которые защищали бы свою семью и страну. Главный герой стихотворения описывает то, что он видит, в игривом тоне, формируя своеобразный образ персонажа и личностные характеристики, что делает стихотворение очень интересным и показывает личное обаяние автора:

Я писал роман тогда, и роман порядочный,
а на станции Зима голод был тетрадный.
И на уроках в дело шли, когда бывал диктант,
«Врачебная косметика», Мордовцев и Декарт.
А я был мал, но был удал, и в этом взявши первенство,
я между строчек исписал двухтомник Маркса -
Энгельса [4]

Строки стихотворения наполнены драгоценными воспоминаниями поэта о детстве и добрым юмором. Нельзя осудить поэта за то, что его детские воспоминания о военных годах были такими, и считать это искажением правды жизни и смягчением жестокой реальности войны. На самом деле, поскольку дети всегда непосредственны и легки в восприятии мира, они не всегда могут понимать горечь жизни. Поэт спроецировал личные воспоминания на главного героя стихотворения, запечатлев в нём колорит автора, но в то же время этот маленький мальчик, мечтавший написать «достойный роман», также является олицетворением всех детей, переживших войну в детстве. Переживания и чувства, описанные в стихотворении, нашли большой отклик у тех, кто был опустошен войной, напуган постоянными перемещениями с места на место, кто постоянно не спал, кому не хватало элементарной одежды и еды.

Когда Е. Евтушенко вырос, он прекрасно понимал идеализированность героев кино и телевидения, понимал их отличие от реальных солдат, запечатлённых в его воспоминаниях, осознавая иллюзорность кино и телевизионной культуры.

II. Формирование гражданской ответственности и концепции Родины

Время, проведенное в Сибири во время войны, стало серьезной страницей в поэзии Евтушенко. После возвращения в Москву поэт начал изучать поэтическое творчество во Дворце пионеров и в Литературном институте имени А. М. Горького. Первый шаг к соприкосновению с историей - это понять войну, пропустить через себя эту катастрофу в человеческой истории. Жизнь героя делится на «довоенную» и «послевоенную». Под влиянием этой исторической неизбежности возвращение главного героя к войне в произведении также вынуждает читателя взглянуть в лицо будущему. Сожаление о произошедшей трагедии и текущая реальность переплетены.

Были вьюги.

Было от снега бело,
и, у печки поставив валенки,
я слушал сводки Информбюро
на мягком диванном валике.
А там на фронте, где дым атак,
где до неба - столбы огня,
солдат-панфиловец лег под танк,
чтоб танк не дошел до меня [4]

Это стихотворение впервые в творчестве Евтушенко описывает сцену войны, и представляет собой испытание человеческого мужества и воли. Война не только оказала неизгладимое влияние на солдат, но и на мирное население - она также вынудила людей покидать свои дома, скитаться по бескрайней Сибири. Каждый был вынужден повзрослеть. Если до войны для поэта проявление храбрости в детстве заключалось в том, чтобы «водить маши-

ну со своими товарищами» или «прыгать в воду с моста», то после начала войны Евтушенко начал понимать: «Когда ты один, когда рядом никого нет, но ты способен на самостоятельную работу, это по-настоящему зрелость». Жизненные страдания заставили поэта по-новому взглянуть на всё, что он пережил. Война как острый крючок вытащила наружу всё, что касается участников и выживших, всё выворотила изнутри наружу.

Ради Родины и памяти героев, погибших на войне, Евтушенко чувствовал, что на нём лежит ответственность и он должен что-то сделать. После осознания того, что Родина «дала так много», он должен прожить свою жизнь достойно и осмысленно. Эта идея пронизывает военную тему поэта на протяжении всего его творчества. Если молодой поэт всё ещё бунтарски жалуется: «Мы родились слишком поздно» и «слава победы была разделена», то взрослой поэт понимает, что:

Но теперь наши годы как раз пригодились,
но теперь, когда столько мы вынесли,
нам понятно, как вовремя мы родились,
и как вовремя выросли [4]

В этом стихотворении Евтушенко впервые выразил свою долю ответственности поэта и предсказал свой дальнейший творческий путь и социальную миссию:

Мы о схватках с врагами мечтали все,
вздыхали - на всё опаздываем, но ещё не родились мы,
а уже для кого-то были опасными [4]

Вскоре после этого поэтический голос Евтушенко смело зазвучал на литературной сцене. Для писателей того поколения главная отправная точка творческих принципов заключалась в процветании Родины и защите прав народа. Поэт неустанно борется с надзорными органами, бюрократией и старомодностью, чтобы защищать свободу и любовь. Анинский так прокомментировал жизнь поэта: «Даже когда жестокий правитель был ещё жив, в царстве смерти, к которому никто не осмеливался прикоснуться, появился мальчик и крикнул: Граждане, пожалуйте, послушайте меня!.....» [3]. В стихотворении «Сегодня мне двадцать» поэт рассказывает о своей детской мечте, о совершении достойных поступков, раскрывает свой духовный мир, оценивает своё прошлое и настоящее и начинает думать о том, что он может сделать для Родины, и чего Родина ожидает и требует от него:

Сегодня - мне двадцать
Сестрёнка по лестнице несёт мне цветы,
поёт на ходу.
Она у меня - победы ровесница.
Ей в школу - в этом году.
Я очень люблю сестрёнку свою,
и, по долгу старшего брата,
будет надо - её защищу, отстою,
как меня защищали когда-то! [3]

Младшей сестре поэта в этом стихотворении столько же лет, сколько и Победе. Песня на день рождения для сестры – это, своего рода, гимн новой жизни и новой эры. После войны Советский Союз вступил в совершенно новую эпоху. По мнению поэта, эта эпоха должна быть совершенно новой, ведущей к возрождению страны, благоустройству жизни людей. Она должна полностью отличаться от предыдущей, принесшей много страданий и горя народу. Главный герой стихотворения готов трудиться в новом обществе и изменять жизнь к лучшему. Вторая мировая война подвергла жестокому насилию как отдельных людей, так и всю страну, принесла невыразимую боль всей нации, но, в то же время, она мобилизовала национальный дух, сплотила нацию, укрепила в людях любовь к жизни и стремление к миру. Устами главного героя Евтушенко подвел итог своему жизненному опыту за первые два десятилетия.

В период с 1952 по 1954 год мысли и чувства поэта были в высшей степени едины. Он умел сочетать конкретные тривиальные вещи в повседневной жизни с грандиозными объектами и использовать обычные эмоции человека, чтобы резонировать с великими и благородными целями. «К родине» («Родине», 1952) - шедевр поэта этого периода. В этом стихотворении мы видим, что патриотические чувства нации и личные эмоции в обществе того времени переплетаются, и что и то, и другое становятся ближе друг к другу. В начале стихотворения Евтушенко пишет о том, что когда он был маленьким, «школьник (ученик средней школы)» мог понять свою «взрослую» страну» только через «чувство, восприятие». Однако только тогда, когда к этому восприятию добавляются размышления, а опыт и мысли объединяются воедино, - можно ясно увидеть Родину во всей её глубине - она одновременно проста и возвышенна, величественна и глубока, нежна и страстна, история её очень героичная.

Поэт описал поезд, черный дым от горящего локомотива, солдат, выбежавших на платформу в рубашках с короткими рукавами, вспомнился грубый крестьянин, живший в своем бедном домике и выбежавший с большим топором в руке, чтобы отправиться на фронт. Восемилетний мальчик снова видит новый национальный подъём, новую историю и новые времена. Так, по сути ребенок стал понимать силу и мужество русского народа. Поэт собрал все эти сцены воедино и объединил их в единый образ - образ Родины.

III. Критика войны и зарождение гуманитарного духа

Жизнь людей часто подвержена идеологическому влиянию. Это влияние начинается с самого раннего возраста и продолжается по мере взросления индивида, его роста, и в дальнейшем идеология будет формировать модель мышления конкретного человека. В конце концов, взрослый индивид, в свою очередь, продолжает

придерживаться определённой идеологической платформы и развивать её. В соответствии с идеологией государства, солдаты должны стоять на страже справедливости, являться воплощением сильной воли и стойкого характера. Но такого идеального образа, в котором собраны все лучшие нравственные и моральные характеристики, не существует. Война может вдохновить человека на прекрасные поступки, но она не может решить все проблемы.

В 1955 году поэт написал стихотворение «Фронтвик». В этом стихотворении мы знакомимся с его детскими воспоминаниями о войне; рассказывается о разочаровании фронтовиков от созданного вымышленного нереального образа героя войны в некоторых произведениях литературы и в кино. Поэзия по своей сути, используя свои литературные методы, средства и приёмы очень выразительна. И это дает возможность поэтам создавать свои произведения, опираясь на особую точку зрения социальной антропологии; идя по пути, полном открытий. Евтушенко утверждает, что является истинным мастером реализма, который точно исследует повседневную жизнь. Например, поэт описывает детали, и перед читателем оживает картина праздника в селе после войны. Сельские ребята считали доблестных фронтовиков героями и громко кричали:

Мы любовались - я не скрою,
как он в стаканы водку лил
как перевязанной рукою красиво он не шевелил
Но он историями сыпал
и был уж слишком пьян и лих,
и слишком звучно, слишком сыто
вещал о подвигах своих [4]

Однако по мере того, как солдат хвастался перед девушками, мальчик постепенно осознавал, что ореол святости странным образом исчезает. Он вдруг увидел перед собой совсем другого человека – хвастуна и зазнайку. Мальчик случайно открыл для себя другую сторону «храбрости» воина, и ему стало стыдно за фронтовика. Встреча с реальностью заставила развеяться ореол героизма, выставив на авансцену обыкновенное бахвальство солдата. Но мальчик все же предпочел быть терпимым к словам и поступкам солдата, о чем он написал в конце стихотворения:

Смесь, шли девки с посиделок
и говорили про своё,
а на верёвках поседелых
скрипело мёрзлое бельё...[4]

Хотя сельские девушки не являются главными героинями в стихотворении, поэт все же специально написал их имена - Дуняша и Глаша. Это сделано не для того, чтобы зарифмовать слова, а для того, чтобы конкретизировать личную судьбу, отражая внутреннее уважение Евтушенко к личности и предназначению каждого

человека. Можно сказать, что, благодаря такого рода конкретизации, – названия имен персонажей – психологические детали в поэтическом тексте заостряются и становятся реальными, жизненными, перед нами не просто абстрактная поэзия, а поэзия, наполненная живым содержанием. Сила жизни заключается в её принятии жестокости и наивных детских фантазий, в уходе от абстрактных суждений о морали. Суровость жизни определена и реальна, поэтому при решении проблем она может быть и простой, и сложной одновременно. Можно сказать, что этот «Воин на передовой» положил начало сатирической теме в творчестве поэта, а затем ознаменовал переход к более критическим стихам, основанным на этой идее.

Ещё более интересным является стихотворение поэта «Армия», созданное в 1957 г. В стихотворении описывается, как дети из детского хора приезжают в госпиталь выступить перед ранеными солдатами:

Они, родные, некрасивые,
с большими впадинами глаз,
и сами жалкие, несильные,
смотрели с жалостью на нас.
В тылу измученные битвами,
худы, заморены, бледны,
в своих пальтишках драных были мы
для них героями войны.
О, взгляды долгие, подробные!
О, сострадание сестёр!
Но вот: «Вставай, страна огромная!»
запел, запел наш детский хор [4]

Трагедия войны создала «сообщество жертв», которое позволило отдельным людям сильнее ощутить связь между собой и другими людьми. Дети в хоре жалели больных и изможденных воинов, в то время как воины на больничных койках также переживали за худеньких артистов. И те, и другие – солдаты, страдающие от ранений и болезней, и дети, которые голодали и мерзли из-за войны, – все они были жертвами этой войны:

А вот запел хохол из Винницы.
Халат был в пятнах киселя,
и войлок сквозь клеёнку выбился
на черном ложе костыля.
Запел бурят на подоконнике, запел сапёр из
Костромы.
Солдаты пели, словно школьники, и, как солдаты,
пели мы [4]

Война затронула представителей разных национальностей, культур и эпох. Исполняя песню, и дети, и солдаты стали одним целым. Каждый испытал беспрецедентное единство и силу. Они были такими разными, но тесно связанными друг с другом. Они чувствуют одну и ту же боль, и те, и другие ощущают на себе раны, нанесенные войной. В этот момент каждый понимает, что никто не

является изолированным островом, судьба каждого отдельного человека и других, судьба Родины и судьба мира всегда тесно связаны:

Разрывы слышались нам дальние,
и было свято и светло...
Вот это все и было – Армия.
Все это Родину спасло [4]

«Свадьба» (1955) – одно из лучших стихотворений в раннем творчестве Евтушенко. Ю. Сидоров считает, что это стихотворение заслуживает включения в любую антологию советской поэзии. Главный герой стихотворения – всё тот же мальчик из Сибири. Через его восприятия поэт рассказывает нам о войне и представляет национальную трагедию сквозь призму своего восприятия:

О, свадьбы в дни военные!
Обманчивый уют, слова неоткровенные о том,
что не убьют... Дорогой зимней, снежную,
сквозь ветер, бьющий зло,
лечу на свадьбу спешно в соседнее село.
Походочкой расслабленной, с челочкой на лбу
вхожу, плясун прославленный, в гудящую избу [4]

Эмоции в стихотворении постоянно меняются, точно передавая настроение главного героя. В словах «походочка расслабленная» легко обрисовывается непринужденная походка мальчика, который входит в деревянный дом, где проходила свадьба, словно профессиональный танцор, в то время как в следующих словах «с челочкой на лбу» отсекаются слоги и паузы, и ритм стихотворения меняется. После того, как мальчик вошёл в комнату, он увидел простое и незатейливое празднование сельской свадьбы:

Наряженный, взволнованный, среди друзей, родных,
сидит мобилизованный растерянный жених.
Сидит с невестой – Верой.
А через пару дней шинель наденет серую,
на фронт поедет в ней.
Землёй чужой, не местную,
с винтовкою пойдёт, под пулю немецкою,
быть может, упадёт.
В стакане брага пенная, но пить её невмочь.
Быть может, ночь их первая – последняя их ночь
[4]

Образ невесты не абстрактен. Невесту зовут Верой. Это слово также имеет значение «убеждение, уверенность». Прекрасно описание деталей, данное поэтом, что делает поэтическую картину уникальной и реалистичной. Вера здесь — это не только твёрдое убеждение в победе, но также вера в справедливость и уверенность в жизни, посыл, чтобы объединиться вместе:

Глядит он опечаленно и – болью всей души
мне через стол отчаянно: «А ну, давай пляши!»
Забыли все о выпитом, все смотрят на меня,
и вот иду я с вывертом, подковками звеня.
То выдам дробь, то по полу носки проволоку.

Свищу, в ладоши хлопаю, взлетаю к потолку.
Летят по стенам лозунги что Гитлеру капут,
а у невесты слёзыньки горячие текут.
Уже я измочаленный, уже едва дышу...»
Пляши!..» - кричат отчаянно, и я опять пляшу... [4]

На этом этапе читатель уже не может сказать, кто в большем отчаянии - измученный ли танцор или жених, который пьёт и кричит. Звон подков сапог и звуки выстрелов вдалеке постепенно совпали, разрывая сердца каждого гостя. На этой войне все были вынуждены быстро взрослеть – дорога от обычных мальчиков и девочек до воинов, которые защищали свои семьи, была очень коротка. Хотя стихотворение «Свадьба» описывает веселую сцену праздника, всё оно пронизано горькой трагедией, вызванной войной.

Стихотворения, которые также отражают воспоминания поэта о военном детстве, - это «Армия» и «Пианино». Война была первой школой, которую прошли Евтушенко и дети - его современники. В этой школе детство мальчишек и девчонок было помято, уничтожено, и каждый ребенок пережил беспрецедентную личную катастрофу.

Такого рода несчастье посеяло семена огромной любви к Родине в сердцах этого поколения. Можно сказать, что война сформировала патриотические убеждения поэта и дух переживания за страну и народ; заставила поэта осознать, что судьбы всего человечества тесно взаимосвязаны, и задала тон поэтическому творчеству Евтушенко. «Свадьба» является важной вехой в цикле стихов поэта о войне, позволяя пониманию и описанию войны выйти на совершенно новый этап. Война стала связующим звеном для сплоченности и единства страны, нации и человечества. Евтушенко убежден: «Человеческие существа обладают таким мощным потенциалом, что, объединившись, они могут победить даже смерть». Евтушенко принадлежат такие слова: «Война - это антикультура» [2]. Он сравнил войну с грубым хирургом, который использовал большой нож, чтобы оперировать историю и общество, но такого рода операции были бессмысленны, так же нелепы, как попытка смазать ножки больничной койки йодом, чтобы вылечить пациента. В огромной реке времени, в бесчисленных социальных и исторических экспериментах человечество, наконец, выбрало самый разрушительный способ войны, чтобы попытаться потом объединиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власенко А. Жизненная правда и поэтическое мастерство // Литературная газета. 1958. 3 апреля.
2. Евтушенко Е.А. Война - это антикультура // Советская Россия, 1983.
3. Евтушенко Е.А. Краденые яблоки: Стихи и поэмы. М.: Панорама, 1999.
4. Евтушенко. Е.А. Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы. Серия: Библиотека всемирной литературы. М.: Изд. «Э». 2018.
5. Сидоров Е. Под знаком времени. О поэмах Евгения Евтушенко. // Новый мир, 1986. № 2.

© Су Ливэй (suliwei0809@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

У Цзяци

Хэйлунцзянский университет

yc2023mail@163.com

FEATURES OF THE TRANSLATION OF CHINESE LITERATURE INTO RUSSIAN

Wu Jiaqi

Summary: At present, Russian-Chinese ties are becoming stronger, which is reflected in all types of joint activities, including the field of literature. Of genuine interest is the translation of the literature of Chinese authors into Russian, the preservation of the specifics of a writer or poet, the peculiarities of his language, as well as stylistic devices and national specifics, which is not an easy task. A high-quality translation from one language to another is possible only with a correct understanding of the culture in our case of the Chinese people by a Russian reader, excellent command of the Chinese language and professional skills of a translator. In translation, it is important to convey the idea of a work, national color, stable combinations that reveal the characteristics of a particular character, the corresponding atmosphere. Full immersion in the cultural heritage of the Chinese people, in translation science is envisaged for the most accurate transfer of the message conceived by the author.

The relevance of this work lies in the urgent need to study the features of the translation of Chinese literature into Russian for its correct and effective perception by the Russian reader.

The subject of the research is Chinese literature.

The object of the study is the peculiarities of the translation of this literature into Russian.

The novelty of the study lies in the development of certain recommendations for a better translation of Chinese literature into Russian.

The practical significance of the work involves the use of recommendations to achieve the maximum effect in translation practice from Chinese into Russian when translating works of art by Chinese authors, which can be used by teachers, methodologists, specialists in the field of translation, as well as students and graduate students.

Keywords: translation, translation studies, Chinese literature, features, quality of translation, transmission of national specifics, mentality.

Аннотация: В настоящее время все более укрепляются российско-китайские связи, что отражается на всех видах совместной деятельности, в том числе и в области литературы. Вызывает неподдельный интерес перевод литературы китайских авторов на русский язык, сохранение специфики писателя или поэта, особенностей его языка, а также стилистических приемов и национальной специфики, что является непростым делом. Качественный перевод с одного языка на другой возможен лишь при верном понимании культуры в нашем случае китайского народа российским читателем, великолепном владении китайским языком и профессиональными навыками переводчика. В переводе важна передача идеи произведения, национального колорита, устойчивых сочетаний, раскрывающих характеристики того или иного персонажа, соответствующей атмосферы. Предусматривается полное погружение в культурное наследие китайского народа, в переводческую науку для максимально точной передачи задуманного автором послыла.

Актуальность данной работы заключается в настоятельной необходимости изучения особенностей перевода китайской литературы на русский язык для правильного и эффективного ее восприятия российским читателем.

Предметом исследования является китайская художественная литература.

Объектом исследования выступают особенности перевода указанной литературы на русский язык.

Новизна исследования заключается в выработке определенных рекомендаций для более качественного перевода китайской литературы на русский язык.

Практическая значимость работы предусматривает использование рекомендаций для достижения максимального эффекта в переводческой практике с китайского языка на русский при переводе художественных произведений китайских авторов, что может быть использовано преподавателями, методистами, специалистами в сфере перевода, а также студентами и аспирантами.

Ключевые слова: перевод, переводоведение, китайская литература, особенности, качество перевода, передача национальной специфики, менталитет.

В настоящее время в период всеобщей интеграции и глобализации в контексте переводоведения выявляется значительное количество теоретических и практических лакун. Это поясняется спецификой каждого народа, его культурными особенностями, религией, менталитетом [1]. Подчеркнем, что китайская культура в корне отличается от европейской и русской, при этом важно сохранить ее особенности, целостность произведения при передаче содержания китайского художественного опуса, в нашем случае, на русский язык.

Ученые выделяют основные отличия в ходе исследования проблем перевода. Это отличия в области миро-

воззрения, культуры, а также наличие собственных литературных взглядов, предпочтений перевода, стилевые составляющие и правильность перевода.

Перевод с одного языка на другой является сложным и многосторонним явлением, дать определение, которому весьма сложно. С одной стороны, он представляет собой некую интеллектуальную деятельность, направленную на декодирование информации, с другой стороны, это продукт указанной деятельности, речевое произведение, созданное переводчиком [2]. Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические

и экспрессивные особенности. Перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем.

Художественный перевод китайской литературы – это совокупность частных и общих методов изложения этнических произведений литературы национальности Хань.

Для китайского перевода характерно три ключевых понятия, а именно, систематическое объединение, описание и определение. Полагают, что китайский художественный перевод включает в себя когнитивные навыки мышления переводчика, его языковые навыки на высоком уровне, а также знание особенностей межкультурной коммуникации, что предполагает творческую составляющую и некую устойчивость [3]. Отметим, что для переводоведения в Китае характерны определенные традиции, а именно, подражание, полное заимствование, а также создание собственно-национальных способов перевода.

Отметим важность эквивалентности в процессе перевода. Переводчик при передаче содержания, идеи и стилистических особенностей китайского художественного текста должен максимально точно изложить их для русского читателя, при этом полной передачи в любом случае не получится. Важно подчеркнуть, что в данной связи уместно говорить об эквивалентности текстов оригинала и перевода.

Эквивалентность может охватывать несколько видов, а именно, быть полной, частичной, а также контекстуальной и предусматривать определенные трансформации.

Для художественного текста, по нашему мнению, полная эквивалентность не является характерной, так как она предусматривает терминологическую составляющую, которая более соответствует научно-техническому сегменту. В контексте художественной литературы уместнее при переводе с китайского языка на русский использовать частичную эквивалентность, при которой для передачи смысла выбирается одно из значений слова или фразы [4]. При этом необходимо учитывать аспект полисемии.

Также для художественных переводов приемлемой является контекстуальная эквивалентность, предусматривающая в качестве основы перевода контекстуальные значения лексических единиц. Данная эквивалентность сходна с частичной, но существует значительная разница – частичные эквиваленты предусматривают схожее значение в переводе, а контекстуальные – вовсе нет, их значения абсолютно разные.

В художественных переводах с китайского языка на русский имеется огромный спектр переводческих

трансформаций, что предусматривает перевод слов и фраз в узком, понятном не всем смысле. Это могут быть национальные особенности, религиозный контекст, а также всевозможные стилистические приемы и тропы, характерные для китайского языка, для которых весьма непросто найти соответствия [5].

Подчеркнем, что при переводе китайских художественных текстов на русский язык эквивалентность должна быть реализована на различных языковых уровнях, морфологическом, лексическом, синтаксическом.

Существует еще одна классификация эквивалентности, согласно которой первый тип предполагает минимальную близость текстов при переводе. Здесь важна только цель коммуникации. Для таких переводов характерна и другая лексика, и грамматика. Главное – коммуникативный посыл.

Второй тип эквивалентности предусматривает большую приближенность текста перевода к тексту оригинала. При такой эквивалентности сохранены цель коммуникации и указание на определенную ситуацию при изменении способа изложения этой ситуации.

В соответствии с третьим типом эквивалентности сохраняются коммуникативная цель, указание на ситуацию, а также способ ее описания, предусматривающий введение детализации, варьирование признаков ситуации, изменение направления отношений действующих лиц в ситуации [6].

Четвертый тип эквивалентности предполагает сохранение цели коммуникации, ситуации общения и сохранение синтаксиса исходного текста. Для данного типа характерен синтаксический параллелизм, однако возможны и некоторые варьирования.

Пятый тип эквивалентности обеспечивает максимальную близость между текстом оригинала и текстом перевода. Она предусматривает фактически дословный перевод.

Таким образом, используя эквивалентность, переводчик старается максимально полно передать все, что определено языком оригинала, все нюансы, стиль, особенности.

Отметим некоторые сложности перевода с китайского языка на русский. Многие из них связаны с грамматическими особенностями языка. Грамматика представляет формальный строй языка, включая в себя словообразование, морфологию и синтаксис, которые вместе с фонетикой и лексикой образуют его целостную структуру [7]. Именно морфология и синтаксис, будучи основными элементами грамматического строя языка, демонстрируют главные различия и, соответственно,

вызывают сложности при переводе.

Говоря о китайском и русском языках, отметим, что их отличают формальные структурные характеристики, основанные на аналитическом и синтетическом строе соответственно. Как результат, наблюдаются различия в лексике, усложняется подбор эквивалентов в русском и китайском языках.

Также отметим, что русский язык изобилует морфологическими категориями и грамматическими формами, что и определяет его синтетический характер. В отличие от него, в китайском языке грамматическое значение выражается не морфологически, а с помощью предлогов, союзов, вспомогательных глаголов, а также при помощи порядка слов. Это аналитический язык.

Отличия в языках также характеризуются наличием категории переходности – непереходности. В русском языке часть глаголов – переходные, другая – непереходные. В китайском же языке один и тот же глагол может быть переходным и непереходным одновременно в зависимости от выполняемой функции и контекста.

В русском языке глаголы, как правило, представлены видовыми парами совершенного и несовершенного вида, в китайском такая градация незначительна. В русском языке существует категория лица у глаголов, также имеются безличные глаголы. В китайском языке один глагол может соответствовать русскому личному и безличному глаголу [8].

Также отметим, что разным частям речи в русском языке свойственны свои характеристики, морфологические показатели, в китайском языке одна единица может быть и существительным, и прилагательным, и глаголом одновременно.

Указанные лингвистические отличия двух языков затрудняют процесс перевода, однако, если переводчик является профессионалом и владеет очень хорошо и русским, и китайским языками, указанные сложности легко нивелируются и преодолеваются.

Отметим еще ряд особенностей, которые рекомендовано учитывать при переводе китайской художественной литературы на русский язык. Как было сказано выше, для данного вида литературы и переводческих практик характерны определенные традиции, а именно, традиции индивидуализма, а также стратегии форенизации и доместикации, создание определенного литературного канона и культурной адаптации художественных текстов.

Поясним, что традиция индивидуализма предполагает использование таких стилистических приемов

и особенностей, которые полностью раскрывают замысел автора, в таком контексте переводчик является проводником автора и его идей в художественной интерпретации.

Стратегия доместикации также свойственна переводческим практикам в Китае и представляет собой инструмент межкультурной коммуникации, позволяющий избежать различий в значении при переводе китайского текста на русский язык.

Форенизация представляет также инструмент межкультурной коммуникации, обеспечивая полную культурную замену оригинала и учитывая внеязыковые факторы.

Отметим также такую важную традицию как литературный канон, который определяет особенности и стратегии при переводе с китайского языка на русский. Многие эстетические парадигмы, которые применимы в переводоведении, представляют западные заимствования, которые, переплетаясь с китайской спецификой, создают теоретическую базу в китайском переводческом контексте.

Подчеркнем воздействие культурной составляющей на качество перевода с китайского языка на русский. Язык является отражением культурного наследия народа, которое многогранно и своеобразно, при этом является неповторимым. Отметим, что именно культурные отличия народов и, соответственно, лингвокультурологические аспекты, порой затрудняют осуществление качественного перевода [9].

Переводчик должен проникнуться китайским сознанием, бытом, окунуться в многообразие жанров, сюжетов, коллажей китайской художественной литературы, изучить критику тех художественных произведений, которые подлежат переводу. Это положительно отразится на его восприятии китайского менталитета, самосознания и идентичности и поможет как можно точнее передать замысел автора. Важны произведения, касающиеся вечных ценностей, их места в китайском обществе, погружение переводчика посредством литературных опусов в китайские реалии того или иного периода истории, различные мнения и суждения по ключевым вопросам [10].

Таким образом, при переводе художественной литературы с китайского языка на русский важно учитывать лингвистические и культурологические особенности указанных языков, а также уделить внимание метафорам, устойчивым сочетаниям, поговоркам и прочим стилистическим приемам, которые широко представлены в китайском и русском языках. Переводчик должен найти верные соответствия при декодировании, а также творчески подходить к процессу своей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае. История становления и тенденции развития. М., 2014, 158 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М., Слово. 2014, 144 с.
3. Лихачева О.Н., Меретукова С.К. Формирование ключевых компетенций на занятиях по иностранному языку в неязыковом техническом вузе. Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 113-115
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Монография. М., РУДН, 2008, 336 с.
5. Лихачева О.Н., Богатырева Ж.В., Ивашкин И.И. Проектная методика как элемент оптимизационной составляющей на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С.1627-1637
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М., РАО, 2018, 250 с.
7. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., УРАО, 2009, 279 с.
8. Фалалеев А.Н. Упражнения для синхрониста. М., Слово, 2019, 122 с.
9. Габровский Н.К. Теория перевода. Учебник для вузов. М., Просвещение, 2019, 300 с.
10. Тихонова Е.В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио и видео материалов. Томск, ТГУ, 2018, 134 с.

© У Цзяци (yc2023mail@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйлунцзянский университет

ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

BUSINESS COMMUNICATION:
PRAGMALINGUISTIC ASPECTB. Tskhovrebova
A. Ekonomova

Summary: The paper under review presents the experience of analyzing a business text in the concept of speech moves relevant to the pragmalinguistic direction using the apparatus of rhetorical figures. The purpose of the study is to clarify the concept of a rhetorical figure taking into account its pragmatic nature, as well as to assess the argumentative potential of rhetorical figures in a business communication situation. Figures are understood as structural and meaningful models of the generation and interpretation of meaning, their conscious introduction into the text enhances its persuasive power affecting the recipient, and therefore are interpreted as a system of speech moves that implement a persuasive strategy. Based on the transcript of the meeting of the Presidium of the Russian Academy of Sciences and the Higher School, the text-and meaning-generating potential of such figures as a question-and-answer move, rhetorical exclamation, quoting, euphemization (periphrasis), insertion, rhetorical question, antithesis, silence is considered. The choice of descriptive-analytical, comparative methods, as well as elements of contextual and stylistic analysis methods was determined by the specifics of the material and the purpose of the study. The appeal to the system of rhythmic figures for the description and interpretation of speech moves is important both for the theoretical substantiation of the question of the tactical and strategic operational complex, and for practical application in the process of communication in order to increase its effectiveness.

Keywords: pragmalinguistics, business communication, speech course, rhetorical figure, argumentation.

Цховребова Белла Филушовна

Канд. филол. наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
bella-c@mail.ru

Экономова Александра Дмитриевна

Канд. филол. наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
AEkonomova@synergy.ru

Аннотация: В аннотируемой работе представлен опыт анализа делового текста в актуальной для прагмалингвистического направления концепции речевых ходов с использованием аппарата риторических фигур. Цель исследования – уточнение понятия риторической фигуры с учетом ее прагматической природы, а также оценка аргументативного потенциала риторических фигур в ситуации делового общения. Фигуры понимаются как структурно-содержательные модели порождения и интерпретации смысла, их сознательное введение в текст усиливает его воздействующую на реципиента силу убеждения, а потому интерпретируются как система речевых ходов, реализующих убеждающую стратегию. На материале стенограммы совещания Президиума Российской академии наук и Высшей школы рассматривается тексто- и смыслопорождающий потенциал таких фигур как вопросно-ответный ход, риторическое восклицание, цитирование, эвфемизация (перифраз), вставка, риторический вопрос, антитеза, умолчание. Выбор описательно-аналитического, сопоставительного методов, а также элементы методов контекстного и стилистического анализа был обусловлен спецификой материала и целью исследования. Обращение к системе риторических фигур для описания и интерпретации речевых ходов имеет значение как для теоретического обоснования вопроса о тактико-стратегическом операциональном комплексе, так и для практического применения в процессе коммуникации с целью повышения ее эффективности.

Ключевые слова: прагмалингвистика, деловое общение, речевой ход, риторическая фигура, аргументация.

Тот факт, что продуктивное речевое взаимодействие в сфере деловой коммуникации является обязательным условием успешной профессиональной деятельности представляется настолько очевидным, что едва ли нуждается в дополнительной аргументации. «Деловая коммуникация, деловой или официально-деловой текст, в силу своей доминирующей позиции в деловом дискурсе, продолжает оставаться в центре внимания широкого круга исследователей», – отмечает А.О. Стеблецова (Стеблецова, 2015, с. 534). Таким образом, теоретическое обоснование условий такого взаимодействия и его практическое воплощение по-прежнему являются актуальными задачами современной лингвистической науки. В последние годы на решение этих задач направлены работы в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики, лингвистики текста, теории дискурса, функциональной стилистики, риторики. К проблеме говорящего субъекта, в том числе, в деловом дискурсе,

обращено внимание и прагмалингвистики, имеющей много общего с перечисленными языковедческими направлениями. Изучение актуальных вопросов, связанных с описанием таких явлений как косвенные речевые акты, перформативы, имплицатуры, вербальная манипуляция и другие имеет очевидное практическое значение в сфере деловой коммуникации.

Поскольку «язык обладает такими интерпретационными возможностями, которые позволяют *планировать (выделение наше – А.Э.) речевое воздействие*» (Иссерс, 2006, с. 51), особое место в кругу прагмалингвистической проблематики отводится вопросу о речевых стратегиях и тактиках. Умение анализировать и оценивать коммуникативную ситуацию, планировать свою речевую деятельность и реализовывать в конкретных речевых ходах те или иные тактики в соответствии с поставленными целями составляют практическую значимость ис-

следований прагматики высказываний.

В данной работе мы рассмотрим, как раскрывает прагматический аргументативный потенциал речевых ходов, реализующих тактику убеждения в ситуации делового общения. При этом речевой ход будем понимать как «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной тактики» (Иссерс, 1997, с. 117). Также значимым для нас является определение речевого хода, предложенное Т.А. Ван Дейком: «такая функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи» (Ван Дейк, 1989, с. 274).

На основании того, что коммуникативный ход обладает «относительной смысловой целостностью, структурной выделительностью и единством иллюкутивной функции» (Доронина, 2010, с. 107) в данной работе позволим себе соотнести его с такой функционально-содержательной единицей, организующей дискурсивное пространство, как риторическая фигура. На материале стенограммы совещания Президиума Российской академии наук и Высшей школы покажем, как могут быть интерпретированы речевые ходы, реализующих убеждающую стратегию, через систему риторических фигур, поскольку «наиболее перспективным направлением в изучении взаимоотношений между языком и процессом убеждения представляется выявление и изучение тех речевых фигур, которые являются более или менее значимы для данного процесса» (Москвин, 2019, с. 575).

Риторическую фигуру (или фигуру речи) мы вслед за В.П. Москвиным интерпретируем как «акт использования или образования номинативной единицы в целях усиления действенности речи» (Москвин, 2019, с. 578). Указание на акциональный характер рассматриваемого явления дополнительно подчеркивает его соотнесенность с речевым ходом (приемом) и акцентирует внимание на прагматическом потенциале риторической фигуры.

Анализ материала показал, что для убедительности речи значимыми являются следующие фигуры: вопросно-ответный ход, риторический вопрос, риторическое восклицание, цитирование, эвфемизация (перифраз), вставка, умолчание, антитеза, повтор.

Вопросно-ответный ход отражает диалогическую природу языка и выполняет очевидную прагматическую функцию поддержания внимания: (1) *Каковы же были эти принципы, ставшие основополагающими не только для первого Российского университета, но в дальнейшем и для всей системы высшего образования? Они инварианты для Высшей школы; (2) Какие же выбираются пути реформирования? Оказывается, все очень просто: достаточно скопировать нынешнюю европейскую систему, причем, в наиболее примитивной форме. По сво-*

им языковым свойствам вопросно-ответный ход можно рассматривать как разновидность диалогического единства, которое суть «обмен двумя высказываниями, из которых второе зависит от первого, порождено им и в своей языковой форме отражает эту зависимость» (Шведова, 1980, с. 715). Аргументативный потенциал данной фигуры заключается в том, что за ее счет слушатели получают некоторую информацию не в готовом виде, а как бы в результате некоторого размышления. Информация же, полученная таким образом, воспринимается как более достоверная.

Сущностно близок вопросно-ответному ходу **риторический вопрос**: (3) *Зачем же нам отказываться от наших преимуществ? Не лучше ли попытаться все это синтезировать?; (4) К чему же мы стремимся: к просвещению разума, или к усреднению?* Риторический вопрос представляет собой ««пограничное» явление на стыке между вопросительными и повествовательными предложениями...Он вызывает определенные вербальные и невербальные реакции (мнения, суждения, чувства, эмоции), повышает экспрессивность речи, придает ей эстетическую ценность» (Дашкова, 2013, с. 37). И риторический вопрос, и вопросно-ответный ход выполняют также и регулятивную функцию. Это выражается в том, что, с одной стороны, аккумулируется интеллектуальная деятельность партнеров по коммуникации, с другой стороны, она направляется в русло, нужное говорящему.

Деловую коммуникацию принято рассматривать как не предполагающую апелляции к эмоциональной сфере человека. Однако встречающиеся в деловой речи **риторические восклицания** если не опровергают эту точку зрения, то существенно расшатывают ее: (5) *Получается, что с ЕГЭ мы можем быть впереди планеты всей...! Удивительно!; (6) Хотелось бы, чтобы результаты Форума в МГУ и результаты сегодняшнего заседания были доведены до руководства страны. Дело стоит того!* Из приведенных примеров видно, что данная фигура формирует определенное оценочное отношение к предмету речи и успешно конкурирует с логическими средствами аргументации. В сочетании с просодическими языковыми средствами (а во многом и основываясь на них), риторические восклицания способствуют формированию и аксиологической базы высказывания.

Цитирование существенно расширяет смысловые границы авторского текста: (7) *Почему бы не привести слова известного публициста Н.Я. Данилевского. Он говорил: "Образование не насаждается по произвол, как меняются формы одежды или вводится то или иное административное устройство"; (8) Может быть, самое время вспомнить Аристотеля, который очень точно говорил: "Образование есть функция государства, осуществляемая им для вполне определенных и конкретных целей, ибо образование и*

воспитание создают соответствующий характер у людей"; (9) *Я хотел бы привести слова нашего великого хирурга Николая Ивановича Пирогова, который имел вкус к преподаванию и был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Он сказал: "Наука сама по себе и светит, и греет, а образование без науки не светит и не греет, а только блестит"*. За счет привлечения прецедентных высказываний известных авторитетных людей значительно повышается уровень доверия к предлагаемой точке зрения. Как отмечает В.П. Москвин, «категория авторитета непосредственно связана с понятием влияния» (Москвин, 2019 с. 436), а потому активно используется в сфере делового общения. Выбор источников цитирования отражает жизненный и профессиональный опыт человека, а потому является прагматически значимым основанием для оценивания его интеллектуальных качеств.

Прагматика **эвфемизмов** (и **парафрастических выражений**) заключается в том, что они помогают говорящему затронуть важные проблемы, о которых невозможно говорить прямо, не нарушая требования корректности речевого поведения: (10) *Но могу профессионально возразить тем, кто считает, что чуть ли не в каждом университете есть **корзины, куда кидают конверты**, и ректор или проректор их собирает... Это не так;* (11) *эта ситуация руководством как Академии, так и образования должна непрерывно доводиться до сведения **власть предержащих**, потому что они не в курсе, потому что они думаю, что у нас все очень хорошо*. Поскольку в ситуации делового общения зачастую возникает необходимость обращения к табуированным темам, умение найти для отдельных видов информации языковую оболочку, допустимую речевым этикетом, является значимой составляющей языковой компетенции.

Как отмечают исследователи, «формирование предложения в устной речи нередко происходит при отсутствии четкого замысла говорящего относительно хода и окончания передаваемого сообщения» (Шульскис, 2006, с. 26). Поэтому в устной спонтанной речи частотно такое явление как **вставка**: (12) *Иначе, **правильно говорит Виктор Антонович**, есть разрыв между тем, что дается в школе, если не повезло школе на учителя, и тем, что нужно не для поступления в вуз (**поступление – вообще кратковременный процесс, на который внимание можно не обращать**), а для обучения в серьезном вузе;* (13) *Когда-то был приказ министра (**мы с Виктором Антоновичем боролись за это дело**), чтобы историю и философию ввели во всех вузах России...;* (14) *Сегодня настал момент новой модели. (**И опять-таки жалко, что нет представителей Минобрнауки!**)*. Подобные парентетические конструкции представляют собой смысловые включения в повествовательную ткань текста, позволяя говорящему органично корректировать речь, обогащая ее дополнительной информацией.

Если предыдущая фигура построена по принципу прибавления, то в основе следующей фигуры – **умолчания** – заложен противоположный принцип: (15) *Мы в основном вынуждены отчислять ребят за недостаток именно фундаментального школьного образования, математического образования. Многие из них не тянут по элементарной математике. Я понимаю, когда есть проблемы с матанализом на мехмате, но на биологическом факультете математика... Суть данной фигуры заключается в том, что в результате обрывания фразы реципиенту предлагается достроить смысл высказывания самостоятельно. Таким образом говорящий реализует свою коммуникативную интенцию за счет речемыслительной деятельности слушающего, повышая таким образом уровень доверия к сказанному.*

Известно, что сопоставление как эвристический (и эристический) прием имеет большую познавательную силу: «в контексте современной теории аргументации соответствующие аспекты риторических фигур проявляются в том, что они используются как аргументы в сравнительной аргументации. Именно по такой схеме осуществляется поддержка тезиса аргументом, сформулированным в виде риторической фигуры» (Колотилова, 2013, с. 69). Не является исключением и сопоставление противоположных по существу явлений – **антитеза**: (16) *Я еще раз вернусь к идее проведения нашего заседания. Я вижу его смысл в том, чтобы сказать «**нет**» тем процессам, которые разрушают фундаментальное образование, и сказать «**да**» тем инновациям, нововведениям, которые направлены на усиление нашей Высшей школы, на самореализацию талантливых молодых людей;* (17) *Но мне кажется, что можно сделать так, что **государственные** вузы выдают дипломы государственного образца, а **негосударственные** вузы – те дипломы, которые отвечают соответствующему вузу, например, диплом академии Натальи Нестеровой;* (18) *Ведь Болонский процесс, по большому счету, это **философия, а не механизм***. Как видно из приведенных примеров, в антитезе как речемыслительном процессе содержится значительный аргументативный потенциал, поскольку в контрастирующих явлениях явственнее проступают их сущностные свойства.

Универсальным средством акцентирования внимания на особо значимой информации является **повтор**: (19) *Тогда мы вместе сумеем **отсечь** тот слой, который сегодня нужно **отсечь**;* (20) *То, что **бюджет** Академии наук равен **бюджету** одного среднего американского университета, это национальный позор, особенно при тех ценах на нефть, которые сейчас существуют. И то, что **бюджет** Московского университета еще гораздо меньше, это позор в квадрате национальный позор;* (21) *Это как бы **полбеды** со средней школой. А **полная беда** – мы **потеряли** в стране систему профессионального технического образования. Вообще ее **потеряли!** Не*

вдаваясь в анализ разнообразных вариантов повтора (гомеология, анадиплозис, эпанод, геминация, гендиасдис и т.д.), подчеркнем, что повтор является исключительно эффективным средством речевого воздействия.

Как видно из примеров, риторические фигуры явно выделяются на фоне относительно нейтрального, «дистиллированного» делового текста. При этом, особый интерес представляют контаминированные фигуры, соединяющие в одной две или несколько. Например: (22) *Получается, что с ЕГЭ мы можем быть впереди планеты всей...! Удивительно!* (риторическое восклицание, умолчание, ирония); (23) *Сегодня настал момент новой модели. (И опять-таки жалко, что нет представителей Минобрнауки!)* (вставка, риторическое восклицание); (24) *Это профанация! Мы должны честно сказать, что это профанация* (риторическое восклицание, повтор); (25) *Это как бы полбеды со средней шко-*

лой. А полная беда – мы потеряли в стране систему профессионального технического образования. Вообще ее потеряли! (повтор, восклицание) и другие. Представленные примеры имеют разную аргументативную силу, но все они способствуют убеждению в правоте позиции говорящего.

Важно подчеркнуть нелинейный характер интересующего нас феномена, а также его роль в порождении коммуникативного смысла и синтаксическом распространении текста. С учетом сказанного считаем целесообразным уточнить понятие фигуры как речевого хода, реализующего тактику убеждения, обладающего тексто- и смыслопорождающим потенциалом. Интерпретация речевых ходов с использованием аппарата риторических фигур позволяет осуществлять прагматический анализ коммуникативной ситуации на разных этапах, что является залогом успешности делового общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
2. Дашкова С.Ю. Риторический вопрос в структуре аргументативного высказывания (в научно-учебном тексте) // Вестник КемГУ 2013, № 2 (54) Т. 2.
3. Дорониная С.В. Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации // Известия Алтайского государственного университета, 2010, № 2–2 (66).
4. Иссерс О.С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета, 1997, № 2 (4).
5. Колотилова Н.А. Риторические фигуры как средства аргументации // Идеи и идеалы, 2013, № 3.
6. Москвин В.П. Риторика и теория аргументации. М.: Юрайт, 2019.
7. Стеблецова А.О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа // Вестник МГЛУ, 2015, № 6.
8. Стенограмма совещания Президиума Российской академии наук и Высшей школы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=b4585859-741f-4e99-90f9-10c4c7975434&print=1> (дата обращения – 31.07.2023).
9. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
10. Шульскис С.А. Сложное предложение в устной публичной речи: автореф. дисс. ... к.ф.н. Москва, 2006.

© Цховребова Белла Филушовна (bella-c@mail.ru), Экономова Александра Дмитриевна (AEkonomova@synergy.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ *СТОЛИЦА* В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (КОРПУСЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПАРЕМИЙ И КРЫЛАТЫХ СЛОВ)

Чжан Цзычжэнь

Аспирант, «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
zhangzizhen@yandex.com

THE CONCEPT CAPITAL IN THE REPRESENTATION OF NATIONAL CORPORA OF THE RUSSIAN LANGUAGE (CORPUSES OF PHRASEOLOGICAL UNITS, PROVERBS AND WINGED WORDS)

Zhang Zizhen

Summary: This article is devoted to the actual problem of the concept Capital in the Russian language consciousness, on the basis of phraseological units. The relevance of this problem is expressed in the following: language, as one of the main ways of representing the cultural heritage of an ethnic group, is a connecting bridge between imagination, creativity and reality. A comprehensive study of the «language bridge» is an attempt to reveal the way of thinking of the national culture. The concept Capital has a very long and rich history in Russian linguistic culture, and this concept is also the core of culture. Its analysis and study contains the path to a better understanding of the mentality of the Russian people, as well as the concept of the Capital is located in the core of the concept sphere of the Russian people. Whether it is a negative or a positive connotation, but for every inhabitant of the Russian Federation, the concept Capital is familiar. The main task is to identify the images of the underlying phraseological units, proverbs and winged expressions with the capital component, to identify the specifics of understanding the concept under study. The concept Capital is a relevant linguistic unit of the Russian linguistic culture, which is characterized by the presence of an evaluative component of meaning. These grounds determine and increase the relevance of this study within the framework of this article.

Keywords: capital, concept, phraseologism.

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме концепта *Столица* в русском языковом сознании, на материалах фразеологизмов. Актуальность данной проблемы выражается в следующем: язык, как один из основных способов репрезентации культурного наследия этноса, представляет собой соединяющий мост между воображением, творчеством и действительностью. Комплексное изучение «языкового моста» являет собой попытку раскрыть образ мыслей национальной культуры. Концепт *Столица* имеет очень давнюю и богатую историю в русской лингвокультуре, а также данный концепт является ядром культуры. Его анализ и изучение содержит в себе путь к лучшему пониманию менталитета русского человека, а также концепт *Столица* находится в части ядра концептосферы русского народа. Будь то отрицательная или положительная коннотация, но для каждого жителя Российской Федерации знаком концепт *Столица*. Основная задача выявления образов лежащих в основе фразеологизмов, паремий и крылатых выражений с компонентом столица, выявление специфики осмысления изучаемого концепта. Концепт *Столица* является релевантной лингвистической единицей русской лингвокультуры, что характеризуется наличием оценочного компонента значения. Данные основания обуславливают и повышают актуальность данного исследования в рамках данной статьи.

Ключевые слова: столица, концепт, фразеологизм.

Фразеологизм – это кристаллизация народной мудрости. Он не только содержит жизненный опыт народной мудрости и эмоций, но и накапливает сущность этой национальной культуры. В фразеологизмах объединяет ориентировку мышления и критерии оценки нации с точки зрения восприятия концепции и является надежным источником информации для языковых и культурных исследований. Доподлинно известно, что языковая картина мира это неотъемлемая часть фразеологии. В.Н. Телия, обозначает фразеологический состав языка как: «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [2]. Анализируя фразеологизмы, связанные с концептом столица, мы можем прояснить сущность характеристики концепта столица и исследовать менталитет русской нации.

С помощью фразеологизмов, человек обрисовывает различные представления, стереотипы или обыденные жизненные ситуации. Нельзя не отметить, что не все фразеологизмы являют собой культурнонациональный пласт, а также несут в себе отражение культурного наследия. Следовательно, как предмет исследования, необходимы такой вид фразеологизмов, в которых культура народа: «отражена через связь с культурнонациональными коннотациями, эталонами, символами, стереотипами...» [1].

Следует отметить, что мы используем термин фразеологизм в широком смысле, который включает в себя словосочетания следующих типов: идиомы; пословицы; поговорки; коллокации; грамматические фразеологиз-

мы (Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский, А.И. Ефимов, Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский и др.).

Анализ концепта Столица в русле паремий и фразеологизмов с целью выявления признаков:

При упоминании слова *Столица* первой ассоциацией у представителя русского лингвокультурного сообщества определенно станет Москва: «Москва – всем городам мать»; «Москва – сердце России»; «Говорят в Москве, а слушают по всей стране»; «Москвой – столицей весь народ гордится»; «Матушка – Москва белокаменная, золотая, хлебосольная, православная, словоохотливая».

Город Москва в представлении провинциального человека всегда являлась местом поиском лучшей жизни и заработка: «В Москву идтить — только деньгу добыть»; «Бей челом на Туле, ищи в Москве»; «В Москве все найдешь, кроме родного отца да матери».

Стоит отметить, что для многих жизнь в Москве содержала в себе и трудности: «В Москве толсто звонят, да тонко едят»; «В Москве недорода хлебу не бывает»; «Москва кому мать, кому мачеха».

Москва — центр светской жизни и обмена информации: «Харитон с Москвы прибежал с вестьми»; «Из Москвы, как с большой горы, все видно»; «Кто в Москве побывал, тот всю Русь повидал».

Москва воспринимается как оплот государственности: «Москва — гранит: никто Москву не победит»; «За Москву-мать не страшно и жизнь отдать»; «Москва — сила, врагу могила».

Также в пословицах указывается на размеры города: «От Зарядья до Кремля ехали три дня».

В некоторых пословицах описывается облик Москвы: храмы, церкви, мосты, культурные достопримечательности известны по всей России: «Орать во всю ивановскую (Площадь на территории Московского кремля, где оглашались указы царей)»; «Со свиным рылом в калашный ряд»; «В Москве сорок сороков церквей».

В пословицах про Москву также отражаются исторические факты зарождения и существования города: «Город Чернь годом старше Москвы»; «Москва от копеечной свечки сгорела».

Образ Москвы также отражен в работах писателей, в которых она представляется символом всего русского государства: «Москва — сама себе светило, ей звезды не нужны» (Дмитрий Глуховский); «Что едва, где сыщется столица, как Москва» (А.С. Грибоедов); «Москва казалась тогда столицей вселенной, и собрание Российских Депу-

татов сеймом мира» (Н.М. Карамзин «Историческое похвальное слово Екатерине II»).

Как и Москва, город Санкт-Петербург является неотъемлемой частью представления концепта *Столица* в образе русского языкового сознания: «Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова» (Представления основных городов как образ родины); «Невская столица»; «Младшая столица».

Москва и Санкт-Петербург ведут давнее соперничество в жизни страны, что отражено в пословицах и поговорках: «Питер — голова, Москва — сердце»; «Славна Москва калачами, Петербург усачами»; «Питер — кормило, Москва — корм. И перед младшею столицей / Померкла старая Москва» (А.С. Пушкин «Медный всадник»).

Подчеркивается дороговизна жизни в северной столице России: «Питер — кому город, а кому — враг; В Петербурге денег много, только даром не дают; Хорош город Питер — да бока вытер».

Санкт-Петербург также, как и Москва находит отражение своего образа культурной, исторической столицы в работах писателей: «Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение, Береговой ее гранит...» (А.С. Пушкин «Медный всадник»); В русской литературе содержится огромное количество произведений про Санкт-Петербург, различного рода цитат, афоризмов, топонимов и фразеологизмов. Это характеризуются наличием большого количества писателей и поэтов родившихся и живших в «культурной столице» России.

Из фольклорного образа двух главных городов России можно выделить, что концепт *Столица* в образе русского языкового сознания представляется центром политической, культурной и общественной жизни России: «Мало быть гением, надо еще и жить в столице»; «В столице лихо ведёт себя тихо, а там тихо от лиха до лиха»; «Столицей весь народ гордится».

Стоит отметить, что для более тщательного анализа ядра концепта *столица*, также существует необходимость рассмотреть паремии концепта *столица* — *провинция*. «Большой толковый словарь русского языка» определяет понятие провинция как: «Провинция (от лат. provincia) – 1). В России 18 века и в некоторых современных государствах: административно-территориальная единица, часть губернии. Итальянская провинция. 2). Отдаленная от столицы, центра местность; периферия. Родиться в провинции. Приехать из провинции. Глухая провинция. 3). (разг.) О проявлении провинциализма в ком-либо, чем-либо. В каждом его жесте сквозит провинция».

Из вышесказанного мы можем прийти к выводу о том, что провинция — местность на территории страны,

которая находится вдали от главных культурных и экономических центров государства. Также одним из главных различий в языковом сознании русского человека между столицей и провинцией является социальная неоднородность населения в крупных городах и деревнях. Если в провинциальной местности население занято преимущественно сельским хозяйством, то в столице основной упор делается на торговлю, промышленность, культуру, развлечения. Также заметно сильное отличие в количестве населения, качестве образования и медицины. Столица — это место, которое соединяет в себе различные социальные классы, а также типы проживающих в ней граждан.

Столичные города характеризуются большим количеством проживающий в них людей: «Будь ты семи пядей во лбу, И головой будь светел, В столице ни один богач Тебя бы не заметил»; «В каждой столице кто-нибудь свой, какая-нибудь родственная душа» (С. Есин).

В столичных городах жизнь более яркая и быстрая, чем в провинции: «Иди в город, там с колокольным звоном встречают»; «Провинция рано старит»; «Москва Онегина встречает Своей спесивой суетой, Своими девами прельщает, Стерляжьей подчуёт ухой (А.С. Пушкин) «Евгений Онегин»).

В пословицах противопоставляется жизнь в большом шумном городе, размеренной деревенской жизни: «В большом городе можно больше увидеть, зато в маленьком — больше услышать»; «Деревня большая: четыре двора, восемь улиц»; «Столичный шум меня тревожит, всегда в нем грустно я живу» (Виктор Кунин, «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками»); «Все пытаюсь в городе прижиться, Чахленьким бульварным деревцом» (Михаил Рысенков).

Обратим внимание на то, что не всем людям нравится тихая жизнь в провинции: «В провинции и дождь – развлечение»; «Жить в деревне – не видать веселья»; «Со времён Чехова ничего не изменилось в русской провинции»; «Русская провинция везде довольно одинакова» (И.А. Бунин).

Также присутствует негативное отношение провинциалов к столичным жителям: «Поскреби циничного пресыщенного москвича и найдешь здорового провинциала» (Дмитрий Емец); «И собака в столице лает центральнее». Отрицательная коннотация концепта *Столица* у провинциального жителя складывается из-за невозможности пользования в сельской местности, теми благами цивилизации, которые есть у столичных жителей. Стоит заметить, что отрицательные отношения к столице складываются из-за неблагоприятной экологической обстановке по отношению к деревням и селам.

Целесообразно упомянуть что в каждой деревне есть свои обычаи: «Что город, то норы; что деревня, то обрядня; что двор, то говор». «Какая деревня, такая в ней и обрядня»; «В чужой монастырь со своим уставом не ходи!»

Ремесленное производство в провинции известно даже в столице: «Ремеслу везде почет»; «Мастерство везде в почете»; «Мерка дело красит»; «По мерке мастера знать».

Некоторые устойчивые выражения выражают недовольство провинциального жителя тем фактом, что богатые города пользуются результатом работы бедных провинциальных городков и деревень: «Провинция рождает идеи, столица их потребляет, и только в провинции можно встретить бескорыстно-пытливый ум»; «Город деревней кормится»; «Не всяк пашет, кто хлеб ест».

Жизнь в деревне не может обойтись без посещения больших городов: «За мезгой в город ездил, в красные ряды ходил».

Провинция как место распространения информации и слухов, где человеку сложно скрыть что-либо от окружающих: «Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров городу всему»; «Где город, тут и вера; где деревня, тут и порядня»; «В небольшом городке люди охотно сочувствуют чужим неприятностям, а если у вас их нет, они с удовольствием это исправят»;

Стоит отметить, что в русском языке отмечено крайне малое количество фразеологизмов, представляющих концепт *столица*.

Также имеются и негативные коннотации проживания в столице: «Из ста лиц моя столица, остальное - лимита!»

В сознании русского провинциального человека укоренилось представление, что в столицу уходят все богатства их региона: «Хлебай уху, а рыба вверх».

В столице гораздо выше уровень образования и культурного различия чем в других городах: «Фабричный столичный: проведет и выведет»; «Какие лица Теперь приходится встречать! Таковую страшную печать. Умеет класть одна столица» (Николай Некрасов. «Несчастные»). В столицу съезжаются все «умы» и творческие личности из провинций, с надеждой на лучшую жизнь и признания их талантов.

У многих от темпа столичной жизни тянет в более спокойные места: «Блажен, кто в шуме городском // Мечтает об уединеньи» (А.С. Пушкин).

Столица как место центра правосудия: *Есть ещё судьи в Берлине.*

Концепт *Столица* ассоциируется не только с Мо-

ской и Санкт-Петербургом, но и с городами, которые славятся своим производством чего-либо, ремеслом или промыслом: *Столица янтаря (Калининград)*; *столица черной металлургии (Челябинск)*; *нефтяная столица (Сургут)*; *оружейная или самоварная столица (Тула)*; *Столица керамики (Гжель)*.

Для слова столица в национальном корпусе русского языка (НКРЯ) ключ столица с коллокатом прилагательное с минимальной совместной частотой 3 было найдено 1095 коллокаций. Из них наиболее частые сочетания: Новая столица (594), северная столица (582), древняя столица (519), Российская столица (362), русская столица (348), европейская столица (308), большая столица (209), великая столица (181), главная столица (177), бывшая столица (167), советская столица (160), культурная столица (133), французская столица (126), мировая столица (125), перепрестольная столица (124), лучшая столица (108).

При анализе коллокации столица выявляются следующие особенности: не выявляются отрицательные значения в словосочетаниях, присутствует ярко выраженная положительная оценка: указывается на размеры, культурно-историческую ценность, отождествление государственности.

При рассмотрении средств языковой объективации концепта *Столица* целесообразно можно прийти к следующим выводам:

Концепт *Столица* являет собой крайне уникальное

явление в контексте изучения русского языка, которое состоит в том, что концепт *Столица* содержит в себе как понятийный, так образный, и ценностный компоненты. Образный и ценностный компоненты дополняют собой, с помощью анализа фразеологизмов, паремий, крылатых выражений, общую картину анализа всего концепта. Важным аспектом анализа выявляется особая значимость понятия *Столица* в образе русского языкового мышления.

Вариативные признаки исследуемого концепта в лингвокультуре русского человека является стиль жизни столичных людей, культурные ценности.

Сопоставительный анализ кардинальных различий дихотомии столица — провинция выявляет следующие компоненты: столица остается высшим центром государственной власти, а провинция — ее периферией: «Столица лиха, провинция тиха»; «Столицей весь народ гордится»; «Москва — царство, деревня — рай». Всегда провинция ассоциируется с вялотекущей скоростью жизни, тогда как столица ассоциируется с прогрессом, высокой скоростью жизни, а также с большими экономическими и социальными возможностями.

Анализ в данном исследовании не ограничивается лишь современным видением концепта *Столица*, но также прошедшим испытание временем объективацией концепта (Пословицы, поговорки крылатые выражения паремии, фразеологизмы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 208с.
2. Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.П. Ярцева, 2002 - С. 82.

© Чжан Цзычжэнь (zhangzizhen@yandex.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Шеховская Юлия Андреевна

*К. филол. наук, доцент, Тюменское высшее
военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
y.a.shekhovskaya@gmail.com*

MILITARY TRANSLATION AND ITS FEATURES IN ENGLISH

Yu. Shekhovskaya

Summary: The article determines the features of military translation`s problems from English into Russian. In connection with the ongoing global processes translators pay close attention to the replenishment of new words in the framework of military activities, its interpretation in the USA and Great Britain which often does not have a literal translation into Russian and requires professional knowledge of this specificity. In the process of theoretical analysis of domestic works an attempt was made to systematize the key problems of military translation as well as its features which are reflected in the work.

Keywords: military translation, translator, military vocabulary, military slang, abbreviation, abbreviations, literal translation.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проблематики военного перевода с английского языка на русский. В связи с происходящими мировыми процессами переводчики уделяют пристальное внимание к пополнению новых слов в рамках воинской деятельности, их интерпретации в США и Великобритании, что часто не имеет дословного перевода на русский язык и требует профессиональных знаний данной специфики.

В процессе теоретического анализа отечественных трудов была предпринята попытка систематизации ключевых проблем военного перевода, а также его особенностей, что отражено в рамках работы

Ключевые слова: военный перевод, переводчик, военная лексика, военный сленг, аббревиация, сокращения, дословный перевод.

В современном мире происходят глобализационные процессы, мировые изменения, инновационные внедрения: человек накопил огромный многовековой опыт, который оказывает влияние на все сферы человеческой деятельности. Обращая внимание на политические, экономические, культурные связи между государствами и странами, наблюдаются изменения в лингвистике, происходит формирование интернационализмов или интернациональной лексики, что и оказывает влияние на переводческую деятельность, переводы с иностранного языка на родной язык и наоборот, вызывая лексические трудности при переводе [5; 12, С. 159–162].

В рамках данной работы рассматриваются особенности военного перевода, как особая область переводческой деятельности, где переводчиком акцентируется внимание на военную терминологию. В связи с происходящими мировыми событиями большинство исследователей, лингвистов, переводчиков проявляют интерес к военной тематике, где сталкиваются с особенностями перевода. Исходя из вышепредставленной информации, *актуальность* исследования проблематики изучаемой темы не вызывает сомнений.

Цель настоящей работы — выявить особенности военного перевода в английском языке.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, метод лингвистического наблюдения.

Для проведения теоретического исследования во-

енного перевода и его особенностей в английском языке были использованы труды отечественных авторов: Р.П. Ахтамбаева [1], П.П. Банман [2], А.С. Данилина [3], Р.В. Дюкова [4], О.В. Захарченко [5], Т.С. Колиенко [6], Л.Л. Нелюбина [7, 8], И.В. Самарин [10], Н.В. Серковой [11], М. Шариповой [12].

Важно отметить, что отличительной чертой и важной особенностью для перевода текстов на военную тематику является точный детализированный перевод и отсутствие образно-эмоциональных выразительных средств [7, С. 32].

Отечественный автор Л.Л. Нелюбин обращает внимание на объект военного перевода — различные военные материалы: военно-художественные, военно-публицистические, военно-научные и военно-технические материалы, акты военного управления, где можно проанализировать и собрать информацию о военной деятельности, жизненном укладе военных учреждений вооруженных сил [8, С. 234].

Изучая проблематику перевода военных текстов, ученый-лингвист Л.Л. Нелюбин подчеркивает фундаментальную проблему при переводе — интерпретация термина. Следует обратить внимание, что в рамках переводческой деятельности термины должны быть точно переведены на другой язык, в данном случае языковыми парами выступают английский-русский языки, для максимальной передачи сути текста переводчики предпринимают попытки осознать суть самого текста, выявить его проблему и затем приступить к переводу [8, С. 235].

В рамках своего учебника Л.Л. Нелюбин представляет особенности военного перевода, сложности перевода терминологии, которые заключаются в языковых несоответствиях (языковые пары английский-русский):

1. при переводе необходимо ознакомиться с текстом, понять его суть, в противном случае даже высококвалифицированный переводчик не сможет понять смысла аббревиатур и сокращений, что может привести не только к неправильному переводу, но и к констатации ложной информации (NATO – North Atlantic Treaty Organization, EAGLE – Elevation Angle Guidance Landing Equipment);
2. интернационализация оказывает влияние на перевод понятия и реалии (army – «сухопутные войска», а не «армия»),
3. несоответствию или несовпадению терминов (military academy – «военное училище», не «военная академия»),
4. американский английский и британский английский имеют лексические отличия при переводе, в связи с этим необходимо точно знать, американский или британский вариант английского языка перед Вами (troop – «взвод» в Великобритании, а в США – «разведывательная рота») [8, С. 235].

В связи с вышепредставленной информацией можно сделать вывод о том, что перевод военной терминологии, аббревиатур, военных специфических текстов узкой направленности требует колоссального труда, профессионализма, а перед переводчиком стоит ключевая задача – сделать качественный перевод, не литературный, а точный, в чем и состоит основная сложность в связи с распространенностью интернационализмов, англицизмов, политических связей между странами (заимствование лексики) [5, 6].

В процессе изучения научных трудов российских авторов П.П. Банман [2], И.В. Самариной [10], Н.В. Серковой [11], М. Шариповой [12] были выявлены обязательные требования к компетенции современного переводчика, которыми он должен обладать:

- как личность, переводчику следует обладать моральными, этическими, культурными, политическими данными, любить свою Родину, быть сознательно преданным стране, иметь устойчивое психологическое состояние;
- как профессионал-лингвист, переводчику следует иметь глубокие знания родного языка и иностранного, владеть устным и письменным видами перевода, с легкостью «переключаться»;
- переводчику следует обратить внимание на культурно-просветительскую деятельность страны, изучить ее в случае предстоящего перевода для СМИ-новостей, веб-сайтов на военную тематику;
- языковая, текстообразующая, профессиональная, техническая, личностная компетенции должны

быть структурированы у переводчика, профессионально освоены для осуществления перевода на высоком уровне.

Анализируя специфичность перевода терминов, необходимо обратить внимание на работу А.С. Данилина [3], где автор выделяет специфичность семантической структуры термина: свободное значение, прямое и номинативное, с четкими семантическими границами.

В рамках перевода можно встретить синтаксические термины, формирование которых происходит за счет следующих разновидностей словообразования:

- аффиксация (-eer → volunteer; -ant → assistant; -extra → extraterrestrial);
- словосложение (break+down; counter+attack; manhandle)
- сокращение (loc → locality; locate, location, located; auth → authorize, authorized, authority; prep → preparation, preparatory, prepare, prepared);
- конверсия (a commission → to commission; an officer → to officer).

Важно выделить образование новой терминологии в рамках военной лексики (разработка военной техники и вооружение), что также может вызвать трудности перевода в том случае, если переводчик не владеет данной информацией:

- orbital weapon – орбитальное оружие;
- beam rider guidance – наведение по лучу;
- laser range finder – лазерный дальномер;
- ambush detection device – средство обнаружения засад;
- air cushion vehicle – аппарат на воздушной подушке;
- continuous airborne alert – непрерывное боевое дежурство в воздухе [3].

Изучение особенностей перевода текстов военной специфики указывает на перевод воинских званий, переводчику следует быть осведомленным в воинской иерархии в России и США (Великобритании) [9, С. 17–22]:

- российское воинское звание не всегда соответствует воинскому званию Вооруженных сил США и наоборот: Rear-Admiral – контр-адмирал;
- переводчик часто сталкивается с проблемой замены слова ввиду того, что, к примеру, в российской армии нет аналогов званию «бригадный генерал» – Brigadier General;
- необходимо четко учитывать специфичность военной организации, даже в США и Великобритании прослежены значительные отличия: соединение или объединение в США – large unit, а в Великобритании – formation; министр обороны в США – Secretary of Defence, а в Великобритании – Defense Minister;

- зачастую возникает трудность в переводе на русский язык, когда переводчик сталкивается с аналогичным русским термином: ammunition supply point (букв. «пункт снабжения боеприпасами») — пункт боепитания; organizational equipment (букв. «организационное имущество») — инвентарное имущество;
- лингвистическая передача терминологического сочетания выражения, предполагающая общий смысл, но дословный перевод оказывается недостоверным: automotive equipment (букв. «самодвижущееся имущество») — автомобили, тракторы, боевые бронированные машины; level of supply (букв. «уровень снабжения») — норма снабжения;
- военный сленг также предоставляет трудности переводчику, имея свои лексические особенности, что требует знания культуры народа или данного региона, основ сленгизма: десантный катер в США — banana-boat.

Российский исследователь Р.В. Дюков [4, С. 75–83] обращает внимание на необходимость глубокого познания в сфере функционирования воинских терминов:

- транслитерация: Master sergeant — мастер сержант (воинское звание старшего унтер-офицера в

вооруженных силах некоторых стран);

- дословный перевод: General Staff — общий штаб (группа офицеров, которая помогает командиру дивизии или командиру более крупного воинского формирования);
- описание значения английского термина: Green Berets — Силы специального назначения Армии США.

Таким образом, подводя итог теоретического исследования, следует подчеркнуть важность взаимосвязи теоретических и практических знаний воинской лексики, эквивалентных соответствий, что сэкономит время, предоставит возможность осуществить качественный детализированный перевод [1].

В процессе анализа отечественных специализированных трудов выявлена необходимость в знании компетенций, словообразования, воинского сленга, культуры страны или народа, воинской иерархии у переводчика; важность дословного перевода, транслитерации, понимания воинских терминов (их значение), что требует от специалиста высокой квалификации, опыта работы, заинтересованности в изучении современного пополнения слов, в связи с развитием инноваций и происходящими мировыми процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтамбаев Р.П. Особенности перевода художественных фильмов военной тематики / Р.П. Ахтамбаев // Индустрия перевода. 2014. Т. 1. — С. 3–8. — EDN TIXINX
2. Банман П.П. Военный переводчик: требования и компетенции // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 2 (12). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyy-perevodchik-trebovaniya-i-kompetentsii> (дата обращения: 07.08.2023).
3. Данилин А.С. Особенности перевода военных терминов с английского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-voennyh-terminov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 07.08.2023).
4. Дюков Р.В., Кургалина М.В. Военная лексика в аспекте перевода // Язык, коммуникация и социальная среда. 2020. Т. 18. — С. 75–83.
5. Захарченко О.В. Особенности перевода военной лексики английского языка / О.В. Захарченко, А.О. Аноев // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе: Материалы Всероссийской научно-методической конференции, Рязань, 21 февраля 2022 года / под редакцией О.В. Захарченко, А.В. Соловьевой. — Рязань: Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище им. генерала армии В.Ф. Маргелова, 2022. — С. 47–51. — EDN WPFYUK.
6. Колиенко, Т.С. Особенности интернациональной лексики и способы ее перевода / Т.С. Колиенко, И.В. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.). — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. — С. 32–37. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14578/> (дата обращения: 07.08.2023).
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003.
8. Нелюбин Л.Л., Дормидонтов А.А., Васильченко А.А. Учебник военного перевода. Английский язык. М.: Военное издательство Мин-ва Обороны СССР, 1981.
9. Практический курс военного перевода второго иностранного языка. Английский язык: Учебник / С.А. Степанов и др. — М.: Изд-во ВУ, 2008. — 200 с.
10. Самарина И.В. Лексико-семантические трудности перевода экскурсионного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-trudnosti-perevoda-ekskursionnogo-diskursa> (дата обращения: 07.08.2023).
11. Серкова Н.В. Военный перевод и его особенности в английском языке. — Режим доступа: <https://upload.pgu.ru/iblock/006/Eksport-stranits-CH-3.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).
12. Шарипова М. Грамматические трудности перевода с английского на русский // Вестник педагогического университета. 2020. № 2 (85) — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-trudnosti-perevoda-s-angliyskogo-na-russkiy> (дата обращения: 07.08.2023).
13. Яновская Г.С. Развитие межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях иностранным языком с магистрами // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 8. — С. 159–162.

© Шеховская Юлия Андреевна (y.a.shekhovskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Ananyeva Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics

Anisimov D. – Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Teacher of history of GBPOU MO "College "Moscow region"

Arzhanykh V. – The Senior Lecturer, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

Bagdasarova I. – Senior Lecturer, National University of Science and Technology "MISIS" (Moscow)

Belenkova Yu. – Lecturer of the Department of Foreign Languages, Samara State Technical University

Belyaeva D. – Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities

Buzinova L. – Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow International University

Chubarova O. – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Moscow State Linguistic University

Danchinova M. – Ph.D. in Philology D., associate professor, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude

Denisova O. – Senior Lecturer, PhD Student, South Federal University

Dzhaparova E. – Candidate of philol. sci., assistant professor, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Egorov A. – The Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics; The Associate Professor, State University of Education

Ekonomova A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Esipov R. – Senior Lecturer, National University of Science and Technology "MISIS" (Moscow)

Filatova A. – Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny (St. Petersburg)

Our authors

Gaisina Ph. – Ph.D., PhD, Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences

Ganieva N. – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Tajik National University (Dushanbe)

Gareev D. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Ural institute of state fire service of EMERCOM of Russia, Ekaterinburg; Ural state agrarian university, Ekaterinburg

Jiang Mingyu – Teacher, Inner Mongolia University

Karimov T. – C.h.s., senior scientific researcher, Institute of History. Sh. Marjani AS RT (Kazan)

Kharchenko N. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Kharlamov V. – The Lecturer, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)

Kireeva I. – Associate Professor, Moscow International University

Kiseleva I. – The Associate Professor, State University of Education

Kolbasin V. – Candidate, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Komovskaya E. – Associate Professor, Saint Petersburg State Agrarian University

Krutykh N. – Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Lezhnina A. – Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny (St. Petersburg)

Li Hongjuan – Associate Professor, Heihe University, China

Li Yun – Beijing University of Foreign Languages

Litvyak O. – Candidate of philol. sci., assistant professor, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Lyssichenkova S. – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Saint-Petersburg Academy of postgraduate pedagogical Education

Mayorova A. – postgraduate Student, Belgorod State University

Mishin A. – Senior lecturer, Ural state agrarian university, Ekaterinburg

Mogilevskaya T. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Ural institute of state fire service of EMERCOM of Russia, Ekaterinburg; Ural state agrarian university, Ekaterinburg

Morozov E. – Associate Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University

Mullinova O. – PhD in Philology, assistant professor, Krasnodar Air Force Institute for Pilots

Mullinova T. – PhD in Philology, assistant professor, Krasnodar Air Force Institute for Pilots

Okovitaya Yu. – PhD in Philology, assistant professor, Kuban State University

Pavlova O. – Candidate of Pedagogical Sciences, GBOU School No. 2009, Russia, Moscow

Pischikova N. – Pnd in history, Associate Professor, Ryazan State University named after Sergei Alexandrovich Yesenin

Popov A. – Senior Lecturer, Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH)

Riabchuk A. – The Senior Lecturer, National Research Nuclear University "MEPhI"

Roy-Ignatenko A. – PhD student, Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don

Saparov B. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Ural state agrarian university, Ekaterinburg

Savosina Yu. – Pnd in history, Associate Professor, Ryazan State University named after Sergei Alexandrovich Yesenin

Sedashova A. – Postgraduate Student, Belgorod State University

Shamsutdinova R. – Postgraduate student, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

Shekhovskaya Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov

Skryabina E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Perm State National Research University

Starodubova O. – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor, Moscow State Linguistic University

Su Liwei – Lecturer, Rocket Force University of Engineering, Xi'an, Shaanxi Province, China; Dr. graduated, Shanghai International Studies University, Shanghai, China

Suvorova A. – Teacher-psychologist, Municipal budget preschool educational institution kindergarten "Ryabinka" (Barsovo village)

Tskhovrebova B. – Candidate of Philology, Assoc., Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Vasina K. – The Senior Lecturer, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)"

Veselova M. – Postgraduate Student, Teaching Assistant, Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov (Lenin), Russia, St. Petersburg

Wu Jiaqi – Heilongjiang University

Yartsev S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Tula State Lev Tostoy Pedagogical University

Yuzbekova M. – Educator of the compensating group for children with mental retardation, head of the methodological association, Municipal budget preschool educational institution kindergarten "Ryabinka" (Barsovo village)

Zhang Zizhen – Postgraduate student, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkin

Zibukayeva Z. – Senior lecturer, Grozny State Petroleum Technical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).